

Н. В. Разумов

Болотной Селовек

Давным-давно один человек взял бразды правления над диким обществом. Он подарил людям Единый Закон, который заковал своими цепями каждого. Кто-то был рад этому, кто-то нет. С той поры и началась новая эра человечества — эра Золотых Людей, слуг Истины, проводников света, спасителей.

Спустя тысячелетия Единый Закон распространился на многие земли и породил Империю. Империю, в которой порядок ценился превыше всего, и которая была клеткой для многих. Большой тюрьмой с непобедимым надзирателем. Но империи не вечны... Эта история юноши с искалеченной судьбой. Война принесла смерть в его дом. Отец покинул семью и не вернулся. Мальчик, потеряв все, отправляется в империю на его поиски, готовый продать собственную душу, став армейским псом и отомстить за причиненную боль.

Часть первая. Пролог

Солнце было не видно сквозь пелену серых туч, но свет кое-как проникал на камни гор Архела, немного засеянные снегом. Высокие горы прятали свои вершины за облаками, особенно так называемый Лежачий пик — большая отвесная скала, почитаемая местными народами из предгорья. Как и в любое священное место, сюда устраивали паломничества, правда, очень редко. Ходили легенды, что люди, побывавшие здесь, изменялись до неузнаваемости. Внешне они выглядели так же, но мыслили и говорили о чем-то будоражащем простой разум. Совсем не многим удалось добраться сюда. Вернее сказать, практически никто и не стремился. Слишком долгий и опасный путь, но во все времена находились хабрецы.

Человек, который в будущем станет главным персонажем многих эпических сказаний и прославит свое имя на тысячелетия, странствовал здесь давно. Сколько именно он и сам не помнил, однако седую бороду уже имел. Раньше он жил тихо в одной из деревень, работая у мастера резчиком по камню. Молодость прошла в деревне за верстаком. Шли годы и, когда его уже можно было назвать мужчиной, в нем сформировалось то, что он назвал «законом». А потом он обнаружил, что много людей его окружающих, мастер и даже родители живут не по этому закону, а значит, живут неправильно. Очень удивляла эта человеческая глупость мужчину, но он просто наблюдал. Наблюдал, как не было ни порядка в головах, ни справедливости в сердцах, ни грамотности в деле — один украдет, другой на авось надеется и лгать всем любит, а третий и вовсе убьет, если что не по его воле. Не выдержал мужчина такого невежества и дикости среди родных людей и однажды сообщил, что уходит в странствие искать мудрость и Истину. Посмеялись над ним тогда многие сородичи, а некоторые и вовсе разозлились, что возомнил он себя выше остальных и значения ему не придали. Никто не верил, что простой резчик камня достигнет и половины пути до Лежачего пика. А мужчина убеждал себя, что лучше сгинуть на полпути к Истине, убегая прочь от людских пороков, чем смотреть на гниющее животное.

День за днем он поднимался все выше и выше по пыльным и каменистым тропам Архела, добывая себе пропитание охотой на горных зверей и птиц, в трудных случаях довольствуясь ягодами. Передвигался медленно, то и дело приходилось карабкаться по выступам, перекрывшим нормальные пути. Единственным помощником ему служила длинная палка из осины, на которую он опирался при подъеме. Так вот, малыми шагами, он добрался до Лежачего пика.

Странник подошел на самый край скалы, ему открылись виды других заснеженных гор, укутанных холмистой пеленой облаков под лучами вечернего солнца. Там внизу гулял ледяной ветер. Странник был немного взволнован и продолжал стоять на самом краю, ожидая, что вот-вот что-то должно случиться.

Но ничего.

Лишь гул ветра, холодный воздух и тревожная мысль о впустую проделанном пути. Просто так мужчина не собирался уходить. В отчаянии он почувствовал свою слабость и, встав на колени, начал молиться. Солнце скрылось за горизонт, уступив звездному небу. Холод становился морозом, но человек продолжал стоять на коленях, не шевелясь, лишь выпуская пар изо рта. Долго он так стоял, до самой глубокой ночи, и тогда, наконец, его

молитва была услышана.

Яркий свет пролился на Лежачий пик и заставил странника открыть глаза. От неожиданности и испуга он начал взволнованно дышать, широкими глазами наблюдая как с неба из небольшой точки, служившей источником свечения, к нему спустился человек. В белых шелках, от которых тоже излучался яркий свет, он остановился прямо перед странником. Они долго смотрели друг на друга, пока человек, наконец, не заметил, что сошедшее к нему существо внешне выглядит как он сам. Странник протянул руки к чуду, с улыбкой и слезами, не отрывая взгляда от него. Сошедший человек достал из-под шелков сундучок. Он вручил его мужчине и вернулся на небо к светящейся точке, после чего исчез.

Человек поспешил открыть сундук и обнаружил внутри семь свитков позолоченной бумаги, закрепленных на стержнях из красного дерева. Он взял один. На шершавой и пористой ручке был вырезан значок «VII». Странник осмотрел его со всех сторон, посмотрел на остальные свитки. Каждый имел свой номер. Мужчина попытался открыть свиток «VII», но что-то помешало сделать это. Он не поддавался, сколько бы усилий не было приложено. Это озадачило человека, он попытался найти что-то вроде замка или узелка, но свиток был чисто из позолоченной бумаги и деревянной оси, без лишних деталей. Он взял другой, со значком «V» и попытался развернуть его. Но и этот не поддался, запечатанный непонятной силой.

Мужчина заметил, что на самом дне сундучка что-то светится — свитки лежали по порядку с первого по седьмой — свечение исходило от свитка со значком «I». Точно такой же, как и остальные, только на позолоченной бумаге ярким огнем горела надпись «Алекс Веридас» — имя этого странника.

Человек перечитал два этих слова несколько раз, поводил по надписи руками, прежде чем все же поверил глазам. Он попытался вскрыть свиток, и рулон позолоченной бумаги начал медленно разворачиваться, открывая свое содержимое. Глаза Алекса забегали по свитку, жадно собирая все, что в нем было написано. Немало вещей поражало человека до громких возгласов, и заставляло читать все быстрее и быстрее. Ему даже казалось, что многое было кем-то взято из его «закона» и выложено сюда. Он закончил читать первый свиток и закрыл его. Имя засветилось на свитке с номером «II». Странник схватил второй и открыл его. Здесь были более сложные вещи, кружившие голову человеку, и он продолжал поглощать их. Каждый раз, когда он заканчивал прочтение одного свитка, имя загоралось на следующем. Он сидел всю ночь и даже больше, до следующего дня, разбирая их содержимое посреди Лежачего пика, и в каждом новом свитке записи становились все сложнее и сложнее.

Наконец, ему открылся седьмой свиток. Странник прочитал его быстрее всех, открыв и закрыв, усмехнувшись.

Встав на ноги, он сделал глубокий вдох и взглянул на солнце с улыбкой, потянув руки вверх. От обеих кистей начал излучаться белый свет. Ослепительный, он освещал всю скалу. Человек был рад видеть свои руки такими, потому что больше всего стремился к Истине. Он потряс ладонями, и свет погас.

Теперь предстоял долгий спуск домой. Странник всем объявит, что встретил нечто, подарившее ему семь свитков и, с их помощью, он почти достиг высшего знания. Веридас готов был повести людей за собой к своему свету. И действительно, по возвращении многие, ослепленные успехом Алекса пошли за ним. Многие, но не все... Когда Странник вернулся в свою деревню, началась новая эпоха истории, началась Вторая Эра.

Глава I

Январь 1918 года второй эры.

Поле, покрытое белоснежными сугробами, простиралось до горизонта и составляло бледный контраст с серым небом. Где-то там, в дали, двигалась черная полоска дыма — это был пассажирский поезд, медленно пересекавший холодную пустыню. Мощный паровой локомотив тянул за собой пять вагонов. Спереди, на его котле, золотом блеснул большой знак в виде буквы «V» взятой в кольцо, этот символ выделялся на фоне остальных составляющих паровоза черного цвета.

Во втором вагоне, в одном из купе, которое предназначалось для людей с большим достатком, сидел человек, еще совсем молодого возраста. Салон был просторен, отделан богатым светлым деревом и серебром. Диваны и кровати около них, обеденный столик, покрытый белой скатертью, но пока что без посуды — все говорило о высоком классе пассажира. Молодой человек сидел на одном из диванчиков рядом с окном и наблюдал за бескрайним полем. Серый цвет на белом цвете, лишь изредка появлялись замерзшие голые деревца, и так до горизонта — единственное, что видел он. Но даже такая скучная картина нравилась юноше, она усыпляла.

Правой рукой он обнимал молодую девушку, сидевшую на диване рядом и спящую на его груди. Он поглаживал ее светлые волосы, не отрывая взгляда от окна.

Локомотив начал сбавлять скорость — поезд проезжал мимо небольшой деревеньки. Скучный пейзаж начали разбавлять сначала одинокие домики, затем целые ряды и улицы дворов. Почти из каждого парил дым, создавая тусклую пелену над деревней — люди готовились к ужину, близился вечер. Куча ребятишек, кто в шубах, а кто в шинелях, подбегали поближе к железной дороге, чтобы посмотреть на проезжающий поезд. Некоторые уже с подготовленной грудой снежных комочков начали обстреливать состав, пугая людей неожиданными попаданиями в окна купе. Это заставляло ленивых пассажиров выглядывать в окно и замечать, как ребятишки приветствующее машут им руками. Они махали в ответ.

Паровоз издал два коротких гудка, знак скорой остановки. Из-за этого дремавшая девушка открыла глаза.

— Мы добрались? — сонным голосом спросила она

— Спи, спи, это промежуточная остановка — ответил ей молодой человек

Но девушка больше не хотела дремать. Она тихо сняла с себя руку юноши и села ровно, поправляя локон золотых волос на челке. Он был заметно светлее, чем остальные. Достав из маленькой карманной сумки гребешок, она начала расчесывать длинные до пояса пряди, спутавшиеся после сна.

— А где остальные? — спросила она между делом

— Сергей Сергеевич куда-то пропал, Зак и Лена его ищут

Девушка потерла себя за предплечья. Будучи только в одной легкой рубашке, она начинала ощущать, как холодно было в купе. Она потянулась к своей уличной одежде — бордовой шинели с меховым воротом. Рукава и нижние края ее были украшены золотистым

орнаментом, похожим на языки пламени.

— Николай, ты бывал в Турине?

Молодой человек покачал головой.

— Ни разу, я только слышал, там делают подделки из дерева — оторвавшись, наконец, от окна и встав с кресла, он потянулся, застегнув широкий поясной ремень и пуговицы на своем белом кителе — Насть, можешь заплести мне косичку?

Она кивнула и присела рядом на диван. На правом виске, среди недлинных темных волос у молодого человека был сильно выделявшийся золотой локон, из которого девушка и принялась плести тоненькую косичку. Когда плетенка была закончена, Николай перекинул ее за ухо — длины хватало, чтобы кончик касался плеча юноши.

В коридоре вагона послышались какие-то звуки: веселая речь и смех, приближающиеся шаги. Анастасия и Николай обернулись к входной двери. Она вскоре отворилась, и в купе вошли два человека — юноша и девушка — в точно таких же бордовых шинелях с золотым орнаментом.

— Ну что, нашли Сергея Сергеевича? — спросила Настя.

Молодой человек посмотрел на нее раздраженно. Сняв с себя теплую одежду, он кинул ее своей спутнице.

— Ага... — ответил он — учитель был у машинистов, веселил их байками... ох, как я устал — с этими словами парень плюхнулся на кровать, лицом в подушку, даже не сняв белый китель и сапоги.

— Зак, бедняжка — девушка, аккуратно повесив верхнюю одежду в шкафчик, подошла к молодому человеку и присела рядом — оторвали тебя ото сна, теперь будешь весь день ходить обиженный?

Она начала гладить его по голове, от чего он стал бухтеть о чем-то неразборчивом в подушку. Тогда девушка начала хаотично шевелить пальцами по всей прическе Зака, взъерошивая волосы.

— Ну Лена, я же не люблю этого...

Он сел ровно и маленькой расческой, которую всегда держал при себе, начал зачесывать назад черные волосы, поправляя выделяющуюся челку золотого цвета.

— Если бы не любил, я бы не делала — улыбнулась Лена

Поезд стал издавать протяженные гудки, и вскоре последовал толчок с металлическим грохотом. Картинка снаружи вновь зашевелилась. Дети, теперь уже провожая, махали уезжающему составу руками и лопатками.

— Тронулись, — сказал Зак, глядя в окно — следующая остановка в Турине.

Возле окна купе стоял большой столик с диванами из белой кожи. Николай достал газовую лампу и зажег ее. Нельзя сказать, что в помещении такого класса был недостаток света, но у ребят существовала своя традиция — во время длительных путешествий, которые чаще всего были на поездах, разговаривать при свете маленькой газовой лампы.

Локомотив набирал ход, маленькие каменные домишки за окном вновь сменились бескрайним сочетанием белого и серого цвета.

Теплый воздух наполнял помещение, заставляя всех раздеться до шелковых рубашек темно-вишневого цвета. Они были одинаковые, разве что женские более приталенные. У каждого на левом вороте были прикреплены по два металлических значка: один из них был цифрой «V», а второй символом «V» взятым в круг, аналогично тому, что находился на котле паровоза.

— Кстати, Николай — начал Зак — знаешь, зачем мы едем в Турин?

— Нет... — тихо пробубнил он, подперев голову и глядя в окно

Зак усмехнулся его безразличию.

— Зря ты так. Поговаривают, Отдел Расследований вышел на нашего старого знакомого, догадываешься...

— Мак-Бауман?

— Да, год назад он бежал из столицы и теперь сидит на окраине этой тундры под другим именем. Держу пари, Сергею Сергеевичу поручили его арест.

От услышанного у Николая в глазах вспыхнул огонек.

— Если это так... — он сжал кулак — наконец-то, хоть какая-то польза от Отдела Расследований.

— И кто его дернул в такую холодрыгу ехать?.. — сказала Настя — самое холодное место стране...

— Вообще-то, самая холодная точка в стране это горы Архела — Лена произнесла это с долей гордости, потому что сама была из тех краев.

— Чокнутая любительница мороза — перебил ее Зак — ты даже там ходишь с расстегнутой шинелью

— Вообще без нее — ответила Лена и, мотнув головой, хлестнула каштановым хвостом с золотым кончиком по лицу молодого человека.

В купе вошла полноватая женщина в белом фартуке и голубом рабочем халате. Вперед себя она выкатила тележку, на которой среди столовых приборов, тарелок, соломок и прочего находился зажаренный поросенок и две кастрюли с другой едой.

— Кушать подано, господа — сказала она и, поклонившись ребятам, ушла.

Грибной суп с ржаными сухарями согрел, наконец, замерзшую девушку. Николай не ел ничего, кроме печенья с печатным значком «V» в круге, пока Анастасия насильно не стала кормить его.

Когда с ужином было покончено, продолжать беседу никто не желал — все решили вздремнуть на пару часов до прибытия в Турин. Не спал только Николай. Мысли о предстоящей работе в Турине не давали покоя, поэтому он решил найти Сергея Сергеевича и поговорить с ним. Надев свою бордовую шинель, он тихо вышел из купе.

Узкий холодный коридор, где не было практически никакого света, сразу же породил у юноши мысль вернуться обратно. Ни одного человека, только еле слышимый шум из других купе нарушал тишину. Застегнув на левый борт золотые пуговицы, он направился в первый вагон, чтобы пройти затем к локомотиву где, по словам Зака, находился Сергей Сергеевич. Только молодой человек вышел вперед, как тут же с ним и столкнулся.

Высокий, мощного телосложения человек как раз возвращался к ребятам в купе. Николай, парень тоже не низкий, наткнулся в темноте на него, врезавшись в грудь лицом. Он поднял голову и увидел как Сергей Сергеевич, поглаживая свою бороду, смотрел на него.

— Профессор, ужин остывает

— Идем, идем

Он похлопал мальчика по плечу и отправился в купе. Николай подстраивался под неспешный шаг своего учителя.

— Профессор, Зак сказал, что мы едем за Мак-Бауманом, это правда?

— Да. Хотя Мак-Бауман там или нет, я сам не знаю.

Сергей Сергеевич посмотрел на юношу, на его руки. От сжатых кулаков шел еле

видимый пар. Профессор остановился.

— Твоя рука,

Николай тут же спрятал ее за спину, но профессор начал приближаться к нему, тыкая указательным пальцем в его грудь

— Уже от одной мысли теряешь контроль... сдерживай себя. — Николай отвел глаза в сторону, воспринимая сказанное как упрек. Краска залила его лицо. — Стоило оставить тебя с Настей в Централле...

— Простите профессор... — тихо извинился юноша, они пошли дальше в купе — я спросил вас о Мак-Баумане только чтобы узнать, как долго мы пробудем на востоке.

— Примерно день, завтра поедем обратно

— Тогда я хочу попросить разрешения отлучиться после работы.

Мужчина посмеялся в ответ

— Друг мой, тебе скоро двадцать лет, можешь сам планировать свободное время. Что ты хочешь?

— В этом городе живет Слободан Здравич, давний знакомый моего отца. Я хотел поговорить с ним.

— Ты думаешь выведать что-то о Драгане здесь, в этой глуши?

— Если получится, то это будет первая зацепка за тринадцать лет.

Профессор ничего не ответил, только вздохнул.

Они тихо вошли в купе, стараясь не нарушить сонную тишину. Сергей Сергеевич подал Николаю свою бордовую шинель и присел за стол.

За окном совсем стемнело, ничего не было видно. Кажется, снег пошел, а может это был дым от паровоза на скорости пронесившийся мимо окна. Поле сменилось лесом, черным и высоким, из вечнозеленых деревьев. Остатки вечернего солнца перестали попадать в купе, стало совсем темно.

Горизонт потихоньку менял оранжевый цвет на темно-синий. Поезд сбавлял скорость, приближаясь к железнодорожному вокзалу Турина. Это разбудило всеобщую суету в вагонах. Люди пошустрее, уже собранные и одетые, толпились в коридорах и около выхода, а некоторые только начинали собирать чемоданы. Еще пара гудков и состав остановился, сбрасывая пар с громким шипением, слышимым повсюду.

— Давайте, не задерживайтесь! — торопил Сергей Сергеевич остальных — девушки выходите на перрон. Зак, Николай, идемте за багажом.

Погода была замечательная для этого времени года — легкий морозец, хрустящий снег и свежий холодный воздух — так маленький городок встречал гостей.

На перроне было много народу — встречающих и пассажиров. Настя, укутавшись в шинель, с ужасом смотрела, как Лена, словно ребенок, ловит языком редкие снежинки. Всюду пожимали руки, обнимались и целовались, однако люди старались обходить стороной Настю и Лену, даже не смотреть в их сторону, просто улыбаться друг другу и не замечать. Среди этой всеобщей суеты было несложно заметить построенных шеренгой группу людей в черных полицейских шинелях.

— Так-так, нас уже ждут — сказал Сергей Сергеевич, который вместе с ребятами подошел к девушкам

— Идиоты, — буркнул Зак, — зачем было строиться здесь. Мак-Бауман мог...

— Спокойней, друг мой, зато не придется их искать

Перед полицейскими взад-вперед ходил офицер, который то и дело вглядывался в толпу приезжих. Периодически он стучал сапогом по земле, растирал ладони — делал все, чтобы согреться. Наконец, один из подчиненных указал ему на Сергея Сергеевича и они вместе, спохватившись, скорым шагом начали приближаться.

— Профессор Скрепп, — поздоровался с Сергеем Сергеевичем офицер, попытавшись выдавить улыбку на своем широком лице — рады вас видеть в нашем тихом городке.

Николай ненароком обратил внимание на остальных полицейских. Измученные люди явно простояли на перроне не один час. Но теперь, когда они видели перед собой персон в бордовых шинелях, им оставалось только спрятать свою усталость глубоко внутрь. Глаза их были взволнованы, полны какого-то страха. Пар изо рта выдавал учащенное дыхание. Юноше не пришлось удивляться — не в первый раз люди смотрели на него таким взглядом. С годами к этому привыкаешь.

Сергей Сергеевич снял перчатку и поздоровался

— Спасибо, лейтенант

Офицер тут же встал смирно

— Меня зовут Александр Бор

— А, лейтенант Бор... насколько я помню, это благодаря вашей депеше мы здесь.

Бор выпрямился еще сильнее.

— Так точно...

Скрепп повел его за спину прочь с перрона. Остальные направились за ними.

Турин — небольшой городок, находившийся в юрисдикции восточных земель этой страны. Отдаленный от других населенных мест, он жил здесь своей жизнью среди густых лесов, которые служили основным источником дохода для местных жителей. Ухоженные и тихие места вполне могли подойти для отдыха людей, если конечно это позволяла здешняя суровая погода.

На узких мощеных улочках зажгли свет в газовых лампах. Они в большом количестве находились повсюду на фонарных столбах, хорошо освещая ночные дороги, засыпанные снегом, от чего те становились еще ярче.

Людей, однако, было немного, все они давно находились дома, о чем свидетельствовал свет из окон. Дома по большей части каменные и небольшие, один-два этажа. Почти все они не имели внутренних дворов и располагались вплотную друг к другу вдоль улиц. Эту панораму часто прерывали одинокие деревянные домики, дряхлые или ухоженные, в которых жили бедняки.

— Вы не остановитесь на ночлег?.. — неуверенно спросил лейтенант — Мы подготовили вам лучшую комнату, да и багаж...

— Нет, — Сергей Сергеевич ускорил шаг — вы видимо сами до конца не поняли, с чем столкнулись. Мы не будем медлить. В прошлый раз из-за промедления Мак-Бауман скрылся от другой группы, убив шестерых человек.

Некоторые полицейские переглянулись между собой, их лица побелели.

— Шестерых человек?.. — переспросил Бор, — но он же простой астроном... как он...

Скрепп лишь покачал головой

— Астрономия его хобби, он и в нашем обществе в Отделе Исследований состоял по этой науке.

Ближе к середине пути они чуть ли не бежали. Некоторые прохожие даже резко прыгали в переулок, увидев полицию и людей в бордовых шинелях.

Они прошли половину города, приближаясь к его окраине. На конце улицы их ожидал особняк. Он был двух этажный, и имел два крыла, соединенных между собой башней, намного более высокой. Повсюду росли невысокие ели. Фонари здесь почему-то не горели, все было занесено снегом. Свет был лишь в одном из окон башни. Все подняли головы наверх.

— Он там, да? — спросил один из полицейских

— Вероятно — ответил Зак

Николай поднялся к входной двери. Она была двойная и располагалась прямо у основания башни. Он постучал, но при первом же ударе она легонько отворилась.

— Нас все-таки ждут — сказал Николай и ступил одной ногой внутрь, но Настя взяла его за руку

— Мы что, просто так вломимся?

— А ты еще не привыкла к такому?

Внутри все было тихо, в крошечной темноте. Свет шел сверху, и проливался на каменную круговую лестницу, что располагалась вдоль стены башни.

— Лейтенант, — шепотом обратился Скрепп — возьмите пару своих и обыщите весь первый этаж, а остальные со мной наверх.

Топот сапогов начал раздаваться по всему особняку. Его невозможно было не услышать. Скрепп поднялся по лестнице к двери, откуда лился свет. В комнате все было спокойно, в порядке — два дивана точно друг против друга, вместо стен бесконечные ряды книжных полок. В самом центре комнаты располагалась большая антенна с четырьмя рожками, смотрящими в разные стороны. Огромное окно в потолке, которое выпускало большой телескоп. Под ним на стуле сидел человек. Кругом были раскиданы звездные карты, чертежи, перья с карандашами. Мужчина сидел спиной к входу и наблюдал в телескоп, несмотря на то, что на улице шел снег. Офицер и трое полицейских зашли первыми, вдоль стены обходя человека, стараясь соблюдать дистанцию. Профессор и ребята зашли следом и встали в ряд прямо позади астронома.

— Ну здравствуй, Артур, — сказал Скрепп

— Нет... ну что за день сегодня такой... — человек еще раз посмотрев на небо, записал что-то себе в блокнот — то одни придут, то другие... да что ж такое! Вы понимаете, что я не успеваю сделать отчет в астрономическое общество?!

Худощавый, высокого роста мужчина, в темно-коричневом, замшевом пиджаке, наконец, обернулся к ним. Его вытянутое лицо, с длинным прямым и остrokонечным носом, украшали прямоугольные очки. Он почесал свою щетину и прищурился, осмотрев коротким взглядом всех полицейских. Им хватило всего одного движения Мак-Баумана, чтобы поднять оружие.

— Что случилось, господа?

— Заканчивай представление, Мак-Бауман, ты прекрасно знаешь, зачем мы здесь — прервал его Зак.

— Да... Я догадываюсь, — он поднялся со стула и начал медленно подходить к антенне в центре комнаты, — Неужели простому астроному в нашей стране уже не дадут спокойно следить за звездами?

Скрепп достал из внутреннего кармана своей шинели какие-то исписанные чернилами

листы и швырнул их в Мак-Баумана. Бумажки тут же разлетелись перед его ногами.

— Глупо было выбирать псевдоним человека, которого ты собственноручно убил при прошлом побеге... но тебя выдало даже не это. Письма, что ты писал в Шлисс, на север... твой шифр долго не поддавался, но теперь все встало на свои места. Ты обвиняешься в связи с террористами, Мак-Бауман. Второй раз тебе не уйти.

Но Артур уже не слушал последние слова Скреппа. Он резко коснулся рукой металлического стержня антенны и от ее четырех рожек во все стороны разом с громким треском, пронзающим слух, словно от взрыва, вылетело четыре молнии. Яркие разряды света тут же попали в трех полицейских. Их откинуло к стене, был слышен только крик от боли. Четвертая молния угодила Сергею Сергеевичу прямо в руку, стиснув зубы, он тоже повалился на пол. К нему тут же кинулись Лена и Анастасия.

Николай замахнулся на Мак-Баумана, но тот поймал его руку, а другой ударил в живот. Юноша потерял дыхание, Артур схватил его тело и перекинул через себя, сбив тем самым Зака, который как раз собирался нанести удар. Он побежал к выходу.

— Давай за ним! — кричал Зак, поднимая Николая — не хватало упустить его!

Девушки кивнули им, показывая, что позаботятся о профессоре, который продолжал без движения лежать на полу. Ребята выбежали и начали спускаться по лестнице. Они увидели, как Артур был уже в паре шагов от выхода из поместья, дорогу ему перегородили двое полицейских и лейтенант Бор. Но Мак-Бауман даже не собирался останавливаться. Он как-то странно поднял руку, и в то же мгновение она засверкала яркими молниями. Молнии словно накапливались у него в ладони, пока, наконец, он не выпустил их в одного из полицейских.

Вспышка слепящего света, сопровождаемая взрывом, на несколько секунд осветила помещение.

Разряд угодил ему прямо в грудь, человека откинуло к стене, и он повалился замертво. Было видно только то, как жженая ткань шинели в месте попадания продолжала дымиться. Второго полицейского от входа оттянул Бор, иначе следующая молния угодила бы прямо в него. Она попала в дверь, отчего та с грохотом открылась, слетев с верхней петли. Артур выбежал на улицу.

Вскоре за ним выбежали и Николай с Заком.

Бор посмотрел на ошеломленные глаза его напарника. В трясшейся руке он держал револьвер, из которого так и не успел выстрелить.

— Что... что это было...

— Это? — Бор протер лоб от пота — это они называют четвертой составляющей... первый раз вижу ее в действии. Оставим их, парни разберутся, пошли наверх.

Мак-Бауман сбавлял шаг. Он решил спрятаться в одном из переулков, среди покосившихся деревянных домов. Тут можно было с трудом пойти от наваленного снега, но место было выбрано им не случайно. В центре переулка стояла небольшая бочка, с маленьким круглым отверстием, толщиной в палец. Он подошел к ней, достал из кармана маленькую бумажечку и просунул её внутрь бочки.

— Последнее письмо, Ал, теперь все на тебе...

Тут же в конце переулка появилась темная фигура. Мужчина с расстегнутой бардовой шинелью перегородил дорогу Артуру.

— Все кончено, Мак-Бауман! — закричал Зак, — ты окружен...

Артур обернулся. Позади него уже стоял Николай, перекрыв последний выход.

— Так вы поступаете... двое на одного... — Он улыбнулся и встал ровно, — что ж, посмотрим, чему сейчас в Централке учат.

Он поднял правую руку, которая тут же засверкала множеством коротких беспорядочных искорок.

— Я слышал о тебе, Николай Владыч. Золотой человек, у которого четвертая составляющая красный огонь... — Артур сделал задумчивое лицо, — интересно, какая эмоция его вызывает. Что ты испытываешь, когда выжигает несогласных Веридаса дотла, м? А, ты — он показал рукой на Зака — тебя я тоже знаю, майор Свиридов, твоя железная рука лучший способ допросов в ОРЗО...

У Зака дрогнул глаз, он раздраженно поднял согнутую руку и сжал кулак. В мгновение ока кожа на его руке стала быстро менять вид — она будто бы начала оковываться сталью и даже немного увеличилась в размере.

— Уж не знаю, где ты понабрался этих бредней — ответил он — слушать их я все равно не собираюсь, сдавайся.

Николай тоже поднял руку, и его ладонь вспыхнула красным огнем. Артур резко развернулся к нему и пустил короткий разряд, но Николай быстро прильнул к земле, и молния его не достигла, пролетев мимо. Зак уже был возле него. Он замахнулся на Мак-Баумана стальной рукой, целясь ему в челюсть. Но Артур увернулся и подсек его, повалив на землю, начал наносить удар за ударом молнией в железную руку. Зак еле сдерживал крик. Николай подбегал к нему. В паре шагов от Артура он выхватил из кармана несколько монет и кинул ему в лицо. Мак-Бауман рефлекторно поднял руки, защищаясь, и тут же получил удар ногой в грудь, отлетев к стене. Ребята не заставили себя долго ждать и скрутили руки Артуру, надев ему на ладони резиновые перчатки.

— Сволочи! Золотоволосые гады! — кричал Мак-Бауман

В этот момент в переулок подошла Анастасия, Лена и Сергей Сергеевич. Рука последнего была сильно изуродована.

— Профессор, Вы в порядке? — спросил Зак, увидев запекшуюся кровь

— Да, спасибо, друг мой. Хотя если бы не Настя и ее регенерация, пришлось бы мне не просто.

Анастасия шла позади Скреппа и все смотрела на его руку.

— Вам лучше впредь думать и о себе, перед тем как выходить вперед всех — говорила она

Скрепп посмотрел на уже скованного Артура.

— Вот и все, ты бы все равно был схвачен... но нет, надо было оставить калеками троих и убить одного человека!

Мак-Бауман усмехнулся

— Все мои деяния на благо людей... чтобы освободить их от вашей лжеистины... вы все даже представить не можете, что из себя представляет сегодняшний Веридас, золотоволосые псы.

— Завались, — сказал Зак

Но Артур не собирался молчать, он посмотрел на Николая

— Эй, Владыч... у меня есть кое-что для тебя. Он просил передать... ты же понимаешь о ком я?

Николай сжал зубы, от руки снова пошел пар. Еще немного и он готов был сжечь Артура прямо на месте. Тот продолжал:

— Он очень хочет видеть тебя с ним... в его рядах. Ты получишь свой красный галстук — Мак-Бауман засмеялся — ты же не идиот. Ты очень способный Золотой Человек... о да. Ты практически такой же, как я... с мозгами, с думающей головой. Такие люди нужны Чадаеву.

— Не смей равнять нас! Ты...

— Он ждет встречи с тобой, давно уже ждет — Артур говорил, смотря ему прямо в глаза и улыбаясь

Николай схватил его за ворот пиджака. На его глазах появились слезы, и он со всей яростью начал бить Артура об стену. Лене и Заку пришлось оттащить юношу.

— Заткнись, Чадаевский прихвостень! — разрывался Николай — Если я и захочу увидеться с Чадаевым, то только чтобы самолично выпустить из него всю кровь! Слышишь?! Сожгу его!!

Он вырвался из рук друзей и с криком кинулся горящими руками на Артура. Его успели схватить снова. Артур продолжал:

— Ты же сам прекрасно знаешь, что в этом государстве путь к Истине превратили в идеологию. С Чадаевым ты достигнешь куда больше, чем с ними — он мотнул головой на Скреппа

— Нет... ты не прав — перебила его Настя — мы никогда не желали зла и не обманывали людей, и только с нашей помощью они могут познать свет.

Мак-Бауман, услышав это, тихо добавил.

— Настанет день, и вы сами будете истреблять свой народ во имя своего императора и своей истины.

— Мне надоело слушать тебя... — сказал Зак, прервав Артура ударом своего стального кулака.

Николай успокоившись, встал и поклонился Сергею Сергеевичу. Зак, увидев это, сделал то же самое.

— Простите нас, что необдуманно пошли на риск, профессор.

Сергей Сергеевич, улыбаясь, попросил их выпрямиться, пожав каждому из ребят руку.

— Опыт придет к вам с годами.

— Разрешите мне — продолжил Николай — заняться теперь отцом

Учитель вздохнул и серьезно посмотрел на него.

— Ты уверен? — улыбка вдруг пропала с его лица, но он просто похлопал мальчика по плечу — что ж, впрочем, не важно... до утра вы теперь свободны

Николай еще раз поклонился.

— Я понял Вас, спасибо, профессор!

Огромные часы с маятником, занимавшие половину стены в просторном зале приема гостей дома князя Здравича, пробили двенадцать. Длинный стол, покрытый белоснежной скатертью, уже сервирован и заставлен, по меньшей мере, несколькими десятками высоких стульев. Пышные люстры с электрическими лампами причудливых форм, вытянутых словно свеча, на каждой люстре, казалось, по тысяче таких. Пока, на счастье Николая, в помещении больше никого не было. Он сидел на одной из мягких табуреток, расставленных в ряд прямо вдоль всей стены.

Светские обеды не были коньком юноши. Да и рос он совершенно не в той среде, где могли обучить этикету. Поэтому перед каждым таким мероприятием он жутко паниковал и практически всегда делал все не по правилам, поднимая на смех и себя и, соответственно, своего учителя. Хотя Сергей Сергеевич относился к такому роду проколов Николая легко, ни разу не упрекая его в невежестве. Он сам, хоть и владеет этикетом в высшей степени первоклассно, никогда не считал это знание хоть чуточку полезным, и даже наоборот — нечего детям забивать голову ненужными вещами — считал он.

Большие двери открыли двое слуг, сразу за ними в зал вошли две девушки в пышных платьях, за ними еще несколько слуг с закрытыми подносами, и, наконец, позади всех шел пожилой, худенький старичок. Николай сразу узнал его, это и был князь Слободан Здравич, правда, теперь на его голове волосы стали белы как снег, а все лицо покрыто морщинами.

Молодой человек растерялся, когда девушки проходили мимо, не спуская глаз с него. Он поклонился немного телом и полностью склонил голову, так что его золотая косичка вылетела из-за уха, где он ее постоянно держал, и неуклюже свисла вниз. Николай спешно убрал ее назад. Девушки с улыбками, так уж им понравился юноша, элегантно присели в ответ. Каждая из них теперь до конца встречи не спускали глаз с Николая, скрывая свои улыбки за расписными веерами и о чем-то перешептываясь.

— Никола, Никола... ты сильно повзрослел — Слободан подошел к мальчику и заключил его в объятия, посмеиваясь. Одному из слуг он передал свою трость и пригласил гостя за стол.

Николай почувствовал в этот момент странное ощущение. Чувство было одновременно и радостным, приятным, ностальгическим, но, почему-то, в душе у мальчика всплыла какая-то грусть, царапающая боль. Холодом по нему прошлось его прежнее имя Никола. Удивительно, что Слободан вообще помнил мальчика, еще в детстве они расстались до сего дня. Хорошо было то, что он ни обращал никакого внимания на слабое знание этикета Николая.

Все слуги, человек пять, стояли почти смиренно позади и ждали. Вскоре подали первое блюдо. Князь был искренне рад видеть юношу, улыбаясь, сверкающими глазами смотря на него.

— Я уже позабыл, сколько тебе было, когда мы виделись в последний раз — сказал он, взяв горсть сухариков из фарфоровой миски и, положив парочку в рот, кинул остальные в бульон.

— Семь лет, милорд — сказал Николай, неуверенно глядя на две ложки, не зная какую взять. Слободан сам взял большую ложку и вручил ее юноше, посмеиваясь. Это повеселило и сидящих позади дам.

— Да, точно, помнисься, ты тогда только в школу пошел, а потом...

Слободан немного с печалью выдохнул и замолчал

— Да, милорд, потом началась война, и вы покинули республику — продолжил Николай за него

— Увы... — кивал старик в ответ — война, война...

Закончив с первым, Слободан пару раз хлопнул в ладоши, и к столу тут же подали второе блюдо — самый обыкновенный стейк с кровью.

— Твоя золотая косичка, — продолжил он — и эта форма... ты все-таки пошел по стопам отца.

— Вы верно подметили, милорд, я уже с пятым уровнем. В прошлом году стал майором.

Слободан одобрительно покивал головой.

— Когда же ты переехал в Веридас? Навестил бы старика...

Николай отвел глаза. Этот вопрос ему был совсем не приятен, он, было, хотел не отвечать, но чисто из вежливости не смог этого сделать.

— Сразу после смерти моей мамы — тихо произнес он

Слободан положил столовые приборы и посмотрел на юношу. Теперь ему было очень неудобно за свой вопрос.

— Вот как... извини, пожалуйста, — он достал из внутреннего кармана своего костюма платочек и протёр лицо — я совершенно не в курсе событий Ужица после того как уехал

Далее какое-то время они молча сидели, не разговаривая и не принимая пищу. Николай смотрел на свой стейк. Наконец, Слободан велел подать десерт.

— Могу ли я тебе чем-нибудь помочь, Никола?

— Понимаете, я не знаю как объяснить — тихо начал мальчик — за несколько дней до... до кончины матери, отец уехал в Веридас. Он должен был вернуться обратно через месяц, но так и не вернулся...

— Когда это случилось?

— Уже тринадцать лет прошло, летом девятьсот пятого

— Летом девятьсот пятого? — Слободан посмотрел на Николая — я встречался с твоим отцом как раз летом девятьсот пятого.

Он сел прямо напротив юноши и взял его за руки.

— Да я помню, Драган приезжал тогда в Веридас и навестил меня, он приезжал незадолго до того самого дня

— Того самого?.. А, первое июля... Может он вам говорил о каких-нибудь своих планах или еще что-нибудь?

— Нет, нет — с сожалением ответил Слободан — мы лишь только просто поговорили, я даже не помню о чем, о чем-то незначительном, — затем он усмехнулся — в девятьсот пятом все было незначительно по сравнению с первым июля.

Этот ответ, конечно же, был наиболее ожидаемым Николаем. Не смотря на это слышать такое было все равно тяжело. Молодой человек постарался не показывать свое разочарование, но ему это не удалось.

— Спасибо Вам, милорд

Слободан иронично отмахнулся.

— Брось, Никола, зачем ты меня так называешь, помниться, в детстве ты бежал ко мне, заведя еще за версту, прыгал на руки, дергал меня за усы и звал меня просто, дядя Слободан.

Николай совершенно ничего этого не помнил, но все равно ощущал связь с прошлым... ностальгическую связь. В ответ мальчик посмеялся.

Они еще долго говорили о разных вещах, как старые друзья, пока не настало время прощаться.

Центральный город, или, как его все называли коротко — Централ, был столицей этой страны и географически располагался не далеко от ее центра. Пышный и величественный, в отличие от большинства других городов, он мог похвастаться таким большим количеством

дворцов и поместий, что многие его справедливо именовали Золотым городом, хотя здесь стояли и широкие монументальные небоскребы, подобные скалам, и маленькие сады, и парки. Все жители особенно гордились рояльной набережной и множеством разных площадей. В отдыхе Централ не умел себе отказывать.

Многим приезжим, конечно, было странно слышать такое формальное название. Город был специально построен как столица молодой империи, когда, более одной тысячи лет назад, она только начинала формироваться. Централ был сердцем страны, и от него шли все дороги в другие города.

Была у него и еще одна большая особенность, настолько украшавшая и прославлявшая столицу, что многие люди из других государств, даже из самых далеких, где и своих чудес ни счесть, совершали зимние поездки сюда, лишь бы повидать его волшебство. Сия особенность заключалась в ночных фонарях. Зимой, когда темнело быстро, они сотнями тысяч зажигались на всех улицах, домах, сквериках, площадях. Не было ни одного темного местечка. Лампы то и дело меняли свой цвет. Они горели по-разному всеми цветами радуги, освещая снег соответственно. Это разукрашивало город в разные краски, издали он мог напомнить ларец драгоценных камней. Особенно везло тем, кто заставал такую картину во время снегопада.

В самом конце января, один из восточно-магистральных экспрессов возвращался сюда. Уже стемнело. Огни города сразу же приковали к себе всех пассажиров, в том числе и Сергея Сергеевича с его учениками. Железная дорога специально шла не напрямик в город, а, как бы, объезжая его, постепенно приближаясь по спирали. Поэтому люди могли видеть разноцветную картину издали. Во всех купе по общей линии радио сообщили о скором прибытии, поблагодарив пассажиров за хорошую дорогу. Поезд издал два гудка. Следом по радио заиграла фоновая мелодия, которая специально была подобрана под краски Централа. Необычное сочетание челесты, скрипки и арфы.

Мороз. Ребята вышли на вокзал. Большое здание, с выходом нескольких железнодорожных линий. Оно тоже было сделано так, чтобы не выбиваться из общей классической стилистики города, высокое, с множеством резных колон, арок. Люди расходились, встречающих практически не было, только рабочие с грузовыми тележками носились туда-сюда.

— Я отчеты напишу, и надо проследить чтобы полиция доставила Мак-Баумана в штаб — сказал ребятам Сергей Сергеевич — отдыхайте пока, и не забудьте, что завтра утром Владыка зачитает речь.

Зак тут же подбежал к профессору, и попросил разрешить понести его чемодан.

Николай взял за руку Настю.

— Мы сами доберемся, идите.

Девушка покачала головой, соглашаясь с ним. Они попрощались и разошлись.

По вечернему городу невозможно было не пройтись. Тем более зимой. Тем более, когда это уже превратилось в традицию. Николай очень часто прогуливался с Настей по нему, это бы один из любимых способов их времяпрепровождения.

Через пару часов должна была настать ночь. Широкие авеню опустели, на обочинах дорог в бесконечных рядах стояли кареты и сани. Очень редко можно было увидеть и машину — нового друга человека, которая сразу же стала показателем важности ее владельца.

Конечно, Николай и Анастасия не собирались сразу идти домой. Сворачивая с одной

улицы на другую, проходя через парки и площади, иногда останавливаясь в сквериках у замерзших фонтанов, где было весьма многолюдно, они зачастую только отдалялись от дома. Им некуда было торопиться.

— Как ты сходил к князю? — спросила Настя

— Живут в золоте, дядя Слободан сильно постарел

Девушка задумалась, но потом все же решилась спросить:

— И ты узнал что-нибудь про отца?

Николай лишь покачал головой, нет. Анастасия давно знала об исчезновении его отца. Об этом знал и Сергей Сергеевич, но, как Николай часто замечал, он, в отличие от всех остальных, совершенно не помогает мальчику в его поисках.

— Все это... печально — тихо сказала Настя, опустив глаза вниз.

— Не переживай так за меня, сходим на каток?

Настя посмотрела в сторону ближайшей площади. Оттуда доносились веселые звуки скрипки. Было много людей.

— Идем, надеюсь, у них остались две пары коньков.

Здание штаба сильно выделялось от окружающих его построек. Широкий фасад с множеством колонн, врезанных в стену, за которыми сразу располагались большие окна. Колонны были и перед входом. Они стояли в несколько рядов в шахматном порядке, уходя глубоко внутрь, где и скрывались высоченные арки входа. К этим колоннам вела широкая лестница из нескольких десятков ступенек. Всюду висели бордово-золотые стяги, в том числе и на огромном каменном куполе. Любой прохожий, особенно не привыкший к масштабам Централа, не отводил взгляда от такой высоты. Настолько большой, что человек, попадая во внутренние помещения штаба, просто тонул в его глубине. Здание отделялось от остальной части города с одной стороны площадью, а с другой стороны собственным большим парком.

На следующий день на площади собралось множество людей. Они по группкам стояли и разговаривали между собой. Со стороны было сложно различать их. Все в бордовых шинелях с орнаментом и аксельбантами, в беретах и при холодном оружии. У каждого какой-нибудь элемент прически отличался золотым цветом.

Елена и Анастасия так же были здесь. Они приветствовали остальных, ожидая, когда придут ребята. Неподалеку от ворот и вдоль всей невысокой орнаментированной металлической ограды собралось большое количество простых людей. Среди них была пресса и полиция. Большое столпотворение вызвало проблему для проезда транспорта по соседней широкой улице, но это не помешало Заку и Николаю добраться до штаба вовремя. Хотя и в самый последний момент.

Только они поприветствовали девушек, как тут же, сверху, около входа раздались звуки трубы. Это был сигнал к построению.

Все взоры и прессы и золотых людей обратились на медленно ковылявшего к установленной трибуне человека. Медленно ковылявшего от того, что был он стар и передвигался с опорой на трость.

И прическа, и длинные острые усы были седые, за исключением одного маленького золотого локна. На фоне этой седины резко выделялась черная повязка на левый глаз. Все

несколько сотен золотых людей на площади поприветствовали Владыку Золотого Общества аплодисментами.

Владыка поклонился, показывая руками, что ему нужна тишина. Наконец, она была предоставлена.

«Я сердечно приветствую всех присутствующих здесь»

Вновь раздалась аплодисменты

«Спасибо... Буквально вчера, я имел честь вести беседу со всеми нами горячо любимым Его Величеством. Он положительно отозвался о работе Золотого Общества. Нам с вами все чаще и чаще приходится бороться с вызовами новой эпохи, и я замечая, что на эти вызовы мы даем верные ответы и решения»

Среди студентов сразу начались перешептывания, мастера начали делать замечания.

«Но, все чаще и чаще, вызовы кидают нам наши вчерашние товарищи, те негодяи, что от науки об Истине ушли во тьму. Им кажется, будто бы кто-то притесняет их свободу, мешает жить. Они отвергли наше учение, погрязли в своей похоти, гедонизме, эгоизме, потеряли весь свет. Подобно насекомым они пытаются разгрызть столпы общества, запутать людей. Они искренне уверены, что правы, но это не так. Такие люди должны нами ловиться и возвращаться обратно к Истине, если же глупцы полностью ослепли, то нам следует силой их заставлять или просто уничтожать. Наше противостояние с ними набирает все больший размах... но все это вы уже знаете и без меня, конечно, мои дорогие герои. Каждый из вас вносит свой вклад в борьбу с террористами и лжецами.

Это ценят все, это ценю я, это ценит Его Величество, но самое главное, что это ценит весь честный народ Веридаса. Я напоминаю вам в который раз, как напоминали и мои предшественники, что вы, помимо просвещения и воспитания людей, не должны забывать об их защите. Мы истинная опора империи... ее стержень, и в то же время броня. Я прошу вас, не забывайте этого никогда!»

Практически всю эту, как многим показалось, чувственную речь, Владыка произнес от себя, ничего пока что не прочитав с листка. Но теперь он обратился к нему.

«Некоторым из вас уже известна новость о расправе над советником третьего ранга губернатора города Шлисс. Он стал новой жертвой все тех же террористов... Чего добились эти негодяи, лишив отца и мужа одну из несчастных семей? Зачем они из года в год нещадно уничтожают честных людей? Если они хотят войны, мы дадим им ее, хотя эта война бушует уже тринадцать лет! Император обеспокоен положением дел не только в Шлиссе, но и в остальных городах земель северной юрисдикции. Цель, по которой я собрал всех вас здесь сегодня, этот документ»

Он показал листок.

«Верховный совет Золотого Общества изучил его и сделал вывод, что он не противоречит нашим нормам и поэтому мы разрешаем императору его применение. Этот акт ужесточает наказание до наивысшего в статье о людском эгоизме. Теперь все, что идет вразрез с устоями общества, будет караться. Вы знаете, что значит высшая мера. На этом я заканчиваю свою речь к вам... и хочу пожелать удачи в ваших делах».

Не все аплодировали последним строкам Владыки. Он удалился обратно во дворец. Следом туда направились все остальные студенты и преподаватели. Каждый обсуждал сказанное главой общества. Все шли так же группами, ученики слушали мнение своих профессоров. Три коридора, разделенные между собой колоннами с трудом пропускали людей. Студенты медленно проходили внутрь, теснясь огромной толпой. Все шли или с

мешками, или несли книги прямо в руках, Некоторые были с музыкальными инструментами. Люди разных возрастов, от семилетних мальчишек и девчонок, до пожилых стариков.

Коридоры вели учеников в большой зал. Здесь они уже не толпились, выходя из маленького пространства, а разбегались по свободным классам. Только и слышалось стук сотен пар сапогов по зеркально отполированной мраморной плитке, которой было уложено все помещение. В ее отражениях виднелись и стены, и купольные потолки, их разнообразные барельефы. Изображенные люди совершали какие-то действия: победа над врагом, славный пир, смерть человека, строительство дворцов и множество разных коронаций, но больше всего было барельефов, показывающих восхождение человека на гору и спуск его оттуда со светом в руках. Высокие окна, застекленные цветной мозаикой, тоже хранили в себе картины прошлого. Такие витражи были повсюду, не давая мраку сгуститься в просторном главном зале. Где-то там, под потолком, виднелись масштабные росписи. Они находились так высоко, что огромная панорама создавала впечатление существования наверху целого отдельного царства.

— Выглядишь неважно — сказал Николай Насте, когда они вместе шли по коридору в зал. Девушка действительно выглядела не как обычно, когда улыбочиво приветствовала всех подряд и спрашивала у Николая, не забыл ли он учебники. Сейчас она уныло смотрела на большую толпу студентов, весело что-то обсуждавших, хотя еще вчера она так же весело смеялась каждый раз, когда Николай падал на катке.

— Да нет... все в порядке — ответила она Николаю, когда тот уже беспокойно положил руку ей на плечо.

Нет, что-то все-таки было не так, думал про себя Николай. Девушка отворачивалась ото всех, опускала глаза. Ее явно что-то волновало.

— Наверное, тебе не хватает кислорода — подойдя к ним, Лена обняла Настю — конечно, с такого хорошего морозца и в это здание, у любого голова закружится.

Анастасия покачала головой

— Да я просто... — начала она — все нормально, я только думаю про речь Владыки.

Тут же позади них раздался низкий голос учителя. Ребят наконец-то догнал Сергей Сергеевич, отставший в толпе.

— Не расстраивайся из-за этого, — продолжил он — когда-нибудь все закончится и это отменят, вот увидишь.

Девушка скептически улыбнулась, покачав головой и отвернувшись от него.

— Профессор, вы и в самом деле думаете, что пули заставят людей успокоиться? — тихо спросила она риторически.

Сергей Сергеевич сделал паузу, посмотрев на большой фонтан. Он находился в главном зале, прямо по центру и изображал двух детей, льющих из кувшинчика воду, рядом с которыми стоял пожилой человек, державший их за плечи одной рукой, а вторую приподнимал вверх.

— Знаете, ребят — обратился он к своим ученикам — мне всегда не нравилась в этом фонтане одна деталь. Дети с кувшинами. Они продолжают лить воду, когда наставник им что-то говорит, вместо того, чтобы внимательно смотреть на него и слушать. Они улыбаются, смотря на струйки воды, будто бы и нет позади них учителя, а тот, с поднятым вверх пальцем, в который раз что-то твердит им. Хотя... во многом я соглашусь с тобой, Насть. Казнь за эгоизм только сыграет на руку Чадаеву... Впрочем, не будем о плохом. Я доложил Владыке о поимке Мак-Баумана, и в качестве награды сегодня вечером нас всех

будут ждать на балу в императорском дворце.

Ребята переглянулись между собой. Такая новость не могла не обрадовать их. Профессор тоже улыбнулся, глядя на учеников.

Река, носившая название Венера руслом своим разделяла Централ на две части. Она была широкой настолько, что даже самые высокие постройки с разных берегов казались маленькими игрушечными домиками. Множество мостов пересекало ее, скрепляя город в единое целое. Если зимой столицу украшали фонари, то летом это непременно делала огромная набережная, располагавшаяся вдоль обоих городских берегов. Она была красивой, благоустроенной, но лишь небольшой ее участок, неподалеку от Императорского дворца привлекал всеобщее внимание. Этот кусочек берега был известен всем как рояльная набережная. Сейчас, в январе, Венера практически полностью покрылась льдом. Только лишь в центре ее русла лед не захватил воду, поэтому там еще ходили речные суда.

Бал закончился только глубокой ночью. Николай провожал Настю домой, как раз проходя по набережной. Провожал он ее все так же по-прежнему, только отдаваясь от дома. Они шли не спеша вдоль балюстрады, по расчищенной от снега плитке, на которой были разные геометрические узоры. По другую сторону дорожки располагался длинный сквер. Он служил барьером между набережной и городом, поэтому его даже и сквериком то нельзя было назвать — настоящий еловый лес. Яркий свет сменяющихся друг друга черных фонарей, что стояли у дубовых скамеек каждые несколько метров, хорошо освещал всю дорогу.

Анастасия и Николай подошли к одному из музыкальных скверов. Они вдвоем смотрели на большую веранду с плетеной крышей, на рябину, что росла рядом.

— Вот и он — тихо сказал Николай — помнишь мелодию, которая играла в тот день?

Девушка посмотрела на веранду, покрытую сугробом.

— Когда мы впервые встретились... — Настя положила голову ему на плечо и закрыла глаза — конечно помню

Снежинки большими хлопьями плавно ложились на землю при свете фонаря.

Николай стал напевать мелодию. Медленная и красивая, словно колыбельная ребенку, она заставляла кружиться снег под свои ноты. Анастасия улыбнулась и подхватила ее. Вокруг не было ни единой души, ночная тишь. Они взялись за руки и стали медленно танцевать, и когда мелодия закончилась, они посмотрели друг другу в глаза, а затем их губы соединились в поцелуе.

Глава II

Май 1905 года второй эры.

Еще утром солнце по-майски согревало каждый уголок, каждую полянку и приусадебный дворик, все огороды и яблоневые сады. Оно освещало красные черепичные крыши больших и маленьких домов, попадая в окна, своими лучами пробуждая всех ото сна. Всюду чуялся запах мокрой скошенной травы, которую люди косили на диких полях для животных. По грунтовой тропинке, мимо одного из таких шел пастушек, совсем маленький мальчик, со своей собачкой и прутиком в руке, он следил, как на пастбищах паслись овцы. Мимо него проехала телега с металлическими бидонами под молоко, скрипом колес она нарушала остатки утренней тишины.

Был выходной день, поэтому колокол гимназии сегодня не будил детей по всей округе, и те с удовольствием наслаждались сном. Некоторые из них, правда, уже давно не спали и маленькими компаниями шли по своим делам, кто на рыбалку, кто в лес, кто еще куда.

Ближе к обеду, солнце вдруг скрылось за облаками. Туч не кто не ждал, но они в мгновение ока заполнили все небо над городом и сельскими пригородами, что располагались на крутых холмах. Люди то и дело мрачно поглядывали на серые небеса. Сразу стало прохладно. Ночная гроза, ненадолго отступив, решила вернуться.

Грязные грунтовые и земляные дороги, практически все были размыты вчерашним дождем. Лужи так же еще не до конца высохли и на замощенной площади городка Ужиц, где собралось большое количество людей. Не каждый день такое столпотворение было здесь, не смотря на то, что рядом с площадью находился городской базар.

Люди сбегались сюда из своих небольших домов, которые все были с тонкими белыми стенами и темно-рыжими крышами, но не один из них не был выше двух трех этажей. Окна и крохотные балкончики, на которых даже одному человеку будет тесно, были заставлены цветочными клумбами. В городе все они стояли впритык друг к другу.

Дождь начинал тихонько накрапывать, но, пока что, он практически не ощущался. Тем временем на площади уже выстроилась большая очередь. Люди не мешали друг другу. Все они молчали, потихоньку передвигаясь вперед. В многолюдном месте царил тишина, и это выглядело необычно. Они стремились взглянуть на большой деревянный стенд, на который что-то недавно повесили.

Война. Общее горе, сплотившее эту маленькую страну уже несколько лет как, ноющей язвой отдавалось на каждом человеке.

Люди продолжали скапливаться на площади, однако в очереди они вовсе не толкали друг друга, ни кого не торопили, медленно продвигаясь к стенду. Спешить здесь уж точно не имело смысла — что случилось, то случилось. Хотя, конечно, кто-то поскорее желал узнать новость, а кто-то предчувствовал беду и наоборот желал оттянуть момент. На стендах были вывешены какие-то списки. Вот, тишину начали нарушать ужасные, горестные крики.

Нельзя сказать, кому было больнее, тем кто, взглянув на большие листы, молча уходили, уже не видя перед собой ничего. Или тем, кто прямо под стендом падал, не скрывая слез. Этим бедолагам было уже сложно чем-то помочь, но, к счастью, находились люди, не

перестававшие их утешать.

Взрослые мужчины и женщины, с лицами, напуганными и побелевшими, с глазами, смотрящими в пустоту, продолжали идти вперед, ожидая своей минуты. Никто из них в этой толпе и не замечал двух маленьких детей, мальчика и девочку. Их было сложно заметить, они так же, как и все, со страхом в груди подходили к спискам.

Растрепанные темные волосы, заштопанные короткие штаны и рубаха — все то же самое, чем мог похвастаться любой другой мальчик в округе. Он держал свою спутницу за руку, чувствуя, как сильно бьется сердце. Деревянный стенд уже совсем недалеко, его хорошо видно между остальными людьми. Девочка со светлыми волосами до плеч, в синем сарафане и босоножках, крепко сжимала уже мокрую ладонь друга.

Вот мимо них прошла очередная убитая горем женщина. Они долго смотрели ей в след, как и каждому человеку, со слезами уходящему прочь. Дыхание учащалось, списки уже в паре шагов, между ними и детьми практически не осталось людей. Последний человек, и вот...

Момент настал. Они вдвоем быстро, но внимательно начали пробегать по именам погибших. Одно знакомое имя, второе, третье. Первый столбик фамилий, следующий. Вот уже половина просмотрена, но страх почему-то все нарастает.

Кто-то из взрослых, стоявших позади, поразился, что по таким ужасным спискам пробегают глазами такие маленькие дети, семь или восемь лет от роду. Они еле дотягивались пальцами до бумаги, с трудом разглядывая самые верхние строчки.

Семь столбиков, остался последний. В голову сами по себе начали лезть мысли «Неужели... Неужели они живы!».

Мальчик закончил первым и посмотрел на девочку. Она уже второй раз, но более спокойно просматривала столбцы. От сердца отлегло — их отцов в числе погибших не было. Для большей уверенности он тоже еще пару раз пересмотрел все столбики, все равно из-за детского роста, они никому не мешали читать.

Дождь, кажется, раздумал идти. Тучи мало-помалу уступали солнечному свету, и вот на лужицах вновь заиграли блики. Лучи пробивались сквозь деревья, что были всюду рассажены вдоль каждой небольшой улицы города. На площади начала скапливаться другая очередь, и эта была уже более шумная. Молочник, наконец, прибыл на скрипящей телеге с бидонами в город продавать утреннее парное. Хотя, сегодня он решил некоторым отдать пару литров просто так.

Отойдя от списков, радостно переглядываясь со спутницей, мальчик перекинул через плечо свою сумку. Она была небольшой, но и не легкой, в ней находилось несколько яблок, апельсин и два мешочка, с мукой и сахаром. Все это дети купили незадолго на базаре. Девочка посмотрела на то, как молочник разливал ковшиком из своего бидона молоко по банкам. Она пыталась вспомнить, не просила ли мама взять еще и молока домой. Вроде что нет.

Дети возвращались к себе домой, они жили далеко от города и практически каждый день проходили большое расстояние.

Воздух понемногу нагревался, и к полудню было уже совсем жарко. С бедного мальчика сходил последний пот, его рубаха промокла до нитки. Хорошо, что он взял с собой хотя бы свою маленькую плетеную панамку. Переменчивая погода всегда была в этих местах к концу весны, никто бы не удивился, если ночью вновь набежали тучи.

Дорога, широкая настолько, чтобы на ней смогли разъехаться две встречные телеги,

извилисто, большими крюками огибала холмики и невысокие склоны. Она была уложена большими камнями, что бы от непогоды единственный путь в город не закрылся. Как назло, деревьев здесь практически никаких не росло, только маленькие кусты разных ягод да трава, поэтому и от солнца никак не укрыться. Вдоль обочин, для красоты, были сделаны невысокие бордюрики из гальки.

Как только эти бортики начались, мальчик тут же запрыгнул на тот, что был справа от дороги. Выставив руки в стороны с поднятыми ладонями, удерживая равновесие, он стал оттягивать прямой ногой каждый шаг. Девочка шла рядом по дорожке, и с завидным взглядом смотрела, как он марширует по залитым камням. Она, вроде бы, тоже хотела подняться на бордюр, но забинтованная коленка еще напоминала ей, как высоко и больно с него падать.

Вот они прошли первый одинокий домик. Маленький и бревенчатый, он ближе всех из домов окраины находился к городу. Большой двор и сад на участке окружал высокий деревянный забор.

Мальчик, попросив спутницу подождать, подошел к калитке и взял ее за верхний край. Подтянувшись наверх, он заглянул внутрь. В глаза сразу бросились пустующие скамейки возле одной из яблонь, где располагалась веранда. Мальчик решил крикнуть своего друга, который жил здесь. Однако ответа не последовало, что ж, видимо никого не было дома.

Дети продолжили путь.

Ужиц, находившийся в западной части небольшого государства Себор, наверное, был самой тихой частью этой страны, ну или одной из таких. Маленький, местами опрятный местами нет, он больше напоминал деревеньку, где жили одни пастухи, пасечники и виноделы. Да и похвастаться всему миру, кроме как трудом этих людей, город больше нечем не мог. О чем-то знаменитом или особенном про него затруднился бы кто-либо добавить, даже сами жители. Хотя они, наверное, могли похвалить его собственную, какую-то уютную, домашнюю красоту, его окружавшие леса и холмики, каждый дом и улочку, свое вечернее солнце и многое другое.

Частью Ужица, причем по размеру намного большей, чем город, являлись его сельские окрестности. Множество особняков с рабочими участками при каждом, стояли здесь повсюду между маленьких и больших холмов вплоть до черного леса, который рос густой полосой и служил чем-то вроде границы города. Особняки были раскинуты друг от друга на большие расстояния, мало какие дома строились рядом. Некоторые из них не имели участков, кроме тех, где можно было только отдыхать или выращивать что-нибудь для себя. Пригород был хоть и большим, но не густонаселенным, здесь все друг друга знали.

Каменный бортик закончился, его сменила веточная оградка одного из картофельных полей, принадлежавшая фермеру, что жил неподалеку в двухэтажном доме.

Мальчик спрыгнул с последних двух камней обратно на дорогу и продолжил идти вперед. Теперь им попадался один особняк за другим и каждый с красивой оградой, за которым было поле или сад. В основном постройки были ухоженные, со стриженными газонами и аккуратными заборчиками, таких было большинство. Однако некоторые поместья начали приходить в запустенье, их участки поросли высоченной травой и колючками. Грязные стекла окон, в которых давно не было света, пугали ребят своей темнотой. Здесь уже некому жить, эти дома ожидали, когда после войны в них заселят новых хозяев.

От каменной дороги начали ответвляться тропинки, уводившие то за холм, то в

небольшой лес из десятка деревьев. Вскоре камни сменились землей, путь начинал сужаться, и по нему можно было идти только друг за другом. Наконец, дети услышали как вдали, из-за забора их приветливо начал встречать лаем лабрадор.

— Что-то вы долго ходили

На пороге крохотной хижины с остроугольной крышей стояла молодая женщина в кухонном фартуке поверх белого платья. Когда залаяла собака, она тут же вышла встречать детей. Только мальчик приоткрыл калитку, делая первый шаг во дворик, как лабрадор накинулся на него, чуть не повалив. Он не переставал скакать вокруг, виляя хвостом и с нетерпением желая узнать, что же там принесли из города.

— Да отстань ты! Для тебя ничего нет, — мальчик не переставал сдерживать руками каждую попытку собаки запрыгнуть на него — у тебя лапы грязные...

— Мама, мы купили то, что ты просила — сказала девочка — Никола, давай сюда сумку
Кинув собаке желтый мячик далеко за деревянную ограду — пес сразу ринулся за ним прочь — мальчик снял с плеча мешок и передал его женщине.

— Не гоняй ее — сказала она, когда собака вдалеке громко залаяла, обнаружив мячик — а то она случайно щенятам навредит

— У-у, какой у нее живот большой! — воскликнула девочка — мам, сколько же там их будет

Лабрадор с мячиком в зубах вернулся через калитку. Живот у собаки и вправду был большой, она положила игрушку в ноги Николе и, еще пару раз гавкнув, засемила в тенек одного из деревьев.

— Вот и спросим у Николы, его же собака — ответила женщина, улыбочиво взъерошивая и без того неопрятную прическу мальчика.

— Конечно, тетя Даника — ответил он, немного засмуцавшись такой ласки

Она раскрыла мешок и посмотрела, что дети купили

— Ага, молодцы, все взяли, что просила — женщина обратила внимание на их радостные лица, словно они хотят сообщить хорошую новость и ждут подходящего момента — вы припозднились, неужели утром очередь была?

Мальчик и девочка встали рядом друг с другом, не спуская сверкающих глаз и улыбок с нее

— Нет, — сказал Никола — мы со Славой ходили на площадь смотреть списки, позавчера при Ховайне наши задали трепку волуптасцам!

Женщина уже заходила обратно в дом, но, услышав про списки, вдруг резко остановилась и обернулась к детям. Она немного со страхом взглянула на мальчика, тому даже стало не по себе.

— Что... вы там были? Их уже повесили... — сумка с продуктами как-то сама выпала из ее рук, она подбежала к Николе, взяв его за плечи, посмотрела прямо в глаза. Она долго молчала, боясь что-то спросить, бегая взглядом по всему детскому лицу. — вы... вы не должны были

Женщина присела на одну из двух деревянных ступенек, что были перед порогом входа. Правой рукой она начала гладить свои длинные светлые волосы, перекинутые вперед через плечо. Мальчик заметил, как ее губы задрожали, глаза начали блестеть.

— Я же просила вас больше никогда не делать так... — женщина закрыла рот ладонью — эти вещи... они не для ваших глаз

Девочка тут же подбежала и обняла маму, чуть ли не плача вместе с ней. Николе было

совсем неловко, он чувствовал какую-то вину, даже знал, какую. Тем не менее, он все еще с нетерпением ждал случая сообщить хорошие новости.

— Тетя Даника, тетя Даника! — сказал он, подойдя к женщине и начал гладить ее по плечу, — все хорошо, они живы! Мы со Славой несколько раз пробежались по столбикам, я уверен, что они живы!

Девочка кивнула, соглашаясь с Николой, она посмотрела маме в глаза и дрожащим, но радостным и успокаивающим голосом сказала

— Мама... все так, папа жив, его нет в списках

Тетя Даника посмотрела на Николу, тот тоже присел рядом с ней на ступеньку.

— А Драган? Твой отец жив? — спросила она

Никола кивнул

— Его тоже нет в списках

Женщина обняла детей, немного укачивая их и утирая слезы. Она взглянула на солнечные лучи, что падали в глаза сквозь листву.

— Ладно, хорошо... — прошептала она и поднялась — ждите, яблочный пирог скоро будет готов, поиграйте пока во дворе.

Дети кивнули и отпустили ее домой. Они сели рядом близко друг к другу, сложив колени и уперев на них голову. Почему-то стало грустно. Никола брал крохотные земляные камешки с пола и кидал их в траву перед собой от нечего делать. Девочка глядела, как собака тяжело дышит в духоте.

Маленький дом, довольно бедный, если сравнивать его с некоторыми соседними поместьями, выбеленный белой штукатуркой, украшался разве что небольшой клумбой прикрепленной к окну и выглядел скромно. Но хорошую хозяйку выдавал безупречно ухоженный дворик, на который могли ровняться многие жители пригорода Ужица. Деревья, коротко стриженные кусты, каменные тропинки между ними. Цветы повсюду: у основания дома, вдоль забора, рядами между дорожек, разноцветные и благоухающие, синие и красные, розовые и зеленые, всякие. Искусственный прудик с каменистым берегом и множеством лилий был под самыми окнами в тени, рядом с которым стояла маленькая скамеечка.

Слава уже собиралась пойти на задний дворик, поднимаясь и отряхивая платье от грязи, но Никола остановил ее, взяв за руку.

— Слушай, идем лучше на качели к дубу, здесь все равно делать нечего

Девочка улыбнулась и кивнула ему. Они побежали прочь со двора, собака, заметив, что ребята куда-то убегают, вскочила и двинулась вместе с ними.

— Душо, ты тоже хочешь на качели, бежим наперегонки! — крикнул мальчик, когда лабрадор догнал его, виляя хвостом.

— Ей же нельзя бегать, Никола! — остановила его Слава и тут же перешла на шаг, чтобы не провоцировать собаку.

Не успели они открыть калитку, как ставни на окнах отворились, и из них выглянула тетя Даника, заметивши убегающих детей.

— Вы куда?

Слава ответила, не останавливаясь

— Мы на качели на холме возле дома Николы

— Про пирог не забудьте!

— Агась! — крикнул мальчик

Лай собаки и детский смех разносились по всей округе. Никола немного дразнил девочку, бежав спиной вперед и поторапливая ее. На полпути к качелям, им встретились другие ребята. Маленькая группка из четырех мальчишек, каждый из них держал на плече деревянную удочку и маленькие ведра с сетями.

— Никола! — радостно воскликнул один из них, самый грязный, в перештопанной одежде — мы тебя ищем

Он пожал ему руку, остальные ребята сразу же обратили внимание на собаку и принялись гладить её. Лабрадор явно тоже был рад видеть друзей хозяина.

— Вы рыбачить что ли? — спросил Никола

— Да. Мы тебя искали, твоя мама сказала, что ты уже гуляешь, идем с нами.

Никола взглянул на Славу, девочка объясняла другим, сколько у собаки будет щенят, показывая на огромный живот.

— Не, Милош, я в прошлый раз удочку сломал, помнишь? — сказал он, почесав затылок — а с папиной не управлюсь, идите сегодня без меня

Милош толкнул его в плечо

— Да ты че? Пошли хотя бы за компанию

Но Никола, покачав головой, взял Славу за руку и пошел дальше, друзья непонимающе смотрели ему вслед.

— В другой раз обязательно, ребят! — он помахал им на прощание.

Мальчишки махнули рукой и продолжили путь на речку.

Холм, на котором рос огромный дуб, уже был виден детям. Самый высокий среди остальных, но не крутой — с него открывалась абсолютно вся округа, каждый домик и поле, а все потому, что холм находился на самой окраине пригорода и сразу после него начинался темный лес.

Дуб был единственным деревом на нем, он рос среди мелкой травы, которая сплошным ковром застилала весь пригорок. К дубу можно было пройти по маленькой тропинке. Широкий темный ствол, крепкие ветви, он был в самом расцвете своих природных сил. Благодаря этому, на него можно было повесить веревочные качели без риска, что ветка хрустнет. Их любила вся местная детвора, но особенно Никола, и он не просто их любил, он гордился ими. Качели повесил здесь его отец, перед уходом на войну.

У самого подножья холма находился маленький приусадебный дворик с двухэтажным домом, выглядевшим тоже небогато. Как и множество остальных, он был белый с красной треугольной крышей. В окне первого этажа Никола заметил силуэт своей мамы, она как раз открыла ставни, когда дети пробегали по дорожке к холму. Мальчик помахал ей рукой, не останавливаясь, и она, улыбнувшись, тоже помахала в ответ.

Слава первая забежала на холм и тут же прыгнула на качели. Никола с разбегу начал раскачивать их. Делал он это изо всех сил, но девочка не боялась. Все выше и выше, кончики ее сандалет практически дотрагивались до нижних листьев кроны дерева, когда качели взмывались вверх. Здесь был приятный тенок, солнце только лишь малыми лучами попадало сквозь листву дуба, освещая всю полянку маленькими пятнышками на тени.

Собака лаяла на качели, быстро виляя хвостом, словно тоже хотела покачаться.

Устав, Никола сел на траву возле дуба спиной к дереву. Он стал оглядывать каждый дом и тропинку, что были видны отсюда, наблюдая кто и чем занимается. Много людей уже работало в поле, а некоторые суетились во дворе, стайка совсем маленьких детей играли в прядки среди нескольких деревьев. Из города возвращалась телега молочника.

Слава присела рядом и положила на его плече голову, тоже наблюдая как где-то вдали, у реки, друзья Николы уже закинули удочки.

— А почему ты с ними не пошел? — спросила девочка — порыбачили бы

Никола вздохнул

— Да ну... мне здесь с тобой интереснее — улыбнулся он, взглянув на девочку.

Душо подошла к ребятам и села прямо у них под ногами, положив морду на лапу и, с немного уставшим видом, стала высматривать что-то вдали. Они еще долго сидели так, то покачиваясь на качелях, то, сидя на траве, наблюдая за всеми с высоты. Они редко когда играли с другими ребятами и большее время проводили вдвоем здесь.

Близился вечер, потихоньку начинало холодать. Тень от дуба была уже не под самим деревом, а скатывалась вниз, к подножию холма. Никола заметил, как тетя Даника поставила у открытого окна пирог, чтобы тот остыл.

— Гляди, шарлота готова! — воскликнул он

— Не шарлота, а шарлотка — посмеялась Слава

— Бежим! — мальчик вскочил и уже на ходу договаривал — кто последний тому ничего не достанется!

В начале мая погода и днем и ночью была переменчивой. Однако совсем скоро началась такая жара что, казалось, местная речушка, и без того мелкая, совсем могла пересохнуть. Улицы опустели, дети не желали играть под пеклом и собирались друг у друга дома, в гостях. Некоторые из них уже придумали, как заработать на такой жаре и начали скупать лимоны со всех рынков и дворов, где они продавались, аж целыми килограммами. Производить лимонад — это уж точно была золотая жила.

Пока у ребятни всего Ужица происходила «лимонная лихорадка» Никола не изменял своему старому любимому делу. Отцовская библиотека, что находилась на втором этаже, возле комнаты мальчика была полностью в его распоряжении. Драган Владыч сам оставил ему ключ и попросил приглядеть за книгами.

Днем он гулял со Славой, когда было возможно выйти на улицу, а по ночам сидел и читал какие-то странные по содержанию книги, кои рядами заполняли десятки стеллажей в кабинете его отца. Он не всегда понимал то, что в них написано, многие приходилось перечитывать по несколько раз. Какие-то «составляющие», круги, незнакомые символы, стрелки и формулы. На листках еще оставлены пометки от руки, вероятно отцовские. Мало что было понятно семилетнему мальчику, но он продолжал читать и разбираться.

Как-то раз он досиделся до глубокой ночи. Никола практически уже спал над открытой книгой за рабочим столом при свете маленькой восковой свечи, которая вот-вот и должна была уже погаснуть. Было так душно, что мальчик сидел практически голый.

Свеча догорела, и в кабинете воцарился мрак, только темно-синий свет луны немного освещал область перед окном. Мальчик достал на ощупь газовую лампу на одной из полок. Глаза закрывались, но Никола понимал, что уснуть он не сможет в такой духоте, однако мама запретила открывать окно, чтобы в комнату не налетело насекомых. Ему пришлось выбирать между сном в ночном свежем воздухе, но с комарами, или же муками переворачивания с боку на бок без сна. Никола решил открыть окно.

Медленно, на цыпочках, мальчик подошел к нему. Деревянные ставни держались

только на одной щеколде, и ему не составило труда отворить их настежь. Делал он это осторожно, чтобы скрип петель не нарушил сон мамы на первом этаже.

Воздух, немного более прохладный, чем в кабинете, начал заполнять помещение. Никола наслаждался приятной свежестью, он решил не спешить ложиться в кровать и полюбоваться видами. За окном было совсем темно, слышался треск сверчка и какой-то птицы. Слева, на холме легким ветерком покачивались веревочные качели, справа, в дали, луной освещались темные поля и дома.

Возле газовой лампы, которую Никола зажженной поставил на подоконник, начали кружить мошки, комары и ночные бабочки, периодически ударяясь о стекло. Тогда он погасил свет, чтобы не привлекать их.

Теперь мальчик наблюдал, как Душо мирно спала в своей будке около небольшого деревца во дворе.

Где-то вдалеке стали слышны шаги, Никола, поначалу, не придал им внимания, уже практически усypленный ночью. Мало ли кто может в такое время прогуливаться. Но вскоре, вместе с шагами послышался и голос. Два человека медленно шли к дому Николы со стороны большого холма. Один из них что-то говорил про звездное небо, восхищался им, а другой соглашался. Речь становилась все громче и разборчивее. Мальчик уже повернул голову в интересе, чтобы узнать, кто же там идет.

Один человек был одет в не строгий, но все же классический костюм, голову его скрывала белая шляпа с черной ленточкой. Высокий худощавый мужчина медленно проходил вдоль небольшой, полуметровой белой ограды. Второго человека мальчик не сразу заметил, он сидел в коляске, которую вез его спутник, и был скрыт заборчиком.

Душо вдруг проснулась и поднялась на ноги, она еле слышно заскулила и повела мордой в сторону калитки, хвост собаки начал дружелюбно ходить из стороны в сторону.

Никола думал, что эти два человека пройдут мимо, но они, к его удивлению, открыли дверцу во дворик и направились к входу в дом. Никола все еще не видел человека, который сидел в коляске, его закрывали ветви дерева, на сей раз. Лабрадор дружелюбно залаял, послышался приятный, немного хриплый смех. Мальчик тут же нырнул в кабинет, испугавшись, что его кто-нибудь заметит в окне.

Раздался стук в дверь.

В коридоре первого этажа зажегся свет. Засов двери отворили, и вскоре послышалась мамина речь. Радостная и громкая, несмотря на поздний час.

Никола, уже весь раздраемый любопытством, вышел из кабинета и подошел к лестнице, но не стал спускаться вниз. Краем глаза он все пытался увидеть, кто же пришел.

— Хе-хе... значит, я опередил свои письма?

— Да — ответила мама

— Кстати знакомься, это Кит Росс, сопровождал меня сюда

— Я, пожалуй, пойду, милорд, желаю вам дальнейшего выздоровления.

Кто-то вышел через дверь, и следом послышался щелчок дверного засова. Душо не переставала лаять.

Никола медленно спустился по лестнице, чтобы посмотреть кто пришел.

Возле входа стояла коляска, а в ней сидел, одетый в легкий бордовый плащик, мужчина. Облокотившись на спинку, он смотрел с улыбкой на маму, которая, кажется, не верила своим глазам. Собака передними лапами запрыгнула ему на колени, и он гладил ее. Темные волосы, убранные в длинный «конский хвост», вытянутое крепкое лицо, с грубыми

очертаниями и небольшая растительность на подбородке. Его небольшие, прямоугольные очки отражали свет от фонаря.

У Николы перехватило дыхание.

— Ты вернулся! — воскликнул он, чуть не оступившись с лестницы — папа!

Мужчина обратил внимание на Николу и тоже засмеялся, раскинув руки для объятий. Мальчик ринулся к нему и обнял, да так сильно, что коляска чуть не повалилась назад. Он уткнулся ему носом в грудь, отец немного сжал зубы и вздрогнул от боли, когда Никола задел его колени, но не стал убирать и начал гладить сына по неопрятным черным волосам. Душо залаяла еще громче.

— Видишь, Никола, как получилось — сказал он, похлопав по своим ногам — на коляске теперь сижу... не знаю, сколько еще буду сидеть, но благодаря ей мы свиделись раньше срока.

— Драган, спасибо... — мама не пыталась скрывать слезы, она обошла мужа сзади и обняла. Он взял ее ладонь и поцеловал.

— Я рад, что мы снова вместе, Эльза

О том, что Драган Владыч вернулся, было известно всему пригороду уже на следующее утро. Новости здесь быстро разлетались, тем более что этот человек был немало известен среди местных.

Эльза Владыч собрала по этому поводу праздничный стол, люди посещали их дом с поздравлениями, желая поговорить с хозяином. В основном все пытались узнать что-нибудь о родственниках, с которыми Драган вместе служил. Ближе к обеду к ним заглянула и давний друг семьи — тетя Даника со своей дочкой. Этих двоих Драган ждал особенно.

Он пригласил женщину, в гостиную, где за белым столом с множеством всякой всячины, уже находились несколько человек. Даника присела рядом с коляской Драгана, не отрывая от него глаз и ожидая, когда он что-нибудь скажет.

Никола поприветствовал Славу, но девочка промолчала, уставившись на его отца. Она смотрела с таким жалобным взглядом, что казалось, вот-вот начнет плакать. С красными глазами, носом, губы ее поддрагивали. Никола, не дождавшись ответа, поприветствовал Славу еще раз, она тихонько кивнула и присела рядом с ним за стол. Дети расположились поодаль от родителей.

— Как же там мой муж? — спросила тетя Даника.

— Он молодец, знаешь, как его у нас в полку называть стали? — Драган достал из кармана маленькую книжку, внутри неё лежал кусочек бумаги, который он и вручил Данике — «герой Ташин», он тебе письмо передал, на возьми.

Она тихонько посмеялась, прикрыв рот рукой, и отложила записку в кармашек. Облокотившись на стол, Даника опустила слезящиеся глаза, и Драган прижал ее к себе.

— Не плачь, — он гладил ее по светлым волосам, собранным в хвостик — Милош, настоящий герой, его неспроста так называли, он вернется, вот увидишь.

Мама Славы закрыла лицо ладонями и уткнулась в его грудь, пряча слезы. Эльза присела рядом с бедной подругой и начала гладить ее по плечу.

— Когда это все закончится? Драган... — прошептала Даника — я больше не могу так...

Никола с тяжелым сердцем наблюдал за тетей Даникой. Он не часто видел ее в таком состоянии: Слава рассказывала, как мама плачет по ночам, но увидеть это самому было страшнее, чем слушать рассказы. К тому же он был уверен, что сегодня все будут счастливы, ведь его отец вернулся домой.

Есть почему-то не хотелось, хотя Слава и Никола больше всего любили пироги, коих на столе было большое разнообразие. Было как-то неловко, Никола взглянул на девочку. Она сидела, уткнувшись в стакан с соком, вращая в нем деревянную питьевую трубочку.

Почему она сидит такая подавленная?

Мальчик посмотрел на отца. Драган не переставал утешать тетю Данику. Он мотнул головой, глядя на сына, давая понять, что дети должны уйти отсюда. Никола взял за руку девочку и направился к выходу из гостиной.

Небо было затянуто светло серыми тучами, от таких дождя можно было не ждать, они только и могли, что спрятать солнце. Слабенький и теплый ветер колыхал каждый кустик и дерево, гоняя пыль по дорогам. Душо лежала возле своей будки, как всегда положив морду на лапу.

Слава подошла к собаке и присела возле нее, согнув ноги. Лабрадор только грустно взглянул на девочку, дав себя приласкать.

— Слава, ты чего? — подошел сзади Никола, она посмотрела на него, покачав головой.

— Я рада, что твой папа вернулся — ее голос подрагивал, как будто девочка уже плакала. Никола не видел лица, она отвернулась.

— Не плачь... твой тоже скоро придет! — он присел рядом и обнял девочку за плечо — и, как раньше, сварит нам помадки... и мы будем есть ее много-много, возьмем целую сумку на качели... будем есть и качаться!

— Да... -

Беспокойство никогда не отставляло детей. Ни Николу, ни Славу, ни других ребят, преследуя их и мучая днями и ночами. В это время страх был у всех людей, но более всего доставалось все же детям. Вместо беззаботного времяпрепровождения, они все начинали задаваться вопросами не их возраста. Что будет дальше? Что если... Именно страх ожидания не давал им покоя.

Но когда они были вместе, собирались с другими, такими же детьми и находилось время на веселье, им становилось легче. Вместе всегда легче.

Рано поутру, когда солнце еще не успело прогреть воздух, все дети с округи направлялись на учебу. В Ужице была только одна школа, старая как сам город, детей же было очень много. Поэтому детвору из пригорода учили по утрам, а остальных сразу после, днем.

Эта ранняя пора для ребят была, можно сказать, еще одним символом города: ученики из пригорода большой вереницей по каменной дороге шли в одном направлении. Кто-то один, большинство парами, а некоторые сбивались в кучки. Все что-то обсуждали: школу, выходные, но в основном ужасы утреннего подъема.

Никола, как и всегда, прибыл на место встречи. Здесь они со Славой еще давным-давно договорились собираться и вместе идти дальше. Место было на самом выходе из пригорода, дорога расходилась на две части, огибая с разных сторон один холм. Мальчик прыгал с

каменного бортика вниз, поднимался обратно и снова прыгал.

Обычно Слава приходила первой, потому что ее дом был ближе к этому месту встречи, а вовсе не потому, что Никола постоянно опаздывал, как считал он сам. Но не в этот раз. Девочки не было уже очень долго, Никола продолжал ждать.

Как назло, день был не очень теплым — дул холодный ветер, а солнце то и дело скрывалось за облаками — вот такую шутку сыграла с мальчиком погода в самом начале июня. Но уходить без Славы он не хотел, одному идти было бы скучно.

Мимо Николы иногда проходили другие дети, тоже направившиеся в школу. Они здоровались с ним и, долго не задерживаясь, продолжали свой путь. Время поджимало. Мальчик начинал замерзать в одних коротких штанах и рубахе.

Со стороны города послышался глухой колокольный звон, гремящий так же тучно, как выглядел громадный колокол, который его издавал. Пока что он ударил только один раз, что вовсе не было знаком начала занятий, а только лишь чем-то вроде предупреждения для медлительных детей.

Никола решил отправиться в одиночку, ждать уже было нельзя.

Вначале он просто шел быстрым шагом, затем и вовсе перешел на бег, обгоняя других ребят, за одно и согрелся. Мальчик был уверен, что Слава, по какой-то причине, не дождалась его сегодня и ушла в школу без него, однако в классе ее не оказалось. Тогда он подумал, что она просто заболела и не пришла.

Раздался последний бой колокола, вещавший о начале занятий. Все ребята присаживались за одноместные столы. Никола занял свое почетное место, прямо перед учителем.

Как и любое другое занятие, преподаватель начал с проверки посещаемости. Он пальцем посчитал всех детей, затем еще раз.

— Хм... пятьдесят шесть, а у вас должно быть пятьдесят семь, верно? — сказал он

— Да — почти хором ответили ребята.

Учитель внимательно стал оглаживать учеников.

— Кого же нет?

— Славы Ташиной — произнес Никола, медленно встав, как и положено

— А что с ней? Ты знаешь?

Мальчик покачал головой, некоторые ребята начали перешептываться.

— Что ж, видимо, заболела — учитель поставил крестик в своей тетради — уж просто так она не пропустит.

Никола сел на свое место. Он вдруг вспомнил, что еще вчера они с девочкой гуляли вдвоем, и она выглядела совершенно здоровой, а теперь, за один день заболела? Он решил обязательно заглянуть к Славе домой после занятий.

Каждый день ребят нагружали заданиями в школе. Никола, конечно, справлялся, но все же к концу учебного дня каждый раз чувствовал себя как выжатый лимон. Помимо этой работы, он не переставал, на радость отца, читать книги в его рабочем кабинете, которые были намного сложнее, чем школьные учебники. Его секрет заключался в том, что между работой надо обязательно было съесть что-нибудь, тогда появятся силы, и отдых уже будет не нужен.

Так и в этот раз, к полудню, когда колокол пробил окончание, Никола притерся к группе своих друзей, и они вместе решили заглянуть на площадь чтобы купить легкой еды на перекус.

Здание школы располагалось недалеко от площади, и только ребята вышли за ворота, как в глаза тут же бросилась длиннющая очередь и выглядела она необычно.

Люди в ней молчали, никто не толкался. Очередь была настолько длинной, что не умещалась на площади и уходила на соседнюю улицу, прилегавшую к ней.

Мальчик вдруг услышал душераздирающие вопли и крики, из центра, настолько ужасные, что он аж вздрогнул. Где-то вдалеке женщину, которая прямо в чистой одежде лежала на согнутых ногах на дороге, всю красную и трясущуюся, всю в слезах, не переставали утешать другие люди.

Такая картина могла означать только то, что повесили новые списки.

Никола в 9глубине снова почувствовал жгущую боль от страха, хоть прекрасно знал, что его отец сейчас идет на поправку у себя дома, и его в списках не может быть. Все равно такие крики и молчаливая очередь заставляли дрожать колени и загонять сердце под горло.

Подойти посмотреть или нет. Друзья Николы не решились сделать это и сразу направились домой. Мальчик же долго оставался здесь, наворачивая круги вокруг деревянных стендов со списками, что были в самом центре площади. Все же он решился.

Чтобы долго не стоять в очереди, он, пользуясь своим малым ростом, подошел к стендам и, никому не мешая, начал водить пальцем по столбикам.

Его тут же напугал размер бумаги. Обычно это были не очень большие листы с пятьюдесятью шестьюдесятью именами в пяти шести столбиках. Сейчас же бумага была огромна, она с трудом помещалась на стенде и вся была исписана.

Двадцать четыре столбца!

Одно знакомое имя, второе, третье. Такое ощущение, что здесь просто перечислялись все соседи Николы.

На двадцать первом столбце в самом низу его палец вдруг остановился на одном имени. Мальчик сначала не поверил глазам, он перечитал его несколько раз. Милош Ташин — это имя завершало двадцать первый столбик. Милош Ташин...

Никола медленно попятился назад и случайно наткнулся на какого-то человека. Тот поддержал его руками, чтобы мальчик не рухнул на землю, но ребенок не видел ничего вокруг, не заметил и этого мужчину. В голове только крутилось «Милош Ташин погиб... дядя Милош»

Он мигом рванул с площади к Славе.

Так быстро он еще никогда, наверное, не бегал. Громадное расстояние, которое обычно преодолевалось за час с лишним, он сделал за пару четвертей. Дорога гуляла из стороны в сторону, и мальчик иногда сворачивал с нее в кусты и колючки, забегая на холм и быстро слетая с него. Один за другим, он где-то случайно обронил сумку, не заметив. Усталость не чувствовалась, только в глазах все плыло.

Забежав на один из холмов, ребенок уже увидел далекий дом Славы. И там же он увидел множество черных силуэтов. Именно черных, рядами в несколько десятков, люди столпились около их поместья.

Почти без сил мальчик подбежал сюда, тяжело дыша и с трудом поднимая тело, чтобы исподлобья посмотреть на остальных. Люди в разных траурных одеяниях не все заметили его, некоторые лишь бросили печальный взор. Во дворе находилось около десятка человек, среди них прямо воле входа стояли и его мама с папой. На Драгане была черная мантия, длинная до пола, а Эльза была в коротком шелковом платье, тоже темном.

Родители оглянулись на Николу, тот собирался открыть дверь в дом, но Драган удержал

его за плечо. Всем своим мрачным лицом он давал понять, что не стоит туда входить, сквозь очки на его глазах виднелись слезы.

— Отведи его домой... ему не место здесь — обратился он к Эльзе — я пока побуду тут, с ними.

Он зашел внутрь дома. Когда отец открыл дверь, то мальчик на мгновение увидел, как много там было людей, но какая мертвая тишина шла оттуда.

Никола обнял мать.

— Мам, это правда — мальчик уже сам плакал — дядя Милош...?

— Да все так, мой малыш — она крепко прижала его к себе

С севера надвигалась гроза. Она шла так быстро, что казалось, ее фронт кто-то неимоверно сильный просто тянул на маленький городок. Ветер усиливался, создавая холодный свист, когда попадал в разные щели дома. Было противно даже смотреть за окно, не то, что выходить на улицу.

Через несколько дней тело Милоша доставили семье. Его надо было с почестями похоронить на кладбище, и участвовать в этом собирался весь Ужиц.

Несмотря на время — стрелка часов показывала немногим больше полудня — за окном было совсем темно, как ночью, все это из-за темных облаков. Дерево, что росло прямо под окном, еле-еле сопротивлялось ветру. Никола смотрел, как его ветви качаются, ударяясь о стекло, с каким сухим и холодным треском это происходило. Драган застегивал пуговицы на черном костюме сына. Мальчик стоял смиренно, его темные волосы были аккуратно зачесаны. На них что-то нанесли, чтобы пряди казались мокрыми.

Он смотрел в зеркало, не узнавая себя. Первый раз в жизни Никола надел строгий костюм. Выглаженный и весь сверху донизу черный. Только его бледное лицо, сильно выделялось.

Драган стоял позади, держа мальчика за плечи, он тоже рассматривал себя в зеркале. Отец уже не был прикован к коляске и теперь передвигался хромя, с опорой на трость.

— Никола, послушай меня — отец развернул мальчика к себе и присел, чтобы быть на его уровне — ты понимаешь, что произошло?

Мальчик отвел глаза куда-то вниз, в сторону. Отец говорил тихо, не как обычно.

— То, что случилось — продолжал Драган — для Славы теперь будет отправной точкой новой жизни, ты понимаешь это?

Никола кивнул. В кабинет отца, где они находились, заглянула Эльза. Ее каштановые волосы все были заплетены в небольшие косички, между которыми было множество черных лент. Она была все в том же черном платье.

— Пора — шепнула она и удалилась, закрыв дверь.

Драган вновь посмотрел на сына.

— Я надеюсь на тебя, Никола — он взял маленькую ладошку мальчика в свои руки, будто бы о чем-то прося — ты теперь единственная опора для нее.

У мальчика на глазах наворачивались слезы, он начал шмыгать носом и отец сразу прижал его к себе.

— И еще не забывай самое главное — сказал Драган, глядя сына по голове — ты помнишь об этом?

Никола дрожащим голосом произнес:

— Поступать не как хочется, а как следует.

Дождь потихоньку накрапывал, его никто не замечал.

Кладбище находилось на большой поляне далеко от пригорода. Сюда длинной вереницей направлялись сотни людей. Хоронили не только Милоша Ташина. Впереди от большой колонны отделялось несколько десятков человек, с разных сторон они несли девять черных полированных гробов. Крышки были открыты и на покойные тела падали дождевые капли.

Драган Владыч нес один из таких с телом Милоша. Рядом, то и дело, протирая глаза черным платком, шла Эльза с белым букетом. Все кругом было в белых цветах. Они были разбросаны по окраине дороги, их лепестки засеивали весь путь. И почти каждый нес их в руках.

Слава шла рядом с Николой неподалеку от родителей. Она молчала. Никола дрожал, он боялся. Его живот скрутило, сердце вырывалось из груди. Мальчик ни как не мог даже посмотреть в ее сторону. Но она шла тихо, с опущенной головой, то ли глядя в пол, то ли на свой крохотный букетик.

Гробы были выстроены в ряд прямо перед погребальными ямами, на большом расстоянии друг от друга, чтобы о каждом человеке можно было говорить прощальную речь. Около них была построена линия солдат в парадной форме с ружьями, стоявших пока что смирно.

Драган начал произносить свою речь.

Никола и Слава встали близко к покойному Милошу, чтобы в последний раз взглянуть на него. В толпе было много тех, кто уже не сдерживал слезы.

Гроб накрыли и начали медленно опускать. Дождь, плачь, ветер — все смешалось в один монотонный гул, который внезапно нарушился.

Выстрел.

Мальчик вздрогнул от неожиданности, но даже не подумал оторвать взгляда от опускающегося гроба. Еще один выстрел.

Милош был все ниже и ниже. Каждый новый залп отражался сильной болью в голове, он отдавался по всему телу мурашками. Никола взглянул на серое небо, которое передавало свой цвет всему окружению от людей до земли. Он уже не понимал, то ли сам плачет, то ли на него падает дождь.

Вдруг мальчик почувствовал, как в его руку запросилась чужая ладонь. Слава взяла его за кисть и прижалась к плечу. Она тихонько тряслась, Никола ощущал, как плечи костюма намокают. Он прижал девочку к себе, от ее слез ему становилось еще хуже. В глазах темнело.

— Не надо, прекрати... — шептал он ей на ухо, прекрасно понимая, что это бессмысленная просьба — я ведь тоже заплачу...

Раздался последний выстрел, солдаты повернули направо и маршем начали удаляться.

Прошло несколько дней после похорон, но каждый выстрел до сих пор отдавался в голове мальчика, словно вновь грохотал над его ухом. Со Славой он не виделся больше, она не выходила на улицу. С того самого дня, как нашла гроза, то и дело лил дождь, с

небольшими перерывами пасмурной погоды. Все это только еще больше нагоняло тоску.

Уже стемнело, и было довольно прохладно, поэтому Никола накрылся пледом, сидя в кресле. Перед ним была шахматная доска. Он в полном одиночестве находился в гостиной. В полном, если не считать Душо, которая на время ненастья перебиралась в дом. Собака лежала в широкой мягкой корзиночке, с рубиновым шелковым поддоном и грела у себя в лапах маленького щенка. Он был таким же кремовым, как и мама, только нос у него был еще более черный, чем у нее. У лабрадора родилось три щенка, но выжить смог только этот. Никола окрестил его Шечер.

Не только Шечер своим попискиванием нарушал тишину, а еще треск горячей древесины из камина, который был единственным источником света в комнате. Огонь был слабенький, поэтому освещал только малую часть гостиной.

Был ход белых, Никола все никак не мог выйти из тяжелой ситуации, вот-вот будет мат. Мальчик сделал ход ферзем и поменял положение доски. Теперь ход черных, Никола уже думал как «обмануть» этого ферзя и выйти к королю на шах.

Душо подняла голову в сторону входной двери, тут же в нее постучали, что прервало тяжелые размышления мальчика.

Он, не снимая плед, подошел к входу.

— Кто? — спросил он, прислонившись ухом к двери, чтобы услышать ответ сквозь шум ливня.

— Я из почты, вам письмо — послышался за дверью молодой мужской голос — на имя Драгана Владыча

— Извините, но родителей сейчас нет дома, они в городе — прокричал мальчик, чтобы его было слышно.

— Тогда я могу передать письмо вам?

Никола приоткрыл дверь и увидел молодого человека в синей почтовой форме. Вручив конверт мальчику, он тут же удалился, не желая более мокнуть под дождем.

Мальчик начал разглядывать полученное письмо. Конверт был весь из плотной бордовой бумаги, какой-то особенной — он переливался бликами на свету. Из углов к центру золотом росли какие-то плетеные растения, окутывая имя «Драган Владыч». Никола не стал вскрывать его, и вернулся к шахматам.

Вскоре пришли родители. Душо, тут же, оставив щенка, направилась к ним, узнать, что ей принесли. Драган, снимая свой плащ, присел к собаке и начал теревить ее за морду. Душо радостно виляла хвостом.

— Приходил почтальон — сказал Никола с конвертом в руке — это письмо тебе, я его не читал, если что...

Драган принял письмо, похлопав мальчика по плечу и посмеявшись. Когда он обратил внимание на цвет конверта, то тут же встрепенулся. Не отрывая от него взгляда, он спешно прошел в гостиную и присел на креслице. Остальные последовали за ним озадаченно.

— Что-то случилось, дорогой? — спросила Эльза

Драган легонько похлопал по письму, показывая его супруге. Его лицо было взволнованно, ему нетерпелось вскрыть конверт.

— Это из Золотого Общества Веридаса

Никола посмотрел на отца, он совершенно не понимал, о чем тот говорит.

— Из Золотого? — переспросила Эльза — когда ты в последний раз в Веридасе то был?

Драган вскрыл конверт, внутри лежала позолоченная бумага, на которой что-то было

написано. Он принялся читать, глаза сначала забегали по строкам быстро, потом он на чем-то удивленно остановился.

— Что... — произнес Драган

Эльза взяла у него конверт и тоже прочитала.

Никола непонятливо сидел рядом с Душо, вернувшейся к щенку. Мальчик глядел на позолоченную бумагу, желая тоже узнать, что в ней.

Драган потер лоб. Его глаза были расширены, он что-то шептал про себя, сняв очки.

— А что это вообще значит? — спросила Эльза

— Мы с Чадаевым давние друзья... — произнес он, с трудом подбирая слова — но... этого не может быть... это, это большая честь для меня.

— Что там? — спросил, наконец, Никола — что там написано?

Мама дала прочитать мальчику письмо.

На позолоченной бумаге вверху был начертан большой круг, на котором лежал символ «V». Ниже шел текст:

Многоуважаемый Владыч Драган. Мы, Совет Золотого Общества Его Императорского Величества, и лично его Потестас Владыка Демиан, приглашаем Вас, на правах члена Золотого Общества шестого уровня, присутствовать на величайшем событии Второй Эры.

Дмитрий Чадаев достиг последней стадии постижения Истины. Седьмой свиток показал его имя. 1 июля 1905 года состоится прочтение седьмого свитка.

Вам предоставляется возможность воспеть его славу в Императорском хоре, либо присутствовать на церемонии прочтения как его сокурник вместе с Сергеем Скреппом. Мы будем рады видеть Вас.

Далее ставились какие-то печати и росписи друг на друге

— Ты поедешь в Веридас? — спросила его Эльза, присев рядом. Она взволнованно посмотрела на Драгана.

— Да! Завтра же! — воскликнул он — такое событие нельзя пропустить!

Отец побежал складывать вещи так быстро, как ему позволяла нога.

Никола подошел к маме.

— Мам, папа что, уезжает?

— Не знаю... малыш — она обняла сына, не отводя взгляда от суетившегося в другой комнате Драгана. — Пойди наверх, я к тебе скоро поднимусь

— Эльза, — крикнул отец — мне кое-что нужно

Он вернулся с маленькой коробочкой в руках и вручил ее супруге, снимая рубашку

— Что это? — спросила она глядя на коробку — краска?

— Да, это золотая краска, я потом объясню. Мне нужно покрасить в золотой кончик хвоста — он показал на свой длинный темный хвост волос за спиной — поможешь?

Пока родители занимались, Никола поднялся наверх. Он зашел в кабинет отца и уселся на мягкий диван возле одной из книжных полок. На подушке лежала недочитанная им в прошлый раз книга, озаглавленная как «Введение в Радиологию», очень толстая и потрепанная. Мальчик открыл ее и начал читать.

Дождь за окном утихал, тремоло капель по карнизу окна усыпляло ребенка.

Совсем скоро он услышал, как по деревянной лестнице со скрипом кто-то поднимается

наверх. Дверь в кабинет отворилась, внутрь хромая зашел Драган. Кончик его хвоста примерно до середины уже блестел золотом, что очень даже понравилось Николе. Отец медленно подошел к нему, мальчик не отрывался от книги.

— Читаешь? — спросил он

— Да, пап — Никола закрыл книгу — я почти закончил вот эту Драган присел рядом.

— Ну и как? Понятно, что там пишут?

— Не очень — с тихой печалью признался Никола

Драган посмеялся. Он взял книгу в руки и с улыбкой начал смотреть на ее синюю, в светлую клеточку, обложку.

— Я уже и не помню, сколько мне было, когда я прочитал Введение. Помню, что после первого раза вообще ничего не понял, так что тебе не стоит огорчаться.

Он легонько начал взъерошивать Николе волосы на голове.

— Пап, а что это за Золотое Общество?

Драган замолчал, двумя пальцами растирая глаза.

— Ну... давай вот как я тебе объясню — он посмотрел в сторону одного из стеллажей — сколько ты уже отсюда книг прочитал?

— Четыре — ответил мальчик, немного подумав

— Так вот эти четыре книги лишь маленькая капелька, рассказывающая о том, что изучает наше общество. Золотое общество это такое большое — он обвел руками по воздуху, показывая громадность — пребольшое содружество ученых, исследователей и... и прочих людей.

— И что же вы изучаете?

— А вот что в книгах написано, то и изучаем — сказал отец Никола обиженно положил руки на грудь.

— Но я совершенно ничего не понимаю, что в них написано

— Хе-хе, рановато тебе еще — если бы понимал, ты бы давно уже был среди нас.

Мальчик тут же поддержал эту идею

— Я тоже хочу!

Отец вновь рассмеялся

— Когда-нибудь... мы с тобой вместе съездим в Веридас, я познакомлю тебя с моими друзьями дядей Сергеем и дядей Дмитрием — я вместе с ними учусь у одного учителя, вернее учился.

Драган встал и подошел к своему рабочему столу. Открыв один из выдвижных ящиков, что был на замочке, он достал оттуда коробку небольшого размера. Она была черная, с шершавой поверхностью. Отец вручил ее мальчику.

— Это подарок тебе, в честь такого события — сказал радостно Драган

Мальчик открыл коробку. В ней среди красной ткани лежал длинный кинжал. Он был весь золотой, от эфеса до кончика лезвия. Рядом располагались черные ножны.

— Он достался мне, когда еще существовала традиция дарить оружие первокурсникам на поступление, — голос Драгана сделался серьезным — но Никола, я прошу тебя... это не оружие, не используй его как оружие, пообещай, пожалуйста. Ты же помнишь? Поступать надо как следует, а не как хочется.

Мальчик, заколдованный золотым блеском и красотой клинка покачал головой.

— Я уеду всего на месяц — сказал Драган, похлопав его по плечу — так что не скучай.

Когда любого человека, проживавшего в Себоре, спрашивали, что он знает про маленький городок Ужиц, он незамедлительно начал бы хвалить винные напитки из яблок, что здесь производили. Целое лето огромные яблоневые сады, что находились за лесной полосой пригорода, грелись под солнцем, вынашивая урожай. И когда лето подходило к концу многие жители с большими корзинками направлялись сюда, чтобы собрать его. Люди специально ради этого приостанавливали работу на полях, в пределах возможного, и отовсюду, что с пригорода, что с самого Ужица шли заниматься сбором яблок. Сад был общим достоянием, за ним время от времени кто-нибудь да ухаживал. Стройные ряды яблонь уходили далеко-далеко за горизонт, так что наливных хватало всем, каждый мог взять сколько угодно.

Однако использовали их в разных целях. Кто-то просто ел, таким людям было нужно совсем чуть-чуть. Были те, кто гнали сок, но большинство, все же, производили из них самый дорогой товар — яблочное вино. Оно славилось далеко за пределами Ужица и даже всего Себора. Вино это было домашним, поэтому многим фермерам приходилось самим добывать сырьё. Но не все могли найти времени работать в садах, а отказываться от большого дохода никто не желал. Поэтому в ход вступала самая доступная рабочая сила округи — сотни ребятишек с утра до позднего вечера бегали с груженными фруктами тачками с садов на фермы и обратно. И совсем маленькие, и те, кто постарше толпами направлялись сюда с лестницами, палками, корзинками, тележками. Всюду стоял гул, кто-то что-то обсуждал, в основном то, куда они потратят заработанные деньги. Это была типичная картина августа месяца.

Никола в этот день сказал маме, что пойдет работать в сады, как и договаривался со своим другом Милошем и остальными ребятами. Одевшись соответственно: в плотные штаны на лямки, чтобы было удобно лазить по деревьям в случае чего, и свою любимую плетёную панамку, он взял большую тележку, кинул в нее палку и направился прочь со двора.

Перед выходом через калитку он вдруг остановился, подумав о Душо. Лабрадор гонялся с Шечером в тенике от дворового дерева. Мальчик посвистел, собака посмотрела на него и тут же, оставив щенка, ринулась за хозяином. Шечер, наверное, с обидой проследовал в дом, увидев это.

Наконец-то, настали теплые деньки, правда, дождички все еще случались, отчего везти громоздкую тележку по размытой дороге было нелегко. Николу уже давно ждали в условленном месте. Милош стоял с высоченной лестницей и как всегда с широкой улыбкой смотрел на мальчика, вот-вот готовый подшутить как-нибудь над ним, зачастую самым глупым образом.

— Че так долго, Никола?! — спросил он, кидая две свои палки ему в тележку — вечно ты самый последний, олух.

— Ну извините, пожалуйста, ребят — стал отговариваться мальчик — как смог так и пришел

— О! Душо! — ребята обрадовались лабрадору, собака тоже гавкнула, встречая остальных и присела, высунув язык, глядя на хозяина.

— Пойдемте что ли — сказал Милош

Ребята строем направились в сторону сада. Их путь лежал по маленькой тропинке, пересекавшей огромное поле, которое на этот год было под паром. Высоченная трава скрывала путь. Собака шла впереди остальных, Никола же плелся сзади, с трудом толкая тележку. Всюду стрекотали кузнечики, и прыгала саранча.

Где-то на середине пути Душо вдруг сильно замедлилась и немного заскулила, повернув морду направо. В той стороне, на окраине поля, как раз располагалось поместье Ташиных. Никола тоже посмотрел туда, оно было далеко, сложно даже что-то разглядеть. Ребята остановились.

— Че это с ней? — спросил Милош, глядя на собаку — в туалет что ли захотела? Ну так иди!

— Идиот, — ответил ему один из мальчиков — она, если захочет, тебя спрашивать не будет.

Никола все не отрывал взгляда от поместья, желая хоть кого-то увидеть. Некоторые тоже вглядывались в ту сторону.

— Ребят вы идите, я вас быстро догоню!

Он нырнул прямо в высоченную траву, оставив тележку. Трава и колючки начали не очень больно хлыстать его по рукам. Душо без лишнего шума помчалась за хозяином. Земля тут была очень грязной и мокрой, комьями наворачивалась на обувь Николы, отчего с каждым шагом становилось все сложнее идти.

— Эй! Ты куда! Она все равно не пойдет! — кричал ему в след кто-то из друзей, но Никола уже не собирался останавливаться, он так давно не видел Славу, и это была такая хорошая возможность, что ноги сами бежали вперед.

Он выбежал с поля с килограммом земли на ногах, весь перепачканный. Вход был с другой стороны, поэтому мальчик, чтобы сэкономить время, решил подтянуться на высокий забор.

Перекинув руки через край, мальчик заглянул внутрь. Слава ходила вдоль одной из грядок во дворе. Девочка спокойно себе рвала зеленый лук.

— Привет — не очень громко сказал Никола

Девочка не сразу поняла, откуда с ней поздоровались. Она стала оборачиваться по сторонам и, наконец, заметила его. Мальчик помахал рукой, улыбнувшись. Он немного волновался, в голове словно кто-то засел, начав обрабатывать каждую его мысль, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего. Как-то расстроить ее сейчас Никола точно не хотел. Поэтому кроме «привет» он больше ничего не смог выдавить из себя, и с опаской смотрел на Славу, хоть и тщательно скрывал это за улыбкой.

— Привет — девочка тоже улыбнулась ему и подошла ближе — а что ты тут делаешь?

— Э-э... понимаешь, мы с Милошем идем за яблоками ну и мимо тебя случайно прошли. Ну... может ты с нами хочешь сходить, а?

— Конечно, только возьму лукошко, подожди меня, хорошо?

Слава быстрым шагом пошла к сараю, положив собранный лук в траву.

Они вместе направились в сад, догоняя своих друзей. Шли молча. Никола изредка поглядывал на девочку, которая с маленькой плетеной корзинкой в руке, глядя себе под ноги, не отставая, держалась позади него.

— С тебя должок, Никола — сказал один из мальчиков, когда он со Славой пришел в сады — я не нанимался твою тележку волочить...

— Как это мою? Мы же для общего дела стараемся, значит и тележка общая.

— За дело, ребят — скомандовал Милош.

Листья на невысоких яблонях, посаженных бесчисленными рядами, начинали немного желтеть. Все деревья были усыпаны красными и желтыми плодами. Много яблок, сгнивших или просто отбитых, уже валялись вдоль широких дорожек и на разрыхленной земле под каждой яблоней. Где-то вдалеке другие дети сильно шумели, заканчивая обработку одного из рядов. Консервными банками, закрепленными на конце деревянных шестов, они аккуратно собирали плоды с самой верхушки.

Деревья были не одинакового размера — вперемешку росли маленькие, похожие на кустики, яблони. Реже попадались высокие деревья с пышной кроной.

Ребята принялись за работу. Двое мальчишек палками хлытали по ветвям, отчего некоторые переспевшие яблоки падали прямо в руки. Слава тут же перекладывала их в корзинки и тележку, в зависимости от их внешнего вида и пригодности.

Никола всегда работал на лестнице. Он залезал на самые высокие деревья, собирал ближайшие яблоки, а затем тряс рукой ветви, стряхивая вниз остальные.

Ближе к обеду, ребята немного подустали, тележка была уже почти наполнена. Милош посмотрел наверх.

— Эй, балбес, ты как там оказался? — крикнул он Николе, который и вправду, пересев с лестницы, оказался на одной из самых высоких ветвей — хватай его лестницу!

Милош вновь загорелся идеей пошутить над другом и откинул лестницу от дерева, та гулко ударилась о затвердевшую землю. Никола остался один на самой высокой ветке с полными яблок карманами. Он злобно посмотрел на Милоша и друзей, гоготавших над ним снизу. Только Слава стояла рядом и продолжала перекладывать один плод за другим.

— Не смешно! — огрызнулся Никола, откусив знатный кусочек одного из наливных. Из надкуса вылез червяк. Мальчик увидел его и тут же передернулся, он, выплюнув все изо рта, кинул червивое яблоко прямо в Милоша. Плод разбился на куски от удара у его ног.

— Мазила! — крикнул Милош, посмотрев сначала на разбившееся яблоко, затем снова на Николу. Сверху уже летел второй плод. — Ай! Больно же, они жесткие.

Теперь Никола, сидя в недосыгаемости, смеялся над уклонявшимися от яблок друзьями. Стрелять было есть чем, хотя если кто-нибудь из взрослых увидел бы, что дети так переводят ценное сырье, им бы мало не показалось.

— Да успокойся, успокойся, вернем мы тебе лестницу — крикнул один из мальчишек.

Никола, уже спускаясь, посмотрел на Славу. Девочка, прикрыв рот, еле заметно посмеивалась. Он остановился, уставившись на нее, на душе сразу потеплело. Мальчик улыбнулся, отвернувшись, почувствовав немного гордости за ее смех.

Вечер все разукрашивал в оранжевый цвет. В воздухе уже до тошноты отдавало кисло-сладким яблочным запахом, как от гнилых, так и от переспевших плодов вперемешку с холодной сыростью. Все собранное было решено оставить на ферме родителей Милоша, собственно, это была его идея заработать на яблоках. Завтра он должен был продать их одному из виноделов, а доход бы разделился поровну. Друзья разошлись, когда светило уже окончательно скрылось за горизонтом.

Слава и Никола направлялись домой. Девочка и вправду повеселела после работы. Она, держась за ладонь своего друга, смотрела в сторону последних лучей вечернего солнца, чему-то улыбалась, немного покачивая рукой. Грязные светлые волосы еле-еле кончиком доставали до плеч, лицо испачканное, как и рабочая одежда — все это ни чего не значило против того, что Никола впервые за долгое время свиделся с ней и заставил ее сегодня

улыбнуться.

— Значит дядя Драган все еще в другой стране? — спросила Слава

Он не ожидал этого вопроса.

— Да... должен был вернуться месяц назад, что-то вот его нет... — Никола затих — мама переживает поэтому.

Мальчик, действительно, в последнее время не мог на нее смотреть без тревоги. Эльза отвечала улыбкой на его взгляды. Но это была фальшивая улыбка, семилетнего мальчика сложно было обмануть. Он не просто видел, он чувствовал мамино беспокойство.

Слава ничего не стала говорить. Душо обогнала их. Собака была вся грязная, видимо, по дороге, пока хозяин не видел, она окунулась в одну из еще не высохших луж.

— Домой сегодня не просись... — проговорил Никола

Дети подошли к дому семьи Ташиных. Одинокий огонек горел в окне. Никола встал напротив девочки и почесал затылок. Слава взглянула ему в глаза и сказала:

— Спасибо что позвал сегодня, ну... увидимся?

— Да, а давай завтра утром на качели сходим к дубу?

Девочка кивнула, улыбнувшись, и скрылась за калиткой.

— Я обещаю, что заставлю тебя смеяться еще — тихо сказал мальчик сам себе уже в полном одиночестве.

Он помчался домой, в животе урчало так, что сейчас Никола был готов съесть что угодно, кроме, разве что, яблок.

Мальчик приближался к дому. Уже совершенно стемнело, уличных фонарей в пригороде не было. Свет на дороги кое-как попадал из окон домов, расположенных рядом, некоторые дворы освещались лампами. Мальчик, перед тем как зайти в дом, посмотрел на одинокие качели. Выглядели они пугающе — черный силуэт дуба на холме и длинные две веревки с доской на фоне темнеющего с каждой минутой неба.

Странно было то, что ни газовая лампа над входной дверью, ни даже свет из окон в доме Николы не горел. Может быть, мама уже легла спать, подумал мальчик. Душо смиренно проследовала в свою будку.

Дверь в дом не была закрыта полностью. Она покачивалась из стороны в сторону, создавая неприятный скрип от петель. Внутри, за ней, была крошечная тьма.

Никола медленными шагами прошел расстояние от калитки до двери, поглядывая то на дерево, немного шелестевшее листвой, то на темное окно из кухни. Деревянный порожек поскрипел, когда мальчик наступил на него. Он открыл дверь.

С улицы хоть немного, но все же проник свет в черный коридор. Его, однако, не хватало даже до ближайшей лестницы на второй этаж. Камин в гостиной не работал, это было ясно еще на улице, по трубе без дыма. Хотя было и не слишком холодно, чтобы его разжигать.

Если мама и вправду спала, то в своей комнате, напротив арки входа на кухню. Дверь в свою спальную она всегда запирала, как и сейчас.

Покушать было очень неплохой идеей, и Никола осторожно в темноте последовал на кухню. Здесь, поскольку имелось большое окно, все было хорошо видно.

На полу лежала его мама. Она не шевелилась. Николу что-то колкое пробрало с ног до головы. Мальчик, испугавшись, быстро подошел к ней и опустился на колени. Эльза лежала

спиной к нему.

В коридоре послышались шаги, ребенок обернулся.

В проходе стоял мужчина. Высокий, с короткой стрижкой, весь в черном. Гневным, пронзительным взглядом он смотрел на мальчика, Никола не знал, что делать. Резко стало очень холодно.

— Вот и ты, мелкаш, заждался тебя — он говорил как-то хрипло и низко, таким тоном, будто бы Никола являлся виновником всех его бед — эх... — сказал он, изображая усталость — был бы твой папаша поумнее, Чадаев не приказал бы мочить детей и женщин.

Он продолжал стоять в кухонной арке. Мальчик заметил в его крупной волосатой руке метательный нож. Он сверкал от света из окна. Сердце мгновенно сжалось. Мужчина был в расстегнутой черной короткой куртке, под которой была черная рубашка с острым воротом, черные штаны — эту монотонность нарушал только тонкий и длинный красный галстук из шелка, на котором был какой-то золотой значок.

Никола руками начал будить маму, не отрывая напуганных глаз от незнакомца

— Мама! Мама!

В Николу тут же полетел нож, но мальчик успел мотнуть головой, и лезвие чиркнуло его по левой скуле. Появилась резкая боль. Никола закричал.

— Ишь ты, шустрый какой... молчи и не двигайся, уйдешь так же быстро, как она — он достал из-под куртки большой черный пистолет и направил оружие на мальчика. Он начал медленно приближаться, глядя прямо в его расширенные зрачки.

Никола закрыл глаза, задыхаясь. Раздался лай и тут же последовал выстрел. Мальчик вскрикнул и подскочил от страха. От прямого попадания Николу уберегла Душо. Собака с яростью всем своим телом повалила ничего не ожидавшего бандита сзади на пол. Она рычала, вгрызшись в подставленную мужчиной руку.

Мальчик воспользовался моментом. Вернее, воспользовались его ноги. Он, сам того не ведая, помчался прочь с кухни на лестницу второго этажа. Он не кричал, но дышал так тяжело и часто, что, казалось, вот-вот свалится задохнувшись. Кругом была полная темнота, но Никола уже не боялся обо что-нибудь споткнуться или удариться. В голове он лихорадочно перебирал все варианты, где можно было спрятаться. Левая щека вся горела от боли, из нее лила кровь. Внизу, из покинутой кухни, послышался еще один выстрел и жалобное скуление Душо.

Никола забежал в отцовский кабинет, хлопнув дверью. Он сразу же ринулся к письменному столу, на котором стояла коробка с подаренным отцом кинжалом.

Множество стеллажей и темнота, здесь было полно места, где можно было спрятаться. Мальчик думал на автомате. В коридоре послышались шаги, человек был уже на втором этаже.

— Думаешь, что спрячешься от меня! — разозлено орал он — ты наследил своей кровью, чертов мелкаш!

Никола уже сидя за одним из стеллажей, что был совсем близко к входу, прикоснулся ладонью к левой щеке, пульсирующей от боли. Он посмотрел на пальцы, те были все в крови, как и рубаха, и лямочные штаны, что были на нем.

Массивную дубовую дверь в кабинет мужчина открыл ударом ноги. Она резко и очень громко врезалась в стену, дом задрожал.

Никола вздрогнул. В темноте он с трудом различал силуэт вошедшего человека. По шагам было ясно, что мужчина проходит к центру кабинета, поближе к письменному столу,

оглядывая все вокруг и держа пистолет наготове.

Мальчик боялся, что он сейчас услышит стук колотившегося сердца, которое уже просто вырывалось из ушей. Никола выглянул из-за книжной полки и увидел, что бандит подошел к окну. Теперь его было хорошо видно на фоне улицы, он был на расстоянии вытянутой руки.

Мальчик не стал медлить. Обнажив лезвие кинжала, он высунулся из-за стеллажа и с криком, в два счета подбежав к мужчине, воткнул клинок в правую ногу бандита. Лезвие во что-то уперлось и застряло в ноге, но Никола вдобавок всем своим телом навалился с разбегу на него.

Мужчина заорал от боли, так громко, что его должна была слышать вся округа. Он повалился на живот и выронил свое оружие. Пистолет с шуршащим, тяжелым грохотом проскользил целый метр вперед перед бандитом. Никола, не мешкая, перелез через его тело и схватил оружие. Тяжелое, оно еле помещалось в его руке.

Мужчина поднял глаза и увидел мальчика с пистолетом перед собой. Он начал браниться, схватившись за ногу, в которой остался обгаренной кровью золотой кинжал. Он вновь взглянул на мальчика покрасневшими от ярости глазами, рывками подползая к нему.

— Ты! Как ты можешь! — кричал он, когда мальчик от страха дрожащей рукой направил пистолет на него — Как ты смеешь так поступать с моим оружием... всего лишь мелкаш!

Он орал настолько сильно, что его вены на шее напряглись, вздулись, а лицо было уже багровое. Словно бешенный он продолжал ползти к мальчику, пытаясь подняться на ноги, не веря, что ребенок спустит курок. Никола заметил на его шее татуировку — черный крест, вписанный в октаграмму. Точно такой же символ был вышит золотом на его красном галстуке.

Мужчина вытащил клинок из своей ноги, за которым тут же брызнула вверх черная кровь. С грозным ревом он набросился на мальчика с этим золотым лезвием.

Раздался выстрел.

Пуля попала точно под татуировку октаграммы. Из раны хлынула кровь, прямо на мальчика, забрызгивая его одежду, лицо и волосы. Мужчина, корчась в агонии, упал на пол к его ногам.

У Николы начинало темнеть в глазах, они стали закатываться наверх. Не чем было дышать. Пистолет выпал из рук, и мальчик повалился без сознания рядом с трупом.

Глава III

Август 1905 года второй эры.

В пригородном вокзале Ужица была большая суета. Рабочие администрации в коротких черных пиджаках носились, проверяя товары на разгрузке и погрузке. Шум и гам от громоздких паровозов, сбрасывающих пар на остановке постоянно нарушался звонкими гудками отправляющихся составов. К приезду любого поезда, коих были десятки за день, служащие готовились с трепетом заранее. Железную дорогу сюда проложили только в прошлом году и ее многие побаивались.

Был отличный солнечный день самого конца августа, навевало осенью — листья в большинстве своем пожелтевшие, частые дожди и прохладный ветер. Хотя еще достаточно тепло, чтобы практически все лужи успевали высыхать. Правда, на погоду, какой бы она не была, редко кто обращал внимание.

Локомотив за локомотивом, товарные и пассажирские составы продолжали прибывать. Ближе к двенадцати часам, один из таких дальнемагистральных экспрессов, что предназначались не для бедной братии — это было видно по его внешнему виду — остановился около первой платформы.

— А вот и девятичасовой — ругался один из служащих — три часа задержки, что это... где это вообще слыханно!

В этих четырех вагонах людей было совсем немного: с одной стороны — Ужиц был конечной остановкой, с другой — в охваченную войной республику мало кто рвался. Около десятка человек вышли на перрон, их практически никто не встречал.

Все прибывшие в суете разошлись. На какое-то время перрон опустел. Входная дверь в самом последнем вагоне медленно отворилась. Не спеша, аккуратно спускаясь по металлическим ступенькам вниз, оттуда вышел мужчина. Он сразу прикрыл ладонью лицо, прищурившись, посмотрев в сторону солнца.

— Пффф, ну и жара — проговорил он тихо сам себе, почесав свой большой, как картошка, нос.

Мужчина сделал пару шагов к центру перрона и остановился, начав осматриваться. В руке он держал большой чемодан. Черные лакированные сапоги, блестели на солнце и почти доставали до колен, в них были заправлены черные штаны.

— Нет, все-таки здесь слишком жарко — он снял с себя и повесил на руку длинный до пола плащ бордового цвета, с шлицей позади, рукава которого были украшены золотыми растениями, тянущимися к локтям. Теперь, оставшись только в белом кителе с золотыми погонами, он достал из кармана маленькую бумажку и огляделся вокруг. Кроме одноэтажного здания вокзала и четырех платформ с поездами здесь ничего не было. Кругом один лес, в который уводила маленькая тропинка. Мужчина направился по ней.

Лес в большинстве своем еще зеленый, здесь было много хвойных. Березки же, например, давно начали осыпаться листвой. Он продолжал идти среди деревьев по тропинке, которая вела его куда-то. Света было полно, солнечные лучи линиями ложились на землю. Дорога начала подниматься в гору, незаметно набирая высоту, и совсем скоро мужчина

увидел проблеск вдаль. Он подходил к границе леса, деревья начинали редеть, и вот было уже совершенно ясно, что он вышел на какой-то холм.

Он вдохнул полной грудью свежего местного воздуха, почему-то с кислым, похожим на яблочный, привкусом. Холм закрывал ему обзор, но за ним было прекрасно слышно мычание коров, детский смех и что-то еще. Люди где-то неподалеку. На самой вершине его находился большой, пышный дуб.

Мужчина не спеша поднялся наверх, ему открылись виды сельской местности. Море людей в золотистом поле косили пшеницу, бесконечное количество телег ходили по дорогам то с сеном, то еще с чем. Стайка детей куда-то бежала с корзинками яблок, которые прямо сыпались через край. Здесь все было оживленно, все работало. Человек надел свой бордовый плащ, который тут же начал колыхаться на ветру. Он не сразу заметил, что справа от него на веревочных качелях сидела, не раскачиваясь, девочка. Да и не заметил бы, если бежевый щенок, лежавший под ней, не твякнул на высокого незнакомца, оскалив свою пасть. Человек, дернувшись, обернулся в их сторону.

Девочка продолжала сидеть на качелях, она хоть и заметила незнакомца, но все равно смотрела куда-то перед собой с грустным лицом. Щенок же не переставал рычать пощеньчи. Мужчина почесал золотой висок, с непонятливым видом глядя на эту парочку, встал, и, взяв в руку чемодан, начал спускаться в пригород.

Он остановился возле первого же двухэтажного дома, что располагался у подножья холма. Долго оглядывая его с крыши до порога двери, мужчина все же отворил калитку забора. Подойдя к входной двери, он своим могучим кулаком сделал несколько слабых стуков.

Ответа не последовало, дверь никто не отворил.

Мужчина еще раз постучал в дверь, но уже более громко. Ответа и в этот раз не последовало. Человек сделал пару шагов назад, сходя с деревянного порожка, глядя в большое окно, что было справа от него.

Девочка, тем временем, наблюдала за этим мужчиной с качелей на холме. Она немного удивилась, когда к дому его друга подошел неизвестный.

Тяжело вздохнув, мужчина решил покинуть двор. Только он приблизился к калитке, как ее перед ним отворила та девочка, спустившаяся с качелей. Щенок тут же вбежал во двор и направился в будку, но, никого там не обнаружив, с еле слышимым скулением попятился обратно к хозяйке.

— Чего вам надо? — холодно спросил семилетний ребенок, каким-то строгим взглядом посмотрев на незнакомца. Мужчина погладил свою бороду и улыбнулся девочке.

— Кхм... — кашлянул он в ответ — прости меня, пожалуйста, — он немного наклонился к ней, спрятав руки с чемоданом за спиной — понимаешь, я тут ищу одного мальчика. Его зовут Никола Владыч.

Девочка молчала. Она глазами стала оценивать мужчину и в первую очередь его странную полувоенную одежду, которую никогда раньше не видела. Еще ее насторожила длинная сабля в черно-красно-золотых расписных ножнах, прикрепленная к ремню на поясе. Шмыгнув носом, она спросила:

— А для чего он вам нужен?

Человек почесал золотой висок.

— Я давний друг его отца, Драгана Владыча, и, скажем так, я тут для того, чтобы сделать ему предложение.

Через грязные стекла небольшого окна, занавешенного шторками, проникал солнечный свет. Он освещал всю летавшую в воздухе пыль, садившуюся на стопки голубых тарелок, чашек и прочей посуды. Сразу можно было понять, что здесь давно никто не убирался, но когда-то тут все сверкало чистотой. На кухне была крайне удручающая атмосфера, полумрак, лучи попадали на паркет и лишь краешком затрагивали белый лакированный стол. Еще хуже смотрелась ваза с цветами — в пожелтевшей воде отмокали стебли четырех высохших и почерневших гвоздик.

Маленький жестяной чайничек разогревался на печи, из носика уже выходили первые струйки пара, пока что негустого. Немного шипя, он нарушал неудобную тишину.

— Не ожидал я этого... ну ни как не ожидал.

За белым столом, у самого края, сидел тот самый мужчина, что около часа назад прибыл в Ужиц на поезде. Ошеломленной страшной новостью, он весь взволнованный гонял правой рукой по своим волосам взад-вперед.

Кроме него на кухне находился еще один человек — Даника Ташина. В одном коричневом шерстяном халате она стояла возле печи, облокотившись на тумбу и скрестив руки на груди. Ее нисколько не смущал свой неопрятный внешний вид. Она со сжатыми губами недовольно смотрела на своего гостя, ожидая пока закипит чайник. Почему этот человек ее так раздражал, она и сама могла с трудом сказать, но, наверное, потому что за бордовым плащом, на его белом кителе она случайно заметила погоны.

— А где его отец, вы знаете? — спросила она — он отбыл к вам два месяца назад и все...

Мужчина, глубоко вдохнув и сильно сжав веки, отрицательно покачал головой.

— Его отец...

Он прервался, обратив внимание на Славу, появившуюся в дверном проеме. Девочка стояла все в том же грязном и рваном сарафане, хотя мама попросила ее переодеться. Она медленно, на носочках подбежала к Данике и тихо произнесла

— Мам, он не говорит...

Женщина вздохнула и опустила голову. Чайник был снят с огня.

— Славушка, иди во двор, покорми там Шечера — отпустила она девочку. Слава тут же ушла прочь с кухни.

Даника дрожащей рукой налила себе в стакан кипятка и разбавила его холодной водой из графина. Она отвернулась от гостя, чтобы тот не заметил ее дрожащих губ.

— С тех пор, как поселился у вас, мальчик больше не разговаривал? — тихо спросил он таким тоном, словно и не ждал ответа.

Даника покачала головой, не оборачиваясь, и сделала еще пару глотков воды.

— Он сам на себя-то не похож... я не могу смотреть... это уже не ребенок... не тот Никола, что носился с моей Славой по улице раньше... я... я не знаю что делать — женщина начала плакать — он... Он ни то, что молчит, он ничего не ест уже который день... он же умрет так.

Она закрыла лицо руками, протирая покрасневшие глаза. Подойдя к окну, Даника проверила, вышла ли ее дочь во двор.

— Мальчик может молчать и не по своему желанию — мужчина встал из-за стола и

подошел к ней ближе — разрешите мне увидеть его, я постараюсь помочь.

Даника оторвалась от окна и обернулась, посмотрев прямо в его темно-карие глаза. От них так веяло каким-то теплом и добротой, что нельзя было и подумать, что у этого человека есть какие-то плохие умыслы.

— Как вы сможете помочь? Вы врач?

Человек отрицательно покачал головой.

— Вы, верно, не знаете о таких, как я... я умнее многих врачей.

Даника поставила стакан с водой на подоконник и, немного подумав, ответила.

— Вы можете поговорить с ним, но я буду присутствовать рядом

— Хорошо, пойдете

Она отвела мужчину к самой дальней комнате от кухни. Дверь была заперта, женщина легонько два раза постучала в нее и открыла.

— Николушка... к тебе пришел гость — тихо сказала она, заглянув в его комнату, никакого ответа не последовало.

Даника открыла дверь ипустила его внутрь. Он медленно вошел, сапоги глухо цокали по деревянному полу.

Здесь, в отличие от кухни, было светло и чисто, но создавалось ощущение какой-то пустоты, словно чего-то не хватало. В комнате находился стол. На нем стояла только газовая лампа, прямо по центру. Стула не было, но зато была чисто заправленная кровать с двумя подушками. Больше никаких предметов, ничего лишнего.

Напротив входа располагалось окно. Его давно не открывали, потому что в комнате было совершенно нечем дышать, да и сам теплый воздух смердел чем-то отвратительным.

Мужчина, осмотрев все это, обратил взор на мальчика, немного вздохнув, словно переводя дыхание.

Никола сидел в инвалидной коляске напротив окна, спиной к входу. Весь скрюченный, с сальными волосами, взъерошенными в разные стороны, он смотрел точно в сторону окна, или, может быть, на подоконник, или еще ниже. Мальчик никак не отреагировал, не обернулся посмотреть на того, кто вошел, как будто даже не услышал людей.

Даника проследовала за мужчиной и встала около двери, закрыв ее, ни на шаг больше не приближаясь к мальчику. Человек где-то с минуту сам еще стоял, не двигаясь и не отрывая взгляда от опущенных плеч ребенка. Затем он медленно и спокойно начал приближаться, в комнате вновь застучали каблуки его сапогов.

Между мальчиком и окном было много места, и Никола действительно не смотрел на улицу, он наблюдал что-то под самым подоконником, хотя смотреть там было совершенно не на что. Мужчина встал прямо перед ним, спиной к окну, но стараясь полностью не загроживать свет.

— Здравствуй, Никола — поздоровался человек, убрав руки за спину.

Мальчик же по-прежнему, не сказав ни слова, не посмотрев на гостя, глядел куда-то вниз. Мужчина тоже взглянул на окно и решил открыть ставни. С грохотом стекла и треском рамок они отворились, в комнату потек свежий воздух.

Человек присел точь-в-точь перед лицом мальчика, чтобы попасть под его взгляд и, взяв ребенка за руку, продолжил:

— Мое имя Сергей Крепп...

Он прервался, поняв, что мальчик все еще не слушает.

Его глаза представляли ужасное зрелище. Безжизненные, тусклые и серые-серые, как и

бледное лицо. В них не было ни капельки блеска, ни намек на жизнь. Они наполовину закрывались тяжелыми веками и опущенными бровями. Мальчик не высыпался, у него были синяки под глазами.

Сергей Сергеевич пощелкал пальцами перед его лицом. Но Никола ни как не реагировал на щелчки, хотя, кажется, уже воспринимал мужчину перед собой.

— Боюсь, я даже представить не могу, что сейчас с твоей второй составляющей, друг мой — сказал Скрепп, выпрямившись — как на счет выйти во двор, прогуляться?

Никола молчал, но Сергей Сергеевич, не дожидаясь ответа, взял коляску за ручки, развернул от окна и повез прочь из комнаты. Даника открыла дверь и пропустила их вперед, выйдя следом. Мальчик сидел, не обращая внимания на происходящее.

Коляска со скрипом выкатилась на землю с порога дома Ташиных. На улице было намного светлее, чем в комнате, здесь гулял прохладный ветерок. Эта свежесть сразу начала пробуждать мальчика, кружить ему голову. Отдельные лучики солнца, сквозь листву попадали на лицо. Мальчик начал осматривать двор.

Слава сидела справа от входа на каких-то полусгнивших досках под окном кухни. Шечер покорно лежал на ее руках и сосал молоко из маленькой бутылочки, которым девочка кормила щенка. Она не сразу заметила как ее мама, незнакомый мужчина с Николой в коляске вышли на улицу.

Скрепп начал осматриваться, подбирая место, где присесть.

— Давайте около воды — сказал он, взглянув на маленький пруд, что был в саду рядом с домом.

Он располагался под большим деревом, листва от которого уже начала осыпаться, украшая зеленую траву на лужайке и поверхность воды редкими красными и желтыми листьями. Берега прудика были засыпаны мелкой галькой, а дно было из крупных камней, поэтому вода в нем казалась кристально чистой, хотя на поверхности и плавали несколько водяных лилий с цветками.

— Тебе нравится? Тут и тенек есть, да? — спросил Сергей Сергеевич

Он поставил коляску мальчика напротив скамейки, что стояла рядом, и, отряхнув грязное место, присел. Даника тоже устроилась на краю, не отрывая взгляда от Николы.

— Итак, друг мой, ты знаешь, кто я? — голос Скреппа был мягок, мужчина старался улыбаться мальчику.

Никола в ответ еле-еле отрицательно покачал головой. Он не смотрел ни на человека, ни на тетю Данику. С прежним выражением лица что-то «искал» под скамейкой. Даника с волнением взглянула на Скреппа.

— Твой отец разве не рассказывал тебе? — он почесал висок, сделав паузу — а ведь он такой же, как я

Мальчик медленно повернул на него голову, осматривая то, во что Скрепп был одет. Хриплым и подавленным голосом он, наконец, произнес:

— Вы из той же страны, куда уехал мой папа?

— Да, да — тихо обрадовался Сергей Сергеевич — я из Веридаса, большая страна на востоке — он очертил двумя руками в воздухе что-то вроде границы, показывая размеры территории — в несколько раз больше чем Себор...

Но Николу явно не интересовал размер границ.

— Где мой отец? — шепотом спросил он, все еще как-то безучастно

Скрепп кашлянул, поправляя голос. Тетя Даника тоже посмотрела на мужчину,

интересуясь этим вопросом.

— Не беспокойся, с ним все в порядке. Драган продолжает работу в стране.

Он поставил локти на колени и облокотил голову на кулак, собранный из ладоней. Приблизившись к мальчику, он быстро продолжил говорить, чтобы Никола не спросил еще чего-нибудь.

— Никола, выслушай меня. Я расскажу, зачем приехал к тебе. Мы с твоим отцом состоим в одном очень большом обществе...

— Золотом?

— Да — покивал Скрепп — Императорское Золотое Общество, папа говорил о нем, да?

— Не очень много — в голосе мальчика послышался легкий интерес, он стал прислушиваться к Скреппу

— Я могу тебе про него рассказать. Это очень древнее общество, которое было основано еще в самом начале Второй Эры, знаешь, что такое Вторая Эра?

Никола кивнул головой

— Мы изучаем одну сложную и опасную науку Компонологию... занимаемся расшифровкой и толкованием записей, оставленных нам от древней цивилизации в семи свитках. И в них записана информация о том, как достигнуть состояния совершенного человека, который сможет осмыслить саму Истину... ты понимаешь, о чем я говорю?

Скрепп сел ровно, собрав руки на груди. Даже ему самому показалось, что он рассказал про Золотое Общество слишком сложно для семилетнего мальчика. Он ждал, что ответит Никола.

Мальчик посмотрел на небо. Там сквозь солнечный свет виднелись два силуэта каких-то хищных птиц, возможно соколов. Он внимательно, несколько минут наблюдал за тем, как птицы кружат в небе прямо над домом, что-то высматривая.

— Значит, мой отец жив и занимается наукой

Он продолжал смотреть на небо, но потом закрыл глаза, оставив голову поднятой.

— Да, друг мой, твой отец жив, — продолжал Скрепп — но я прибыл к тебе с другой новостью. Я предлагаю тебе вступить в наше Золотое Общество, встать рядом с отцом и пойти вместе с нами...

— Ну хватит!

В разговор вступила тетя Даника. Она с возмущением перебила Сергея Сергеевича Мужчину бросил на нее косой взгляд. Поднявшись со скамейки, Даника встала между Николой и Скреппом.

— Драган жив... и это очень хорошо — ее голос дрожал, но она старалась не кричать — Что же он сам не приехал в Себор? Он не знает о том, что случилось с его семьей? Так или иначе, я Николу в Веридас не пушу!

Сергей Сергеевич тоже поднялся со скамейки, стараясь не беспокоить мальчика. Он тихонько, за плечи усадил ее обратно.

— Прошу вас, успокойтесь... отправляться со мной в Веридас или нет, зависит только от его решения...

Но Даника не собиралась сдаваться, она вновь перебила Скреппа.

— Я в курсе того, что у вас в вашей империи там творится — в разных городах кто-то кого-то взрывает. Вы и сами не знаете, что происходит, только люди гибнут — она снова подошла к Николу — и вы хотите, чтобы я отдала маленького мальчика туда?

— Я вас уверяю — продолжал Скрепп — эти взрывы, организованные Чадаевым, вскоре

прекратятся, народ империи целиком и полностью поддерживает императора и нас. Поимка террористов, дело времени...

Никола неожиданно для всех вскочил с коляски, она чуть не опрокинулась в пруд.

— Я еду в Веридас! — выкрикнул он.

Кулаки мальчика были сжаты, он глубоко и даже как-то злобно дышал. Скулы напряглись, но самое главное — его глаза. Они просто сверкали огнем. Огнем решимости.

— Никола... — безнадежно произнесла тетя Даника.

Скрепп серьезно посмотрел на мальчика, он не понимал, из-за чего ребенок так встрепенулся.

— У тебя еще есть время подумать, такие решения спешно не принимаются — он накинул свой длинный бордовый плащ и направился к выходу — всю эту неделю я проведу в Ужице, найди меня там.

Самой обсуждаемой новостью последних дней стал приезд загадочного иностранца сюда в Ужиц. Люди говорили о его странной одежде, гадая, то ли он военный, то ли аристократ, говорили о цели поездки. Вскоре зашелестел не только пригород, но и сам Ужиц, каждый хоть краешком глаза хотел посмотреть на этого человека. Правда, когда он прогуливался по улицам, некоторые от него почему-то сторонились, но были и те, кто не боялся подойти и спросить что-нибудь.

Начали ходить разные слухи — то ли этот человек был какой-то хороший врач, приехал лечить мальчика, то ли детектив. В большинстве своем они не были правдивыми.

И совсем шокировал местных случай, когда один из фермеров-виноделов, в знак гостеприимства, пригласил Скреппа на дегустацию яблочного вина, а Сергей Сергеевич вежливо отказался, добавив что-то про вред третьей составляющей.

С того дня, как он посетил Николу, мальчик сильно изменился. Он больше не просиживал на коляске у окна в своей комнате дни и ночи. Он, наконец-то, начал говорить со Славой и ее мамой. Но друзья по-прежнему еще боялись навещать его. Милош только один раз забегал и через тетю Данику отдал ему сладостей с запиской от всех ребят пригорода. Мальчик, правда, не стал ее читать, да и к конфетам не притрагивался. Он часто сидел у пруда на скамейке и читал книги, которые ему принесла Даника из кабинета Драгана Владыча. Мальчик не отрывался от них ни на секунду, даже странно было видеть, с каким взрослым подходом он это делает.

Неделя, отведенная Скреппом, подходила к концу. Близилась выходные. Тетя Даника дала поручение Славе сходить в Ужиц за кое-какими продуктами. Никола как обычно сидел во дворе и случайно услышал ее. Закрыв «Введение в Рациологию» он подошел к девочке и предложил пойти вместе.

Это был первый за долгое время случай, когда Никола вышел за пределы двора Ташиных. Был день, в пригороде как всегда кипела работа. Дети шли по грунтовой дороге в город, им часто попадались прохожие. Завидев Николу, они сначала, не отрывали от него глаз, а потом отворачивались, проходя мимо. Ни один не находил смелости поздороваться с ребенком.

Однако Николе было безразлично, обращают на него внимание или нет, он молча плелся рядом со Славой, опустив глаза вниз. Девочка тоже не пыталась начинать разговор.

К вечеру дети закончили все дела в городе. Они выдвигались с шумного базара возле площади. Деревянные стенды, на которых когда-то вывешивали списки, сейчас были пусты, рядом с ними около десятка человек продавали арбузы. Было полно народу, и практически везде в толпе слышалось: «Видишь его, этот тот самый мальчик», «Вон он, вон, смотри». Люди косились в его сторону, не переставая шептать.

Мальчик вдруг заметил высокого человека в бордовом плаще, который словно айсберг возвышался в море других людей.

«Это, наверное, он» подумал Никола и решил подойти поближе, Слава двинулась за ним.

Сергея Сергеевича тоже не обделяли вниманием. Дети тыкали в его сторону пальцами, спрашивая у мам и пап что это за гигант с бородой. Ребятам казалось, что это волшебник из детских сказок.

Скрепп улыбался всем. Он стоял возле лавки со специями, пересчитывая мелочь в крупной ладони, затем обратил внимание на подбежавшего Николу.

— О, друг мой, ты уже поправился, приветствую

Мальчик не знал что сказать. Он посмотрел на Славу, которая поздоровалась со Скреппом. По девочке было видно, что она не рада встрече, то ли обиженными, то ли напуганными глазами смотря на него. Никола решил спросить первое, что пришло в голову.

— Что вы тут делаете, милорд?

Скрепп посмотрел на него удивленным взглядом, немного приподняв брови.

— Тебе не стоит называть меня по вашему «милорд», обращай ко мне Сергей Сергеевич. — Мальчик немного испугался, как будто сделал непростительный поступок и опустил глаза. — Я был в твоей школе, узнавал, как ты учишься. — Скрепп обошел детей и направился дальше по улице, добавляя — Очень похвально... ты уже подумал над моим предложением? Завтра я зайду узнать ответ.

Он ушел, Никола не стал его догонять. Слава стояла с поникшей головой, смотря мужчине вслед. Она видела, как мальчик всю эту неделю со сверкающими глазами жаждал наступления выходных.

Глубокая августовская ночь. Теплый воздух и крошечная тьма. Никакого света, кроме далеких фонарей Ужица, что находились за множеством холмов. Тем не менее, они были так далеко, что свет ни как не мог скрыть звездного купола над пригородом. Конец лета — пора падающих звезд.

Никола не спал, даже не пытался. Он сидел на одной из ступенек порога входа во дворе дома Ташиных. Ночная темень нравилась ребенку, особенно после того, как у него началась бессонница.

Теплый ветерок ласкал голые ноги. Мальчик был в одной пижаме и коротких штанах. Он то и дело прислушивался к сверчку в траве с соседнего поля, а может и с дерева — их было много повсюду. Кругом ни души. Никола смотрел на звезды, он даже попытался их посчитать.

Все окружение создавало какую-то теплоту в груди у ребенка, но чем больше он сидел так, тем сильнее она его мучила. Он с ненасытностью взирал то на небо, то на холмы и леса, то на соседние дома. Что-то подсказывало, эта ночь будет последней ночью дома. Но еще

внутри было нечто такое, из-за чего Никола ни как не мог поверить в то, что эта ночь действительно последняя.

Он продолжал сидеть на пороге, надеясь, что тетя Даника и Слава не заметят, как мальчик вышел на улицу.

«Так тепло... я уже давно не ощущал такой теплоты. Ночью хорошо, почему по ночам все спят? Интересно, Милош тоже спит?»

Никола встал и подошел к калитке. Приоткрыв ее, он посмотрел в сторону одного из бесчисленных поместий. Свет не горел ни в одном из домов, только разве что на редких уличных фонарях внутри дворов. Усадьба Милоша тоже была во мраке, освещаемая только ярко-белым лунным светом. Было видно, как на пастбище внутри его двора стояли с опущенными головами две лошади.

«Спит, даже лошади спят... я один не сплю»

Мальчик вновь посмотрел на звезды, они мерцали большими и малыми огнями, разбросанными по небу и скученными вдоль большой линии, похожей на звездный пояс.

«Ну и ладно... не хочу я спать, может быть, я завтра уеду с этим человеком... не увижу больше этих звезд... в Веридасе, интересно, они тоже есть?»

Мальчик посмотрел на широкую полосу леса черных деревьев, через который вела тропинка на железнодорожный вокзал. Он тяжело вздохнул.

«Ехать далеко, наверное. Интересно, как там папа... стать золотым человеком, как я и мечтал»

Никола посмотрел в сторону темного окна комнаты Славы. Оно было немного приоткрыто и оттуда доносилось тихое сопение девочки.

«Бедная Слава... может нужно остаться здесь... я ведь ее последняя опора»

Мальчик подошел ближе к окну взглянуть на нее.

«Она, наверное, сильно расстроится... нет... я ни куда не поеду, я не должен ее оставить здесь... А может... может попросить Сергея Сергеевича взять ее с собой!»

Заглянув в окно, Никола увидел, как Слава лежала на кровати под одеялом, были видны только ее светлые волосы до плеч. Шечер спал прямо у нее в коленках.

«Тетя Даника... она точно будет против, что ж... я с Шечером пригляжу за ней здесь, а Сергею Сергеевичу скажу, что не поеду»

Никола присел на скамейку возле пруда, босой ногой начав водить по поверхности воды. В прудике отражалось звездное небо.

«Буду ждать отца здесь, тут Милош, Слава, другие ребята... я должен за ними присматривать, куда они без меня...»

Мальчик улыбнулся про себя, наблюдая за звездами в воде. Чувство того, что эта ночь становится последней, отступало, внутри становилось легче. Однако теперь Никола начал думать, что скажет Сергей Сергеевич, если мальчик откажется. Появилось другое чувство, что он упускает большой шанс.

«Нет... я хочу стать золотым человеком... как отец, но я должен остаться здесь... поступать как надо, а не как хочется, да папа?»

Мальчик встал со скамейки и вышел со двора через калитку. Он начал осматривать соседние дома, пока случайно не наткнулся на темный дуб, стоявший на холме. Веревочные качели, привязанные к одной из веток, все еще тихонько покачивались от ветра.

Ниже, у подножья холма стоял мрачный дом, в котором уже давно не горел свет. Николу что-то острое укололо по всему телу.

«Поступать как надо, а не как хочется... Чадаев...»

Никола сильно сжал кулаки, оскалив зубы. Он бегом ринулся к своему старому дому, топотом сандалет нарушая ночную тишину округи. Он дышал так часто и громко, что вполне мог кого-нибудь разбудить, пробегая мимо одного из поместий.

Подойдя к дому, мальчик остановился прямо около входа. Сердце в груди колотилось. Было намного темнее, чем в тот день. Дом смотрел на него своими черными окнами, стало вдруг настолько страшно, что у ребенка задрожали кончики пальцев.

Он обошел взглядом весь двор от пустой будки до дерева и садовых игрушек. Кругом тишина, здесь даже сверчков почему-то не было слышно. Никола медленно поднялся к двери. Холодной рукой он прикоснулся к металлической ручке.

Скрип звонко раздался по всем пустым комнатам. В доме было все так же темно и ничего не видно. Только лишь лунный свет немного освещал лестницу, камин и кресла гостиной.

Тело не слушалось мальчика. Он хотел сделать шаг внутрь, но правая нога отказывалась подниматься, она немного содрогалась в колене. Мальчик с трудом пересилил себя.

Очень медленно, на носках, как будто стараясь кого-то не разбудить, он направился к лестнице на второй этаж, где когда-то была его комната. Рядом с лестницей находилась арка на кухню.

Все было абсолютно пустым, мальчик посмотрел на место, где в тот день увидел свою маму. Сам по себе в голове вспомнился страшный выстрел. Никола дернулся немного и потрогал свой шрам на левой скуле.

На втором этаже из всех комнат, что были здесь, дверь была открыта только в кабинет отца. На ощупь мальчик пробрался в него. Все стеллажи, письменный стол и даже бумаги, ручки и пюпитр лежали как обычно, на своем месте. Небольшой слой пыли начал скапливаться повсюду. Запах старых книг, который мальчик уже успел забыть.

Никола нашел то, что искал.

Он подошел к письменному столу и открыл один из ящиков. Внутри лежала длинная черная коробка. Мальчик открыл ее. На том же месте, среди красной ткани лежал золотистый кинжал.

Само лезвие было стальным и гравированным различными узорами вдоль основы. Эфес и гарда из золота, тоже декорированного. У самого основания клинка располагался символ «V» в кольце. Под клинком лежали отдельно черные ножны с золотыми растениями.

Мальчик спрятал клинок в ножны с приятным для уха металлическим лязгом. Он крепко держал оружие, сжимая его все сильнее и сильнее. Руки тряслись, в груди все начинало полыхать.

Эмоции закружили ему голову, слезы наворачивались к красным от злости глазам. Внутри себя Никола испытывал что-то новое — ужасно непреодолимое желание действовать. Делать что угодно, но не оставлять все как есть.

Тяжело дыша, он опустился на колени и приложил клинок к губам.

Когда уже начало светать, мальчик вышел на улицу. Медленно, одной рукой он закрыл скрипучую дверь, бросив последний взгляд внутрь, и отошел к калитке, не отрываясь от фасада здания. Мальчик заставлял себя сохранить в голове образ дома. В утреннем

полумраке он нагонял тоску, однако теперь весь страх куда-то исчез. Он словно впитался в золотой кинжал, как только Никола взял его в руки.

Утро принесло холодный ветер. Листья на деревьях всего леса зашелестели, отчего мурашки пробирали кожу. В одной пижаме Николе было холодно. Из рта начал появляться пар.

Мальчик не спешил идти домой к Ташиным, он наслаждался последними моментами пребывания в Ужице.

Он недолго думал куда направиться. Дуб с качелями на высоком холме был самым любимым местом во всем пригороде.

Первые лучи еще не пролились на округу, но было светло. В некоторых дворах уже началось утреннее шевеление, и Никола наблюдал за каждым помещьем, которое было видно. Страшный ночной лес, который все дети боялись, сейчас выглядел как-то подомашнему, с ним тоже не хотелось расставаться.

Он присел на веревочные качели и стал медленно раскачиваться, держась ногами за землю.

Никола заметил Славу, которая по тропинке шла в его сторону. Она была в своем ночном платице и, скорее всего, уже замерзла. Держа руки на груди, девочка передвигалась не спеша. Мальчик смотрел, как она приближается к нему и с каждым ее шагом на душе отчего-то становилось тоскливей и тоскливей.

— Так и думала, что найду тебя здесь — она сказала это с улыбкой на лице, но было видно, как за ней крылась какая-то печаль.

Никола встал с качелей, уступая место. Не произнося ни слова в ответ, он сел на мокрую траву под деревом, согнув ноги в коленях. Слава заметила, как блестели его глаза от слез. Мальчик шмыгал носом и не отрывал взгляда от рыжих, черепичных крыш домов.

Девочка не знала с чего начать разговор, Никола даже не пытался. Он итак потерял дар речи, осознавая, что со Славой тоже больше не увидится.

Очень долго они так и просидели, не произнеся ни слова.

Наконец, Слава заметила в руках Николы золотой кинжал.

— Ты... ты уже решил, что ответишь тому милорду?

Мальчик уткнулся лицом в коленки.

Слава встала с качелей, подошла к нему и взяла за руку. Теплая-теплая ладонь коснулась его, мальчик и не подозревал, что настолько промерз. Она слышала, как Никола тихо всхлипывал, но старался сдерживать слезы.

— Ну чего ты? — она начала гладить его по голове — не надо, не плачь

Девочка подняла его на ноги и крепко прижала к себе

— Прощу тебя, не плачь...

Никола совсем не ожидал такого объятия. Его руки сами вцепились в девочку. Он положил голову на ее плечи и закрыл глаза.

— Прости... я обещал, что ты будешь смеяться... но

Слава посмотрела на него

— Дурак... — она улыбнулась, рукавом вытирая глаза — не расстраивайся из-за этого...

Девочка вернулась на качели

— Покачаешь меня напоследок?

Никола подошел к ней и начал раскачивать.

Солнце поднялось из-за горизонта и освещало всю холмистую равнину. Пригород ожил.

Никола раскачивал качели все сильнее и сильнее.

День подходил к концу. Последний день недели, теплый и оранжевый вечер. Весь пригород затих, перешел на шепот. Люди выглядывали из-за оградок своих участков, смотрели из кустов или вовсе не прятались. Кто-то делал вид что работает, бросая при этом косые взгляды. Некоторые специально пришли посмотреть, что случится у дома Ташиных.

Сергей Скрепп, словно прогуливаясь, медленно направлялся к Николе.

Дом Ташиных сегодня и в самом деле был чересчур переполнен людьми. Тут собралась, наверное, вся детвора Ужица и пригорода, много простых людей. Они находились во дворе, либо висели на заборе, стараясь хоть немного увидеть, что будет дальше.

От мальчика не отставали с расспросами, что за человек в странной одежде заходит и о том, куда он едет. Никола молчал. Он сидел на скамейке, не отрывая взгляда от своего переполненного мешка, что лежал под ногами. Слава сидела рядом и тоже смотрела то на мешок, то на Шечера, то на других ребят, не произнося ни слова.

«Идет, идет... смотрите, вон он...» начали всюду шептать. Никола поднял взгляд в сторону калитки.

Сергей Скрепп был настолько высок ростом, что его голову было видно за длинным забором. Люди перевели свое внимание на него. Шепот начал утихать.

Мальчик встал со скамьи и подошел к порогу дома. Сергей Сергеевич, медленно вошел во двор.

Создалась необычная тишина. Все смотрели, как мальчик и мужчина стояли друг перед другом.

— Ну, друг мой, каков твой ответ? — спросил Скрепп

Мальчик взял свой мешок и повесил через плечо. Твердо и решительно, как будто долго репетировал эту фразу, он произнес, глядя в глаза Сергею Сергеевичу:

— Я поеду с вами, милорд

Никола посмотрел на Славу. Она, подняв на руки Шечера, начала гладить его. Щенок заскулил, не отрываясь от хозяина взглядом.

— Что ж — Скрепп улыбнулся, поглаживая бороду — в таком случае мы отправляемся немедленно, поезд отходит через час — он взглянул на карманные часы — мой багаж уже на месте, идем, друг мой.

Шепот вновь начал заполнять двор. Никола оглядел своих друзей. Они с пораженными лицами смотрели кто на него, кто на Скреппа. Милоша почему-то не было. Тетя Даника подошла к мальчику с еще одним мешочком в руках.

— Не забудь поужинать, Никола — она обняла его и дальше шептала на ухо дрожащим голосом — найдешь папу, напиши письмо нам сюда, хорошо?

Никола кивнул

— Спасибо Вам, тетя Даника

Он взглянул на Славу. Девочка печально смотрела на Шечера, не поднимая глаз.

Скрепп подошел к калитке. Мальчик последний раз взглянул на Данику, других людей, стоявших рядом, и направился вслед за мужчиной.

Внутри сразу стало холодно, все сжалось.

Никола плелся позади Скреппа, смотря в пятки его сапогов или на золотые языки

пламени бордового плаща.

Они подходили к высокому холму с качелями на дубе. Сколько раз мальчик взбирался на него с такой легкостью, даже не замечая подъема. Сейчас же, почему-то, идти было невозможно. Склон был такой крутой, что ноги не поднимались. Становилось все холоднее.

В паре метров от дуба мальчик остановился и скинул свою сумку на землю. Скрепп медленно обернулся, как будто знал и ждал, что Никола сделает это. Мальчик посмотрел на Сергея Сергеевича, затем обернулся к Ужицу.

Все продолжало жить своей жизнью, словно мальчика оторвало от какого-то бесконечного потока. Перед ним открылась точно такая же картина, как и раньше.

На закате солнца поля, верхушки деревьев, дома и особенно окна — все начинало переливаться оранжевым золотом вечера. Места, на которые падали последние лучи, мягко контрастировали с теми местами, где уже простиралась тень. Верхушки деревьев колышутся ветром, а между ними маленькие дети продолжают играть в прятки. Сильный запах забродивших яблок.

— Послушай меня, друг мой — тихо пробасил Скрепп — я понимаю, как тебе тяжело оставлять дом, но если ты решил стать золотым человеком, то тебе придется преодолеть себя... оставь все это, пошли.

Мальчик стоял и слушал с опущенной головой, смотря на мешок. Вдалеке послышался топот. Он увидел, как Слава со всей силы бежит к нему, пытаясь догнать, тяжело дыша, постоянно спотыкаясь. Шечер мчался следом.

— Решайся, или ты идешь или остаешься — Скрепп отошел к дубу и оперся на него спиной.

Слава догнала Николу и прыгнула на него, крепко сжав в объятия.

— Нет... пожалуйста, не уезжай — она шептала так, чтобы Скрепп не услышал — не хочу, что бы ты уезжал.

Из ее больших голубых глаз текли слезы. Никола тоже обнял ее, ничего не отвечая. Он держал Славу, пока девочка не успокоилась.

— Мы... мы же увидимся да? Ты найдешь дядю Драгана и вернешься? — спокойно и с улыбкой спросила Слава, посмотрев ему в глаза.

— Да, Слава, конечно вернусь...

Дети обнялись напоследок. Никола заметил, как многие жители пригорода отовсюду смотрят в их сторону. Некоторые друзья махали рукой в след. Он посмотрел на поместье Милоша. Милош стоял возле забора и смотрел точно на Николу. Приподняв кончик своей плетеной шляпы, он попрощался с другом. Никола в ответ кивнул ему.

— Береги Шечера, он присмотрит за тобой — сказал Никола, подняв на руки щенка

— Ага... спасибо — улыбнулась девочка, приняв щенка на свои руки. Шечер тихо тьявкал и скулил.

— Поезд, Никола, поспешим — сказал Скрепп

Никола поднял свой мешок и поудобнее закинул его за спину на обе лямки. Он направился за Сергеем Сергеевичем, не оборачиваясь. Ужиц вскоре скрылся за большим холмом.

Локомотив с ужасающим шипением сбросил пар прямо на перрон, отчего у Николы

волосы дыбом встали. На вокзале он был впервые, родители запрещали ходить сюда одному или с друзьями. Поэтому поезда он в глаза ни разу не видел. А так хотелось иногда узнать, что издает эти громкие гудки, доносившиеся из-за леса до пригорода.

Теперь мальчик с ужасом наблюдал паровоз. Огромная железная машина, из-под которой то и дело били струи пара с шипением. В него не то что садиться, а просто смотреть со стороны было страшно.

Сергей Сергеевич помог мальчику взобраться наверх к вагону. В купе стало поспокойней. Здесь было красиво и уютно — маленький столик и два диванчика. Только он скинул с себя сумку, как раздалось несколько гудков, и поезд тронулся. Никола еле-еле удержался на ногах.

Картинка за окном начала двигаться, локомотив набирал скорость.

— Ну, располагайся, — сказал Скрепп, снимая свой плащ — нам с тобой два дня еще ехать, с остановкой.

Мальчик начал привыкать к стуку колес и небольшому укачиванию. Он поставил свою сумку на диван и стал вынимать вещи. Было довольно прохладно, поэтому он хотел найти свою курточку, что лежала на самом дне мешка. Чтобы достать ее, пришлось выложить все остальные вещи на стол, среди прочего небольшую черную коробку.

— Что это у тебя тут? — Скрепп обратил внимание на нее

— Это? Подарок папы... он подарил мне его перед уходом.

Скрепп открыл коробку и достал из нее золотой кинжал.

— О! А эта вещь большой раритет — он начал внимательно разглядывать клинок — Драгану его сделали гораздо лучше, чем мне.

— У вас тоже есть такой?

— Был когда-то — Скрепп немного улыбнулся, не отрывая взгляда от кинжала — стыдно признаться, я потерял свой давным-давно.

— Вот как...

Скрепп обнажил лезвие и стал проверять его на остроту.

— Видишь ли, друг мой, лет двадцать назад еще была традиция при вступлении в золотое общество студентам дарить золотые кинжалы. Вот, видишь эту букву? — он показал на гравированный значок «V» в круге на эфесе — это императорский символ, V значит Веридас.

Никола, наконец, достал свою куртку и, надев ее, сел напротив Скреппа.

— А мне дадут кинжал?

Сергей Сергеевич спрятал лезвие в ножны и отдал мальчику.

— Не думаю... в последнее время оружие не дарят, скорее всего, это будут карманные часы или еще что-нибудь.

— Понятно...

Никола чувствовал себя как-то не так рядом со Скреппом. Он не знал о чем поговорить с этим человеком и почему Скрепп все время смотрит на него то с серьезным взглядом, то с какой-то добротой. Только когда за окном уже совсем стемнело, и Сергей Сергеевич задремал, мальчик успокоился. Он достал из сумки доску с шахматами и принялся расставлять фигуры.

Одна партия, вторая, третья. Николе быстро надоело побеждать самого себя, он даже захотел, чтобы Скрепп проснулся и обратил на него внимание, сыграл бы с ним. Но мужчина крепко спал, облокотившись на спинку дивана и на окно.

Мальчик утомленно вздохнул, поднялся на ноги и на цыпочках вышел из купе.

Их место было в самом хвосте вагона. Здесь совершенно не было слышно шум от локомотива, но зато слышался стук колес. К этому Никола уже успел привыкнуть.

В коридоре салона поезда было совсем пусто и темно. И еще настолько тихо, что ощущалось как будто мальчик и Скрепп были единственными пассажирами здесь. Благодаря темноте стали видны пейзажи за окном. Бесконечно длинные, темные поля под звездами и редкие полосы леса вдалеке.

Николе захотелось свежего воздуха, он проследовал к концу вагона и вышел через дверь наружу. Мальчик оказался на металлическом балкончике с перилами. Стук колес сразу стал громче. Поезд шел с большой скоростью, оставляя за собой ровную линию железной дороги. Она удалялась за горизонт.

Было по ночному холодно, но зато вид был потрясающий. Николу сразу приковала к себе ровная гладь поля. Он всегда жил среди холмов и не мог даже представить, что земля может быть похожей на море.

— Как красиво... — сказал он сам себе, не удержавшись.

Никола присел около перил и поднял голову к темно-синему звездному небу.

В вагоне слышались шаги и в следующий миг входная дверь отворилась.

— Вот это да, — Сергей Сергеевич вошел к нему и присел рядом, подогнув одну ногу — ты не замерзнешь тут сидеть?

Никола покачал головой. Скрепп посмеялся.

— Что ж, я тут кое-что вспомнил — он залез рукой в карман своего кителя и достал черно-белую фотографию — я должен был тебе это сразу показать, но к старости память изменяет людям.

Он отдал мальчику фотографию.

На ней был изображен какой-то свиток, с вырезанной единицей на рукоятях. А на самой бумаге виднелась надпись «Никола Владыч».

Мальчик недоумевающе посмотрел на Скреппа

— Ну... если вкратце — ответил он, поняв вопросительный взгляд ребенка — то когда я рассказал тебе о расшифровке свитков, то упустил одну деталь. Свитки сами решают, кому и когда их изучать.

— Сами?

— На них загорается имя человека, который может открыть их, и он постепенно с первого по шестой свиток изучает их... с последним посложнее.

— Я не понимаю, как...

— Не понимаешь, как они выбирают человека? — усмехнулся Скрепп — мы тоже этого не понимаем, просто слушаем их и все.

Никола взглянул на фотографию и снова взглянул на небо. Сергей Сергеевич тоже посмотрел на звезды.

— Послушай меня, Николай, — мальчик тут же обратил на него внимание — после того как ты откроешь первый свиток, тебя должен будет выбрать один из профессоров для обучения. Давай заранее обговорим, я согласен стать твоим учителем, будешь вторым...

— А отец? Он тоже профессор? — перебил его Никола

— Драган? Конечно...

— Я бы хотел стать его учеником...

Сергей Сергеевич замаялся и посмотрел на мальчика.

— Э... нет... не получится. У него уже есть ученик, да и нельзя отцу быть учителем сына.

— Почему?

— Нельзя...

Сергей Сергеевич кашлянул в кулак. Мальчик долго молчал, но затем обратился к Скреппу

— Почему вы назвали меня не моим именем?

Скрепп непонятливо посмотрел на него, почесывая золотой висок.

— Назвал не твоим именем? Когда это?

— Вот, только что, вы назвали меня Николем

— Да? — Скрепп прищурил глаза, вспоминая, что недавно сказал — я, наверное, оговорился. Николай это тоже твое имя, только на веридасский манер... советую тебе запомнить его, раз ты едешь в Веридас.

— Хорошо, учитель

— Я все же хочу спросить кое-что. То, из-за чего ты оставил своих друзей в Ужице и направился со мной... почему ты сделал это? Мне надо знать причину

Никола отвернулся от Скреппа, сжав кулак.

— Я еду к отцу, чтобы стать золотым человеком, учитель — мальчик сказал это как будто под пыткой, тихо и с холодом.

— В тот день, когда я пришел... ты так резко заявил мне, что собираешься со мной, хотя до того пока я не упомянул про Чадаева ты и ухом не вел.

Никола молчал

— Я понимаю тебя, — продолжал Скрепп, поднявшись на ноги — но если ты едешь со мной и собираешься стать золотым человеком только чтобы отомстить, это ошибка. Запомни, эмоции... особенно плохие эмоции, играют большую роль в человеке, особенно в золотом.

Мальчик все сидел, отвернувшись, не решаясь посмотреть на Сергея Сергеевича.

— Скоро поймешь.

Чем дальше поезд ехал на северо-восток, тем сильнее и сильнее ухудшалась погода. Серые тучи и редкий дождь были не новы для мальчика, но сейчас они только усиливали его тоску.

На границе Себора поезд сделал запланированную остановку на одной из станций. Утомленное долгой поездкой, большинство пассажиров выбрались на перрон. В основном это были женщины и дети, а из мужчин можно было встретить только хорошо одетых господ.

Сергей Сергеевич зашел в здание вокзала, велел Николе ждать снаружи, около входа. Моросил дождь, а изо рта выходило немножко пара. Легкая куртка почти не спасала мальчика от холода. Но на ней, по крайней мере, был капюшон, защищавший от дождя.

Выглядел Никола очень подавленно. С каменным лицом, не выражавшим никаких эмоций, он рассматривал людей на платформе. Почему-то очень хотелось найти ребят, своих ровесников. Мальчик был почти уверен, что подошел бы к ним познакомиться. Но детей его возраста не было, только грудные и совсем маленькие.

Много взрослых говорили между собой о чем-то. На Николу совершенно никто не обращал внимания. Мальчик не видел ни одного знакомого лица, это было впервые, так как дома он был знаком почти со всеми. Мальчик стал чувствовать себя одиноким.

Из последнего вагона вышел мужчина в коричневом пальто. За верхней одеждой был элегантный клетчатый жилет с золотой цепочкой. Мужчина осторожно, помогая себе тростью, спустился на перрон. За ним в дверях вагона показался темноволосый мальчик. Он тоже был хорошо одет, хотя и не по погоде.

Никола почему-то сразу предположил, что это отец и сын.

Мужчина взял мальчика под руки и спустил на перрон. Они вдвоем подошли к одному из окон вагона и постучали в него. Оттуда показалась какая-то женщина, отец и сын стали ей приветливо махать рукой. Никола не отрывал от них взгляда. Он предположил, что мальчик был на два года младше его.

— Чем это они тебя заинтересовали?

Никола и не заметил, что Скрепп подошел к нему сзади. Пересчитывая одной рукой монеты, он передал мальчику бумажный сверток.

— Что здесь?

— Сладости к чаю, а то в поезде даже куска сахара не найдется... — Он сжал все монеты в кулаке — только, похоже, я обсчитался со сдачей, жди, я быстро.

Скрепп ушел обратно и в этот момент с другой стороны вокзала, где находились встречные пути, раздался гудок пребывающего поезда.

Никола решил хоть одним глазком посмотреть на движущийся поезд со стороны и пошел на противоположную платформу.

Огромный черный паровоз, с серебряным орлом на фронте парового котла приближался к станции. Из его трубы высоко вверх валил густой черный дым. Он издал еще два гудка.

Никола заметил, что тот самый темноволосый мальчик тоже пришел на другую платформу посмотреть на паровоз. Он был один, без отца. Мальчик все ближе и ближе подходил к краю платформы. Никола глазами начал рыскать в толпе в поисках отца этого ребенка.

Послышался очень слабый детский крик.

Те, кому удалось услышать его, в том числе и Никола, обернулись — темноволосого мальчика уже не было на перроне. Он упал на рельсы и держался за левую ногу, сильно крича.

Поезд был уже почти на станции. Машинист, увидев ребенка на путях, сделал серию длинных гудков. Раздался громкий скрежет тормозящих колес, но локомотив двигался все еще быстро.

Внутри Николы все резко сжалось от страха. Он обернулся в сторону толпы, ища глазами отца ребенка. Но мужчины в коричневом пальто нигде не было видно. Ни Сергея Сергеевича, ни других.

Увидев всех остальных людей, просто наблюдавших, с ужасом замерших в монолитной толпе, Никола внезапно осознал, что он находится к мальчику ближе всех.

Ноги сами побежали. Мальчик лишь успел зачем-то сделать несколько глубоких вдохов.

Ребенок все еще лежал на путях и, от страха, даже не мог пошевелиться. Никола, спрыгнув с перрона, сам чуть не потерял равновесие и не упал. Поезд оглушительно сигнализировал уже совсем рядом, в паре десятков метров.

На секунду Никола подумал, что не успеет, но страха уже не было. Он схватил мальчика

за пиджак и резко потянул.

— Помоги мне! — закричал Никола — оттолкнись другой ногой от рельсы!

Ребенок правой ногой сильно толкнулся, и Никола смог вытянуть его с путей в последний момент. Они лежали вдвоем рядом, тяжело дыша. Прибывший состав вагонами отделил их от вокзала.

Когда поезд остановился, ребят вернули на перрон. Никола помогал мальчику, нога бедолаги была разбита, он не мог сам передвигаться.

Ребят мгновенно окружила толпа людей. Кто-то начал хлопать в ладоши и тут же аплодисменты окружили Николу со всех сторон. Мужчина в коричневом пальто пробрался, наконец, сквозь толпу к сыну. Увидев ребенка, он с жалобным криком метнулся к нему.

— Селим! Как же ты так... — он прижал мальчика к себе и начал гладить по голове. Ребенок заплакал, его страх еще не до конца прошел. Никола просто смотрел на них.

— Да, милорд, ваше дитя от гибели спасло настоящее чудо — сказал один из людей, по форме, видимо, служивший в железнодорожной почте.

Его перебила молодая девушка, которая за плечи подвела Николу к остальным.

— Вовсе не чудо! — сказала она громко, чтобы ее услышало как можно больше народу — мальчика спас вот этот человек. Он, не смотря на свой юный возраст, метнулся под поезд и вытащил ребенка.

Отец мальчика посмотрел на Николу и, оставив сына, подошел к нему.

— Я очень... от всего сердца благодарю тебя — мужчина взял Николу за плечо

В этот момент через толпу пробрался и Сергей Сергеевич.

— Никола? — он недоуменно посмотрел на всех, не понимая, почему мальчик в центре внимания — что здесь происходит?

Все затихли, обратив внимание на Скреппа.

— Этот ребенок только что спас моего сына.

Скрепп мимолетно взглянул на Селима, которому обрабатывали ногу, затем на Николу. Мальчик с взволнованным лицом смотрел на учителя.

— Ваша форма... вы из Золотого Общества? — продолжил отец мальчика — этот ребенок с вами?

Скрепп улыбнулся

— Да, со мной, он тоже будущий член Золотого Общества.

В толпе раздались удивленные возгласы и шептания. Тем временем поезд Скреппа и Николы просигналил к началу посадки. Все потихоньку начали расходиться, не переставая обсуждать случившегося.

Сергей Сергеевич помог Николе залезть в вагон.

— Ну, друг мой, — сказал он — следующая остановка в Централье!

Глава IV

Сентябрь 1905 года второй эры.

Утром три железнодорожных состава прибыли на вокзал Централа. К городу подъезжал еще один. На платформах было много народу, носильщики с трудом протаскивали громоздкие тележки через толпу. Было довольно рано, однако солнце уже взошло над горизонтом и пекло так сильно, что никто и не сказал бы о приходе в Веридас осени. Люди ворчали, что погода заставила их мучиться и держать верхнюю одежду в руках.

Никола изнемогал от духоты, так жарко не было все лето.

— Идем, нам вон туда — Скрепп указал мальчику на автомобиль.

Рядом с вокзалом находилось место особенно многолюдное. Здесь рядами стояли открытые и закрытые кареты, лошади жевали сено. Запах был не самый приятный. Извозчики сутились вокруг экипажей, пытались переманить пассажиров к себе. А переманивать было от кого. Маленькой линией рядом с каретами стояли черные, блестящие на солнце, машины. Водители их спокойно ожидали пока клиенты сами подойдут к ним.

Никола совершенно не понимал назначения этих металлических карет, их неуклюжий вид. За какое место они прикреплялись к лошадям? Он остолбенел, когда вдруг одна из машин с грохотом завелась, из-под низа пошел серый дым, и она медленно сама покатила по дороге.

Скрепп указал мальчику на один из таких автомобилей. Большая черная полированная машина стояла поодаль от других. Рядом, около водительской двери, находился молодой человек, лет семнадцати. Он терпеливо вглядывался в толпу выходящих из здания вокзала людей, положив руку на крышу кабины и перебирая по ней пальцами. У него был точно такой же длинный бордовый плащ с вышитыми золотыми растениями, как и у Сергея Сергеевича.

Наконец, он заметил высокого бородатого мужчину и мальчика, подошедшего к его машине. Парень живо выпрямился и приложил два пальца к виску.

— Приветствую вас, профессор Скрепп

Сергей Сергеевич открыл заднюю дверь машины и положил за сидения чемодан

— Лейтенант Терад? Вы мой новый водитель?

Терад не отпускал пальцы от виска, еще больше выпрямив спину.

— Сегодня все заняты приготовлением первого зала, меня послали встретить вас.

Никола живо сел в автомобиль, положив свой мешок под ноги. Внутри было очень душно — солнце уже успело прогреть салон. Сергей Сергеевич сел следом. Он отодвинул стекла на дверях в сторону.

— Машина поедет и станет прохладнее — сказал он.

Мальчик то и дело перебирал пальцы, брал себя за колени. Скрепп обратил внимание на его легкую дрожь.

— Ты волнуешься?

Мальчик кивнул

— Первый раз на машине едешь?

— Первый, учитель, но я не по этому...

— Можешь не рассказывать, — улыбнулся Скрепп, погладив его по голове — не волнуйся, все начнется только завтра, сегодня надо отдохнуть. Скоро увидишься с другими абитуриентами.

Лейтенант Терад сел на водительское кресло.

— Куда едем, профессор?

— Отвези нас к рояльной набережной.

Машина загремела и тронулась. Никола постарался взять себя в руки, вбивая в голову, что ничего страшного не произойдет пока профессор рядом. Но страх, почему-то не отступал — из-за него сильно болел живот, и кружилась голова.

Воздух, ни холодный, ни теплый, начал бить в лицо, остужая весь салон. Никола обратил взор на улицы.

Все было иначе, чем в маленьком Ужице. Одно только широкое авеню, полностью замощенное круглыми камнями вместе с тротуарами и декоративными деревцами вдоль них, превосходили самую большую улочку родного города Николы. Воздух был приятным и сладким, он был очень похож на тот, что Никола всегда чуял на редких цветочных фермах пригорода. Цветов здесь и вправду было много. Они оплетали монолиты домов, провода между фонарями, сами фонари, лужайки около деревьев. Их было много и на людях, на фраках и пиджаках, на женских шляпках.

На улице прогуливалось множество народу. Некоторые люди шли медленно, некоторые куда-то спешили. Все было так живо, мальчику начало казаться, что многим людям здесь не хватает места. Кучи людей, наверное, спят на улицах, думал он. Еще ребенка удивляло то, что почти каждый прохожий улыбался другому, здоровался с ним, как будто, здесь все друг друга знают в лицо.

Солнце скрывалось за бесконечной десятиэтажной стеной домов, похожих на единый дом, тянувшийся вдоль всей улицы. Он вплотную прилегал фасадом к тротуару, кое-где прерываясь большими арками во внутренний двор. Изредка эта стена прерывалась другими постройками, настоящими дворцами. Они были огорожены витиеватыми заборами и ни один из них, если приглядеться, не имел почти ни одной прямой линии. Да и цвета стен резко выделялись от серых небоскребов. Синие, зеленые и желтые, попался даже один розовый домик.

Никола смотрел за окно широкими глазами. Его будоражила любая, с виду неприметная для простого местного жителя, деталь. Он взглянул на Скреппа. Профессор тоже наблюдал за городом со своей стороны, скрестив руки на груди. Мальчик еще раз увидел его золотой висок, в памяти всплыла картина папиных волос, его золотой кончик хвоста.

— Учитель, кто такие абитуриенты?

— Это те люди, чьи имена показал первый свиток.

— Я тоже абитуриент?

Скреп посмеялся, взяв мальчика за плечо.

— Конечно абитуриент, и завтра станешь студентом, друг мой.

Никола немного призадумался, посмотрев в окно. Он обратил внимание на двух молодых людей, юношу и девушку. Они были в той же форме что и Скрепп с Терадом. Весело что-то обсуждая, парочка прошла мимо и завернула за угол.

— Будут другие абитуриенты?

— Человек десять должны быть, из них, кроме тебя, моими учениками станут еще две

девочки, потом познакомлю...

— Ого! — Терад прервал Скреппа — сколько же у вас теперь учеников, профессор?

— Теперь четыре.

— Четыре?! Вот это да!

— М-да... третий год уже обучаю одного студента, ты не представляешь, какой он буйный — Скрепп обратился к Николе — ты в девяносто восьмом родился?

Мальчик кивнул

— А он в девяносто пятом, я уверен, вы хорошо поладите.

Глядя на то, как профессор развеселился, вспоминая своего ученика, Никола задумался о новых друзьях, с которыми предстоит познакомиться. Он вспомнил о Славе и остальных. Прошло всего три дня, но мальчику казалось, что он уехал вечность назад. Никола вновь с печалью посмотрел в окно.

С левой стороны от машины бесконечную картину города вдруг сменили пейзажи парка. Воздух сразу стал холодным и свежим. Темно-зеленые и серые ели росли прямо посреди города настоящим лесом, который уходил далеко-далеко, края не было видно, деревья что-то скрывали от шумного города. Но людей здесь было не меньше. В лес уводило множество каменных дорожек, или просто земляных тропинок.

— Вот здесь, да — Скрепп осторожно похлопал водителя по плечу, прося остановить Терад повернул к обочине.

— Мне ждать вас, профессор?

Скрепп взял сумку Николы и передал ее лейтенанту.

— Нет, возьми это и отвези в академическое общежитие

— Да, профессор

Скрепп вышел из машины, следом выбрался Никола. Они вдвоем оказались в медленном течении людей. Прохожие шли не спеша, вдыхая здешнюю прохладу, скрываясь от городской суеты. Некоторые прогуливались с дамами, другие сидели на скамейках вдоль тротуаров перед лесом и что-то читали. Все были нарядные, в светлых костюмах и шляпах, галстуках и белых рубашках.

Никола и Сергей Сергеевич направились по одной из дорожек вглубь леса. Вскоре улицы позади уже не было ни видно не слышно, город вокруг исчез. Только тихий говор и приятные звуки доносились откуда-то издали и становились все четче и четче. От каменной дорожки в сторону постоянно уводили другие тропки. Они шли далеко до крытых веранд, двух, трех этажных, или совсем маленьких. Веранды были повсюду в этом лесу и почти все переполнены, поэтому некоторые люди стояли возле арочных входов. «Шах, шах... мат!» то и дело доносилось оттуда.

Вскоре на пути у Сергея Сергеевича и Николы встретилась группа людей. Большинство одеты как-то по-военному. Они окружили одного человека и внимательно слушали. Мужчина что-то разъяснял им, показывая на соседние деревья, и ему с одобрением кивали в ответ.

Этот человек, находившийся в центре внимания, был стар, хотя его длинные до плеч волосы седина захватила еще не до конца. Но морщинистое дряхлое лицо ни как не позволяло дать ему меньше шестидесяти лет. Белая кудрявая борода почти полностью закрывала украшение на цепочке со значком «V» в кольце из золота. На нем был длинный бархатный кафтан темно-зеленого цвета, как малахит.

Сергей Сергеевич подошел к этому человеку и тут же сделал низкий поклон. Никола

почувствовал на своей шее ладонь, и в следующий миг она склонила мальчика в пояс. Он попытался выпрямиться, не понимая, что его держит сам Скрепп.

— Ваше высочество, приветствую, рад вас видеть.

— А! Профессор Скрепп! — воскликнул человек в зеленом кафтане, он тут же взглянул на своих спутников и они удалились подальше, о чем-то между собой перешептываясь. — Я тоже рад тебя видеть

Старик взял Сергея Сергеевича за плечо и позволил ему выпрямиться. Никола поднял голову следом.

— Представляешь... я буквально только что обыграл профессора Тормби в шахматы

— Примите мои поздравления, Ваше высочество — Скрепп вновь поклонился, улыбнувшись — я уверен, что он вам не поддавался...

— Нет... не думаю, — старик посмеялся. — Я, право, не ожидал вас здесь встретить, профессор

Он взял Скреппа под спину и повел вдоль дорожки, Никола пристроился рядом с учителем.

— Я тоже не ожидал встретить здесь вас, Ваше высочество — Сергей Сергеевич огляделся вокруг — что вы делаете здесь?

— Как что, — старик поднял брови удивленно — я прогуливаюсь в собственном сквере, среди подданных — он посмотрел на Николу — здравствуй, приятель... а ты кто такой?

Светлыми глазами он сверху вниз окинул мальчика, вдобавок ко всему он странно улыбался. Никола хотел было сам ответить, но голос вдруг охрип. Вместо нормальной речи он издал непонятный звук, а старик только посмеялся в ответ.

— Это Никола Владыч — ответил за него Скрепп — сын Драгана Владыча... и возможно, мой будущий ученик

Старик провел ладонью по щеке ребенка.

— Так ты на службу поступаешь? Хе-хе... Что ж... я буду следить за твоими успехами, а если что — он перешел на шепот, приблизившись к лицу мальчика совсем близко, — обращайся сразу ко мне, идет?

— Да... — Никола выдавил из себя все что смог.

Старик усмехнулся.

— Ваше величество, — продолжил Скрепп — я все-таки советую не прогуливаться без охраны. Вы сами прекрасно знаете, на кого нацелены теракты Чадаева... вы можете стать легкой мишенью для него в таком месте.

— Конечно, Сергей — ответил старик серьезно — я знаю, ты беспокоишься, но я не мог пропустить последние теплые деньки перед закрытием сезона. Что ж, я все равно только оттуда, еду сейчас во дворец, так что не беспокойся, желаю счастливого дня. Уж извините, что наша встреча была столь коротка.

Скрепп и Никола вновь склонились перед ним.

Старик подозвал к себе несколько людей в форме, и они направились прочь из леса. Никола долго смотрел ему в след.

— Пойдем, друг мой

Мальчик продолжил идти вперед, но все еще поглядывал в сторону ушедшего человека.

— Учитель, кто это такой был, дож?

Сергей Сергеевич, услышав это, не выдержал и, отвернувшись, вдруг во весь голос

рассмеялся.

— Дож?.. нет... правителя в нашей стране зовут не дожем, а императором...

Никола чувствовал себя глупо и неудобно, особенно когда на смех учителя стали оборачиваться другие прохожие.

— Я не знал, учитель... — подавленно сказал он — а почему император в парке?

— Ну, друг мой, что же, если он император, то должен всегда сидеть в своем дворце? Его Величество любит прогуляться.

Чем дальше они заходили вглубь леса, тем отчетливее и отчетливее слышались красивые мелодии. Мальчик никогда не слышал такого раньше — непонятный, волшебный звук складывается в композицию. Постепенно желание узнать что там, в конце леса, становилось все сильнее и сильнее.

Мимо проходили люди. В парах, группами и поодиночке. Почти все они, завидев Сергея Сергеевича, спешили поздороваться, или хотя бы улыбнуться ему.

Никола сразу подумал, что золотых людей здесь очень любят и уже начал представлять, как и его будут приветствовать улыбками и рукопожатиями.

— А знаешь, император ведь прав — сказал Скрепп — нам с тобой очень повезло, что погода теплая и рояли еще не убрали.

Мальчик не понял, о каких таких роялях говорит Скрепп. Но теперь он боялся спрашивать — вдруг учитель снова начнет громко смеяться.

Мелодия, быстрая и переливающаяся, слышалась уже совсем рядом. Множество звуков плавной, но скорой чередой струились по округе, поднимая что-то в груди то вверх, то вниз. У мальчика в голове представился темно-рубиновый цвет, как будто сотни ягод граната морем падали откуда-то сверху вниз.

Мысли застывали в голове, он терял реальность и глядел только себе под ноги, вслушиваясь в мелодию. Наконец, лес начал пропускать свет с окраины набережной.

— Вот мы и на месте

Никола увидел тот самый инструмент, что издавал музыку. За роялем сидел молодой человек и уже завершал свое произведение, иногда поглядывая на сидевшую рядом на скамьях публику.

Каждый рояль был на деревянной веранде, украшенной под цвет инструмента. Для черных использовали палисандровые плетения и множество мелких фонтанчиков у основания. Для белых все подножия были засыпаны декоративной галькой. Цветами украшали рояли из красного дерева.

Веранды располагались в сквериках на определенном расстоянии друг от друга вдоль всей набережной. Разница между ними составляла ровно пять уличных фонарей.

За короткой балюстрадой мальчик увидел черную и широкую реку. Сразу появился прохладный ветерок.

— Это Венера — сказал Скрепп, взяв мальчика за плечи сзади, когда он подошел поближе к реке — а мы сейчас с тобой гуляем по самой длинной набережной во всем Веридасе.

Никола видел громадные здания на другом берегу реки. Бесконечно длинная панорама казалась мальчику невозможной. Слишком большой город, он не верил, что здесь может

жить столько людей.

Они двинулись вдоль набережной, проходя мимо одного музыкального сквера за другим.

Пианист сидел в белом фраке, под цвет инструмента, и исполнял что-то веселое, под это можно было танцевать. Возле его веранды действительно танцевали множество пар, некоторые сидели на скамейках и просто слушали.

Мимо пробежали два мальчика. С громким радостным смехом они неслись по набережной, обгоняя прохожих. Один из них в руках держал веревку, тянущую воздушного змея. Этим Николу было не удивить, потому что такой воздушный змей не сравнится с тем, что он запускал с холма вместе со Славой.

У следующего скверика была совсем иная картина. Здесь было пусто. Веранда с черным роялем располагалась не на самой площадке сквера, как другие, а под большой рыжей рябиной в стороне. Рядом тоже находилась пара скамеек и один мраморный фонтан, без воды, отчего он казался мертвым.

Сергей Сергеевич остановился здесь.

За инструментом ни кто не сидел, его крышка была опущена. Люди проходили мимо этого скверика.

Скреп медленно поднялся через две ступеньки веранды и присел на кожаную банкетку. Он стряхнул с клавиатуры сухие листья и приподнял крышку инструмента. Мальчик подошел ближе к роялю, ведомый желанием заглянуть вовнутрь.

— Нравится тебе этот инструмент? — сказал Скрепп, с улыбкой наблюдая за любопытством мальчика.

Никола машинально, не отрываясь от вида струн, покачал головой.

— Понимаешь, к музыке у нас в Веридасе имеют особое, сакральное отношение

— Сакральное?

Скрепп последовательно нажал на три белых клавиши. Никола заметил, как три молоточка поднялись и ударили о струны. Три звука слились в один и молоточки медленно опустились.

— Ну... представь, что здесь к музыке относятся так же, как у вас к яблокам, и ты начнешь понимать.

Люди, гуляющие по набережной, начали замечать человека за инструментом и собираться поближе на скамейках. Когда их стало достаточно, Сергей Сергеевич немного кивнул головой, приветствуя слушателей и, положив обе кисти на клавиши, начал игру.

Никола отошел немного в сторону, подумав, что не стоит загораживать собой профессора от публики.

Спокойная и красивая мелодия, словно специально была сделана для вечерних пейзажей. Никола не мог оторваться от игры учителя. Он уже не смотрел на молоточки, бьющие по струнам, а слушал с закрытыми глазами. На некоторых моментах мелодии внутри что-то покалывало и следом по всему телу пробегали мурашки.

Он не сразу заметил, что одна из слушателей, маленькая девочка, встала со скамьи и поднялась на веранду к Скреппу и Николе. Она подошла прямо к мальчику и остановилась рядом, не отрывая взгляда от пианиста.

Никола тихонько повернул голову к ней и отшатнулся, не поверив глазам. На миг ему показалось, что рядом стояла Слава Ташина. Светловолосая девочка, правда, волосы длиннее, чем у Славы, круглолицая со светло-голубыми глазами. Она очень тихо, для себя,

напевала мелодию, что играл Сергей Сергеевич.

Музыкальная кульминация прошла, близился мягкий конец, похожий на последние лучи солнца или первый снег, или что-то еще, медленное, неспешащее. Последний аккорд... Наконец, Скрепп закончил игру и взглянул на приблизившуюся девочку.

— Здравствуй, Настя, — улыбнулся он ей — красивое у тебя сегодня платье

Девочка засмушалась, покраснев и немного отвернувшись, когда Скрепп похвалил ее белый сарафан с синей ленточкой на поясе. Никола продолжал смотреть на ее длинные светлые волосы, пока еще не особо задумавшись о том, откуда Сергей Сергеевич знает эту девочку.

— Спасибо, учитель — радостно, с лаской поклонилась Скреппу Настя.

Учитель? Она назвала его своим учителем?

Никола недоумевал про себя, забыв, что он не единственный ученик Сергея Сергеевича.

Скрепп встал с банкетки и вместе с детьми удалился с веранды. Слушатели аплодировали ему и одобрительно кивали за исполнение довольно известной прелюдии Мичиру. Его место тут же занял другой пианист. Решив не менять настроения людей, он начал играть медленный вальс.

Сергей Сергеевич взял Николу за плечи и подвел к девочке. Она с улыбкой взглянула прямо ему в глаза. Мальчик хотел было не отворачиваться, но взгляд сам отводился куда-то под ноги. В памяти всплыли мимолетные картинки, когда Слава так же смотрела ему в глаза, точно такой же их серо-голубой цвет, та же улыбка.

— А это еще один мой ученик... — начал представлять мальчика Скрепп, но Никола вдруг перебил учителя и сам добавил:

— Мое имя Николай Владыч — он произнес это уверенно, даже немного поклонившись перед девочкой.

Настя подала ему правую руку.

Никола часто видел, как папа приветствовал маму, целуя кисть ее вытянутой руки. Он взял девочку за ладошку и поцеловал, наклонившись.

— Анастасия Романова, очень приятно — ответила она.

Скрепп с учениками присел на соседнюю скамейку.

— Гуляешь? — спросил он у девочки, на что она кивнула — а к завтрашней церемонии готова?

Настя опустила голову

— Я волнуюсь, учитель

— Ну, не стоит... вот, бери пример с Николая — Скрепп похлопал мальчика по плечу — он совсем не боится. Так ведь, не боишься?

Никола посмотрел на учителя и неуверенно кивнул головой. Анастасия приблизилась к мальчику, словно допрашивая. Ее взгляд был полон сомнения, отчего Николе стало не по себе.

— Прямо совсем ничего-ничего?! — удивленно сказала девочка.

— Да... — ответил он и еще раз кивнул головой

— Нет... так не бывает, все чего-то боятся, верно учитель? — Настя с большой надеждой взглянула на Сергея Сергеевича.

— Конечно, Настенька, но Николай и в самом деле смельчак, он недаром будет учиться вместе с тобой.

Анастасия села ровно и посмотрела на большой пароход, что медленно тащился против

течения Венуры. Люди на палубах махали руками, чтобы их заметили на набережной.

— Настя, передай маме, что твоя форма уже готова, может я, а может, кто другой завезет тебе ее сегодня вечером.

— Хорошо, учитель, я тогда пойду?

Девочка встала со скамьи и подала руку Николе. Мальчик попрощался с ней. Она уже направилась прочь из скверика, но Сергей Сергеевич задал еще один вопрос.

— Ты решила, где покрасишь волосы? У тебя они итак светлые, можешь и не красить.

— Нет, я уже решила, учитель

Она встряхнула свои длинные до пояса ровные пряди и аккуратно выделила одну из них — левый локон от челки.

— Хорошо, сделаем золотой

Девочка улыбнулась, еще раз посмотрев на мальчика, и ушла гулять дальше по набережной. Никола и Сергей Сергеевич продолжали сидеть в скверике и слушать музыку. Мальчик изредка косился в сторону учителя.

— Что ты на меня так смотришь, друг мой? — тихо шепнул ему Скрепп

Мальчик и сам не знал, почему он так делает. Он сразу, напрямую, решил спросить.

— Учитель, это тоже ваша ученица?

Скрепп кивнул

— Ее имя свиток показал еще в мае, четыре месяца назад, но ее родители долго не хотели отдавать девочку в Золотое Общество. Резко передумали после первого июля... да, их можно понять.

— А что было в этот день?

Скрепп тяжело вздохнул, замолчав, и мальчик подумал, что этот вопрос лучше не задавать.

— Не будем об этом, я потом расскажу

Никола печально взглянул на пустой фонтан, затем в ту сторону, куда ушла Анастасия.

— Простите меня... я просто... — Никола водил взглядом туда-сюда, не зная как сказать то, что у него было на уме — та девочка, Настя, она очень похожа на Славу, помните ее?

Сергей Сергеевич почесал бороду. Лицо его сделалось серьезным, как будто Никола снова спросил ненужный вопрос.

— Та светловолосая девочка из Ужица? Я помню, да. Ты скучаешь по дому, друг мой — он вздохнул и обнял его рукой — ладно, хватит на сегодня музыки, тебе надо отдохнуть, идем.

Мальчик уже не чувствовал ног, когда вместе со Скреппом добрался до так называемого Академического общежития. Услышав о нем от учителя еще в машине лейтенанта Терада, он сразу представил большой, многоэтажный дом с треугольной красной крышей, которую будет видно отовсюду в Централле. Но ожидания Николы не оправдались.

Академическое общежитие представляло собой целый район маленьких двухэтажных домиков. На неширокой улочке они шли одинаковыми рядами, точно их кто-то сюда накопировал. Различались они разве что цветом, да и то в основном все либо светло-розовые, либо фисташковые, либо кремовые. При каждом маленький гараж — здесь была

уйма автомашин, дорогих по виду, черных или белых, но чаще всего бордовых, под цвет верхней одежды их владельцев.

По ухоженным улицам прогуливались люди в плащах или кителях.

Никола представлял увидеть здесь какую-нибудь казарму, где студенты строем будут ходить по своим делам, даже самым мелким. Но нет, ребята прогуливались, общаясь между собой, делясь книгами или какими-то бумагами.

Среди взрослых людей, юношей и девушек, ловко проносились группки маленьких детей, которые были одеты в длинные багровые пиджачки без карманов. Они убегали от одного человека с красной повязкой на рукаве, который разгневанный, с криками, тщетно пытался их догнать.

Никола всю дорогу с Рояльной набережной не переставал думать об Анастасии. Она не выходила из головы, и мальчик уже представлял, как будет знакомить ее со Славой когда-нибудь в будущем. Он был уверен, что они станут лучшими подругами-близняшками.

Еще Никола думал о первом ученике Скреппа, мальчике, которого учитель описал в машине. Старше его самого, буйный. Мальчик представлял его как большого и сильного, под стать Сергею Сергеевичу. Он наверняка будет драчливый и глупый, как Милош. Но встретиться с ним все равно не терпелось. Возможность познакомиться с новыми друзьями постепенно уничтожала тот холодок внутри, что появился сразу, как только мальчик покинул родной дом.

Скрепп привел его к одному из домиков, ничем не отличающегося от остальных. Нежно розового цвета, с гаражом без машины и цветами вдоль дорожки к входу. Они вошли внутрь. Никола сразу почуял какой-то резкий неприятный запах, похожий на жженую резину. В коридоре прихожей их никто не встретил, только маленький белый туман простирался под потолком во всем помещении.

— Зак, ты дома!?

Сергей Сергеевич засуетился, и, не снимая сапоги, начал бегать по дому в разные комнаты.

— Да! — послышалось на верхнем этаже, с тоном, больше похожим на фразу «Отвали!»

— Спускайся, друг мой, ты мне нужен

Ответа сверху не последовало, но Скрепп видимо и не ждал, что Зак что-нибудь скажет.

Никола тем временем осмотрелся.

Коридор прихожей был маленьким, он почти сразу расширялся и перетекал в большой холл, где было много мебели. Мальчик чуток улыбнулся, когда заметил среди нее маленький рояль, гораздо меньше, чем те, что были на набережной. Теперь он и сам сможет дотронуться до черных и белых клавиш. Под ним было много листков с какими-то линиями и значками, некоторые из них разорваны пополам.

Рядом находилась кухня, ванная комната и больше ничего лишнего, разве что куча горшков с травой на подоконниках. От неприятного запаха начинала болеть голова. Никола закрыл нос.

Сергей Сергеевич подошел к соседней тумбочке и достал мерочную ленту. Он вытянул ее в длину, чтобы посмотреть, сколько в ней, и вернулся к Николе.

— Встань ровно, пожалуйста, и не вертись — сказал он ему, растягивая ленту от плеча до плеча.

Мама как-то измеряла Николу такой же лентой, и вскоре ему прислали на день рождение костюм короля, в котором он походил лишь один раз на празднике в школе.

— Вы это для одежды делаете? — спросил Никола

— Совершенно верно, друг мой — продолжал Скрепп, попутно записывая карандашом цифры на бумажку. — Было бы не плохо, если ты завтра тоже будешь в форме общества.

Пока с мальчика брали мерки, он продолжал оглядывать все вокруг. На той деревянной тумбочке, откуда профессор только что достал ленту, стояла рамка. В ней была черно-белая фотография — три молодых человека стояли рядом и по-дружески обнимали себя за плечи. Они были в шинелях, среди большого сугроба. Никола стоял слишком далеко, чтобы разглядеть их лица.

— Учитель...

— Угу — ответил Скрепп, прикладывая ленту к ноге мальчика

— Там стоит фотография, можно мне посмотреть?

Сергей Сергеевич взглянул на рамку, оторвавшись от прежнего дела. Он взял ее в руки, о чем-то подумав, и передал мальчику.

Никола знал двоих на этой фотографии. Первый, что стоял справа, широко улыбался и смотрел прямо на фотографа, был сам Сергей Сергеевич.

Мальчик пригляделся к центральному человеку. Волосы его убраны назад, видимо, заплетены в хвост, ракурс не позволял сказать точнее. Этот человек обнимал своих друзей двумя руками, но смотрел не в объектив, а на одного из них, что стоял на фото слева. Центральным человеком мальчик сразу признал своего отца, Драгана Владыча.

Никола, не отрываясь, вглядывался в его лицо. Это была первая встреча отца и сына с момента их расставания.

— Папа...

Третьего человека он не знал. Это был крепкий мужчина, но ростом ниже Драгана и уж тем более огромного Скреппа. Мужчина был практически полностью лысый с круглым лицом. Он тоже с улыбкой, немного вздернув голову, смотрел на фотографа. Никола не стал задерживаться на нем, продолжая разглядывать отца. Фотография была очень старой, Драган на ней еще без бакенбард, мальчик ни разу не видел его без них. Да и выглядел он молодо.

— Учитель, а мой отец, — он посмотрел на Скреппа — когда я увижусь с ним?

Сергей Сергеевич посмотрел сначала ему в глаза. Затем, медленно выдохнув носом, взглянул на рамку с фотографией. Он взялся за нее и молча вытянул из рук мальчика. Никола этого даже не заметил, слишком уж сильно ждал ответ на свой вопрос.

— Я... — Скрепп покачал головой — да... скоро увидишься, располагайся пока, я вернусь вечером.

Он снова кинул свой взор на лестницу к верхнему этажу

— Зак! Мне долго ждать!?

— Иду!

Скрепп погладил Николу по голове.

— Ну, до встречи

Профессор вышел за дверь. Рамку с фотографией он не оставил, унес ее с собой.

Только Сергей Сергеевич удалился, как с лестничного проема верхнего этажа показалась голова мальчика. Он проверял, нет ли Скреппа в коридоре. Когда он убедился, что все чисто, то сразу же вышел встречать своего гостя.

Никола пристально смотрел на незнакомца. Зак медленно приближался, шаг за шагом, словно его гость был каким-то диким и опасным животным.

Черные волосы на его голове были растрепаны, как если бы их после мытья головы

никто не причесал. Челка мальчика была золотого оттенка и сильно выделялась. Зак пальцами провел по голове, зачесывая волосы назад.

Никола представлял его выше, однако Зак был практически одинакового с ним роста.

Кажется, его нисколько не смущал свой внешний вид. В трусах, от того что в доме было жарковато, в расстегнутой бордовой рубашке из шелка, за которой виднелся крепкий торс. На левом вороте были два значка, «I» и «V» в круге.

Зак остановился точно перед ним и продолжал разглядывать.

— Эм... — начал Никола — привет...

Зак тут же его перебил

— Ты новый, да? — он начал обходить своего гостя по кругу, не спуская глаз — раньше нам не приходилось видеться?

Никола начал думать, что Зак не в себе, больно уж странно он на него смотрел.

— Ну... да, новенький, и с тобой я раньше не виделся, прости, пожалуйста, — ответил он, протянув руку в отчаянной надежде, что Зак пожмет ее.

— Значит, не виделись... ну да, а не то ты бы запомнил меня — он пожал протянутую руку — здарова, я Зак.

Мальчик тут же закрыл нос двумя пальцами, скверно посмотрев на Николу.

— Ой... — протянул он — тебе надо в душ, от тебя несет чем-то

Никола хотел было сказать про странный запах жженой резины по всему дому, но промолчал, лишь шмыгнув носом.

— Ладно, иди сюда — скомандовал Зак

Они поднялись наверх, дурной запах стал еще сильнее, как будто что-то прямо сейчас горело в одной из комнат. Дым шел из маленькой пробирки, а рядом были кучки порубленных корешков и трав.

— Опыт провалился, понимаешь? — кивнул Зак в сторону пробирки — в академии дали еще один месяц и я снова где-то ошибся...

Он обреченно присел на маленький диванчик в комнате, куда они зашли.

Николу встретил настоящий хаос — перевернутая вверх дном постель, на полу, вперемешку с обглоданными фруктами, валялись где попало разные бумаги с какими-то геометрическими символами. На письменном столе, что находился рядом с окном, был еще больший беспорядок — следы от утечек чернил, горы книг, пять или шесть стопок, между которыми лежала маленькая подушка для головы среди кучи сломанных перьев.

— Твой рюкзак вон там, в углу — Зак показал Николе на его мешок — можешь не беспокоиться, я в нем не лазил.

— Я и не беспокоюсь — ответил мальчик, подумав, что он до сих пор не представился — меня зовут Никола...й Владыч.

Зак почесал затылок. Было видно, что он хотел посмеяться, но сдержался.

— Смешное у тебя имечко, Владыч. — Он встал с кресла и, подойдя к письменному столу, начал убирать вещи, освобождая место по центру.

— Че стоишь, иди мойся

— Слушай... — тихо спросил Никола — а у меня и одежды то нет, я...

Он замолчал, потому что Зак обернулся на него с таким взглядом, очень похожим на глаза Милоша, когда Никола говорил не по делу, они словно говорили «ты идиот».

Зак сел прямо на стол там, где успел убрать книги и мусор.

— Друг мой... — раздраженно произнес он — ты предлагаешь мне отдать свои трусы с

майкой? Не тормози, раз ты в общежитии, можешь взять одежду из общего шкафчика на первом этаже.

Никола понял, что лучше здесь не задерживаться и быстро ушел вниз, к душевой комнате. Теплая вода, новая одежда, сухая и мягкая, приятная коже. Вся усталость длительной поездки была как рукой снята. Мальчику захотелось почитать, время приближалось к обеду, когда он обычно приступал к чтению до позднего вечера.

Он поднялся обратно к Заку. Тот натягивал на себя черные штаны. В комнате стало заметно чище, никакого мусора, жженный запах почти выветрился в открытое окно.

— С легким паром, Владыч, присаживайся.

Никола подошел к столу и сел за него. Он начал разглядывать стопочки книг, теперь аккуратно разложенных на столе. «Введение в Компонологию II том», «Радиология IV том» книжка в желтом клетчатом переплете, такую же он видел в кабинете у отца, «Размышления о левом секторе радио-свитка», «Простейшая механика», «Введение в гармонию и логику» и множество других толстых работ.

Зак чистил свой белый китель, что висел на вешалке около входа в комнату.

— А ты все эти книги читаешь? — тихо спросил Никола, стараясь не отвлекать его от дела.

Зак только посмеялся, сразу же бросив щетку и подойдя к столу. С явной гордостью он достал из внутреннего ящичка большую стопку толстых тетрадей.

— Читать мало, Николай, их задают конспектировать

Никола открыл одну из тетрадей. Каждый листочек был измазан чернилами, строчки слов плавно огибали грязные пятна и кляксы. Мальчик немного испугался, видя такой объем. Здесь, наверное, только в одной тетради было написано больше, чем он писал за все время школы.

— Конспектируете?

— Ну да, да... пишем от руки все — Зак вернулся к своему кителю — это еще цветочки, говорят, студентам второго уровня надо читать в год до полутысячи книг... представляешь? ...

Зак выругался на кого-то. Он бросил щетку под кровать, закончив с чисткой, и подошел поближе к Николе. Тот продолжал разглядывать разные книги на столе.

— Зато, третьекурсникам делают упор на боевые искусства — сказав это, Зак сделал несколько резких ударов кулаком в воздух — но до этого еще дожить надо... я не доживу — он снова выругался.

— А у тебя есть книги, которые я могу почитать... ну «Введение в радиологию», например? — сказал Никола, оглаживая комнату в поисках книжного шкафа

Зак снова посмотрел на него, как на последнего идиота.

— Ты серьезно? Сегодня у тебя последний день свободы, а ты и его чтением занять хочешь?

Никола пожал плечами, книга сама просилась в руки, он и не мог представить, что чтение кому-то может не нравиться. Хотя, например, Милош тоже не любил читать, но Никола считал его исключением из правил.

В окне послышался крик мужчины. Он звал каких-то двух абитуриентов, им только что доставили форму. Зак посмотрел на улицу и покачал головой.

— Вечно в сентябре наплыв... м-да, завтра у тебя будет настоящий взрыв мозга.

— А что будет завтра? Учитель сказал про какую-то церемонию.

Зак хлопнул в ладоши

— О да! Это будет ваше мега торжественное посвящение. Откроешь первый свиток... я вот уже два года первокурсник... запозднил

— Плохо учишься?

Зак, как ни странно, не оскорбился этой фразой. Он громко рассмеялся, сев на подоконник.

— Я? Плохо учусь? Да я ученик самого Скреппа, лучшего из лучших профессоров. Нет... я нормально учусь, просто еще не пришло время.

— Прости, я думал, что тут учатся как у нас в школе. Мы каждый год переходили в новый класс.

Зак покачал головой, улыбаясь.

— Я тоже так думал, когда учился в своей деревне, далеко на востоке отсюда... а потом... — он опустил глаза вниз — в общем, я оказался в Золотом Обществе, меня Сергей Сергеевич забрал. Понимаешь, чтобы перейти здесь на другой курс твое имя должно загореться на следующем свитке. Вот ты сейчас на первом уровне, загорится второй, будешь на втором, и так далее, ясно?

Никола покачал головой, в голову полезли дурные мысли о том, что его имя никогда не появится на следующем свитке, и он навсегда останется первокурсником.

— А когда он загорится?

— Не знаю... у всех по-разному, у кого-то через месяц, у кого-то через год — он скривил лицо, как будто Никола ему надоел — че пристал ко мне, лучше расскажи, где покрасишь свои волосы?

— Покрашу волосы? — мальчик понял, что Зак говорит о золотых прядях, которые он видел у каждого золотого человека — я еще не думал... а для чего вы это делаете?

Он поставил стул рядом с подоконником, присев поближе к Заку. Тот еще раз пальцами уложил свою золотую челку назад.

— Ты как из леса сбежал... Это наша традиция, при вступлении в Золотое Общество ты красишь часть волос в золотой — он посмеялся — если конечно ты не лысый или не блондин. А еще тебе выдадут нашу форму, чтобы все знали, что ты большая шишка.

Никола почесал голову

— Большая шишка?

— Очень большая — кивнул Зак

Он провел по голове Николы пальцами, смотря на его еще не высохшие после душа черные волосы.

— Помоги мне с этим, пожалуйста — сказал Никола

— Да без проблем

Зак спрыгнул с подоконника и вернулся к столу. Он достал оттуда маленький серый журнальчик и кинул его другу.

— На, специально для таких как ты нарисовали

Журнал назывался «Варианты мелирования. Муж» и состоял из карандашных рисунков разных юношеских причесок, на каждом из которых где-нибудь был золотой цвет — золотые усы, борода, виски, хвосты или кончики хвостов, длинные пряди. Никола листал страницу за страницей, Зак присел рядом и тоже смотрел на картинки.

— Стой — сказал он на одном из рисунков человека с короткой стрижкой и тонкой плетеной косичкой от виска до плеча, перекинутой за ухо. — Возьми его, Владыч, волосы у

тебя длинные, даже ушей не видно, пострижешь их и оставишь один локон под плетенку. Лично я долго метался между этой косичкой и золотой челкой.

Николе было на самом деле все равно, в каком месте красить волосы. Он просто листал картинки, думая при этом об отце. Знает ли он, что сын прибыл в Веридас, и почему все еще не встретил его.

День так и прошел в расспросах Николы, Зак отвечал ему на каждый глупый и неглупый вопрос. Ночью спать совершенно не хотелось, новая обстановка и небольшое, приятное волнение перед завтрашним днем мешали уснуть. Зак же, на удивление, задремал довольно быстро.

«Наверное, эта работа выматывает сильнее, чем кажется» думал Никола.

Первый раз в жизни Никола надел на себя шелк. Темно-рубиновый, как переспелая черешня, цвет. Красные пуговицы из какого-то камня, застегнутая самая верхняя, правда, с трудом давала дышать. Золотые запонки блестели на рукавах. Этот материал ощущался намного лучше, чем все грубые фермерские накидки, которые мальчик носил до этого. Наичистейшая, без единой складочки, она идеально сидела на нем. Однако пока на воротах не было еще никаких металлических значков. Низ рубашки терялся в черных штанах, тяжелых из какой-то жесткой ткани, совершенно не мнущейся. Штаны, в свою очередь, заправлялись в черные и высокие до колен лакированные сапоги. Поверху надевался белоснежный китель с золотыми погонами.

Вся церемония началась в так называемом дворце Первого свитка. Многих, в том числе и Николу, удивил сам факт, что каждый свиток, подобно знатному вельможе имеет свой дворец. Да еще какой — они, конечно, уступали в масштабах «золотой триаде Централа», но вполне могли назваться шедеврами архитектуры города. Огромной высоты помещения, удерживаемые людскими статуями. Стены все были в барельефах с одним сюжетом — человек читает свиток, или что-то пишет пером на бумаге, изучая его.

Встреча абитуриентов произошла в небольшом холле дворца, перед главным залом. Сергей Сергеевич привел Николу к остальным детям и оставил. Здесь все были предоставлены сами себе. Каждый волновался, и с боязливыми глазами дети начали сами развеивать друг другу страх, разговаривая о предстоящем событии. Кто-то говорил о чтении книг, кто-то о боевых танцах. Взрослые преподаватели приводили новых абитуриентов. Все нарядные, в форме.

Никола сидел в одиночестве, сторонясь остальных. Ребята, его ровесники, иногда подходили познакомиться, но мальчик казался в диалоге настолько скучным, что его компанию вежливо покидали.

Вскоре Сергей Сергеевич вернулся в холл и привел под руку двух девочек. Одну из них Никола уже знал, это была Анастасия Романова. Сейчас она вся сияла, хоть румяное лицо и выдавало сильное волнение. Она скромно улыбнулась всем присутствующим. Те, кто были здесь, особенно мальчики, сразу же обратили на нее внимание и тоже улыбались в ответ. Ребята начали шептаться между собой, многие не спускали с нее глаз.

Вторая девочка была с темно-коричневыми волосами и выглядела гораздо увереннее своей спутницы. Она, кажется, вообще не беспокоилась, словно намечалась прогулка по набережной. Девочка не выглядела застенчиво — те мальчики, что приветливо кивали ей,

получали в ответ только лишь высокомерный и ледяной взгляд.

Сергей Сергеевич подвел своих учениц к Николе. Мальчик сидел на длинной банкетке у стены, не спуская взгляда с Насти. Его подавленное состояние стало отчего-то развеиваться. Мальчик улыбнулся ей. Настя ответила тем же.

— Ну, друг мой — тихо сказал Скрепп, чтобы не мешать другим профессорам — знакомься, это моя вторая ученица, Елена Архелова.

Никола встал, что бы поклониться ей. Лена оглянула мальчика с ног до головы все тем же высокомерным взглядом и тихо фыркнула, отведя голову в сторону.

— Хм... — сказал Скрепп — посидите еще немного, скоро все начнется.

Сергей Сергеевич снова удалился. Девочки сели на банкетку, где только что был Никола. Он теперь стоял рядышком с убранными назад руками и косо смотрел на них. В холл прибывало все больше и больше народу. Становилось жарко и тяжело дышать. Взрослые суетились вокруг абитуриентов, поправляя им кители, штаны и сапоги, словно это были их родители.

— Николай, а тебе очень идет твоя новая одежда — сказала Анастасия, взглянув на Николу. Мальчик как раз рассматривал свои золотые запонки на рукавах.

— Спасибо... — он засмутился и опустил глаза, — ты тоже красиво выглядишь

Лена, кажется, говорила свободно только лишь с Анастасией. Они хихикали, смотря на ребят, иногда спрашивая что-нибудь у Николы. Но мальчик все время отвечал так, что разговор сразу обрывался, и его невозможно было продолжить.

Гул в холле резко затих, в дверях перед входом в зал показался молодой человек. Он хлопком в ладоши попросил тишины.

— Господа абитуриенты, — начал он — я попрошу вас выстроиться в колонну по двое, преподаватель и ученик.

Ребята начали живо строиться. У Николы все заболело внутри от волнения, час близок. Поскольку у его преподавателя было еще два абитуриента, то они возглавили колонну вчетвером.

Настя встала рядом с Николой.

— Ты волнуешься? — шепнула она ему

— Нет, и ты не волнуйся — как можно увереннее ответил мальчик

Абитуриенты медленно начали входить в двери, больше похожие на ворота, огромного зала. Потолок тут был намного выше, чем в холле. Таких больших помещений мальчик еще никогда в жизни не видел — даже самое высокое здание Ужица утонуло бы в масштабе всего этого. Деталей многочисленных рисунков на потолке было не разглядеть, они объединялись в единую картину. Зал был продолговатый, кругом состоящий из арок синего мрамора и разных геометрических символов, сливавшихся в непонятный текст. Позолоченные растения блестели и обвивали вверх колонны, наполовину врезанные в стены между арками.

Стук каблучков абитуриентов начал звенеть беспорядочно, дети шли не в ногу. Черный мраморный пол, без рисунка, только лишь с желтыми точками, как будто кто-то рассыпал в камень песок, словно зеркало отражал в себе окружение.

Напуганных абитуриентов, медленно, под руку ведомых вдоль по залу встретил нарастающий шум аплодисментов, все внимание приковано к ним. Дети шли по небольшому коридору из людей слева и справа.

Возле стен, по бокам от входа, вдоль всего зала рядами стояли юноши и девушки. Они были совсем молодые или уже взрослые. Посвященные золотые люди приветствовали

маленьких детей на их пути к Первому свитку. Конца зала еще не было видно, но где-то там, в дали, уже слышалось пение хора. Трудно различимые слова староверидаского языка возвеличивали первый день будущих Золотых людей. Хор стоял в самом конце с обеих сторон коридора.

Зал кончался пятиступенчатым подиумом, или сценой, сплошь покрытой черной тканью. На нем, в самом центре располагалась темная платформа со стеклянной витриной. Здесь было больше всего света — на сцену имели выход три громадных окна, размером с полстены.

На подиуме стоял только лишь один человек. Никола сразу обратил внимание на его черную повязку через левый глаз. Престарелый человек, с легкой сединой, острыми усами, и прищуренным в улыбке взглядом смотрел, как абитуриенты строились поодаль от сцены в ряд. Он опирался на прямую саблю в черных ножных, выставленную перед собой.

Скрепп встал точно позади Николы, Насти и Лены. Он осторожно наклонился к мальчику, положив руку ему на плечо, чтобы обратить его внимание и шепнул — Этот человек Владыка Золотого Общества, его зовут Демиан... сейчас он вас поприветствует, и когда он закончит, вы должны будете низко поклониться, ясно?

Ученики кивнули. Никола посмотрел на этого мужчину с другой стороны — выходит, он и есть глава всех золотых людей. Он наверняка устроит встречу с отцом. По крайней мере, выглядел Владыка, как человек, к которому можно было обратиться за помощью. Он все еще улыбался пришедшим ребятам, разглядывая каждого издали.

Наконец, гул в зале стих до такой тишины, что было слышно только цоканье сапогов о мрамор как минимум тысячи присутствующих здесь людей. Владыка подошел поближе к краю черной сцены и поднял руки, охватывая всю аудиторию.

— Я всех вас рад видеть. Хороший сентябрь, не так ли? — громко произнес он

Люди зашептали, в основном все одобряюще с легким смешком встретили его приветствие, Владыка продолжал

— Каждый из вас оказался здесь не случайно, но потому что сама Истина велела вам явиться сюда. Сегодня вы начнете долгий путь. Путь, который способен преодолеть не каждый простой человек, но вы теперь не простые люди, забудьте о прошлом. Этот путь раскроет вам настоящего себя. Империя возлагает на вас большую миссию. Кроме глубокого изучения компонологии в первых четырех свитках, изучение пятого и шестого... Вам надо будет оказывать помощь людям, блюсти порядок в империи для тех и ради тех, кого Истина не наделила золотом на голове. Вы станете маяком, станете направлять тех, кто во тьме... приносить свет и указывать, как подобает жить человеку. На этом стоит тысячелетний Веридас, на Золотом обществе, несущем свет стране. Две тысячи лет назад это понял Алекс Веридас и повел народ за собой... сегодня мы продолжаем его дело и приветствуем новых людей в нашем обществе. Ура первокурсникам! И да помогут они в дальнейшем осознать людям правду семи свитков!

Люди воскликнули с радостью «Слава! Слава и Истина!» и начали аплодировать абитуриентам, которые все как один чувствовали себя не очень комфортно в центре внимания. Зал наполнился оглушающим шумом.

— Давайте же начнем торжественную церемонию! — провозгласил Владыка

Каждый из абитуриентов в пояс поклонился ему. Овации не утихали.

— К прочтению первого свитка, я приглашаю подойти Анастасию Романову.

Позади ребят послышался мужской хор. Он начал тихо, но постепенно усиливал

величественную тему, подчеркивая всю важность церемонии. Девочка медленно прошла к подиуму и подошла к Владыке, поклонившись. Старик пожал Насте руку с широкой улыбкой, от которой девочка сама по себе тоже улыбнулась в ответ. Они вместе направились в сторону витрины со свитком, по пути о чем-то разговаривая друг с другом. Кажется, Настя что-то спросила у Владыки и он медленно, под ее шаг, отвечал.

Подойдя к витрине, Владыка открыл ее и достал широкий рулон позолоченной бумаги. Он весь блестел на свету и видимо был тяжеловат, потому что когда старик передал свиток Анастасии, она с трудом удержала его. Как только он оказался в руках девочки, на бумаге тут же зажглась какая-то надпись. Никола стоял далеко и не видел, что там было.

Настя открыла свиток и взглянула на содержимое. Первые несколько секунд она смотрела на что-то в нем, а потом непонимающе взглянула на Владыку. Тот что-то сказал ей, и девочка продолжила смотреть на содержимое свитка. Прошло немало времени, и Настя закрыла позолоченную бумагу, вернув его Владыке.

Откуда-то сбоку сцены к ней подошел еще один человек в форме общества. Старый, сутулившийся, он выглядел еще более дряхло, чем Демиан. В руках мужчины нес металлический поднос. Поклонившись перед девочкой, он протянул руки с подносом и дал ей взять все, что лежало на нем.

Анастасия вернулась обратно к абитуриентам, встав рядом с Николаем и Креппом. Вид ее был озадаченный, сметенный. Она посмотрела на учителя так, словно готова была прямо сейчас завалить его кучей вопросов.

— Что там у тебя в руке? — спросил Никола

Настя разжала кулак и показала, что ей принесли в дар. Это были предметы из золота — браслет на руку и два значка, «I» и «V» в кольце.

— Ого... здорово, — Никола разглядывал сверкающие предметы, вспоминая о золотом кинжале отца, который, наверное, ему подарили на подобной церемонии.

— Я... я совсем не поняла, что там написано в свитке — Анастасия обернулась к своему учителю. Крепп, глядя ей в глаза, улыбался и кивал головой, давая понять, что волноваться не стоит.

Никола, подумал что там, наверное, какие-нибудь поучительные стихи или тексты. Их, скорее всего, просто заставят выучить наизусть. По крайней мере, о содержании свитков в тех книгах, что мальчик читал в кабинете отца, ничего не говорилось.

Владыка Демиан вновь подошел к краю сцены и объявил

— К прочтению первого свитка я приглашаю подойти Николу Владыча.

Николу как током пронзило. Он совсем не ждал, что пойдет вторым, сразу за Настей. Застыв на месте, он начал тяжело дышать. Ноги сами как-то пошли вперед к черной сцене, и то, потому что его сзади подтолкнули Сергей Сергеевич и Настя с Леной.

Во всем зале теперь слышались только его сапоги. Он поднялся к Владыке, фигуры хоть и старого, но еще крепкого человека. Под аккомпанемент хора он поклонился, и они пожали друг другу руки.

— Рад, что ты добрался в целостности, мальчик мой — улыбнулся старик и за спину, медленно, повел его к витрине со свитком.

Достав из-под стекла позолоченную бумагу, на стержне размером с пол роста самого Николы, Владыка передал его мальчику. Только он коснулся сухой деревянной ручки, красного цвета, как на поверхности золота тут же загорелась настоящим огнем надпись «Никола Владыч». Мальчик не верил своим глазам — надпись загорелась сама по себе, ни

как не повреждая сам свиток, и горела его именем.

Он медленно начал разворачивать лист. Владыка улыбочиво наблюдал за процессом. Свиток оказался очень большого формата, как чертежные ватманы, на которых работал Драган в своем кабинете, что Никола часто видел в тубусах.

Содержимое свитка представляло не меньшее чудо, чем светящееся на позолоченной бумаге имя мальчика. Ожидания Николы по поводу стихов и текстов не оправдались. Вместо слов, на свитке был начертан большой круг, на котором в равном расстоянии друг от друга были нарисованы еще четыре маленьких кружка. Все они соединялись прямыми линиями и дугами, тонкими, еле видимыми или толстыми как полумесяцы. Здесь было множество геометрических значков, больше походивших на буквы, образующиеся в слова. Точно такие же Никола видел на стенах зала этого дворца. Только в отличие от тех слов, эти не стояли на месте — они текли по бумаге с разной скоростью друг за другом. Некоторые строчки тянулись медленно вокруг большого круга, некоторые прямо внутри пустых дуг, а были и такие, которые с трудом можно было заметить, быстрые и мелкие, в маленьких кружках. Но скорость не играла роли — язык, на котором все здесь бегало, Никола все равно не знал. Слова продолжали бегать по прямым линиям и кругам, создавая живой рисунок, который было невозможно прочитать.

— Я не понимаю, что это? — спросил Никола. Мальчик подумал, что если он сейчас не прочтает свиток, то его не возьмут в золотое общество. Скрепп не предупредил его о таком испытании.

— Можешь смотреть на него сколько захочешь — сказал Владыка — посмотри на стены этого зала — он обвел руками барельефы возле стены с людьми, изучающими свиток — каждый из этих ученых сделал свой вклад в изучение первого свитка. Ты, конечно, не прочтешь его сейчас, он написан манерой древних архелцев, геометрическим циркулярным письмом. Нужно время, что бы его расшифровать, и много. А еще, Никола, ты должен заниматься этим самостоятельно... иначе упустишь смысл первой составляющей человека. Ты еще не раз откроешь его заново, если хочешь чтобы твое имя загорелось на других.

Никола снова посмотрел на свиток, стараясь запомнить как можно больше деталей — количество кругов, изгибы линий, скорость текста, некоторые символы. После этого он закрыл свиток и вернул его Владыке.

— Милорд, можно вопрос? — добавил Никола, перед тем как удалиться — я хочу повидаться со своим папой... вы можете мне помочь? Похоже, он не знает, что я приехал

Владыка, убрав свиток, посмотрел на него. С лица исчезла вся его доброжелательность, он стал выглядеть серьезнее и даже как-то деспотичнее. Мальчику стало не по себе. Демиан взглянул в толпу, на Скреппа, и тяжело вздохнул, вновь посмотрев на Николу.

— Драган Владыч был одним из моих учеников... я искренне надеюсь, что ты станешь как он. Но я не могу утаивать от тебя это — он подошел к мальчику и взял его за плечо — мы не знаем где твой отец сейчас... он исчез примерно месяц назад.

Никола замер на месте, в груди все окаменело. Он, покачивая головой, не спускал глаз с Владыки, потом резко обернулся к Сергею Сергеевичу. Весь зал смотрел в его сторону. Владыка продолжал

— Я знаю о твоей трагедии в семье... это печально, что мои ошибки откликаются на других — он сказал это подавленно, с сожалением, не переставая гладить мальчика по плечу — но нам остается надеяться, что он сохранил верность империи и искать его...

В этот момент к Николе подошел тот самый старик с подносом в руках. Поклонившись

мальчику, он вручил дары. На подносе лежали золотые часы с рубиновым циферблатом и значки «I» и «V» в круге. Но Никола был словно не здесь, он смотрел на часы и значки, не поднимая руку, чтобы забрать их. Мальчик продолжал стоять несколько минут, не шевелясь, уставившись в поднос, пока, наконец, Сергей Сергеевич не подошел быстрым шагом к нему на сцену и не увел прочь.

Глава V

Декабрь 1905 года второй эры.

В последние месяцы, после приезда Николая в Веридас, мальчик столкнулся с множеством проблем. Одной из них, самой сложной, стали бессонные ночи. Тусклые и серые осенние сумерки, когда на улице постоянно стояла дождливая стена, сильно напоминая пасмурную погоду лета. Днем настроение тоже было темно-серым. Мальчик часто даже не находил сил читать книги. В теплом свитере он сидел на подоконнике и наблюдал, как растут лужи вокруг улиц Академического общежития. Днем сильно хотелось спать, но надо было работать, зато под вечер весь сон улетучивался и приходил только ранним утром.

Каждую ночь одно и то же — серые сны, после которых становилось только хуже.

Николай сидел вместе со Славой под дубом на холме. Всегда шел дождь. Мальчик и девочка рядом, прижавшись, друг к другу, покачивались на качелях и смотрели в мокрую траву. Чувствовался холод, цепенящий словно зимой, хотя растения, небо, поля и леса выглядели по-летнему.

Иногда ему снилось, как возвращался отец и забирал его с собой. Они стояли вместе перед свитком и читали. Папа улыбался глядя на сына и разъяснял, что в свитке зашифровано то, что он всегда ему повторял. Поступать как следует, а не как хочется.

Снилось, что Драган приходил к нему домой. Лай собаки радость и смех, а потом он обращался к мальчику: «Великая честь! Ты познакомишься с Дмитрием!» и уходил. Мальчик в одиночестве смотрел за серое окно. Когда отец скрывался за холмом Ужица, он срывался с места и мчался вдогонку.

Снилось даже невообразимое — как отец избивал его в доме, где они когда-то жили — мрачном и пустом, заброшенном. Швыряя от одной стены к другой, крича что-то про Славу, со злобой и оскалом он взирал на ребенка, нанося удар за ударом. «Как ты мог! Я же говорил — ты ее опора. Она осталась одна! Ты оставил ее одну с какой-то собакой!?» Николай плакал у него в ногах, прося прощения. Отец снова уходил прочь за холм, добавляя «Я обязательно познакомлю тебя с Дмитрием!»

Ему снилось кладбище, где он стоял совершенно один, в форме золотого общества и в окружении солдат, паливших в воздух из ружей. Его плащ развевался на ветру, под сильным дождем, а он взирал на пустые ямы для будущих могил. Чьи-то слезы и мокрая холодная ладонь просится в руку мальчика.

А потом он снова возвращался на дуб с качелями. Все чаще и чаще на холм являлась уже не Слава, а Настя, но сон сразу обрывался посреди ночи и больше не приходил.

Все оставшееся время до рассвета мальчик наблюдал то за мрачным Централом из окна, то за сном Зака. Тот всегда спал с неуклюже открытым ртом, переворачиваясь с бока на бок и постоянно храпел. Николай сильно завидовал ему — ночью спит, днем работает. Работа шла только в общих группах первокурсников на теоретических занятиях, до практики с собственными преподавателями дело еще не дошло.

Не смотря на то, что они жили с Заком в одной комнате уже более трех месяцев, он

ничего не говорил Николаю о себе.

Зак все время подшучивал как-нибудь над мальчиком, чаще всего безобидно, не как Милош. На вопрос «как ты попал в золотое общество?» Зак все время отвечал, что так сложились обстоятельства и только исключительно из-за них первый свиток показал его имя. Больше Николай ничего не узнавал. Зак в ответ спрашивал его историю, а мальчик ее постоянно утаивал, заканчивая разговор. Он ничего не раскрывал про свой шрам на щеке, хотя друзья часто им интересовались.

Мысли уходили в тупик, когда он начинал задумываться о поисках Драгана Владыча. Неизвестно было с чего начинать и, самое главное, когда — в младшей академии его сильно перегружали работой.

Единственной радостью этой серо-золотой осенью была Настя. Вообще, все ученики Скреппа быстро сдружились между собой, даже «Ледяная Лена», как ее все называли, стала тепло общаться с ребятами. Николай, поначалу, был в стороне, только слушал что-нибудь веселое от Зака и делал вид что смеется, а сам никогда в разговор не вступал.

Анастасия вызвалась познакомить Николая с Централом, поскольку сама была родом из этого города.

Мальчика, конечно, будоражили его масштабы. Императорская библиотека, штаб Золотого Общества, дворец. Он никогда не видел ничего подобного. Но дело все же было не в этом — Анастасия так ярко все описывала, каждую улочку и фонтанчик, скверик и авеню, что серые осенние картины приобретали теплые тона. Николай ни за что бы и не заметил этих красот, если бы не девочка. Дело было вовсе не в окружении города и погоды, а в хорошей компании друзей. С этих пор они вдвоем часто прогуливались по улицам после занятий. Иногда к ним присоединялись Зак с Леной, которые сблизилась сразу после знакомства, и тогда прогулки превращались в настоящий праздник.

Вся тоска ушла с приходом первого снега. Зажглись разноцветные огни, превратившие улицы в сверкающую ель, которую в детстве Николай часто наряжал вместе со Славой в школьной гимназии на новый год. Именно так это и смотрелось — огоньки на проводах, на домах. Все фонари, лавочки, двери и окна с балконами были в них. Черные ветви деревьев и кустарников тоже осветились разными цветами. Свет перекидывался на снег и все вокруг разукрашивалось.

Сон пришел только под утро.

— Я тебя разбужу, я тебя разбужу... — крикнул Зак, озлобленно смотря на Николая.

Тот, весь мокрый, поднялся с кровати, стягивая с себя одеяло. Холодный душ в постель подействовал молниеносно. Николаю не пришлось тратить время на протирание сонных глаз и ленивого поиска тапочек. Он шокировано взглянул на Зака, стоявшего перед ним с металлическим тазиком в руках.

— Я тебя поздравляю! Мы проспали

— Эй! — Николай явно не обрадовался такому подъему, который Зак начал практиковать в последнее время — что ты делаешь в моей комнате?

Зак даже не стал слушать, кинув в него сухую бордовую рубашку и штаны.

— Одевайся давай, мы опаздываем... у тебя же профессор Фаргуз будет

Взяв с письменного стола значки «I» и «V» в круге, Николай медленно пустил руку в шелковый рукав, затем во второй. Одна пуговица, следующая...

— Ты можешь быстрее — рявкнул Зак, чистя свои сапоги — там за окном снега намело, мы же не успеем до академии за полчаса как раньше.

— Извини, я виноват, что не разбудил — покачал головой Николай — сейчас, только косичку заплету и пойдём.

За окном и вправду бушевала метель. Солнце ещё не встало, было темно. Только разноцветные блики от ближайших фонарей освещали улицу. Снег уже маленьким сугробом с карниза доходил до половины окна.

— Без завтрака пойдём? — спросил Николай, закончив с косичкой и поворошив остальные кроткие волосы.

Зак раздраженно кинул в него сверточек газетной бумаги. Внутри лежало что-то теплое.

— По дороге, Владыч — он уже открыл дверь — ты умеешь есть на ходу?

Каких-то десяти минут не хватило ребятам, чтобы вовремя явиться в лекционную аудиторию. Метель вызвала настоящий коллапс на улицах Централа. Кареты, лошади и автомашины превратились в единую замерзшую массу, потихоньку утопая в снегу. Водители то и дело вглядывались в конец дороги, но конца не было даже заметно. Таких сугробов Николай никогда в жизни не видел. В один только первый день снегопада осадков выпало столько, сколько в Ужице с трудом могло накопиться за всю зиму. Темное небо все было словно за белой марлей, которая заворачивала город.

Сотни аудиторий для чтения лекций младшей академии располагались на одном этаже. Именно поэтому, даже после наступления часа занятий в коридорах между классами толпилось огромное количество студентов и преподавателей. Все шумели, особенно старшекурсники, которые расталкивали остальных и пробирались быстрее. Дети же порой сами не могли пошевелиться, пока кто-нибудь из преподавателей или золотых людей пятого и шестого уровня — которые относились к ним как к младшим братьям — не возьмут их прямо за руку и не отведут в аудиторию.

Зак и Николай избрали другую тактику — коридор был неширокий, но все же возле его стен было посвободнее. Ребята шли точь-в-точь около стены, иногда даже забираясь на скамейку или каменный выступ, чтобы обойти толпу.

— Ты прочитал, что он просил? — сказал Зак, протискивающийся между двумя высокими парнями,

— Да, мы проходим составляющие

— Ааа... понятно, это очень просто пока что — Зак остановил друга, когда они добрались до конца коридора, разделявшегося на два других, еще более мелких — что ж, тогда увидимся после занятий? Мне направо...

Николай кивнул, его группа занималась в другой стороне. Попрощавшись с Заком, он продолжил свой путь. Время поджимало, мальчик боялся, что если опоздает, то его уже не впустят и он, можно сказать, опозорится перед группой. Мысли отвлекли Николая от реальности, и он не заметил, как на скорости врезался в полненького третьекурсника.

— Ой... извини — сказал Николай.

Третьекурсник оказался не из сильного десятка. От столкновения с мальчиком, он упал, выронив на пол все свои тетради.

— Блин! Этого не хватало — завизжал упавший студент — ты вообще смотришь куда идешь, перваш!

Николай подумал, что мальчик сейчас поднимется с ног и возьмет его прямо за китель.

Драка нужна была меньше всего.

Третьекурсник действительно поднялся и озлобленно взглянул на Николая. Но в этот же момент из-за угла в коридор показался мужчина в преподавательской бордовой мантии, круглых очках, с седой бородой, и черными как сажа волосами.

— Владыч и МакМори? — удивленно посмотрел на ребят этот человек — кажется, я уже слышал звонок. А вы?

Николай и третьекурсник, которого он толкнул, поклонились преподавателю.

— Да, профессор Фаргуз, слышали

— Почему вы еще не в аудиториях?

— Просим прощения, профессор Фаргуз...

Преподаватель подошел к студентам поближе

— Что ж, МакМори, вы можете идти, куда шли, а вы, Владыч, идемте со мной... насколько я помню, у вас мое занятие

— Да, профессор — сказал Николай, еще раз поклонившись

Вместе они направились в большую лекционную аудиторию. Детский шум из нее был слышан еще на подходе.

Как только Фаргуз зашел в аудиторию, множество маленьких студентов встали и поклонились, приветствуя его.

— Так, так — покачал головой профессор — расшумелись, тихо все. Садитесь на свои места, сразу приступим к делу.

Аудитория была просторной, парты находились на ступенчатом подъеме перед большой черной доской. Кафедра, письменный стол и шорох людей устраивающихся на местах пока преподаватель копошился в своих бумагах. Николай тихонько, даже немного пригнувшись, пробежал вперед к самому первому ряду парт. Здесь уже давно заняли себе место самые успевающие студенты, среди которых находилась и Анастасия. Девочка подвинулась, чтобы Николай сел рядом.

— Господа, — начал Фаргуз — у вас последний день подготовки, напоминаю, что скоро зимний экзамен, а потом катитесь к своим мастерам... Пройдемся по пройденному

Он поднял руки вверх, успокаивая засуетившихся ребят. Взором хищной птицы, широкими глазами через сверкающие круглые очки он начал осматривать аудиторию. Наступила тишина, студенты, оцепеневши, уставились на него. Фаргуз взял перо, обмакнул его в чернила и поставил на каком-то листочке с фамилиями крестик — началась лотерея, кому повезет, кому нет.

— Господин Семак, — Профессор вновь поднял голову к студентам. Где-то на задней парте с места медленно поднялся мальчик, попутно застегивая пуговицы на своем кителе, — ученик профессора Ребенса, вы уже полгода в обществе, как успехи в компонологии?

Семак зачем-то кивнул головой, отчего по залу покотился еле слышимый смешок.

— Я читаю... и... — мальчик не знал, что добавить Фаргузу

— Ладно, ладно Семак, достаточно хотя бы этого. Расскажи мне о первой составляющей, справишься?

В аудитории сразу раздались хлопки закрывающихся книг. Наученные печальным опытом студенты решили не испытывать внимание профессора и все как один закрыли учебники. Семак уверенно выпрямился и начал свой ответ немного сиплым голосом.

— Первая составляющая человека представляет его интеллект. Интеллект может расти, а может падать.

— И что же влияет на его динамику, Семак?

— Умственная нагрузка, профессор

Фаргуз покачал головой, соглашаясь с мальчиком. Он присел за свой стол и сделал какую-то отметку напротив крестика.

— Хорошо, но не исчерпывающе, есть ли дополнения?

С места тут же поднялась Лена, Фаргуз обратил на нее внимание

— Елена Архелова, ученица профессора Скреппа, хотите дополнить? Давайте, не тяните

— Первая составляющая представляет собой знание человека о содержании Истины

Профессор улыбнулся, посмотрев на стопку книг, что лежали на его столе.

— Вы дошли до классического учебника? Неплохо... такое определение первой составляющей давали еще две тысячи лет назад, но, тем не менее, это тот редкий случай, когда термин выдержал время. Хорошо, а какой раздел компонологии этой составляющей?

Лена в ту же секунду дала ответ

— Рациология

— Хорошо, а почему же она первая?

— Про нее больше всего сказано в первом свитке, профессор

Фаргуз покачал головой и поставил отметку Лене

— Очень хорошо, Архелова, можете считать себя допущенными до зимнего экзамена. Теперь поговорим о третьей составляющей. Прошу, господин Де-Фармо, ученик профессора Жарова

Мальчик в таких же круглых очках, что и у профессора, всегда садившийся в первом ряду, встал и выпрямился.

— Третья составляющая это составляющая естественных сил человека. Профессор Жаров ее называет животной составляющей. Она тоже может расти и ослабевать, это зависит от работы человека над собой.

Фаргуз махнул рукой, позволив Де-Фармо сесть. На лице профессора даже появилось какое-то разочарование, будто бы он допустил ошибку, спросив легкий вопрос у отличника. Он взял в руки список и начал пробегаться по именам глазами, теперь на ком-то он должен был отыгаться. Ребята давно поняли, что Фаргуз любит мучить неподготовленного студента.

Николай взглянул за высокое окно. Свет оттуда проливался на всю аудиторию, метель затихала, что давало надежду на прогулку по городу после занятий. Одна мысль об этом зажгла в мальнике желание поскорее покончить с работой и пойти развеется. Пока он смотрел в окно, другие студенты пытались хоть что-то выудить из учебника про вторую составляющую, так как осталась только она.

Фаргуз продолжал прикусывать нижнюю губу, теряясь в догадках кого спросить. Он иногда поглядывал на того человека, чью фамилию видел в списке, затем легонько покачивая головой, снова продолжал искать.

— Ну что сказать, ребята — посмеялся профессор — вы первый такой курс, который почти без «лишних людей», понимаете да? Последний на сегодня вопрос о второй составляющей достается господину Владычу, ученику профессора Скреппа.

Вновь послышались хлопки книг. Мальчик оторвал голову от окна и увидел, что профессор смотрит точно на него. Фаргуз немного улыбался, стуча кончиком пера по бумажке. Николай поднялся с места, глядя на закрытый учебник «Введение в

Моресологию». Все затихли, даже малейший шепот прекратился. Мальчик выдохнул и как можно увереннее начал отвечать.

— Вторая составляющая, до восемнадцатого века считавшаяся душевной составляющей, представляет собой эмоциональное состояние, которое ведет за собой все поступки, действия и мысли человека. И если менять эмоциональное состояние, то будут меняться и действия с мыслями. Вторая составляющая это «внутренняя истина» свой закон, через который человек оценивает, что правильно, а что нет. Это его менталитет и он крайне устойчив, не может развиваться или деградировать, но может резко меняться при сильном психологическом воздействии.

Фаргуз покачал головой, отмечая на листке.

— Что ж, хорошо.

Опрос был окончен и студенты немного расслабились. Фаргуз стал чертить на доске мелом круги и линии со значками, попутно что-то объясняя. Николай с трудом понимал, о чем идет речь, перечерчивая все на большие листы. Фаргуз все чертил и чертил, пока вдруг резко не остановился, обратив внимание на один из своих рисунков.

Маленький кружочек, находившийся в самом углу доски, содержал в себе мелкие слова, профессор смотрел на него о чем-то думая. Он почесал затылок и отошел от доски, чтобы взглянуть на общую картину. Пауза затянулась, студенты начали шептаться между собой о своем, не обращая внимания на застывшего Фаргуза.

— Так, здесь ошибка, видите? — он показал пальцем точно на этот кружок — вычеркните

Все студенты макнули перья в чернила и крестами закрасили срисованную ошибку у себя. Фаргуз же прислонил ладонь к доске чуть выше этого кружка, и из нее вниз полилась черная струйка воды. Те ребята, что увидели льющуюся без всякой причины жидкость из руки профессора, застыли на месте. Аудитория загудела, профессор раздраженно обернулся, его взгляд заставил всех умолкнуть. Он взял тряпочку и протер мокрые руки, подойдя поближе к ребятам.

— Вы что, впервые видите действие четвертой составляющей? — удивился Фаргуз — я же столько про нее говорил

Некоторые студенты покачали головой, не отрывая взгляда от правой ладони преподавателя, с которой все еще капали редкие капельки воды, оставляя след на полу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вам вообще-то еще рано о ней знать, но что бы вы уж меня не позорили так, шарахаясь от каждого золотого человека выше четвертого уровня, то я расскажу вам поподробнее, хотите?

Дети хором и с большой радостью воскликнули «да!». Теперь каждый из них, даже ребята на последних партах, — которые обычно либо не слушают преподавателя, либо вообще не ходят на лекции — приготовились к рассказу профессора.

— Итак, слушайте — улыбнулся Фаргуз, вновь приподняв руки — я, может быть, сейчас раскрою вам большую тайну, но вы все равно рано или поздно познакомитесь с ней. С первого по третий свиток вы ознакомитесь с природой первых трех составляющих, которые мы вскользь сейчас уже прошли. Четвертая составляющая есть самый главный компонент человека, это тот компонент, что отличает нас от простых людей, способность связи с Истиной, частица которой есть в каждом из нас. Ведь вы догадывались, что остальные три составляющие есть и в любом другом человеке? Интеллект, менталитет и, скажем так,

конкурентоспособность в природе есть у всех. Это значит, что все три составляющие связаны между собой, но что тогда есть четвертая? Давайте снова проверим ваши знания. Владыч, ученик профессора Скреппа, ответьте, что такое компонология? Давайте, это легкий вопрос первой сентябрьской лекции

— Это наука, изучающая три составляющие, профессор

— А точнее, их взаимодействие, да?

Николай кивнул

— Так вот, последний раздел компонологии называется комплеология и занимается она изучением четвертой составляющей. У вас она начнется на четвертом курсе, и преподавать вам ее будет профессор Луриа. Из названия предмета вы можете понять, что она как раз связана с соединениями...

Фаргуз заметил как некоторые студенты, в основном девочки с первых рядов, начали записывать его слова в тетрадь, он тут же тихонько постучал по столу, обращая на себя их внимание. Девочки подняли голову и быстро положили перья на стол, закрыв чернильницы.

— Не надо это записывать, я говорю это вне лекционной темы... чтобы утолить ваш интерес. Итак, что есть четвертая составляющая? Если говорить красиво, а не так как написано в учебнике, то это умелое соединение всех трех составляющих в одну...

Фаргуз по глазам ребят понял, что объяснение не получается. Он цыкнул, почесывая кончик своей бороды, и бегая глазами по разным углам аудитории, пытаясь придумать, как лучше объяснить необъяснимое.

— Не готовы вы еще... давайте так

Он подбежал к доске, схватив мел, и начал рисовать круги. Один большой, много маленьких, в которых тоже были окружности, соединяющие их дуги и слова на непонятном языке. Эта картина получалась похожей на ту, что Николай уже видел в первом свитке, циркулярная геометрическая формула, только без движущихся слов. Фаргуз начал водить пальцем от одного кружка к другому через дуги.

— Смотрите, если все сильно упростить, то это будет выглядеть как схема. С помощью сильного разума — вашей первой составляющей, вы начинаете контролировать свою физическую силу — третью составляющую. Понятно? Вначале идет соединение первой и третьей.

Фаргуз подтянул рукав на своей бордовой рубашке до плеча.

— Вы сразу почувствуете получившуюся силу... ее сложно описать словами, вы почувствуете, гарантирую. Эту силу вам надо будет направить на свою вторую составляющую — она служит чем-то вроде призмы, свет через которую откроет вам путь к вашей четвертой составляющей.

Он поднял руку, и она в то же мгновение заблестела, как будто ее только что вытащили из жидкости. От кончиков пальцев до локтя с нее полилась вода прямо на пол. Студенты начали вскакивать со своих мест, пытаясь разглядеть, что происходит с профессором у доски. Фаргуз уже не сдерживал возгласов детей от увиденного чуда, он лишь радостно улыбался, наблюдая то за их реакцией, то за рукой.

Николай впервые видел подобное, он совершенно ничего не знал о четвертой составляющей до этого дня и не подозревал, что Веридас хранит в себе на первый взгляд волшебные тайны куда более масштабные, чем огонь имен на свитках и их содержимое. Мальчик посмотрел на Анастасию, она, прикрыв рот рукой, с улыбкой и радостными глазами смотрела на профессора, как и остальные дети. Значит, и у них когда-нибудь

появится возможность творить нечто подобное.

Фаргуз поднял руку точно над своим лицом и сжал ее в кулак. Вода тотчас же струей полилась из него прямо в рот профессору. Он сделал пару глотков и потряс ладонью, после чего вода перестала идти. Он посмотрел на аудиторию.

— Ну, что скажете?

Студентам было чего сказать, они прямо вслух между собой уже давно обсуждали увиденное. Один из ребят спросил, почему из руки льется именно вода. Фаргуз застегнул рукав на рубашке.

— Нет, конечно, нет, это не обязательно должна быть вода — сказал он — я уже упомянул, что природа четвертой составляющей кроется в ваших чувствах и эмоциях.

Когда аудитория успокоилась, профессор продолжил.

— Науке сложно поддается ответ на вопрос, какого вида будет у вас эта составляющая. Из всех исследователей наиболее точные рассуждения оставил нам сам Алекс Веридас. В его мемуарах мы иногда натываемся на рассуждения о природе и происхождении его собственной четвертой составляющей, которой был белый свет. Он был сильно уверен в том, что имеет на руках свет именно потому, что сам всегда стремился к свету. Не в прямом смысле, конечно. То есть он всегда стремился к Истине. Вид четвертой составляющей человека напрямую зависит от его самой сильной эмоции или чувства, что ему довелось испытать в своей жизни. Допустим, если вы в своей жизни не испытывали ничего сильнее страха, то ваша четвертая составляющая будет делать на руке шипы.

Николай взглянул на свою ладонь, разглядывая ее с разных сторон. Ему почему-то сразу стало чувствоваться, как из нее начинает выпирать что-то острое как шип или иголка. Он потер руку о руку и еще раз пристально осмотрел ее, но никаких шипов из нее не выходило. Он взглянул на остальных, некоторые дети тоже разглядывали свои руки.

— Если же кто-нибудь из вас в будущем сильно влюбится, то у вас появиться очень интересная составляющая, это будет способность к регенерации живых тканей, внешне выглядящей как голубоватый свет.

Тихий смех послышался в зале, в основном от девочек, которые прикрыли рот рукой и переглядывались между собой.

— У человека есть множество эмоций, каждую мы можем время от времени испытывать, и они после этого как бы попадают в нашу память. Самая сильная из них и будет воплощаться в материи на руке. Причем ваша четвертая составляющая может меняться, если вы испытали иную, более сильную эмоцию, чувство или желание. По-моему, все предельно ясно.

Профессора, когда он был в самой кульминации своего рассказа, прервал один молодой человек. Юноша в форме общества, с золотой пряжкой на челке показался в дверях. Высокий и статный, как солдат, он стоял ровно, соединив каблуки сапогов вместе и убрав руки за спину.

— Профессор Фаргуз — обратил он на себя внимание, покашляв в кулак — доброе утро, у меня объявление для первокурсников. С вашего позволения...

Фаргуз обернулся к молодому человеку и, немного вздохнув, указал ему рукой вперед, разрешив пройти.

— Конечно, майор Кордов, мое время — ваше время

Юноша легонько поклонился и прошел к ребятам. Студенты все еще не отошли от лекции Фаргуза и с трудом перестраивались на нового человека в аудитории. Майор Кордов

будто бы специально вздернул плащ, за которым на ворота рубашки мелькнул значок «V».

— Так, детишки, сразу говорю, болтать со студентами меня не обучали, поэтому слушаем внимательно, а не то... — Кордов показал им кулак — слушайте внимательно, это касается каждого. Речь пойдет об угрозе терактов. Совет только что начал «дело ренегатов».

Он взял стул и, повернув его спинкой к студентам, сел лицом перед ними.

— Небезызвестный террорист Дмитрий Чадаев все еще... неуловимый, скажем так. Егс организация, известная как «Орден Чадаева» впутывает в свои сети даже самые дальние окраины империи. И императору это совсем не нравится, как и Владыке с Советом. Проблема вовсе не в его поимке, а в том, что его Орден постоянно разрастается. Наш отдел точно не может сказать, сколько в нем человек, но примерно сотня уже наберется. Но и это еще не все.

Майор сделал нагнетающую паузу, оглядев всех учеников. Николай смотрел на него настолько пристально, словно вокруг ничего другого не было.

— Вы все в курсе недавнего теракта в Трефе? Он был примерно две недели назад. Отдел расследований выяснил, что к нему причастен Чадаев и его люди. Пострадало здание полиции и шесть служащих, хотя жертв среди гражданских лиц нет... Мы так же выяснили, кто совершил теракт, это профессор Курт Ис, бывший член Золотого общества шестого уровня, исчезнувший бесследно в конце сентября. Неизвестно как, но видимо ему удалось выйти на связь с Чадаевым.

По аудитории началось тихое обсуждение сказанного, майор переставал чувствовать внимание на себе.

— Тишина, — спокойно произнес он, но отреагировали разве что первые парты, остальные же начали гудеть еще громче.

Кордов издал нечто похожее на раздраженный рык и резко поднял правую руку вверх. В ту же минуту из ладони молниеносно вылетел светло-желтый шар, испускающий маленькие искорки кругом от себя. Он сиял ярко-ярко, даже снаружи, на светлой улице можно было увидеть желтый свет, выбивающийся из окон. Аудитория была высокой, и шар продолжал подниматься к потолку пока его, наконец, не заметили все изумленные студенты. Только он кончиком поверхности соприкоснулся с потолком, как тут же последовал громкий хлопок, больше даже похожий на взрыв. Вспышка ослепила всех студентов, а через секунду до них дошел сильный жар, некоторые вскрикнули от неожиданности.

— Заткнулись все, когда я говорю! — крикнул разъяренный Кордов так громко, что некоторые девочки вздрогнули от испуга и сели смиренно, уставившись лицом точно в доску. — Итак, после этого случая с Куртом Исом мы начали выявлять некоторую закономерность в терактах и их участниках. Больше половины из них совершены бывшими членами нашего общества, исчезнувшими на задании с период с лета по осень вплоть до текущего дня. Все они обнаруживались в рядах Ордена Чадаева. Совет высказал общее мнение, что Дмитрий Чадаев проводит вербовку в нашем обществе, находя себе здесь источник своих сторонников. Мы не знаем, насильно ли он заставляет работать на него, или как-то иначе.

— Он сам долго был членом Золотого Общества, сторонников у него здесь может быть хоть отбавляй, — добавил Фаргуз

— Вы совершенно правы, профессор, Ему известны многие личности в обществе, и скорее всего он избирателен в выборе приспешников. Совет на основании этого запретил отныне выполнение заданий в одиночку... вам то это неважно знать, вы еще первокурсники,

но для вас есть другое распоряжение. Слушайте внимательно! Чадаев, конечно, знает старых членов общества и может их переманить, но среди студентов ему мало кто известен. И, к сожалению, мы поняли это слишком поздно, вас легче завербовать, создать из вас оружие, нужно всего-то похитить, а дальше вы не сможете противостоять ему. Мы обнаружили исчезновение уже четырех студентов и предполагаем, что они захвачены Орденом. Теперь в безопасности вы можете быть только в академии или дома. Не гуляйте пока, какое-то время, пока мы не поймем Чадаева... и еще одно. Среди вас учится Семен Савинов?

Один из мальчиков встал со среднего ряда на обращение майора, подняв руку.

— Ты да? идем со мной. Продолжайте занятие.

Как только мальчик с майором удалились, и дверь захлопнулась, в аудитории вновь начался тихий гул. Николай сидел с дрожащими руками, смотря куда-то в сторону. Голова просто разрывалась от мыслей, о чем можно было догадаться только по широким глазам, тоже немного подрагивающим. Он схватил себя за волосы и сильно потянул их в стороны, оскалив зубы и пригнувшись под парту. Ему на плечо положила руку Настя, но он не отреагировал, лишь сильнее сжимая кулаки. Остальные ребята смотрели, как Фаргуз накидывал свой белый китель на себя.

— Вот так вот, дети — сказал он — не все в наше время готовы разделять догмы Алекса Веридаса — профессор посмотрел на часы — ну... у нас с вами еще полно времени, давайте продолжим.

К концу учебного дня коридоры сделались просторнее. Студенты спокойно направлялись кто в библиотеку, а кто на выход, кланяясь всем встречным преподавателям. Люди шли быстро, общаясь друг с другом, наполняя высокие помещения монолитным эхом речи и шагов. Только лишь Николай шел медленно, ближе к стенке, чтобы не мешать остальным. Мальчик прижимал к груди свои тетради, смотрел куда-то перед собой стеклянными глазами. Он выглядел настолько странно и жалко, что проходившие мимо ребята оборачивались в его сторону, шепчась и тыкая пальцем.

Он дошел до высокого окна в коридоре, из которого открывался вид на далекую императорскую площадь. Море крохотных машин на соседней улице, стоявших в заторе, выглядели как замерзающая река. Метель прекратилась, но одинокие шестигранные кристаллики все еще мягко парили в воздухе, медленно передвигаясь то вверх, то вниз. Было пасмурно, но все равно светло, хоть разноцветные фонари еще и не зажглись.

Николай остановился у окна, двумя неуклюжими движениями ног повернувшись к нему. Глаза ловили что-то, но мальчик не интересовался картинкой зимней улицы. В голове одна мысль давила на другую — Чадаев и отец... они ведь тоже были хорошими друзьями.

— Хей! — весело послышалось в стороне

В следующий же миг на плечи Николая запрыгнул Зак. Выглядел он счастливым, особенно на фоне своего друга. Николай обернулся к нему с холодным лицом.

— Идем что ли гулять! Я всю лекцию поглядывал в окно за снегом, теперь то уж там намело на хорошую партию в снежки!

Николай немного покачал головой и снова отвернулся к окну. Зак непонимающе умолкнул, поглядев по сторонам.

— Что-то случилось? Где девочки?

— Отошли... — отчужденно ответил Николай — сказали, что встретимся на выходе.

— Ты чего?

Зак взял друга за плечо. Николай лишь покачал головой в ответ.

— Ты идешь с нами или нет?

— Да иду...

— Ну так погнались, чего ждешь то?

Николай краем уха услышал речь прошедшей мимо группки студентов. Видимо, к ним тоже заглядывал майор Кордов, ребята говорили о том, что сделали бы с Чадаевым, попадись он им.

— Идем, Зак, наши заждались — сказал Николай и сам пошел впереди друга. Зак, все еще странно поглядывая на него, направился следом.

На улице находилось гораздо больше людей. Здесь были и Лена с Анастасией и половина первого курса вместе с ними. Ребята столпились вокруг кого-то. Послышался плач. Зак и Николай подошли поближе.

Мальчик, которого майор Кордов увел на лекции Фаргуза, собрал вокруг себя все внимание. Семен Савинов сидел на одной из бесчисленных ступенек лестницы фасада. Не обращая внимания на снег и грязь, он прямо в чистой форме, упавши, плакал, не обращая почти никакого внимания на утешающих его сокурсниц. Волосы чисто белого цвета спутались и поникли вниз вместе с опущенной головой — Семен не хотел, что бы кто-то видел его слезы.

Анастасия и Лена стояли поодаль, с краю от толпы. Николай тихо подошел сзади и спросил шепотом

— Что с ним, почему он плачет?

— Его брат Артур не вернулся вчера домой, Кордов сказал, что скорее всего его похитил Орден

— Артур Савинов, с третьего курса? Вот как...

— Савинов... он же один из самых сильных среди своих, только на прошлой неделе с ним разговаривал — Зак ударил себя полбу, не веря своим ушам.

Николай смотрел на трясущегося Семена. Мальчик затих, но его все равно осыпали разными словами, о том, что Артур сильнее Чадаева, он его одной левой. Подойти к Семену и поговорить с ним Николай не решился, он сейчас сам боялся не меньше мальчика. В груди что-то томилось, больно стучало от одной только мысли пропажи отца, особенно теперь, когда вскрылась правда. Что если следующий теракт будет совершен Драганом Владычем. Мальчик закрыл лицо рукой и отшатнулся. Его друзья с волнением обернулись.

— Отец, отец... ты же не знаешь? — шептал про себя Николай — ты же не знаешь, что он натворил...

В памяти всплыла картина последнего вечера в Ужице, перед тем как Драган уехал в Веридас и не вернулся. Он сидел на диванчике с золотым письмом в руках и потирал подбородок. Эльза с волнением смотрела на него, мужчина в раздумьях. «Мы с Чадаевым давние друзья... это большая честь для меня»

Николай чувствовал, как по щекам текут холодные слезы. Лицо закрыто руками и его никто не увидит. Никто не должен знать, что с ним случилось тогда... пусть все останется в тайне, нужно только найти отца.

— Ты в порядке? — спросил Зак, подойдя поближе к нему. Николай покачал головой, утирая глаза. Лена и Настя с волнением смотрели на него.

— Да, ребят, все хорошо, идемте... куда мы там собирались?

Девочки сделали два шага вперед, все еще с тревогой наблюдая за мальчиком, сказали

— Пойдемте на каток в сторону рояльной набережной.

Что такое каток, Николай с трудом себе представлял. Как бы он не пытался отвлечься от своих мыслей, они не давали ему это сделать.

Ребята почти пришли. Ледяное поле было создано недавно, как только появился первый мороз. Оно располагалось на одной из небольших полянок прямо в лесу, что отделял набережную от города. Удивительно как быстро начинало вечереть, особенно среди черных или вечнозеленых деревьев. Темно-синее небо было видно только наверху, у самых макушек елей. Однако света здесь все равно хватало, он был разноцветный от фонарей и освещал снег, наполняя красками каждый уголок. Вдалеке виднелись пустые веранды для роялей, присыпанные снегом. Сейчас там было все покинуто — ни слушателей, ни пианистов, ни инструментов.

Людей тоже оказалось мало, не как в тот сентябрьский теплый день, когда здесь было не протолкнуться. Редкие прохожие в пышных шубах и шинелях медленно прогуливались по расчищенным тропкам, среди сугроба. Только настоящего любителя зимы можно было встретить тут, у остальных начался каминно-книжный период.

В бордовых пальто с золотом на рукавах было жарко, особенно Лене. Она уже расстегнула пуговицы и сняла шарф, но все равно мучилась от тепла. Зак все смеялся над ее покрасневшим лицом, а она только фыркала в ответ, дожидаясь, когда он обернется, чтобы зарядить в него снежком. Анастасия вприпрыжку шла впереди всех, напевая про себя мелодии, что недавно играл им Сергей Сергеевич. Девочка улыбалась каждому встречному человеку, поторапливая ребят. Только Николай тащился в конце, еле передвигая ноги. Форменное пальто золотого общества было хоть и красиво, но очень тяжело для него. Таких холодных зим в Себоре никогда не было, поэтому мальчик ни как не мог привыкнуть к одежде. Спрятав руки в карманы, он смотрел то на веселящегося Зака и Лену, то на беззаботную Анастасию, то на пар изо рта. Хотелось прямо сейчас пойти к Скреппу и поговорить с ним об отце... почему он не помогает мальчику? Ведь это и его лучший друг, почему он не ищет его? Николай тяжело вздохнул, закрыв глаза.

Что-то очень холодное и твердое прилетело прямо ему в голову и разбилось на части.

Николай открыл глаза, лицо горело от таявшего снега. Зак со злобной ухмылкой смотрел на него, лепя новый снежок. Девочки тоже рассмеялись, глядя на шокированные глаза мальчика.

— Ах ты! Сам напросился, тебе известно я лучший снайпер во всем Ужице по снежкам?

Пока он нагибался вниз за снегом, в него прилетел еще один. На сей раз Лена угодила прямо ему за шиворот и громко рассмеялась. Внутри все зажглось холодом, китель и рубашка намокли. Лена и Зак ударили друг друга в ладоши с победным возгласом. Но дальше произошло то, чего они не могли ожидать — в лицо Заку с треском врезался еще один снежок.

— Двое на одного! Нечестно! — весело крикнула Настя, забегая за кучу сугроба.

Николай начал обкидывать Лену и Зака с другой стороны. Правда, все пять выстрелов оказались «в молоко». Мальчик, ловко пробежал к Насте и занял оборону.

— Снайпер!? Ты Снайпер!? — кричал Зак, чуть ли не надрываясь от смеха — даже Лена стреляет лучше тебя!

— Эй! — обиженная этими словами Лена взяла в руки большой ком слипшегося снега и опустила его прямо на голову Заку, тот повалился на землю — Вот тебе, я лучше тебя метаю, не ври!

Она стала хоронить упавшего мальчика, закапывая его руками в снегу.

— Ладно, ладно! Ты с ума сошла, мы же в одной команде!

Теперь на них посыпался настоящий град. Николай и Анастасия воспользовались их заминкой и закидали до победного конца.

— Ребят, мы на каток опоздаем! — крикнула Настя, взглянув на уже почерневшее небо — может, отложим наш бой?

— Ну... так уж и быть, пощадим вас, отыграетесь потом — съехидничал Зак и тут же получил финальный снежок от Николая.

Каток был особенным местом. Здесь звучала музыка, задорная и игривая, специально под веселье на коньках. Хотя бывало, она становилась плавной и нежной, тогда многие уходили со льда, уступая место парам, которые медленно, в обнимку, нарезали круги. Фонари повсюду одного ярко-желтого цвета, освещали все так, что соседний лес терялся во мраке. Возле ледяного поля находились деревянные домики, где можно было взять на время коньки. Людей тут было настолько много, что перед домиками столпилась настоящая очередь, и создавалось впечатление, что чудо обуви хватит не всем.

— Мы возьмем вам коньки, идите пока — сказали девочки и заняли свое место в очереди.

Николай не сразу понял, почему люди на льду не падают, скользя на таком тонком лезвии, да еще на одной ноге. Все так быстро движутся, мальчик уже сам загорелся желанием попробовать себя на льду. Они с Заком отошли к скамейкам, ждать Настю и Лену.

Среди прочих людей на катке, находилось три ровесника ребят. Два мальчика и девочка. В не самой богатой одежде — обыкновенным потрепанным свитерам и ватным жилеткам, только активные движения не давали им замерзнуть. Мальчики учили свою спутницу стоять на коньках. Девочка была гораздо меньше их и с опаской, широкими глазами смотрела под ноги на лед. Друзья держали ее с обеих сторон под руку, талдыча в унисон, что нужно держать ноги ровно и поочередно отталкиваться ими назад. Только у девочки начинало все получаться, на лице появлялась радость и воодушевление, как мальчики отпускали ее из рук, и она, не продержавшись пары секунд, падала на лед.

— Эх ты, ну мы же говорим как надо, чего ты не понимаешь? — вздохнул один из мальчиков — глупая, тебе еще рано на коньки

Девочка отворачивалась и закрывала глаза розовыми шерстяными рукавичками. Мальчик, что постарше, тут же помогал ей подняться, успокаивая и говоря, что у нее все получится, пока другой скептически кивал головой, маяча вокруг них.

— Ты просто не держишь равновесие, представь, что ты летишь, и все получится, хорошо? — с улыбкой говорил он ей

Пока Николай смотрел как Настя и Лена продвигаются в очереди, говоря о чем-то своем, Зак не отрывал глаз от этих троих. Он смотрел на них с какой-то печалью, убрав руки в карманы и сильно ссутулившись. Каждый раз, когда девочка падала, кончики его губ еле заметно выражали улыбку, но когда он смотрел на ее спутника, — который, скорее всего, был старшим братом — то сразу опускал глаза.

Заиграла музыка вальса, множество пар начали медленно кружиться по катку. Троица, за которой наблюдал Зак, наоборот удалилась. Старший брат помог девочке снять коньки и пригласил ее потанцевать. Они вдвоем кружились прямо вдоль оградки перед льдом, в простой обуви. Теперь девочка была счастлива.

— Зак, что-то случилось? — заметил, наконец, Николай прикованный взгляд своего друга.

Он покачал головой, посмотрев куда-то в сторону одного из фонарных столбов, только что переключившегося с желтого цвета на зеленый.

— Нормально все, а что?

— Да нет, просто ты так странно смотришь куда-то на каток

Зак снова вздохнул и показал пальцем на троих детей, которые продолжали танцевать.

— Та вон, видишь ребят? Я вспомнил, как раньше водил сестренку и младшего брата на каток. Те трое ведут себя прямо как мы тогда.

Николай подсел поближе к другу. Он наконец-то ему рассказал что-то из своего прошлого. Глаза загорелись, хотелось узнать чего-нибудь еще. Зак же, все еще поникши, сидел на скамейке, косо поглядывая на брата и сестру.

— А ты давно дома был?

— Ни разу с тех пор как меня забрал Скрепп... и вряд ли я там снова окажусь

— Почему?

— Потому что, Владыч. — посмотрел на него Зак покрасневшими, дрожавшими глазами. Николай испугался, первый раз за полгода, что он знал его, друг выглядел таким — не лезь не в свое дело, придурок.

Николай немного замялся, ему стало неудобно и даже боязно.

— Извини... я не хотел тебя обидеть... — робко произнес он

Зак снова покачал головой и сказал

— Когда закончишь младшую академию, в какой отдел хочешь поступить?

Николай замолчал. Он знал о существовании в Золотом Обществе пяти рабочих отделов — Расследований, Исследований, Суда, Компонологии и Отдел Доцентов — куда шли работать люди после обучения, но все эти канцелярии казались так далеко, что мальчик еще и не задумывался над таким выбором. Он крайней мыслью подумал, почему Зак сменил разговор?

— Я не знаю... — ответил Николай — я, наверное, пойду в тот, который позволит работать по всей стране.

— Ясно... значит, пойдешь в отдел расследований, получается, будем работать вместе, ловить всякую мерзопакость.

Зак похлопал друга по плечу, улыбнувшись. В этот момент подошли девочки с четырьмя парами коньков в руках.

Николай стоял на льду не лучше той маленькой девочки, как бы Лена и Настя не пытались объяснить ему, что нужно делать. Колени и руки уже болели от падений, вдобавок еще и Зак смеялся над ним как ненормальный, мастерски проезжая мимо. Это искусство оказалось куда сложнее, чем выглядело на первый взгляд.

— У тебя неплохо получается для первого раза — говорила Настя, отряхивая его пальто

от снега

— Серьезно? — Зак проезжая на одной ноге, с руками за спиной ехидно смотрел на мальчика, не понимающего, что он делает не так — он на коньках стоит как жираф... ахаха!

— Не слушай его... — улыбалась Настя, — у тебя нормально получается

Лена злобно огрызнулась на Зака

— Тоже мне друг, лучше бы помог, а не надсмехался

— Пфф... — фыркнул он, махнув рукой — пусть сам учится, меня вот никто не учил, видишь, как катаюсь.

Он прыгнул на льду и сделал оборот, приземлившись точно на коньки, даже не пошатнувшись. Лена и Настя ахнули, увидев такой трюк. Николай только вздохнул, поднявшись на ноги.

К ледяному полю подошел мужчина. Он остановился, прислонившись к одному из черных деревьев, левой рукой щелкая какие то семечки или орешки. Николай почему-то обратил на него внимание как раз в тот момент, когда мужчина взглянул на них через свои прямоугольные темно-красные очки. Правая рука была в кармане черной куртки с множеством железных цепей и замков. Да и вообще вся его одежда с ног до головы была темной.

— Давай еще раз — сказала Настя, толкая отвлекшегося Николая в спину. Мальчик не ожидал этого и покатился с дрожащими ногами прямо на какую-то женщину. Чтобы не врезаться в нее он намеренно упал на лед. Зак снова расхохотался.

— Слушай, это уже двенадцатый раз!

Николай медленно поднялся, отряхивая свои штаны. Женщина, в которую он только что чуть не врезался, посмотрела на него, улыбнувшись. Мальчик поклонился ей, с трудом держась на ногах. Он уже сто раз пожалел, что их маленький прудик в пригороде Ужица никогда не замерзал на зиму — как много они со Славой, Милошем и остальными упустили.

Николай снова посмотрел на мужчину возле катка. Тот по-прежнему стоял, опираясь на дерево, и наблюдал за ними. Теперь он заметил на его смуглом лице розовый отпечаток шрама поперек переносицы. Белоснежные короткие волосы, стоящие вверх. Мальчик кое-как добрался да Зака, взял его под руку и развернул спиной к мужчине.

— Там какой-то человек? Только не оборачивайся — прошептал Николай, — он все время смотрит на нас, может быть, пойдём?

Зак кивнул головой и подкатил к Насте и Лене. Николай же направился к выходу, косо посматривая на человека.

Мужчина взял из кармана последнюю семечку, положил ее в рот и, посмотрев прямо на Николая сквозь припущенные очки суровым и насупившимся взглядом, выплюнул зерно. Далее он отслонился от дерева и медленно, пряча обе руки в карманах начал обходить каток.

Зак, Лена и Анастасия быстро присоединились к Николаю, чтобы переобуться.

— Пойдем скорее.

Ребята двинулись из леса, стараясь не спешить. Николай шел позади и изредка оборачивался. Что-то в этом мужчине вызывало неприятное воспоминание. Человек обошел каток с того места где ребята недавно переобулись и начал рассматривать других людей на льду. Но потом он резко, чуть ускоренным шагом направился точь-в-точь по той же дорожке, что и дети.

— Кажется, он нас преследует... — сказала Лена

— Тихо, идем за мной и не отстаем — сказал Зак твердо, голосом старшего брата.

Николай действительно почувствовал, что друг знает что делает, волнение не наступало, пока он был рядом. Девочки тоже старались держаться вместе и не отставать от него.

Уже совершенно стемнело, ни одного прохожего. Мелодии с катка перестали слышаться, вдаль стали видны дома Централа. Ребята почти вышли из леса. Николай постоянно оборачивался — человек держался на том же расстоянии, не отставая от них.

— Может нам показалось, и он нас не преследует? — спросила Настя

— Надо добраться до авеню, Владыч, он близко? — спросил Зак

Николай снова обернулся. Мужчина заметно ускорился, достав правую руку из кармана и направляя ее внутрь своей куртки. В этот момент, когда куртка приоткрылась, он увидел на человеке черную рубашку и тонкий красный галстук с золотой печатью. Мальчик четко заметил на правой руке его кисти черный крест, взятый в октаграмму. Точно такой же крест он видел на шее своего убийцы в тот день в Ужице.

Дыхание резко перехватило, в глазах потемнело. Мальчик чуть не упал прямо в снег, ноги сами начали бежать. Он закричал от страха, девочки даже вздрогнули.

Мужчина достал из куртки черный пистолет.

— Бежим! Надо бежать... — выдохнул Николай и Зак, тут же схватив Лену и Настю под руки, мигом свернул за деревья. Николай ломанулся следом, с трудом передвигая свою тяжелую шинель сквозь сугроб. До авеню оставалось несколько десятков метров. Уже были слышны машины и ржание лошадей, там было куда светлее, чем в лесу.

Раздалось пара гулких выстрелов, их хлопки эхом отдавались по всему лесу. Черные стайки птиц взмыли вверх. Ребята выбежали из леса и тут же начали пресекать дорогу. Одна из машин чуть не врезалась в Зака, но водитель вовремя успел остановиться, громко ругаясь и сигналив из салона. Редкие прохожие удивленно посмотрели на убегающих детей. На другой стороне улицы находились несколько невысоких зданий, стоявших друг к другу вплотную. Между ними были целые лабиринты непроходимых улочек.

Преследователь выбежал на улицу когда краешек пальто Николая уже скрылся за углом одного из зданий через дорогу. Мужчина только успел сделать один выстрел, угодивший в стену дома. Послышались крики, человек с красным галстуком, перебежав дорогу, нырнул за тот же угол.

— Ты знаешь эти места? — спросила Настя у Зака, который останавливался практически у каждого перекрестка, думая куда пойти. Проходы были узкими, здесь с трудом можно было пройти по одному. Вдобавок к этому они еще часто были завалены всякими коробками, ящиками и бочками, которые падали, стоило только их задеть краешком сапога. Зак молчал, чтобы лишний раз не волновать остальных.

Снег сюда не успел попасть, цоканья каблуков по мокрой плитке раздавались далеко на всю округу. Но они не могли заглушить тяжело дышавших ребят, не перестававших бежать куда-то. Они сворачивали с одного переулка в другой. Николай, убегая последним, постоянно оборачивался. Преследователя не было видно. В голове перебирались сотни мыслей «что делать». Кричать и звать на помощь, или просто бежать за другом. Зак, похоже, сам не знал куда идти и можно ли здесь вообще спрятаться.

Пока они бегали, ребята не встретили ни единой души. Потихоньку силы начали их покидать, заставляя остановиться и подумать головой.

— Может, это его и запутает... — сказал Зак, переводя дыхание и оглядываясь по сторонам — но теперь мы запутались сами... я не знаю где выход.

Девочки присели вдвоем на отсыревший ящик. От тяжелого дыхания Лена опустила

голову, из ее рта текла слюна, девочка задыхалась. Настя закрыла глаза, сев ровно и положив руки на колени, пытаясь дышать только носом. Николай от бессилья сел прямо на грязный пол, рядом с ящиком, подняв голову, выпуская пар изо рта высоко вверх. Стук сердца отдавался уже в висках.

— Что... что мы будем... делать? — прошептал Николай, с надеждой смотря на Зака

— Бежим к академии, она рядом, только надо как-то выбраться отсюда... здесь сидеть точно нельзя

В этот момент где-то вдали, за углом, послышались шаги. Они были совсем рядом, к ним кто-то медленно подходил. Ребята разом испуганно обернулись. Николай схватил Настю за руку и побежал впереди, Лена и Зак следом.

— Не отставайте! — крикнул мальчик и тут же шаги вдалеке стали беглыми.

В темных проходах был ветер, который с шумом гудел в ушах бегущих ребят. Николай чувствовал в своей руке крепко сжатую ладонь, Настя доверилась ему, теперь он должен бежать впереди, не останавливаясь. Проходы рядами шли друг за другом, все извилистые и черные. Мальчик завернул наугад в один из них. Этот коридор оказался длинным и заканчивался сетчатой тонкой решеткой. С другой стороны было много ящиков и грязная ржавая дверь, которую неизвестно когда в последний раз открывали. Назад по тому же коридору бежать было слишком долго, ребята оказались запертыми в тупике между решеткой и закрытой дверью с одной стороны и шастающим вооруженным человеком вдалеке с другой.

Николай посмотрел на Зака. Тот решительно оценивал высоту сетчатой преграды, смотря на самый ее верхний край. Девочки тяжело дышали, бежать дальше они точно не могли. Лена с трудом держалась на ногах, одной рукой опираясь на кирпичную стену.

— На ту сторону! Я подсажу... — крикнул Зак, прислонившись у сетки.

Сначала Лена с Настей, потом Николай перелезли на ту сторону решетки. Зак сделал прыжок, зацепившись за край, и тоже подтянулся наверх. Как только его сапоги опустились на разбитый асфальт, в конце коридора показался темный силуэт. Высокий мужчина, своим телом загораживал падавший свет от соседнего фонаря. Тень от его худого тела легла прямо по всему проходу вплоть до сетки. Ребята молча уставились на него, выпуская клубы пара изо рта. Они осознавали, что решетка для него вряд ли станет преградой. Что этот человек вообще хочет? Сейчас он опустил пистолет, не двигаясь с места ни на шаг, просто наблюдая за детьми. Вскоре оружие скрылось во внутренний карман черной куртки и человек со шрамом начал медленно приближаться. Размеренный стук каблучков становился все ближе.

Дети попятились назад, только Зак встал впереди всех, не спуская глаз с человека. Николай подумал, что друг готов вступить в бой. Все были готовы, даже он сам, загнанный в угол — больше ничего не оставалось. Только... что могут четыре ребенка против одного взрослого с пистолетом.

— У него красный галстук и крест на руке — шепнул Николай на ухо Заку — он из Ордена...

Зак никак не отреагировал, даже не покачал головой. Все его мысли сейчас были сконцентрированы на человеке со шрамом. Было видно, как подрагивал его палец на руке, как пульсировал висок, что даже вены набухли.

Подойдя к решетке вплотную, мужчина посмотрел на нее сверху вниз, а затем взглянул через свои красные прямоугольные очки точно в глаза Заку. Мальчик злобно посмотрел на него, руками пряча ребят за собой и сжав кулаки.

— Золотые волосы, ты... тот, что с косичкой, — поднял он руку, указательным пальцем на Николая — ты сын Драгана Владыча?

У Николая в груди все сжалось от страха. Откуда этот человек знает его самого, и самое главное его отца? Он смотрел точно на мальчика.

— Идемте со мной...

— Замолчи! — крикнул Зак — мы ни куда не пойдём! кто ты такой?

Мужчина не ответил. Он взялся правой рукой за прутья решетки и в этот же момент раздался взрыв. Девочки закричали. Металл разорвало, края прутьев оплавилась — в решетке появился проход в человеческий рост. Человек со шрамом вошел внутрь и оказался прямо перед Заком.

— В сторону, или я убью тебя — холодно, без всяких эмоций проговорил мужчина, смотря сверху вниз на мальчика.

Но Зак даже шагу назад не сделал. Выставив одну ногу вперед, сжав кулаки перед собой, он готов был накинуться на человека. Сейчас в нем все кипело, ему казалось, что он единственный кто может защитить ребят.

— Нет... о-о нет — протянул Зак — в этот раз я даже думать убежать не посмею. В тот самый день, как та мразь убила их, я поклялся, что больше не побегу. Я буду защищать их!

Его друзья замерли. О чем он только что сказал... «та мразь убила их» — сквозь все происходящее у Николая в голове мелькнула мысль — неужели и у Зака случилась трагедия дома, о которой он не хочет говорить. Он вспомнил мельком троих детей, что они видели совсем недавно на катке.

Мужчина посмотрел на остальных ребят, Николай стоял точно позади Зака, с напуганными глазами смотря на незнакомца, девочки прижались друг к другу возле двери и ящиков, с трудом удерживая себя от слез.

— Смелые слова для такого мелкого — сказал мужчина Заку

— Кто ты?

— Не ваше дело, кто я такой... — он сжал руку в кулак так сильно, что кости начали хрустеть — я просто познакомлю вас с новым хозяином.

Тот факт, что решетка взорвалась сама по себе, не оставлял сомнений — человек со шрамом имеет четвертую составляющую... он выше и сильнее ребят. Ребята осознавали свои шансы, Николай подумал, что если за стеной сейчас не появится Сергей Сергеевич или еще кто-нибудь, то им придется сдаться. Но Зак продолжал стоять.

— Ты настолько идиот, что полезешь в драку? — ухмыльнулся мужчина — хотите по-плохому, будем по-плохому

Он резко замахнулся на мальчика справа. Зак выставил обе руки перед собой, останавливая его удар. Но силы его не хватило, чтобы удержаться на ногах, сапоги проширкали полметра назад. Он сдерживал целую черную скалу, в два раза выше его. Николай, недолго думая, тоже замахнулся на мужчину, но, даже не добежав до него, получил в грудь удар сапогом. Мальчик отлетел, стало невозможно дышать, он раскрыл рот, ненасытно глотая воздух, повалившись на колени.

Зак попытался навалиться своим телом на мужчину, но тот одной рукой перехватил его за шиворот и метнул в стену. Бедняга подлетел выше своего роста и спиной столкнулся с кирпичом, его тело упало на асфальт. Лена с криком подбежала к нему.

Николай, посмотрев в сторону лежавшего без сознания друга, понял, что он остался практически один на один против человека со шрамом.

— Давайте успокаивайтесь, не заставляйте меня бить вас

Он подошел к корчившемуся Николаю. Живот сильно болел, постепенно передавая всю боль в область сердца. Мальчик с трудом снял свое пальто. Человек положил свою руку ему на плечо, и уже собирался поднять, как Николай резко вцепился зубами ему в кисть. Он тянул его кожу на руке так сильно, что даже во рту все начало неметь от боли. Искрящая злость была в этом, он чувствовал как больно человеку — мужчина громко заорал — и он наслаждался тугой болью во рту, осознавая месть за друга.

— Ах ты! — Мужчина схватил его за китель и поднял над полом. Николай видел как из его руки, в месте укуса, сочилась кровь. Человек со злостью, совершенно не сдерживаясь, сплеча ударил мальчика прямо в лицо.

В глазах все погасло, Николай лишь почувствовал, как встретил затылком ледяную стену и сильную боль в спине, когда он повалился на пол. Видимо, мужчина швырнул его, как Зака. Он открыл глаза, но ничего не увидел, все было в густой пелене тумана. В ушах звенело.

Только лишь смутные очертания темной куртки человека, который разозленный, принялся за Анастасию. Он схватил девочку за горло и поднял ее перед собой.

— Какая милая... — усмехнулся мужчина, глядя ей в глаза — вот только... эти золотые волосы на челке тебе не к лицу!

После этих слов, он швырнул с размаху бедную девочку, словно игрушку, в сторону ящиков. С криками от боли она упала с них на землю. Мужчина снова подошел к ней и поднял. Из рта Насти тоненькой темно-красной полоской пошла кровь. Николай не мог даже согнуть ладонь в кулак, с трудом поднимая голову, он просто наблюдал.

— Что с тобой? — издевательски продолжал мужчина — ты не хочешь со мной драться?

Коленом он ударил ей в живот. Несколько капель крови брызнули изо рта на асфальт. Девочка не кричала, но по ее широким глазам можно было понять, какую ужасную боль она испытывала. Человек снова швырнул ее в ящики.

Николай понял, какую ошибку он совершил, так сильно разозлив мужчину своим укусом. Теперь расплачивалась Настя. Мальчик хотел подойти, подползти и вцепится ему в ноги, лишь бы отвлечь от нее. Драться или просить милости.

— Нет... остановись, стой... — Николай сипел, его не было слышно.

Голова сильно кружилась, в глазах начинало темнеть. Он с трудом коснулся своего затылка кончиками пальцев. Резкая боль. Пальцы на руке были все в крови. Он смотрел на красные капли и медленно опускал голову. Силы окончательно покинули его, мальчик потерял сознание.

Все погрузилось во мрак, под угасающий крик.

Сколько он пролежал. Час, два, может быть целый день. Подниматься совершенно не хотелось, более того, не было желания даже открыть глаза. Он продолжал лежать на чем-то ледяном и твердом, лоб хорошо ощущал каждый острый камешек. Ужасный мороз, настолько сильный, что ноги уже не чувствовались, онемев от холода.

В голове медленно и спокойно гуляли разные мысли. Но ни одна из них не была тревожной, словно Николай забыл о недавнем ужасе. Лежать бы так всегда, никуда не

бежать, ничего не бояться. Пускай остальные подумают за него и направят к цели. Да и какая может быть цель у человека, который просто лежит без сознания на мокром асфальте. Действительно ли это асфальт, почему же так темно?

Николай резко открыл глаза.

Что это? Совершенно никакой разницы, что с открытыми глазами, что с закрытыми. Темнота повсюду. Это не комната, не лес, и вообще ни что. Только темнота. Мальчик медленно поднялся на ноги. Удивительно, но вся боль резко прошла, остался только сильный холод.

— Куда я попал?.. Учитель? — Николай стал оборачиваться по сторонам, но кроме бесконечной черноты совершенно ничего не видел, как будто он стоял в пустоте. Никого поблизости, ни ребят, ни мужчины со шрамом, ни учителя.

— Эй! Меня кто-нибудь слышит?! Эй!

Николай пробежал пару шагов, и взглянул наверх.

Поразительно...

Это было настоящее звездное небо, прямо как тогда в Ужице перед отъездом. Мальчик замер с поднятой головой. Откуда-то подул ветер, точно такой же холодный ветер как дома...

Тело было прекрасно видно. Оно как будто само излучало свет. Одежда, к его удивлению, оказалась совсем другой. Китель, лакированные сапоги, бордовая рубашка — все это куда-то пропало. Он стоял босиком в той одежде, которую носил не так давно. Шорты с заплатками и белая футболка, на шее ощущалась веревочка, которая держала за спиной плетеную панамку. Он был в своей старой детской одежде, которая вдобавок ко всему излучала свет вместе с его телом.

«Что это... где я?»

Он решил пробежаться. Может быть, где-нибудь вдалеке появится свет. К тому же ноги сильно окоченели. Мальчик бежал примерно около минуты, но совершенно не было понятно, сдвигается ли он с места вообще, чернота вокруг не давала совсем никаких ориентиров. Разум отказывался понимать, что происходит, это начинало пугать. Николай взялся за свой затылок посмотреть идет ли еще кровь. Ладонь оказалась чистой.

— Настя! Ты здесь!?! — закричал он по сторонам

— Ее здесь не может быть...

Тут же послышался ответ. Это был знакомый голос, настолько знакомый, что когда Николай услышал его, сразу вздрогнул. Он был похож на тот же голос, что звучит в голове, словно он сам себе и ответил на вопрос.

Николай резко обернулся. Он уже был уверен, что находится в странной черной пустыне совсем один. Но нет.

Он увидел прямо посреди тьмы светящийся зеленый холм, на котором рос широкий дуб с качелями на одной из ветвей. Все возникло из ниоткуда. Буквально только что мальчик пробежал мимо этого места и не видел никакого холма, но теперь он находился здесь, выросший в черный пол.

Это дерево было то самое, из родного пригорода Николая. Крупные ветви тянулись к звездам, они совершенно не колыхались, хотя по округе гулял ветерок. Но зато зеленые листья излучали настолько яркий голубоватый и зеленый свет, что были видны их лучи, падающие на черноту вокруг. Качели немного покачивались, на них сидел мальчик.

Этот ребенок смотрел точно на Николая с каким-то презрительным или раздраженным

взглядом. С какой-то обидой. Он был в такой же одежде, что и Николай, поставив одну ногу на сидение, другой отталкивался от травы.

— Ты мог бы и догадаться, что здесь не может быть ни Насти, ни Славы, никого другого кроме нас двоих... — снова произнес он очень знакомым голосом.

Николай не верил своим глазам. Он смотрел на сияющий дуб, от которого, кажется, вдобавок еще исходило приятное тепло, затем он начал приближаться к качелям.

— Кто ты? — спросил Николай

Мальчик рассмеялся во все горло. Смех тоже показался каким-то родным.

— Молодец, что спросил... попробуй догадаться

Николай присмотрелся к незнакомцу. Обыкновенный мальчик, черные волосы, обросшие так, что закрывают наполовину уши, серые глаза, не слишком длинный нос, худое вытянутое лицо, небольшая розовая полоска на левой щеке, видимо шрам. Николай приближался к нему, разглядывая все новые и новые черты, а мальчик уже успел сменить свой недружелюбный взгляд на задорную и сверкающую улыбку, как будто разыгрывал его.

Только он вступил с черноты на зеленую траву холма своей босой ногой, как в лицо ветер тут же принес сладкий запах яблок. Николай остановился. Мурашки побежали по его коже, мальчик уже и забыл как давно не чувствовал этого дурманящего аромата. Яблоки он не мог ни с чем перепутать, но это место все равно не было похоже на его дом.

— Где мы? — спросил Николай, снова оглядывая все вокруг. Кроме дуба на холме, все по-прежнему казалось черной пустотой.

— Погоди... ты еще не ответил себе на вопрос, «кто я?» — ехидно улыбнулся мальчик
Николай снова взглянул на него.

— Может, если я узнаю, где мы... то смогу сказать кто ты?

Незнакомец почесал подбородок

— Почему ты говоришь «мы»... нет никаких «мы», есть ты, есть я... — мальчик призадумался. — Хотя знаешь... пожалуй, есть только я... тебя нет уже давно

— Что?

Мальчик снова рассмеялся.

— Ох... не обращай внимания, кажется, я провел здесь в заточении уже так давно, что начинаю сходить с ума... ладно, если хочешь знать, где ты, то я скажу тебе

Когда Николай поднялся наверх по тропинке холма к дубу, он наконец-то узнал мальчика. Правда, теперь ему стало настолько страшно, что он готов был, не обращая внимания на все, убежать с холма и бежать далеко в черноту, лишь бы не оставаться наедине с самим собой. Действительно, перед ним сидел точно такой же Николай Владыч.

— А... — вздрогнул Николай — ты... ты похож на меня...

— Ахаха! Знаешь, ты первый человек, что выглядит так напугано при виде собственного «я»... ты долго узнавал самого себя, другие делали это быстрее.

Николай смотрел на самого себя, человека, который качался на качелях.

— Кто ты? — спросил он у незнакомца

Улыбка исчезла с лица мальчика, теперь он снова начал взирать на Николая со странным презрением.

— Никола Владыч, собственной персоной... вопрос кто ты? — он показал пальцем на него.

Николай отшатнулся.

— Я?... — он в который раз начал оглядываться по сторонам — где я?

Никола встал с качелей и подошел к Николаю. Тот с ужасом смотрел на приближавшегося самого себя, выгядевшего угрожающе, смотря исподлобья.

— Ты у меня в гостях, считай это вот так. — Он взял Николая под спину и повел вниз с холма. — Я надеюсь, тебе здесь понравится?.. хотя это глупый вопрос, ведь если нравится мне, значит, нравится и тебе, верно?

Николай, сам того не ожидая, непроизвольно кивнул. Трава под ногами вновь сменилась чем-то черным. Два одинаковых мальчика начали шлепать босиком по полу вперед.

— Куда мы идем?

Никола задумался над этим вопросом, поглядев на звезды

— Мы гуляем... я каждый день прохожу около тридцати верст туда вдаль, а потом возвращаюсь — он улыбнулся — знаешь... иногда так прекрасно погрузится в свои мысли, когда ты один, когда кругом тьма и ни что не отвлекает голову.

Николай молча шел рядом, не веря своим глазам и ушам. Мальчик был уверен, что спит. Конечно, как же иначе.

— Правда, я думаю, ты согласишься, что иногда мысли не рождаются, пока не всмотришься во что-нибудь красивое... не так ли, любитель бесконечных далей?

Николай кивнул

— Ты какой-то напряженный, что с тобой? Может добавить немного музыки?

Никола щелкнул пальцами и в следующий же миг откуда-то сверху, с ярких больших и маленьких разноцветных звезд начала спускаться музыка. Тянувшаяся и холодная, она только омрачила и без того темную пустыню. Небесные сияния стали появляться повсюду, снизу под ногами, вдалеке и позади, теперь мальчики как будто находились в невесомости космоса. Николай действительно почувствовал, как его тело легчает, он словно начинает парить.

Только холм с дубом все еще оставался где-то позади.

— Нравится? Конечно нравится... — радовался про себя Никола — космос всем нравится, возможность очутиться там, куда всматриваешься каждую ночь.

Николаю действительно начинало нравиться происходящее. Тихое блаженство и покой... то, чего он никогда еще не испытывал. Ни одной проблемы в голове, только осознание того, что он сейчас здесь в темноте, среди звезд. На его лице чуть-чуть краешки губ показали улыбку.

— Ага! — воскликнул Никола — наконец-то тебе тоже здесь понравилось! Не бери в голову, что это за место, просто наслаждайся.

Николай смотрел на мерцание огоньков. Голубые, желтые, красные и белые, большие и маленькие, или пролетавшие мимо. Ветер портил все происходящее, он усиливался с какой-то одной стороны, обдувая ребят.

— Правда, если четко, мне уже надоело — сказал Никола и щелкнул пальцем.

В следующий же момент они вдвоем очутились в какой-то комнате. За окном лунный свет, и все та же чернота. Кругом стеллажи с книгами и письменный стол.

— Я сказал, что ты у меня в гостях, но это не совсем так... это лишь доля Истины... ахах! Как это звучит «доля Истины» — проговорил Никола с выражением — не так ли? Как если бы Истине отрубили большой палец и назвали бы так... «доля Истины»...

Николай непонятливо с небольшим страхом смотрел на самого себя.

— М-да, шутка не удалась, ладно... ты не у меня в гостях, ты в моей тюрьме. Может

быть, слово «тюрьма» звучит грубовато, но оно подходит этому месту.

Николай сразу узнал комнату, где теперь они очутились. Рабочий кабинет отца сложно было не узнать после стольких часов чтения книг здесь. Он стал осматривать помещение, медленно передвигая ноги.

— Осторожно! — воскликнул Никола, схватив его за руку — не споткнись.

Николай действительно чуть было не споткнулся о тело мужчины, что лежало на полу в луже черной крови, прямо перед ним валялся маленький мальчик, а между ними пистолет.

— Узнаешь это местечко? Кабинет Драгана. — здесь ты первый раз убил человека... здесь же ты и начал свой путь мести

В руке мертвого мужчины был сжат золотистый кинжал, весь в крови. Тот самый кинжал, что подарил мальчику отец и что спас его однажды. Никола подобрал его и подвел к лунному свету. Кинжал начал ярко светиться золотом, освещая всю комнату. Николай посмотрел на труп человека. На шее его был черный крест в октаграмме, а чуть выше пулевое ранение залитое кровью.

— Красивый, правда? — сказал Никола, не отрываясь от клинка — он стал символом твоей цели. Твоей благородной и справедливой цели отомстить.

Каждое его слово поднимало в Николае что-то горячее... огненное. Никола снова посмотрел на мальчика, улыбнувшись.

— Не хочу навязываться не в свое дело... хотя это и мое дело тоже, но чем ты занимался последние полгода? Ты близко продвинулся к цели? Скольких ты уже убил? Кажется... только этого — Никола указал на труп мужчины.

Ком подошел к горлу, мальчик произнес это с такой легкостью и улыбкой, что холодный пот проступил по всему телу.

— Убил?... я не убийца... нет, я не...

Никола тихо посмеялся, пальцем снимая кровавый след с кинжала и показывая его мальчику.

— Не убийца говоришь? Не обманывай себя, я хорошо помню те слова, что ты произнес про себя в последнюю ночь перед отъездом в Веридас. Помнишь!? Ты стоял здесь на коленях и целовал кинжал! Ты помнишь, да... — ехидно подметил Никола, словно уличив мальчика в преступном деле — ты поклялся... дал клятву убить его. Ты убийца.

— Нет! — Николай закричал в истерике. Он хотел было кинуть с ближайшего стеллажа книгу в него, но руки почему-то отказывались это делать — я не убийца... я не буду убивать!

Никола начал кривляться, изображая разозлившегося Николая

— Я не убийца... ахах! Я убил человека, но я не убийца, я поклялся убить еще одного человека, но я все еще не убийца! Или ты раздумал убивать Чадаева? Ты так этого хотел

Он посмеялся в голос.

— Хотел... да... я хотел этого — Николай упал на колени — я хотел этого... — он схватил себя за волосы и начал тянуть их и взъерошивать, раскрытыми глазами смотря на лужу крови под мужчиной, шепча про себя одно и то же — я хотел этого... хотел... я хотел

Никола спокойно подошел к нему и положил руку на плечо. Теперь он продолжал успокаивающим голосом.

— Да хотел, в этом нет ничего плохого, делать то, что хочется...

— Нет! Ты ошибаешься, надо поступать как надо, а не как хочется!

Никола схватился за лоб, с презрительным голосом говоря

— Ты смешон! Неужели ты собираешься применять этот принцип ко всему и вся, с чего

ты вообще взял, что он верен?! То, что тебе это сказал отец, не обязательно делает его истинным. А может быть сейчас то, что хочется и то, что надо совпадает? М? Кстати о Драгане...

Николай встревоженно посмотрел на него. За время последних сказанных слов у него сложилось впечатление, что он говорит не с самим собой, а с кем-то другим, с кем-то всезнающим и всемогущим. Голова сильно болела, мальчик думал, что еще немного, и он окончательно потеряет рассудок. В нос бил горький запах крови. Николай продолжал сидеть на коленях, руками двигая по всему телу, словно в лихорадке. Хотелось сильно ударить Николу, но почему-то рука не поднималась.

— Что с моим отцом, где он, ты знаешь? — холодно проговорил Николай

— Да знаю, не буду томить тебя и скажу сразу, он присоединился ко мне...

— Что это значит?

— То и значит, он теперь со мной...

Никола подал мальчику эфес кинжала. Золотистая ручка так и просилась ему в руку. Он почти взял его, глазами уже видел, как клинок блестит в руке. Но что-то подсказывало — ни в коем случае не трогать оружие, золотое лезвие в крови.

— Возьми, он твой

Но Николай оттолкнул оружие от себя, попятившись назад, мальчик медленно подступал к нему, протягивая эфес в руки.

— Нет... где мой отец, скажи мне

— Возьми кинжал, я уже ответил на твой вопрос

Николай кивал головой, отказываясь даже смотреть на оружие. Никола вздохнул, уставши, не спуская раздраженный взгляд с него.

— Твой учитель, профессор Скрепп, сильно мешает тебе... ты не находишь? Он быстро раскусил тебя тогда в поезде, когда по твоему виду было ясно, зачем ты едешь в Веридас. Наговорил тебе всяких глупостей про чувства... Ты точно хочешь учиться у него? Он ведь тоже был другом Чадаева, ты это знаешь?... А может... может он будет мешать твоей мести?.. Мечь! Мечь! Давай, возьми кинжал!

— Нет... учитель говорил не поддаваться эмоциям

Никола закричал

— Это глупо! Глупо! Глупо! Идиот! Как можно не поддаваться эмоциям! Если ты не сделаешь этого, то никогда не добьешься цели. Эмоция есть источник твоей силы, ты же Золотой Человек! Поддайся мести, и Истина наградит тебя такой силой, что ты сможешь сокрушить любого, даже Чадаева. Сейчас ты еще молод, но совсем скоро ты достигнешь его уровня... ты убьешь его самого, и всех его последователей.

— Отец, я не хочу идти против отца... Отец примкнул к нему... я боюсь только этого

Никола резко замолчал, Николай тихо посмотрел на него.

— Значит отныне Драган Владыч твой враг...

Мальчик отшатнулся, он попытался встать с колен, однако ноги подкосились, и он повалился на спину. Из красных глаз текли слезы, он не переставал качать головой. В груди все горело, мышцы напряглись, и теперь прямо на кончиках пальцев рук начинало сверкать ярко-красное пламя.

— Нет... нет, нет, нет! Я не стану слушать тебя!

Никола же, заметив красное мерцание на руке Николая, оскалил свои зубы, улыбаясь, словно потрясенный, не веря своим глазам.

— Молодец, твоя четвертая составляющая пробуждается, ты жаждешь мести любой ценой... как только ты исполнишь цель, я освобожусь — засмеялся он

Руки Николая горели настоящим огнем, чем сильнее он думал о Чадаеве, тем ярче разгоралось пламя.

— Давай! Больше гнева! Представь, как вонзишь кинжал ему в грудь! Как он будет корчиться, умирая. Его кровь на тебе, ты уже чувствуешь! Да!

Николай медленно поднялся с колен, с горящими руками, рыча не своим голосом. Он смотрел на свои пальцы — огонь начал переходить к ладоням и дальше к локтям.

Никола протянул руку мальчику.

— Прими меня в себе, вместе мы отомстим ему.

Николай смотрел на протянутую руку отрешенным и пустым взглядом. Он не понимал совсем ничего, что происходит. Почему его рука горит, ведь он прочитал только первый свиток. Страх пробился в голову, и огонь начинал потихоньку угасать. Медленно, фаланга за фалангой, он, наконец, полностью исчез на кончике пальцев.

— Убери свою руку... я не поддамся злой эмоции, верни меня туда, откуда забрал! — сказал Николай, успокоившись

Никола вновь улыбнулся, опустив ладонь.

— Что ж... думаю, это не последняя наша встреча

Он щелкнул пальцами, и в следующий же миг абсолютно все вокруг растворилось в пустоте.

Мальчик резко открыл глаза. Голова гудела, но потихоньку вся картина прояснялась. Ладонь лежала прямо перед лицом, на ней уже успела засохнуть кровь. Где-то вдали слышался вой сирен.

В памяти смутно всплывали кадры произошедшего. словно плохой сон, улетучивающийся сразу после пробуждения, Николай хорошо помнил яркий огонь своей руки и странного мальчика, с его внешностью. Они подрались, или просто поговорили?... в любом случае остался неприятный осадок.

Мальчик приподнял голову, встряхнув ей. Косичка свисла вниз, выпавши из-за уха. Она тоже немного была испачкана в крови.

Какое же неприятное чувство осталось после сна. Давящее на все внутри, чувство злости и обиды. Николай тяжело дышал, глаза полыхали, в них отражался огонь. Он посмотрел вперед, перед собой.

Незнакомый мужчина со шрамом на переносице, не обращая внимания на Николая, нес бездвижное тело Лены к Заку и Анастасии, которые уже были связаны вдвоем с веревкой в зубах. Видимо, он хотел привязать Лену к Николаю. Мальчик посмотрел на его черную татуировку креста в октаграмме.

— Ты... — прошипел Николай — чадаевский прихвостень...

Он без особого труда, поддерживая себя за колени, встал на ноги. Голову сильно ломило, ее словно сжимали тисками, отчего даже просто моргать было больно. Все кружилось, но мальчик отчетливо видел, как человек кинул Лену к остальным.

— Голова не болит? — спокойно произнес мужчина. Николай не ответил — Ты не из тех слабаков, что валятся с одного удара... ему нужны такие люди

— Заткнись! — оборвал его Николай — даже не смей упоминать про своего «хозяина» при мне. Убери руки от них!

Мужчина удивленно поднял брови, даже в шутку поперхнувшись.

— Ни чего себе... твой учитель не научил тебя манерам? Как ты обращаешься со старшими?

Николай начал медленно переставлять ноги и обходить его по кругу.

— Твой учитель тоже не научил тебя манерам, как ты ведешь себя с детьми?

— Что ты делаешь? Обходишь меня? — он усмехнулся, глядя как Николай перекрестным шагом приближался к сетке — я бы на твоём месте просто убежал... идиот.

Николай отчетливо слышал сирены где-то на улице. Может быть, это по их душу? Ведь этот человек выстрелил несколько раз в прилюдном месте. Внутри мальчика появился смутная надежда, хотя он и понимал, что в лабиринтах этих улочек ребят будут искать вечность. Кричать мальчик тоже не собирался, он не хотел показывать свой страх человеку со шрамом.

Драки было не избежать. Теперь нужно как можно дольше продержаться. А тем временем мужчина выглядел совершенно спокойно, надменно и свысока смотря на него — он не верил, что у мальчика остались силы сопротивляться, после мощнейшего удара в лицо.

— Время читать сказку и спать, малыш.

Человек начал приближаться, Николай выставил одну ногу вперед и поднял руки, готовый встретить его.

Правой рукой мужчина замахнулся, чтобы сделать простейший удар по голове — это был самый краткий путь к усмирению непокорного юнца.

Николай в самый последний момент резко отпрыгнул влево, спасшись от удара, даже почувствовал рассеченный воздух. Он успел схватиться за атакующую руку. Долго ее не удержать, поэтому мальчик сделал свой ход в первое же открывшееся место — своим сапогом он ударил прямо ему в колено сзади. Нога мужчины подогнулась, но он не упал.

Николай сразу же отпрыгнул. Слишком близко к мужчине стоять было опасно. Он посмотрел на друзей, все трое все еще были без сознания, Настя и Зак к тому же связанные.

Мужчина явно не ожидал такой проворности от мальчика. Отойдя подальше, он теперь тоже выставил ногу и поднял руки перед собой, как будто дрался с ровесником.

— Не плохо, шкет — улыбнулся он — наверное, ты учишься у Жарова?

«Нет не у Жарова».

Николай не стал отвечать ему вслух. Сергей Сергеевич как-то раз объяснил ему, что болтовня с противником к добру не приведет. Мальчик старался мыслить трезво, но голова уже просто не была способна на это, свою тяжесть добавлял еще и холод.

— Молчишь? Ты прям как Драган, — продолжал мужчина, медленно приближаясь к Николаю — он тоже все время молчал, старался казаться загадочным... два сапога пара.

Николай, глядя на странную, злорадную улыбочку мужчины, попятился назад. Неужели его опасения верны? Человек из ордена вполне может так хорошо знать другого члена ордена. Неужели...

Мальчик покачал головой. По щеке, через рубец шрама, прокатилась слеза.

— Где он? Скажи мне, пожалуйста, где он?

Николай был готов свалиться на колени и долго просить, вымалывать из него хоть одно слово об отце.

— Он с вами, да?

Мужчина, видя, что мальчик уже не станет драться в таком состоянии, опустил свои руки и продолжил.

— Ты узнаешь всю правду, если пойдешь со мной... идем, ты все равно не убежишь от меня — он протянул ему руку.

Николай качал головой, сделав еще пару неуверенных шагов назад. Раздался звенящий шум от сетки, в которую мальчик уперся спиной. В ней остывала дыра от взрыва, через нее он вполне мог ломануться. Если бы в глазах сейчас все так не плыло, если бы не гудела голова, и он не был бы в состоянии, когда сознание вот-вот покинет его, то так бы и поступил. Но даже в этом случае, его все равно бы догнали, мальчик это понимал. Мысленно, про себя он только и делал, что звал учителя.

— Кстати, смотри, знаешь что это? — сказал человек со шрамом, показав татуировку на своей кисти — Это наш символ свободы... наш символ веры в лучшее будущее, символ нашего желания и возможности все изменить. Понимаешь, шкет? Это знак Ордена...

Внутри Николая все начинало закипать. Большая метка, словно печать на коже, точно такая же, как и на человеке, убившем его мать и чуть не убившем его самого. Каждый раз, когда он видел ее, или видел красный галстук с такой же октаграммой, внутри все переворачивалось, все загоралось. И прежде всего это было видно по глазам — они отражали все внутреннее пламя.

Видя такую реакцию, мужчина продолжил

— Подумай куда набьешь себе его, когда присоединишься к нам.

Тяжело дыша, мальчик сжал кулаки что есть силы. Он готов был накинуться на мужчину. С рук начал отходить в воздух еле заметный пар.

— Так, — сказал мужчина, достав пистолет из внутреннего кармана куртки — ты не убежишь от меня, если прострелить тебе ноги...

Но не успел он договорить, как мальчик сам резко метнулся в его сторону с диким криком.

Раздался выстрел, звук от которого в нешироких коридорах был куда оглушительнее, чем в лесу или на авеню. Теперь уж их наверняка кто-нибудь услышит.

«Я испепелю тебя, испепелю! Сожгу дотла, за всех!» — с этой мыслью мальчик повалился на человека. Он прекрасно видел черный ствол пистолета, вспышку из него и запах пороха, но ничто не смогло поколебать его. Левое плечо разрывалось от боли, пуля угодила именно туда. Но мальчик, стиснув зубы, не остановился. Николай схватил его за куртку одной рукой, а второй со всей силы ударил в живот.

Он почувствовал, как падает прямо на мужчину. Он смог его повалить одним ударом.

Красные очки слетели с человека и упали неподалеку на асфальт. Одно из стеклышек вылетело и разбилось. Теперь этот человек с полными ужаса и недоумения широкими глазами смотрел, как простой мальчишка одним ударом заставил его повалиться, он видел полные огня и гнева, сверкающие глаза.

Мужчина сильно съежился, с трудом сдерживая боль. В голове не воспринималось, что он только что увидел. Он не верил этому, этого не должно было произойти. Мальчик слишком маленький, почему перед самым ударом его рука зажглась красным огнем? Человек со шрамом отчетливо видел вспышку перед выстрелом, именно поэтому и промахнулся в плечо.

Он опустил голову, посмотреть на место удара. Жгучая боль, не переставала разливаться оттуда по всему телу. Одежда прожглась, кожа на теле сильно покраснела.

Он посмотрел на мальчика. Николай стоял над ним с полыхающим кулаком. В его глазах отражался тот же огонь — гневные блики. Тяжелые брови и оскал. Мальчик мысленно мог разорвать этого человека.

Белый цвет его кителя на левом плече окрашивался в багровый. Рука опущена, ей невозможно было даже пошевелить. Но Николай, словно не чувствовал боли, не спускал глаз с мужчины.

Рука начинала неметь. На холоде льющаяся вниз по всему телу кровь морозила еще сильнее. Мальчик медленно снял свой китель, затем почерневшую рубашку и взглянул на рану. Его чуть не вывернуло. В нос сразу же ударил свежий запах крови.

Мужчина ошеломленно смотрел на него.

Огонь остался только на правой руке. Мальчик сжал ее сильнее, и пламя начало переходить от кулака до локтя.

Немного удивляющее чувство. Огонь не причиняет боли, вместо этого он словно питается какой-то болью внутри мальчика и чем сильнее он ее ощущает, тем сильнее и ярче разгораются красные языки. Рука же наоборот, казалось, еще больше леденела от пламени.

Интуиция сама все сделала за ребенка. Он поднес свой огонь к ране на плече и резко схватился за нее. Тело вывернуло в конвульсии, настолько сильной, что он чуть не повалился на пол. Душераздирающий крик вырвался из его глотки. Ноги подкосились, но он продолжал стоять. Кровь была остановлена.

— Я... никогда... не присоединюсь к нему!

Николай горящими руками схватился за тело человека. Огонь тут же принялся по его коже и начал распространяться. Мужчина завопил от боли, откинул мальчика и начал ползти от него, двигая всеми частями тела. Вскоре он уперся в стену. Николай медленно подходил ближе.

Огненная рука вновь замахнулась над человеком со шрамом.

— Говори, где он сейчас! — он снова вцепился в человека, на сей раз в ногу, с холодом пропуская мимо ушей все жалобные просьбы человека остановиться, все его крики от боли — говори где мой отец!

Мужчина кивал головой, он не сопротивлялся, ему с трудом удавалось держать глаза открытыми. Все тело горело уже по пояс. Он уперся в стенку и ковырял пальцами кирпичи, как будто лишившись рассудка.

Николай не отпускал его и наблюдал с каким-то ужасающим удовольствием, с наслаждением над видом агонии человека. Еще! Ему нужно было еще! Здесь и сейчас вершиться его справедливая месть.

— Говори!

Загнав его в угол, Николай нашел в своей опустошенной гневом голове только один выход. Пламя уже давно достигло локтя и добиралось до плеча. Сейчас он совершит свой последний удар.

— Нет... — шептал, умоляя мужчину, его глаза заслезились, вид и в самом деле стал очень жалок, но не для мальчика — стой...

В груди Николай почувствовал какое-то приятное и в то же время неприятное, странное щекотливое покалывание. Словно огонь теперь появился не только на руках, но и где-то в глубине, в сердце.

Он поднял руку, замахиваясь на человека. Но в этот же миг, он почувствовал, как кулак за запястье кто-то резко схватил сзади. Мальчик обернулся.

Сквозь свою боль, прямо за огненную руку его держала Настя. Девочка с трудом стояла на ногах. Кажется, все ее силы сейчас были направлены на то, чтобы удержать Николая от удара, от решающего последнего удара. В серо-голубых глазах девочки не читалось ничего кроме ужаса и страха. Только такие эмоции мог породить вид ее друга, друга-убийцы, гневного и яростного.

Она не узнавала Николая. Это словно совсем другой, сломавшийся человек, не тот мальчик, что с закрытыми глазами улавливает каждый звук из-под молоточков и струн на рояле. Не тот мальчик, что прогуливается с ней по городу после занятий. Не тот Николай Владыч. Это не его серые глаза, иногда мрачные и скучные, но всегда добрые — в этих глазах сверкал огонь. Злой оскал, немного похожий на злорадную улыбку. Всю эту чудовищность нарушало только одно — мальчик плакал.

— Нет... ты не должен — ее глаза были полны слез, она говорила дрожащим голосом, таким слабым, что даже пар не выходил изо рта.

Николай взглянул на девочку, снова посмотрел на обессиленного и измученного человека со шрамом. Огонь на руке тут же погас, не оставив и следа. Мальчик обнял практически уже валившуюся на пол Настю. Странное покалывание в груди исчезло.

В другом конце прохода наконец-то показались люди в форме Золотого Общества.

Глава VI

Май 1918 года второй эры.

Практически тринадцать лет прошло с того неповторимого момента, когда Сергей Сергеевич впервые показал Николаю главный храм литературы Веридаса. Учитель обнаружил любовь юного Владыча к книгам. Мальчик весь в отца — Драган тоже много читал.

Центральная библиотека сразу произвела на Николая впечатление такого места, где книги почитались как реликвии. Это не семь стеллажей потрепанных или новых выпусков по компонологии в кабинете отца, и уж тем более не то маленькое деревянное здание школьной библиотеки — единственной в Ужице — где интересных Николаю книг не было вовсе. Нет.

Это здание было внушительным дворцом с огромным фасадом из многочисленных высоких колонн перед стенами. Несколько четырехметровых дверей являлись основным входом, к которым вел широкий полукруглый ступенчатый подъем из белого мрамора. Высота библиотеки была настолько большой, что только около десятка самых высоких построек Ужица друг на друге могли дотянуться до крыши. Мальчик, конечно, не сразу поверил, что этот дворец целиком принадлежит книгам — неужели в Веридасе уже успели столько написать, чтобы заполнить каждый уголок допотопца.

На улице начинало темнеть, хотя в мае солнце над Централом опускалось поздно. Зал чтения был закрыт. Последние лучи заката падали прямо в окна, немного прикрытыми коричневыми бархатными шторами. Коричневый цвет преобладал тут всюду. Широкий зал, практически весь этаж был соединен в одну комнату. Ряды столов и мягких шоколадных кресел беспорядочно стояли друг против друга или вплотную, но специально так, чтобы читатели меньше всего отвлекались от книги. Светильники на длинных ножках практически над каждым креслом давали достаточно света, чтобы глаза от долгого процесса чтения не испортились, но не один из них не был слишком ярким, и темнота с легкостью окутывала углы, стены и промежутки между креслами. Ни одной картины, зеркала или еще чего-нибудь, кроме, разве что, множества бесшумных часов. Солнце опустилось за крыши домов и даже облака начинали терять последнюю желтизну, оставленную им светилком. Глаза медленно закрывались.

Николай заснул прямо с раскрытой книгой в руках. Книга была тоненькой и почти не чувствовалась в ладонях. «История изучения пятого свитка» написано белыми буквами и подчеркнуто на черной твердой обложке, эту работу надо было прочитать по просьбе Скреппа.

На столе находились широкие листы и карандаши. Большой чертеж круговой формулы с разными кругами, треугольниками и квадратами, вписываемыми и описываемыми друг друга, как и на формуле первого свитка. Но здесь их было куда больше, они были куда разветвленнее, от каждого отходило множество кривых линий и дуг с текущими словами, которые на чертеже просто отмечались вектором в ту сторону, куда они идут. Николай давно перевел его, но смысл заложенного все еще не понимал. Пятый свиток, в отличие от

предыдущих четырех, не говорил о составляющих человека. Он расписывал законы природы. И была в нем еще одна закономерная странность. Закономерная потому, что в предыдущих свитках это тоже встречалось. Во всех кроме самого первого.

Эта странность вгоняла в ступор всех, с самого начала второй эры. Никто не мог объяснить, почему во втором, третьем, четвертом, пятом и шестом свитке имелось в формуле по одному абсолютно пустому кругу. С каждым новым свитком они увеличивались в радиусе. Круги эти так же вращались по орбитам вокруг формулы, иногда их пересекал текст, но они не несли никакой смысловой нагрузки. Это был явно лишний элемент. Некоторые исследователи считали их знаками препинания. Другие отрицали это, сетуя на то, что один пустой круг во всей формуле не может быть знаком препинания, да и не было в древнем веридаском языке таких знаков. Поэтому Николай и решил обратиться к «Истории изучения...» чтобы выяснить что-нибудь об этом.

Текст, правда, оказался непростым и очень скучным. История изучения вообще была самым скучным предметом во всей старшей академии. Поэтому юноша и поддался, глядя на закат и мрак за окном, сну.

Смотрительница читального зала, молодая девушка в красненьком строгом пиджаке, сидела за своим рабочим местом. Оно было отгорожено от зала стеклом и дверью, чтобы смотрительница могла видеть всех и не мешать своей работой остальным. Девушка изредка поглядывала на Николая. Взгляд ее сделался раздражительнее, когда она поняла, что юноша уснул в кресле с книгой в руках. Она смотрела то на него, то в свою широкую тетрадь отчетов с таблицами. Мало того, что сидит тут с утра до вечера, так еще и ночь ночевать здесь будет?

В этот момент раздался звонок телефона. Его не было слышно в зале из-за стекла, но зато в кабинете он так оглушил девушку, что та вздрогнула и немного подпрыгнула на месте. Медленно выдохнув, успокаивая себя, и поправляя каштановые волосы на челке, она взяла трубку.

— Зал чтения Императорской Библиотеки Централы, добрый вечер — как можно тише, но с формальной ноткой проговорила она

В трубке кто-то начал говорить

— Да, — отвечала девушка — мы уже закончили прием... нет, остался один, майор из Золотого Общества... — она посмотрела на Николая — хорошо сейчас позову.

Смотрительница положила трубку и на цыпочках направилась к Николаю.

Юноша уже не просто дремал, он по-настоящему спал, посапывая. Голова его склонилась вниз. Книга в руках еще чуть-чуть и выпадет на пол. Девушка подошла к нему. За расстегнутым белым кителем, на бордовом воротнике серебром блестели два значка «V» и «V» в круге. При золотом человеке всегда была его сабля в золотых ножнах, которая стояла рядом с креслом. Исчерченная бумага с круговой формулой, совершенно непонятная... Она взглянула на его худое, не слишком вытянутое лицо, под глазами были светло-коричневые тени — следы безостановочной работы изо дня в день.

На щеках смотрительницы появился легкий румянец. Она, снова убрав назад каштановую челку, наклонилась к нему и потрясла за плечо.

— Майор Владыч, проснитесь... господин Владыч

Она пыталась разбудить его шепотом, на что Николай только мыкнул в ответ, забыв, где он находится. Юноша уже ощущал себя дома, в кровати и не хотел вставать. Книга выпала из рук, но девушка успела схватить ее.

— Господин Владыч, вам звонит майор Свиридов, просит подойти к телефону.

Николай открыл глаза и посмотрел на смущенную девушку. Оторвавшись от мягкой спинки кресла, он поднялся на ноги. В голове все начинало проясняться. Он снова посмотрел на примерный чертеж пятого свитка, на пустой круг в формуле, томящийся на одной из линий и помеченный вектором своего движения.

— Извините... я задремал — тихо проговорил он, не отрывая взгляда от формулы — мне звонят, сюда?

Смотрительница кивнула и пригласила его в свой кабинет, где ожидала трубка телефона. Он взял телефон, гадая про себя, какая нелегкая заставит Зака искать его в библиотеке так поздно.

— Слушаю — проговорил Николай. На другом конце линии сразу же послышался ответ

— Николай? Это ты? Почему ты не дома?

— Я...

— Не важно, слушай — Зак говорил быстро, — выходи на улицу, я заеду за тобой...

— Что случилось?

— Просто выйди на улицу, я тебя подберу, мне только что звонил Владыка Демиан, сказал, что будет ждать вас с Сергеем Сергеевичем у себя.

У Николая внутри все потяжелело. Он посмотрел на часы.

— Он вызвал нас в пол одиннадцатого?

— Да... наверное что-то случилось. Профессор говорит, что Владыка хочет обсудить Мак-Баумана и ситуацию на севере. Мне по пути, я еду за новой машиной.

— Я понял, жду тебя около входа

Николай положил трубку, обернувшись. Девушка смотрела на него. Он заметил в ее руках книгу, которую только что читал.

— Простите, мне надо бежать — поклонился Николай — вы не позаботитесь о моих чертежах и книгах? Отложите их куда-нибудь, я продолжу в следующий раз.

Девушка тоже поклонилась.

Николай, на ходу застегивая свой длинный плащ, побежал к лифту.

Ужасна была эта погода начала мая. Да и сам Централ как-то помрачнел. Летом никто не зажигал цветных фонарей на улицах, вместо них повсюду горели обыкновенные лампы. Своим оранжевым светом они не могли охватить даже внутренние дворы, разве что только дороги и тротуары.

Николай вышел через центральную дверь, с трудом отворив ее. Ему открылся совершенно пустынный город. Ни людей, ни машин, ни лошадей. Только каменные дороги и дома, немного охватываемые светом у самого основания. Чем дальше вверх они уходили, тем сильнее тьма скрывала их, высоту здания было не понять. Небо закрыто за бесконечным полем кучевых облаков, через которые очагами виднелась звездная чернота. Кончики мрачных деревьев, только-только начинавших зеленеть, покачивались на слабом и еще холодном ветру.

Плащ тут же поднялся по направлению ветра. Николай быстрыми шагами, вприпрыжку спустился с широкой фасадной лестницы и оказался у самой дороги.

Тишина.

Даже бродящих собак, которые царили здесь по ночам, не было видно. Совсем недавно Централ научился этому немому молчанию. Раньше, особенно когда Николай только прибыл в Веридас, здесь даже после захода солнца было уйма народу, на дорогах еще не успевали

доспориться водители машин и извозчики карет. Люди прогуливались — вечером некуда было спешить. Они шли под ручку парами или компаниями, тихо или громко веселясь. Казалось, что и света на улицах было как-то больше. Но теперь Централ превратился в немой лабиринт из широких темных или полуосвещенных авеню. Людей даже вдалеке не было видно... не было слышно. Ни одной машины не проехало мимо Николая, пока он ждал Зака.

До штаба отсюда было далековато, но в голове появилась мысль прогуляться пешком туда. Очень уж нравилась юноше эта опустошенность, мрачные улицы. Мысли сами готовы были безостановочно рождаться в такой атмосфере. Мрак одновременно нагнетал и дотрагивался до чего-то холодного в самой глубине Николая. Что случилось с этим городом?

Все же одного человека Николай увидел. Он как-то медленно, покачиваясь, шел по тротуару прямо в его сторону. Мужчина, весь грязный и потрепанный смотрел только себе под ноги, не замечая юношу. Николай начал гадать про себя поклонится ли мужчина ему, когда подойдет ближе, или же ускорит шаг и пройдет мимо, скрывшись за угол. Человек подходил все ближе и ближе, уже были слышны стук его туфель по плитке.

Мужчина, наконец, поднял глаза и заметил Николая. Тот смотрел точно на него, спрятав руки в карманы бордового плаща. Человек остановился. Он как будто остолбенел, прирос к тротуару, не отрывая испуганных глаз от юноши. Николай даже немножко улыбнулся. Было видно, как у мужчины в голове обрабатывается сотня мыслей «что делать?» — не стоять же как вкопанный перед Золотым Человеком. Он, сделав вид, что что-то вспомнил — даже прислонив ладонь к подбородку и сделав заумное лицо — резко повернул направо и направился через пустую проезжую часть на другую сторону авеню. Он старался не смотреть в сторону Николая и молился всем кому можно, лишь бы юноша сейчас не окликнул его и не подозвал к себе.

Николай с иронией наблюдал, как мужчина скорым шагом помчался дальше по тротуару на другой стороне в ту же сторону куда шел.

— Да... что же стало с этим городом? Совсем недавно все кланялись, а теперь плюют в лицо и сторонятся... вот тебе и отношение.

Вскоре послышался рев мотора. Черный и полированный автомобиль ловил каждый огонек фонарей, свет золотом переливался на его корпусе. Машина ехала быстро, Николай пригляделся к номерам. Да, это Зак.

— Как ты узнал, что я буду в библиотеке?

Зак косо посмотрел на него, переключая рычаг за рулем.

— Действительно... ты единственный сумасброд, готовый ночевать там, так что, чему удивляться...

Машина тронулась вперед по пустым улицам. Зак гнал очень быстро, не хотелось заставлять Владыку ждать.

Большой холл, служивший залом ожидания при кабинете главы общества, был слабо освещен и по-своему красив. Стены на метр от пола обложены темным деревом, а выше шли декоративные вырезки из такого же дерева, изображавшие листья винограда. На коврах находились маленькие пуфики и диваны с кофейными столиками из стекла. На них стояло множество миниатюрных светильников разных цветов.

Скрепп уже ждал Николая в приемной, к ним тут же вышел секретарь. Старый и низкорослый человек, сутулившийся, отчего на нем висела одежда. Он поклонился.

— Полковник Скрепп, майор Владыч? Скорее проходите... Он вас ждет

Они поклонились в ответ и прошли за ним.

Это было довольно просторное помещение, по стилистике точно такое же как и приемная, но здесь было гораздо больше света благодаря тому, что вместо внешней стены в кабинете находилось одно большое окно. Все остальное было таким же темным — паркет, оконные шторы, палисандровый стол, находившийся у самого окна на большой платформе. На стенах множество картин-портретов, на них изображались предшественники Владыки Золотого Общества.

За окном простирался тихий ночной Централ, его слабые огни, свет которых гасился черным небом.

Владыка сидел за своим рабочим местом. Поставив локти на стол, подперев голову, он наблюдал, как Скрепп и Николай друг за другом вошли в его кабинет.

— Присаживайтесь — сказал Владыка своим тихим старческим голосом. Они повиновались, расположившись на кресла, между которыми стоял стеклянный кофейный столик с посудой под печенье, блюдечками с чашками и большим чайником. Николай заметил странный взгляд старика. Обычно он ходит все время необоснованно веселый, шутившийся. Но теперь свободный глаз его был строг, он был серьезно настроен на что-то.

Молчание длилось примерно минуту. Владыка разглядывал каждого из своих гостей. Скрепп выглядел спокойно. Оно и понятно, ведь обычно именно он сообщал Владыке о результатах всей работы. На столе Владыки лежали доклады Сергея Сергеевича.

Секретарь начал разливать чай. На столе уже был нарезан яблочный пирог. Мягкое кресло, на котором сидел юноша, с трудом давало сосредоточиться на официальном приеме, так и манило расслабить тело.

— Помнится, — начал Демиан, посмотрев на Николая — ты особенно отличился тогда в Турине на пару с майором Свиридовым?

Юноша как-то неудобно посмотрел вниз и покраснел. Сергей Сергеевич посмеялся

— Я считаю, это лишь везение

— Ну нет... ты показал, что стоит ваше поколение. Это первый удар по Чадаеву за тринадцать лет, первый серьезный удар. Ты заслужил больше чем простую похвалу, мальчик мой.

Дальше Демиан говорил только со Скреппом о своем. Сразу можно было заметить учителя и ученика. Казалось Владыка единственный человек, к которому Скрепп еще мог обратиться за советом.

Николай молчал, стараясь держать спину ровно. Он пил чай маленькими глоточками и уже делал вид что слушает. Яблочный пирог ему показался отвратительным, не идущим ни в какое сравнение с шарлотами тети Даники. Но даже этого жалкого кусочка хватило юноше, чтобы в его голове всплыли приятные воспоминания из детства. Он с трудом уже мог вспомнить, как выглядел дом и друзья. Какая там была погода, небо и запах в воздухе. Глядя сейчас за окно, становилось ужасно тоскливо. Настолько ужасно, что поручение в Турине, где все было совсем по-другому, воспринималось как каникулы.

За окном заморосил дождь... а ведь Николай собирался устроить ночную прогулку с Настей после этой встречи. Настроение портилось вместе с погодой.

Юноша потерял свое присутствие в кабинете главы Золотого Общества, как вдруг Владыка обратился к нему.

— Я хочу знать твое мнение — он говорил со всей серьезностью, потому что поглаживал свои острые усы, а когда он так делал, то точно не шутил — как думаешь, что нам надо делать дальше. У нас на руках теперь один из главных последователей Чадаева.

Мне интересно мнение молодых мозгов.

Николай и сам обдумывал этот вопрос. Что делать дальше? Наконец-то настал их ход действовать. Наконец-то появилась зацепка.

— Я думаю, что через Артура мы сможем выйти на самого Чадаева, или хотя бы узнаем, где логово их Ордена... если можно, то я готов возглавить поиски.

Владыка поставил пустую чашку на блюде и отклонился к спинке кресла. Он закрыл глаза и начал о чем-то думать при общем молчании остальных.

— Ты прав, надо действовать... надо искать — согласился он — у нас мало времени... обстановка в северных землях накаляется, там начинаются забастовки. Чадаев на шаг впереди, он добился народной поддержки в тех губерниях. И я ожидаю худшего... Если вы думаете, что инициатива у нас, то вы ошибаетесь. У него в руке есть кремень, искра от которого подожжет весь север, а потом огонь перекинется и на нас.

— Да... — сказал Скрепп — учитывая обстановку в Централле, это будет цепная реакция Владыка покивал головой.

— Мы не знаем, одно ли у него логово или больше, и есть ли вообще у него логово и сколько людей на его стороне. Мы про него вообще ничего не знаем, он действует крайне скрытно. До поры до времени он устраивал только теракты против полиции, армии и чиновников, теперь его людей заметили за агитацией против Его Величества.

— Значит, нам надо как можно скорее его найти — снова высказался Николай

— Так-так, рвешься в бой? — Демиан сделал небольшую паузу и продолжил — не думаю, что Мак-Бауман будет с нами сотрудничать, по крайней мере, сделок с ним я делать не собираюсь... нет.

Скрепп и Николай переглянулись между собой.

— У вас есть планы на него? — спросил профессор

Владыка слегка покачал головой, уставившись куда-то в одну точку и думая о чем-то, все еще поглаживая усы.

— Послезавтра, на императорской площади мы прилюдно его казним. Это должно послужить уроком всем террористам.

Сергей Сергеевич спокойно облокотился на кресло, допивая свой чай. У Николая же от услышанного внутри все возмутилось, словно не поверило сказанному.

— Вы уверены, что это подействует? — спросил молодой человек, абсолютно уверенный в обратном, но стараясь как можно спокойнее говорить с Владыкой.

— Страх перед законом и неотвратимостью наказания не раз выручал империю в прошлом

— Поймите меня правильно, Владыка Демиан, я вовсе не защищаю этого подонка и не меньше вашего желаю его смерти, просто я беспокоюсь, что мы потеряем козыря

— Я уже все решил, смерть это единственное, что ждет предателей империи.

Демиан поднялся из-за стола. Следом за ним, поправляя кители, тут же встали Николай и Скрепп. Владыка молча подошел к шкафу с документами и достал оттуда большую потрепанную старостью папку с фотографиями. Он долго листал ее и достал фотографию какого-то юноши, передав ее Николаю.

Фото размером с ладонь, на ней был молодой Артур Мак-Бауман в форме Золотого Общества. Волосы длиннее, чем сейчас, все те же прямоугольные очки, золотой локон сбоку и какое-то недовольное, насупившееся лицо, еще более худощавое.

— Из всех моих учеников, Сергей не даст соврать, Чадаев был самым успевающим... он

подавал большие надежды. Никто так не умел отдавать себя делу, как он. В моей старческой памяти все еще сохранилась та картина. Дождливая ночь в июле тысяча восемьсот семьдесят первого, Дмитрия оголодавшим и замерзшим нашли у ворот младшей академии. Откуда он взялся, кто его родители этот маленький истощавший мальчуган не сказал... Он вообще ничего не говорил, сказал только, что его зовут Дима Чадаев. Его накормили, и он переночевал в этом самом кабинете. А на следующий день первый свиток загорелся именем «Митт Чадаев». Волуптасское имя с севера, хотя позже выяснилось, что мальчик родом все-таки из Веридаса. Я даже почему-то обрадовался, что мальчик станет золотым человеком... я тогда сам и предложил ему обучаться у меня лично. Подумать только... маленький шестилетний мальчик с амбициями самого Алекса Веридаса.

Он быстро учился и приобретал большую популярность среди студентов, даже из старшекурсников... его знала вся академия, а может и весь Централ...

Демиан посмотрел на Николая каким-то печальным, сожалеющим взглядом.

— И, пожалуй, самым большим его другом был твой отец, Драган Владыч... он поддерживал все его авантюры, гроза Золотого Общества, трио учеников профессора Ульяна, помнишь Сергей?

Скрепп улыбнулся, опустив глаза

— И одновременно с этим, его самым большим врагом становился я... он вел себя слишком недисциплинированно, не слушал меня. В лицо он не высказывал, но я чувствовал, как он меня ненавидит. Сколько у него было масок? Он говорил «вы самый мой любимый человек, профессор», а потом я узнавал от других, как он ругался, что я его якобы сдерживаю. С каждым днем мы отдалялись друг от друга... переставали понимать себя.

Ему исполнилось десять лет, и он выдал свой первый сюрприз, поставив на уши все и вся. Его рука загорелась синим пламенем... таким жарким, что пальцами можно было резать металл. Такой разрушительной силы четвертой составляющей не было ни у кого, никто не знал природу этой силы, что он чувствовал, чего желал сильнее всего. В хронографах четвертых составляющих не было упоминаний не о владельцах этой силы до Чадаева, не о ее природе. Я тогда сильно испугался, и не только я... его начали бояться многие преподаватели, зато он стал настоящим братом остальным студентам, они любили его, никто и не сомневался в том, что Митт сможет одолеть любого золотого человека шестого уровня. А ведь ему всего десять... Он сходу прочитал круговые шифры четвертого свитка, я даже заметил странную улыбку на его лице, когда он его читал, будто бы в руках его была детская сказка.

Я спросил тогда «Что тебя воодушевляет, какое твое самое мощное чувство, почему именно это синее пламя появляется у тебя на руке?» А он ответил «Я не знаю, учитель...» Ответил с ехидной улыбкой... конечно же он знал, чего желает больше всего, просто ему нравилось водить меня и Верховный Совет за нос.

Позже он все-таки признался, вернее он сказал это Драгану, а Драган мне. Самое его большое желание, это стать Идеальным Человеком, Богом, возвысится над остальными... он хотел этого с самого начала. Синее пламя символ тщеславия. Но он был не так прост, чтобы желать только этого...

Он начинал презирать тех людей, кто после старшей академии шли в чиновники или Отдел Расследований. Он избегал меня, избегал многих других преподавателей.

Второй случай рекорда был в восемьдесят третьем. Тогда во всех газетах писали о мальчишке, чье имя в восемнадцать лет показал шестой свиток. К тому времени я уже стал

Потестасом общества. Дмитрий наконец-то заговорил со мной. Он просил место преподавателя комплеологии в старшей академии... только не мог я дать ему звание профессора в восемнадцать лет. После этого Дмитрий, не выбрав не один из отделов, начал самостоятельно заниматься наукой и изучать свитки. Он иногда делился со мной своими мыслями, в основном все его труды касались пустых кругов в формулах свитков, он нашел между ними какую-то связь. Так Чадаев тихо проработал двадцать два года. Может, он уже тогда писал какие-то книги касательно сегодняшней власти, может быть... не знаю. Думал ли он о политике и когда начал создавать свой Орден? Чадаев часто собирался в своем имении с самыми близкими друзьями. Одно точно — бунтарем он был с самого рождения. Но я уверен, что большинство времени он посвящал именно компонологии. В девятьсот пятом неожиданно для всех его имя показал седьмой свиток.

— Тот самый день... — добавил Скрепп

Владыка сел за свое рабочее место, приняв из рук Николая фото Мак-Баумана.

— Да, в тот самый. Шок для всей империи... для всего света. Седьмой свиток вновь открыт. После церемонии прочтения я собирался начать готовить его на свое место, но он объявил об уходе из общества... а вскоре о нем заговорили уже как о террористе. Из общества вместе с ним вышли много других талантливых людей, его верных друзей или уже слуг.

— А мой отец?.. — полголоса спросил Николай

Владыка все еще разглядывал фотографию Артура. Внезапно раздался глухой хлопок, и фотография рассыпалась в труху прямо в его руке.

— Я понимаю твои подозрения... но я не знаю где он сейчас. Чадаев и Драган действительно были самыми лучшими друзьями, но я ничего не могу сказать.

Николай понимающе кивнул головой, поджав губы. К горлу вновь подступило что-то горькое... даже немного забытое. Он взглянул на учителя, Скрепп молча смотрел, как секретарь собирает в ладошку то, что осталось от фотографии.

Они что-то недоговаривали, что-то скрывали. Мешали ему искать отца, не наводили и не помогали. Они что-то знали про Драгана, но молчали. За тринадцать лет поисков в Веридасе эта мысль все больше и больше крепла в юноше.

— Владыка... — неуверенно произнес Николай — вы знаете, ведь он жив? Почему вы не ищите его... поручите хотя бы мне, дайте мне такое задание...

— Вы свободны, майор Владыч — с прежней строгостью ответил Владыка. Николая даже немного укололи страхом эти слова. Он поклонился в пояс, развернулся и вышел из кабинета, не дожидаясь учителя.

Профессор не заставил себя долго ждать. Догнавши Николая уже в большом зале, он остановил юношу за плечо. Николай не хотел ни о чем говорить, рядом находилось окно, манящее к себе своими видами. Но Скрепп взял его за обе руки и заставил посмотреть в глаза.

— Николай, что это было?

В ответ он только покачал головой. Мысли все спутались, кажется, он действительно сотворил какое-то недоразумение... попытался критиковать самого главу Золотого Общества. Дрожь и лед пробирали тело, если подумать какое наказание может быть за

такую дерзость. Но что сделано, то сделано...

— Простите, учитель, я опозорил вас... — начал оправдываться он — злая эмоция затуманила рассудок...

— Твой огонь все еще опасен... прежде всего, для тебя самого, пошли, Зак ожидает нас внизу.

Николай покорно и тихо последовал за учителем, но какая-то необъяснимая обида все еще царила в нем. Обида не только на Владыку, но и на самого Сергея Сергеевича. Однако он старался всячески подавлять в себе это чувство, он не хотел даже думать ничего плохого об учителе.

Они спустились в подземное помещение штаба, где совсем недавно все обустроили под автомобильный гараж, чтобы множество машин не заслоняли собой всю площадь перед зданием штаба. Здесь все было забито «железными каретами». Разные по размерам — представительные «Имперялы» и «Роялы», компактные «Куперы» — разные по расцветке — основная масса их темно-вишневые, но было много черных и серебристых.

Зак работал около самого выезда. С шелковым кусочком ткани он старательно полировал свою новую машину.

— Вот это и есть твой новый автомобиль? — спросил Крепп, когда они подошли к нему

— О да — с удовольствием протянул Зак, убирая последнюю пылинку с крыши кабины — «Арон» модели «С», единственный на весь Централ.

Автомобиль действительно выглядел внушительно. Огромный и тяжелый, его можно было сравнить с крепостью на колесах, но элегантного вида. Николай обошел машину со всех сторон, наблюдая свое отражение на черном полированном корпусе.

— Нравится? — сказал Зак, между делом — он блестит ярче, чем твои сапоги

— Поздравляю, хорошая машина

— Заканчивай, друг мой — сказал Крепп — нам надо ехать

Николай сел вместе с Сергеем Сергеевичем на задний диван. Зак, не скрывая удовольствия, искренне наслаждаясь, медленно повернул ключ зажигания. На удивление, звук мотора был еле слышен. Машина тихонько тронулась, как будто поплыла по дороге.

— Ну, рассказывайте — сказал Зак

Николай совсем не хотел обсуждать эту тему, даже с лучшим другом. Тяжелый камень все еще висел на душе. Юноша сложил руки на груди и уставился в окно, как будто не услышал вопроса. Сергей Сергеевич, читал какую-то карманную книжку и между делом ответил.

— Прошло как обычно, друг мой.

Зак только как-то хитроумно улыбнулся и замолчал. Воцарилась тишина. Сергей Сергеевич продолжал перелистывать страницу за страницей, а Николай смотреть на пустые тротуары Императорского проспекта. Почти никого, только один человек под зонтиком смотрел, как его собака трется спиной о мокрую траву на газоне. Ему показалось, что даже эта собака тосковала по тем временам, когда здесь бегали вместе с ней десятки других четвероногих, создавая множество маленьких проблем для городских уборщиков.

Но в голове летали мысли совсем не про собак.

Почему они бездействуют? Почему дают врагу беспрепятственно усиливаться там, где его усиление опасно? Они думают вообще о чем-нибудь или уже сами хотят его усиления... может это и так?

Глаза Николая расширились. Столь абсурдная мысль первый раз пришла ему в голову. Он посмотрел на Сергея Сергеевича.

Что если те, кто возглавляют империю, в первую очередь хотят ее гибели? Этого быть не может, но как тогда понимать их глупые шаги против Чадаева. Эти шаги будут скорее на руку ему, чем исправят положение.

— Как вы относитесь к тому, что Владыка решил казнить Мак-Баумана? — спросил он у Зака и профессора.

Зак сразу же пожал плечами, ему, казалось, было все равно, какая участь ждет тех, кто уже пойман, гораздо важнее было найти остальных. Сергей Сергеевич же, закрыл книжку и убрал ее внутрь бордового плаща.

— То, что он предлагает, конечно, консервативно, Николай, понимаю тебя. Но я соглашусь с тем, что это поможет... подожди — заставил пальцем он помолчать Николая, который уже был готов возразить — послушай меня. Понимаешь, он прав в том, что подобный метод не раз выручал Веридас. Мы дожили до ужасного времени, когда люди теряют страх, и чтобы его вернуть, нам надо сделать это. Иначе бунтовщики увидят слабость Империи и Золотого Общества и будут действовать еще увереннее. Понимаешь? Это ужасный шаг, согласен, но он необходим. Ты же хорошо играешь в шахматы, друг мой... Нужно жертвовать иногда своими пешками... и, если приходится, ферзями. Разве ты не видишь, что происходит уже в самом Централе. Я был недавно на севере, там все еще хуже, чем тут, поверь мне.

Николай протер лоб от пота ладонью. На его руке начал выделяться слабый пар, как если бы ее теплую вытащили на мороз. Скрепп, заметив это, тут же взял его за кисть.

— Наберись терпения. Нам надо всего лишь сделать вовремя нужное действие, нужно не прогадать...

Зак тоже наблюдал за их диалогом через зеркало. Глаза его были необычно серьезные... взрослые. Но он не вмешивался, лишь только сбавил скорость машины.

— Мне плевать на империю — тихо ответил Николай — я здесь только ради отца и топчусь на месте уже много лет... я настолько обессилил в поисках, что... что мои руки сами опустились. Я не знаю больше, где искать... учитель, помогите мне.

В глазах все начало плыть.

— Нам все равно известно о Драгане не больше чем тебе. Твоя рука... ты снова забываешь о контроле над собой. — Николай стыдливо отвернулся, спрятав парившую руку.

— Простите, Сергей Сергеевич...

— Не извиняйся... — профессор вздохнул — почему ты не понимаешь. Этот пар говорит о твоей слабости. Ты не можешь победить самого себя, свою эмоцию. У тебя очень редкая и опасная четвертая составляющая, составляющая разрушения. Такие возникают только от негативных эмоций. Сначала я думал, что твой огонь это воплощение желания справедливости... но нет, ты жаждешь чего-то жестокого, чего-то неизменного. Ты же понимаешь, что это не пустые слова, то, о чем я говорил, что эмоции опасны, что если им поддаться, то твой огонь сожжет тебя изнутри.

Николай не показывал свое лицо учителю, продолжая смотреть в окно. Дождь все никак не решался начаться. Внутри юноши что-то больно колело, что-то горело, порождая сильное желание вцепиться учителю в глотку и заставить замолчать. Замолчи! Замолчи!

Он прятал свои тяжелые от накипающего гнева глаза. Он не простит себе, если учитель их увидит. Это все, что он был сейчас в силах сделать. Если ты не со мной, значит ты против

меня... значит ты с ним.

— То, что ты пережил в детстве, именно это породило в тебе твой огонь. Ты мстишь, Николай, ты не жаждешь справедливости, ты жаждешь крови. И твое воплощение эмоций в реальность и есть твоя четвертая составляющая. Послушай меня пока не поздно... не поддавайся...

— Останови машину! — вдруг закричал Николай Заку, да так громко, что водитель резко ударил педаль в пол.

«Арон» прозвенел своими тормозами и остановился на самом центре проезжей части. Скрепп и Зак молча посмотрели на Николая, который все еще прятал свое лицо.

Проспект, где остановилась машина, оказался недалеко от Рояльной набережной. Николай открыл дверь и, не произнеся ни слова, вышел из машины. Он направился быстрыми, широкими шагами в сторону набережной. Скрепп смотрел ему вслед, не пытаясь как-то остановить мальчика. Он просто смотрел, как развевается на ветру от ходьбы его бордово-золотой плащ. Зак хотел было уже поспешить за ним, но ограничился только растерянным взглядом на Скреппа, который скажет, что делать дальше.

— Поехали — спокойно сказал он и Зак повиновался, повернув рычаг вперед и надавив на педаль. Машина снова тронулась.

— Почему он так ведет себя, профессор? — Сергей Сергеевич молчал, продолжая читать свою карманную книгу. Зак тихо ответил сам себе — Идиот потому что...

— Нет, друг мой, он не идиот. В детстве, перед тем как я забрал его, с ним случилось нечто ужасное... он просил не рассказывать никому из вас. В итоге мальчик стал рабом самого себя. И я боюсь, как бы он не наделал глупостей.

Зак усмехнулся, похрустев пальцами

— Не волнуйтесь, пара хуков всегда управляют мозги на место.

Скрепп о чем-то задумался, затем прильнул поближе к ученику

— Зак, к тебе будет поручение. Поезжай в тюрьму и прикажи от моего имени усилить охрану Мак-Баумана, понял? — Зак кивнул, ничего не ответив.

Николай дошел до тротуара и, наконец, обернулся. «Арон» только что скрылся за угол ближайшего здания. Руки сами закрыли лицо, в душе все кричало... и кажется, крик этот даже вырвался наружу.

«Как можешь ты, счастливый человек понять, меня. Как, можешь почувствовать все то, с чем я живу. С чем буду жить всегда, пока эта тварь ходит на Земле. Тот человек, что лишил меня мира в доме. Он ворвался и забрал ее. Как больно теперь вспоминать минувшее. Словно большое чудовище поселилось во мне, в этом золотом кинжале, что я держу за поясом всегда. И это чудовище, эта чернота способна поглотить все хорошее, все светлое что осталось... Может так уже и случилось. Может вы и правы, учитель. Но я никогда не усну спокойно, пока не закончу свое дело. Пусть даже мой огонь заберет меня вместе с ним. Я готов заплатить такую цену, лишь бы он не забрал еще чего-нибудь. Инструмент... мне нужен инструмент...»

Вокруг было тихо. Николай медленно ковылял, произнося все мысли вслух, благо поблизости было ни души. Как было легко после этого... говоришь все, что думаешь, все то, что томилось. Сырой и прохладный воздух, запах мокрой земли и деревьев бил в голову, но совсем не давал какого-то освежения. Юноша был опьянен мыслями, не замечая ничего вокруг. Он шел к черно-белым клавишам, сейчас они нужны больше всего. Он шел в тот самый сквер, который давно стал принадлежать только двум людям. Хорошо, что, не смотря

на плохую погоду, рояли не убрали... этого можно было не пережить, это единственное, что могло сейчас унять огонь в груди.

Как и обычно, в этом скверике никого не было. Кажется, Николай только один раз видел здесь людей, слушающих музыку, в тот самый первый день, когда он пришел сюда. С тех пор и слушатели, и музыканты обходят стороной это место. Что было крайне странно... Николаю и Анастасии оно наоборот казалось самым главным и самым красивым для них местом Централа, и может быть, даже всего мира.

Все тот же черный рояль под деревянной плетеной верандой и все тот же уличный фонарь неподалеку. Странно... но это место начинало вызывать уже практически такую же тоску, как если бы Николай думал о зеленом холме и дубе с качелями. Здесь хотелось остаться на вечность.

Словно умирая, он поднялся по ступенькам веранды и поднял крышку инструмента. Что бы сыграть? Сама погода диктовала правила, само настроение располагало к чему-то тяжелому, массивному, состоявшему из низких, томящихся аккордов. Пальцы уже зависли над самым левым краем клавиатуры. Николай знал одно такое произведение, но никогда не играл... он боялся его. Не саму музыку, но то настроение, которое позволит играть эти аккорды правильно. Он боялся, что если это сыграть сейчас, то юноша сторит прямо на месте, огонь поглотит его окончательно. Музыка очень опасна, когда эмоции умеют воплощаться в реальность. Нет... нужно сыграть что-нибудь другое, легкое, певучее. Из нижних октав пальцы, так и не опустившись на клавиатуру, перешли в верхние.

Вздыхнув полной грудью, успокаивая себя, Николай постарался забыть, где он и кто он.

— Надеюсь, что ты настроен, мой друг — сказал он с улыбкой инструменту — впрочем, есть только один способ проверить.

Он начал свою игру. Капельки высокого и отрывистого звука побежали по округе в сопровождении певучих перекатов основной темы.

Почему он начал играть именно это? Ведь эта мелодия была для четырех рук, и она неполноценна без второго пианиста. Николай и сам не знал... Наверное, только из-за того, что если закрыть глаза и представить теплую солнечную погоду, представить как под эту музыку на рояль сквозь веранду и рябиновые ветви падают лучи света, то только так мелодия приобретет смысл.

Николай исполнял первую часть, в которой главная партия принадлежала ему, но во второй, которая начиналась через несколько тактов, он уже будет только подыгрывать, а подыгрывать было некому. Жалко было обрывать гармонию. Он закрыл, глаза наслаждаясь последними нотами первой части.

Анастасия поднялась на веранду настолько тихо, что Николай не заметил ее. Она присела слева от него и уже была готова подхватить игру. Яркая и напористая вторая часть была, может быть, даже немножечко дерзкой, по сравнению с первой, из-за быстрых переборов низких звуков.

— Привет — сказал он

Анастасия, не отрываясь от игры, улыбнулась. Она была в белоснежном платье и босоножках... и выглядело это нестандартно после полувоенной формы Золотого Общества, в котором он видел девушку обычно. Как-то особенно, по-другому выглядела она в нем, с закрытыми глазами и легкой улыбкой исполняя мелодию. Как в тот день, самый первый. Как же ты вовремя...

Третья часть была не просто грустной и тоскливой, она была трагичной. Ужасная и

пугающая тема, как будто что-то зловещее нарастало и приближалось все ближе и ближе. Под тяжелые, траурные октавы, главная тема, словно целая армия чего-то непонятного, но злого и могущественного точила свои ножи прямо над головами пианистов. Анастасия никогда не любила эту часть, она просила Сергея Сергеевича пропускать ее. Больно уж непонятно ей было, почему после двух веселых и быстрых частей композитор вставил это громоздкое чудовище. В отличие от нее, Николай мог сыграть это даже во сне. Он и сейчас вкладывал весь огонь в каждый рывок кистей по клавиатуре, извлекая из-под крышки образ грозного нашествия.

К счастью третья часть была маленькой, но даже этого хватило, чтобы убрать всякую улыбку с лица Насти. Она с тоской и даже каким-то неудобством смотрела на Николая. Юноша ушел в свой мир. Каждый аккорд, неприятный по звучанию словно бомба, под конец автор видимо вообще перестал строить музыку и специально вставил некрасивые сочетания. Но Николай понимал каждую ноту, чувствовал смысл. Он прекрасно видел, что рисует инструмент. Он видел этот багровый, с привкусом железа. Каждый удар сопровождался неопишным удовольствием, таким, что зубы непроизвольно скалились, как в приступе гнева.

Луна выглянула из-за туч, но не многообещающе, ненадолго. Просто чтобы подыграть им.

Николай внезапно остановился. Анастасия только-только начала последнюю часть, даже не заметив, что ей уже никто не аккомпанирует. Он положил руки на колени, словно закончил произведение целиком, и слушал послевкусие. Настя подумала, что он хочет сделать паузу и сейчас продолжит, но Николай остался сидеть в тишине.

— А последнюю часть, радостную... — словно с надеждой спросила она — сыграем последнюю часть.

Нет. Николай закончил свою игру на середине. Он отвернулся, но девушка успела заметить, как по его щеке пробежала слеза.

— Что-то случилось? Почему ты плачешь?

Николай покачал головой, поправив голос, чтобы он не дрожал.

— Все хорошо... ты же знаешь, что я иногда плачу во время музыки.

Анастасия это действительно прекрасно знала. Это для нее не было удивлением, и уж точно никто не имел права презирать молодого человека. В какой-то степени она даже ему завидовала, все-таки он более хороший музыкант, раз понимает музыку до слез.

Но теперь Настя заметила обремененный вид Николая. Что-то случилось, раз он отвернулся от нее, закрывая глаза. Тем более он терпеть не может не доигранные мелодии.

— Я же вижу, что что-то случилось. Давай расскажи, не держи в себе.

Он встал с банкетки и медленными шагами, уставившись в одну точку — словно Анастасии и не было рядом, словно вообще никого не было рядом — подошел к низкой декоративной ограде, отделявшей набережную от спуска к реке. Что-то хотелось сказать, но он не знал что. Вернее не знал как. Как она отреагирует на его слова... а что если она не поймет?

Анастасия подошла и положила голову к нему на плечо, обняв руками талию.

— Ты чего-то боишься?

Лед прошел по телу Николая. То, в чем он себе боялся признаться или просто не хотел этого делать, само пришло от другого человека. Действительно, он сильно боялся.

— Да...

Николай тоже обнял девушку.

Венура волновалась, штормила. В такую погоду можно было не ждать пароходов с вальсами, ленточками и прочим. Теперь только черная, плещущаяся вода и полумертвый город вдалеке. Николай наблюдал за каждым перекатом гребней хаотичных волн, сталкивающихся друг с другом.

— Что-то произошло на докладе Владыке?

— Они хотят казнить Мак-Баумана. Мой последний шанс найти его они хотят обезглавить.

Анастасия замолкла. Николай только почувствовал, как и ее дыхание остановилось. Поняла ли она его? Она же не знает, зачем ему нужен Чадаев... наверняка и для нее казнь Артура не имеет никакого значения. Он ведь террорист.

— Это... немыслимо. Казнить человека за его взгляд... я не понимаю

— К черту его взгляд, Настя, он предатель и заслужил это, но неужели они сами не хотят найти его хозяина? — Он усмехнулся, даже с какой-то ноткой презрения. — Сказали, он не пойдет на контакт... Да я его поведу на этот контакт! А потом сожгу. Медленно буду жечь часть за частью, пока он не сдохнет от боли. Я сожгу даже пепел, что от него останется!

Николай практически перешел на крик. Настя оглянулась, нет ли кого вокруг, кто мог бы услышать такое. Что-то в его словах напугало девушку, она даже сделала шаг назад, сама не заметив того.

— Прости... я не должен был говорить такое... просто — он вцепился себе в волосы и опустил голову, отвернувшись. Голос его снова задрожал. — прости меня... я боюсь, Настя, я очень боюсь. Я не знаю, как быть и что делать. Тринадцать лет! Тринадцать! Я топчусь на месте и теряюсь в догадках. А они даже не хотят помочь... они смеются надо мной.

Эта идея, показавшийся Настя абсурдной, так вдохновила Николая, что он с воодушевленными и даже радостными глазами обернулся, взял за плечи девушку и начал что-то ей доказывать, переходя на полу истерический крик.

— Точно! Они смеются... все это глупый розыгрыш, шутка. Это все учитель подстроил, он же любит шутить — Николай засмеялся во все горло — ты понимаешь? Они разыгрывают меня и смотрят, как я мечусь по кругу с этим ножиком — он достал из-за пояса отцовский золотой кинжал — желая всадить его ему в сердце. О... даже если так я всажу, Всажу сначала Чадаеву, потом им!

— Николай... твои руки...

Настя крепко прижала Николая к себе, заставив его замолчать. Широкие глаза юноши начали успокаиваться. Он закрыл их и тоже обнял ее. Руки, которые только что полыхали, начали гаснуть.

— Ты... пугаешь меня. Не понимаю, зачем ты хочешь этой крови.

Николай опустил голову и отрицательно покачал. Рассказывать про то, что случилось в Ужице, он не мог. Хотел, но не мог. Ему почему-то казалось, что друзья и сами все прекрасно понимают... что не стоит так омрачать их. Он не хотел видеть, как его будут жалеть.

Ни одного человека в округе, ни одного рояля не звучит даже близко. Словно они вдвоем на этой набережной. Словно этот город построили специально для них. Но эта пустота начинала пугать... нагонять не просто тоску, но и ужас.

— С того самого дня — сказал Николай шепотом — когда я приехал, началось мое

проклятье. Эти ужасные бессонные ночи... прости, не знаю, зачем рассказываю тебе все это — но Настя понимающе кивнула, готовая выслушать все, что он скажет — Каждый раз что-то новое... Дом, Слава, Отец... ты и ужасный черный человек, от которого веет дубовым холодом, таким, что все тело немеет. Он стоит надо мной, долго смотрит безо всякой эмоции... просто глядит на бездыханное тело ребенка. А потом... по его правую руку появляется папа и тоже начинает смотреть на меня рядом с ним.

— Ты этого боишься?

Николай не ответил. Он снова пошел в сторону инструмента, но на полпути обернулся к девушке, готовый что-то сказать.

— Я не могу больше бездействовать... пусть они делают что хотят, я сделаю по-своему.

— Пойдешь к Мак-Бауману?

— Да... прошу тебя, не говори об этом учителю... даже Заку не говори

— Ты уверен, что в одиночку справишься с ним?

Николай улыбнулся

— Тебя я все равно не возьму. Просто дождись меня, пожалуйста. Это слишком опасно, я не хочу и тебя потерять. Но у меня будет для тебя просьба.

Анастасия подошла к нему и взяла за руки. Николай увидел в ее глазах страх. Ужасный страх, который делал голубые глаза серыми. Но она была готова выслушать его, сделать то, что он просит. Это грело душу.

— Учитель наверняка что-то заподозрил. Можешь сегодня навестить Свиридовых и держать Зака дома, как можно дольше? Я не хочу встретить его там. Он меня точно не поймет.

Девушка кивнула головой и прижалась к груди Николая. Он обнял ее еще крепче, чувствуя, как сильно бьется сердце.

Дождь начал тихо накрапывать.

Юноша сам не до конца понимал, что он делает. Не только не понимал, а даже не верил в это. Без оружия, разве только при статусе золотого человека. Без всякого плана он шел к зданию специальной тюрьмы. Сердце колотится и уже готово пробить грудь молодому человеку с мольбой одуматься. Стук этот отдавался в тряске пальцев, холодном поту и безумных мыслях, не помещающихся в голову. Было бесполезно успокаивать себя рассуждениями «что делать?». Ясно, что просто так из тюрьмы человека не отдадут, даже майору Золотого Общества. Стоит ли использовать силу? Ведь как только огонь на руке загорится и будет направлен против кого-либо, его сразу объявят предателем. Стоит ли такая авантюра того, что в итоге юноше будет не суждено осуществить свою самую заветную мечту?

Быть убитым своими же. Но теперь, кажется, он зашел уже слишком далеко, поздно было отступить — сейчас или никогда.

С севера шли темные тучи, укутывая все небо над Централом и отбирая у него последний свет. Теперь весь город превратился в настоящий склеп. Маленьких фонариков, пусть даже их было огромное множество, не хватало, чтобы осветить все вокруг. Темные стены домов. Крыши царапали опускающуюся пелену облаков. Туман — это, конечно, большая редкость для Центра, Николай так вообще видел его чуть ли не первый раз в

жизни.

Но погода не играла для него никакой роли. Замерзший, с поникшей головой, он шел к тюрьме, каждый раз останавливаясь и проверяя, нет ли кого позади. Страшнее всего было встретить сейчас Зака или Сергея Сергеевича, который имел талант появляться в нужном месте, но не в нужное время. Стыдно было... страшно. Даже еще ничего не совершив, он понимал, какой риск он несет, какой позор для Скреппа будет. На мгновение эта мысль остановила юношу. На некоторые секунды он даже передумал и развернулся в обратную сторону, только плащ поднял ветер. Он бы не простил себе то, что подвергнет Скреппа такому унижению, а ведь во всем обвинят именно Сергея Сергеевича, именно так работала система наказаний и поощрений — если ученик добивается успеха, это его заслуга, если терпит поражение, это целиком вина учителя. Но еще больше он боялся посмотреть в глаза Скреппу, особенно после того, что случилось сегодняшним днем в машине. Теперь оставалось только сожалеть.

Откуда-то взялись лужи, хотя дождя вроде и не было. Где-то через квартал, на соседней улице послышалось цоканье лошадей, видимо карета. Николая поражала эта тишина, настолько мертвая, что можно было услышать столь отдаленный звук.

Он подошел к луже и взглянул на отражение самого себя. Растрепанные черные волосы, бледное мрачное лицо, которое было видно даже на черной воде и фоне черного неба. Тоска брала юношу... он обратил внимание на полоску шрама. На луже стали повсюду появляться круги от капелек. Потихоньку приступал дождь.

Где-то вдали, в небесах громыхнуло. Скоро будет гроза... Все вокруг чернело.

Надо идти дальше.

Вскоре перед ним престал огромный фасад тюремного блока. Самая окраина города, бедный район. Дома здесь простенькие, неприметные и невысокие. А в воздухе, вдобавок ко всему, еще и витал какой-то скверный запах гнили или даже еще чего похуже, от которого сразу кружило голову и тошнило.

Облезлая стена, через трещины на штукатурке виднелся белый рассыпающийся кирпич. Такое ощущение, что эти стены хранят в себе от посторонних глаз что-то свое, что-то ужасное. Крики, кровь и боль. Здесь, в этом здании, не было камер на длительное содержание. Единственная цель его — выбить из человека нужную правду, а потом избавиться от него. Николай прекрасно знал про все это, знал, почему тюрьма находится на окраине, подальше от мест излюбленных прогулок послушных и честных людей, не каждый из которых знал о существовании этого ада. Юноша и сам много раз сопровождал преступников разного калибра сюда, тех мерзавцев, что он с друзьями собирал, словно коллекцию, по всей империи. Ирония... вызывавшая слабую, корявую улыбочку у него — теперь ему самому грозит одна из этих камер, теперь он попытается освободить заключенного отсюда. Маленькая жертва и большой риск чтобы уничтожить, наконец, своего врага раз и навсегда.

Николай в одиночестве, не обращая внимания ни на слабый дождь, ни на ветер, осматривал фасад. Кроме первого этажа нигде не горел свет, только холодные решетки на окнах стены, почему-то вызывавших ассоциацию могильных ям, ровно идущих рядами сверху вниз с глубокой чернотой изнутри, где уж точно не было ничего живого.

Сделав несколько глубоких вдохов, словно зачем-то прочищая себе легкие здешним гнилым воздухом, он собрался, наконец, с мыслями и ступил лакированным сапогом на сырой кафель маленькой лестницы входа. Раздался звонкий стук каблука.

Двери распахнулись и Николай быстрыми, как можно более уверенными шагами вошел к проходной главного входа. Он сразу заметил двух охранников, что в черных пиджачках с позолоченными погонами сидели сегодня на вахте. Один из них, старенький, с седой козлиной бородкой пытался настроить радиоприемник, но тщетно. Ему удавалось разве что наполнить пустые страшные коридоры, кругом из белой грязной плитки и ржавых облупленных труб неприятным шипением, изредка прерывавшимся скрипом и неразборчивыми словами. Другой охранник был моложе и говорил старику что-то о связи радиоволн и грозовой погоды. Именно он и заметил первый вошедшего Николая. Чуть не свалившись со стула, так как до этого раскачивался на задних ножках, он вскочил и выпрямился смиренно, отдав честь.

— Господин майор! Рады приветствовать вашу инспекцию!

Под его черным пиджачком была голубая рубашка, на вороте которой сверкала металлическая черточка, говорившая о звании старшего рядового. Николай покряхтел, поправляя голос. Он уже привык к тому, что вся полиция перед ним ведет себя, словно он генерал или даже выше. Но сейчас это играло на руку юноше — по-видимому, они думают, что это обыкновенная проверка.

— Добрый вечер, господа, вольно — Николай легонько помахал рукой, давая понять, что ему не нужны всякие формальности — да, я с незапланированной проверкой, личный приказ главы Отдела Расследований, бригадного генерала Штейна. Я майор Николай Владыч — он показал значки на своем вороте бордовой рубашки.

Столько страшных слов заставили выпрямиться охранников аж до хруста в спине, не смотря на команду «вольно». Николай вел себя все увереннее и увереннее, ему верят на слово. Он осмотрел глазами окружение. Словно в средневековых катакомбах, в этом здании не было света, только лишь несколько факелов на стенах горели, хоть чуть-чуть развеивая мрак. А ведь это самый первый этаж, еще даже не камеры... мурашки пробегали по всему телу.

— Я бы хотел посмотреть на некоторые камеры, давайте начнем с любой... ну хотя бы с третьей

Охранники переглянулись с какой-то опаской. То ли они боялись возразить, то ли еще что-то, но молодой неуверенно произнес.

— В этой камере содержится заключенный первого класса Артур Мак-Бауман, господин... нам велено было не пускать к нему никаких посетителей.

— Кто велел?

— Час назад к нам приезжал майор Золотого Общества Свиридов, сказал, чтобы к нему ни кого не пускали... и сказал ждать нам еще одну проверку.

У Николая помутилось в глазах от услышанного. Неужели Скрепп успел предпринять что-то, неужели он догадался о его намерении и послал Зака.

— Планы поменялись, я должен видеть Мак-Баумана... или ты хочешь, чтобы Владыка лично приехал с проверкой... хочешь? — Николай сделал голос жестким, угрожающим в рамках возможного — Отведи меня к нему!

Старик с опаской взялся за плечо молодому охраннику. Он покачал головой, давая понять, что не хочет рисковать и сам протянул ему ключи. Молодой охранник, крепко сжал связку в кулаке и поклонился Николаю.

— Прощу за мной, господин майор

Его повелив блок «А». Самый первый, от входного помещения. Все было именно так,

как юноша себе представлял. Он даже старался не обращать внимания на грязные облупленные стены, массивные металлические двери, таившие за собой нечто ужасное. Но было очень тихо, словно не было никого здесь кроме двух охранников и Николая. Словно все камеры были пусты и само здание заброшено. Ни окон, ни ламп, ни чего. Только стук каблуков по плитке, отдававшийся где-то вдали эхом. Все это место — одна большая язва Централы. Именно так это воспринимал Николай.

— Это здесь — охранник остановился возле одной из дверей — заключенный обезврежен, находится в резиновых перчатках и скован деревянными колодками на руках.

Николай подумал, как его бы содержали в такой тюрьме... наверное, с ведром воды в руках и колодками на шее, если не мешком на голове. Еще чуть-чуть и он заслужит это в полной мере.

Он осмотрел коридор, пока охранник вспоминал, какой ключ нужен для этой двери. Возле стены находилась небольшая труба, подававшая воду с этажа на этаж. Пора действовать...

— Рядовой, приказываю сдать ваше табельное оружие, наручники и ключи

Охранник как раз только что подобрал ключ и открыл замок. Он недоуменно посмотрел на Николая, словно не веря своим ушам. Выполнит ли, или заподозрит неладное? Николай смотрел ему в глаза со всей серьезностью, тот не знал, что сказать.

— Прощу прощения, что вы хотите сделать, господин майор?

Николай вздохнул, на ходу придумывая ответ.

— Мы зайдем к нему, я осведомлен, что Мак-Бауман владеет силой, позволяющей подчинять неподготовленный разум. Он может воздействовать на вас и использовать это против меня. Отдайте мне ваш пистолет и наручники. Это приказ.

Охранник, еще немного подумав, повиновался и передал Николаю эти вещи. Только он это сделал, как Николай резко схватил его и потащил к трубе.

— Господин майор... что же вы... — закричал, испугавшись, охранник, пока еще и не думавши сопротивляться.

Николай показал перед его носом свой сжатый кулак, который тут же вспыхнул ярким красным огнем. Это повергло в ужас охранника, и он замолчал, не спуская напуганных глаз с огня.

— Веди себя тихо и без шума, это для твоей же безопасности. Руки к трубе.

Рядовой подчинился и в следующий же миг был прикован к трубе собственными наручниками.

— Ты понял? Молчи и тогда все будет хорошо.

Охранник все еще не понимал, что происходит, судорожно кивая головой на каждое слово юноши. Закричит ли? Вроде, он достаточно напуган, чтобы не опомниться.

Николай медленно приоткрыл дверь камеры номер три и заглянул в нее. Здесь было холодно, пахло «уличной свежестью», может из-за того, что стекло в окне не было, только решетки. Свет падал только из этого окна, а поскольку на улице была кромешная тьма, то здесь ничего не было видно. Даже очертаний стен, из-за чего не ясно было, насколько велика камера.

Но Артура он заметил сразу. Мужчина, весь избитый, тихо дремал сидя на стуле, с закованными руками в перчатках. Голова его была опрокинута назад, как будто он что-то высматривал в окне, но глаза были закрыты. В тюремной робе он выглядел не так представительно, как в той черной форме с красным галстуком. Рядом была деревянная

кровать и еще один деревянный стул, всюду, особенно рядом с Артуром, на полу большие и маленькие багровые пятна.

Николай закрыл за собой дверь камеры, чтобы охранник, пристегнутый к трубе, не услышал их разговора... правда, даже если бы услышал, тяжести совершенного преступления уже более чем достаточно, чтобы разделить плаху Мак-Баумана.

Он взял свободный стул и поставил его перед Артуром. Тот проснулся, заметив шорох неожиданного посетителя. Николай сел, положив ногу на ногу и продолжая смотреть на него сверху вниз, загородив ничтожный свет из окна.

— Ты... Владыч — прохрипел он, — пришел поиздеваться... над узником совести? — он говорил с трудом, губы были разбиты, на них виднелась запекшаяся кровь. Но он попытался выдавить улыбку, ехидную, как и всегда. И у него она даже получилось, немного страшная, потому что каждый зуб был словно обрисован черной кровью.

Николай не собирался церемониться и играть в словесные игры с Артуром. Он и сам в глубине себя обнаружил желание вдарить по беспомощному человеку, да так чтобы он опрокинулся со стула назад. Но юноша ограничился лишь крепким сжатием кулаков и спокойно, но строго сказал.

— Мне нужно знать, где укрывается Дмитрий Чадаев, отвечай.

Мак-Бауман только покряхтел в ответ, видимо проведя столько времени в этой тюрьме, смеяться теперь он мог только так. Он поднялся на ноги и прильнул к самому лицу Николая.

— Много хочешь... собака... Тебе-то уж я точно ничего не скажу... Можете искать его сколько угодно, у него много квартир в Централле, и не только в Централле... он осторожнее вас всех, идиотов.

Николай спокойно наблюдал, как Артур садиться на кровать и пытается почесать ногу, но в резиновых перчатках сделать это ему проблематично.

— Ты знаешь, что Совет намерен казнить тебя прилюдно, через несколько дней.

Мак-Бауман ни как не отреагировал на это, продолжая шкрябать деревянной колодкой по ноге. Он лишь усмехнулся, снова покряхтев.

— Ну и избавитесь вы от меня, дальше что... вы точно идиоты...

Николай промолчал. Он сделал длинную паузу, и Артур сам спросил у него.

— Не поздновато для допросов?.. Или ты готов посмотреть на мои муки даже ночью.

Юноша встал со стула и медленными шагами отправился к двери. Артур уже с непониманием смотрел на него. Николай выдохнул, словно прося прощения у самого себя.

— Ладно... если я вытащу тебя отсюда, ты приведешь меня к Чадаеву?

Артур закашлялся, не поверив ушам, и тут же начал смеяться, насколько ему позволяла боль. Николай молча ждал ответа.

— Ты лжешь... собака... лжешь, я же вижу твои глупые уловки — покачал головой он. Тогда Николай подошел к двери камеры и отворил ее. Мак-Бауман увидел в коридоре пристегнутого к трубе охранника, который с опаской смотрел на обоих. Еще немножко и он наберется храбрости закричать и поднять тревогу.

— Время дорого, отвечай, поведешь меня к нему или останешься гнить здесь?

Мак-Бауман улыбнулся. Картина скованного тюремщика впечатлила его, в глазах даже загорелась какая-то искорка.

— Не ожидал от тебя... — сказал он, вставая с кровати — а твой «Владыка» тебе «а-та-та» не сделает за такое?

— Ну так что, ты отведешь меня к нему?

— Одно условие, мы дойдем до склада, и я завяжу тебе глаза. Все должно выглядеть, как будто я привел тебя пленником.

Опасно было доверяться такому человеку. Николай понимал это и продумывал все в голове даже после того, как пожал ему руку. Пусть даже так, но он хотя бы увидится с Дмитрием. Он должен узнать или хотя бы увидеть среди его приспешников отца. Может, станет легче, если его там не будет, потому что это будет означать только одно...

Через проходную они вышли свободно. Старик-охранник куда-то исчез, возможно, он в данный момент выяснял настоящую цель визита Николая... значит, звонил в штаб. А если это так, то времени оставалось совсем немного. На улице уже всюю громыхал по раздолбленному асфальту ливень. Но даже сквозь него Николай слышал какие-то крики и вой сирены.

— Куда? — спросил Николай

— Парочка кварталов и на центральный ж/д вокзал. Там на складах нас будет ждать человек.

— Что за человек? Ты обещал отвести меня к Чадаеву.

— Я держу слово, но он может быть сейчас где угодно, поэтому нам нужен этот человек. Он проводник. Не бойся... он тебе понравится, это девушка.

Они вдвоем побежали через дворы к вокзалу. Все произошло так быстро, что Николай даже не успевал обдумывать события. Совсем недавно он играл с Анастасией на рояле... а теперь бежал с опасным преступником к самому главному — к своей цели. Удивительно, как быстро Артур согласился, неужели он ждал чего-то подобного, на что-то рассчитывал... уж не думает ли он, что кто-то поверит в его бредовые идеи. Нет... Николай даже знать не хотел, что движет Чадаевым, о чем он мечтает. Пусть только скажет хотя бы, где отец. За тринадцать лет он впервые подобрался так близко к нему... он почти нашел его. Лишь бы Артур не обманул.

Сирены проносились совсем рядом, по соседней автостраде. Опасения Николая оказались верными, машины были по их душу, они направлялись к тюрьме.

— Хорошо, что они меня в обыкновенный центр допроса поместили, со слабой охраной, а не в полноценную тюрьму — внезапно завел разговор Артур, теперь он начинал видеть друга в Николае... по крайней мере, так показалось самому Николаю. Юноша по-прежнему считал, что Мак-Бауман получит свое, он сам его и убьет. Сожжет на глазах у Чадаева, а потом и его самого отправит следом.

Вокзальный склад был совсем близко. Большое деревянное здание, переполненное ящиками. Охранник тихо спал, убаюканный ливнем. Они открыли большие скрипучие двери и тут же столкнулись с кромешной тьмой внутри помещения. Склад был настолько большим, что в нем располагалось несколько грузовых кранов, для подъема вещей на верхние уровни. Потеряться здесь было проще простого. Кругом налево и направо были целые горы, лабиринты и небоскребы из маленьких и больших ящиков, бочек и коробок. И кругом тьма.

— Где твой человек? — спросил Николай, создавая огонь на руке, чтобы хоть чуть-чуть осветить себе дорогу.

— Заткнись. Иди за мной и не устрой тут погром.

Кругом пахло сырой древесиной. Тишину нарушал только скрип досочных полов от шагов и стук капель ливня по крыше.

Николай и Мак-Бауман пробрались к центру склада. Здесь горела лампа со свечей внутри, и было просторно. От этого центра видимо и уходило множество «улиц» лабиринта

в разные стороны, всюду стояло множество тележек.

— Артур, предупреждаю, если ты обманешь меня, я не посмотрю, что ты беззащитен, на месте сожгу.

Мак-Бауман только усмехнулся в ответ.

— Ишь ты, дерзкий какой. Остынь, мы на месте, сейчас придет проводник, и мы завяжем тебе глаза. Можешь мне верить, я и сам рад представить тебя Чадаеву. Он давно хотел с тобой встретиться.

Николай старался пропускать мимо все его слова. Где-то вдали вновь послышались сирены, машины удалялись и, видимо, разъезжались теперь в разные концы города в поисках беглеца и его подельника.

Внезапно из темноты, откуда то сверху, на вершине одной из стопок ящиков послышалась женская речь.

— Ты уже вернулся Артур? — голос сделал ударение на первый слог его имени, затем последовал какой-то задорный и простой смешок — привел с собой друга?

Николай обернулся и усилил пламя на руке, но его все равно не хватало, чтобы осветить все помещение и он не видел говорящего. Голос сам по себе звучал ласково, с долей иронии... возникало ощущение, будто говорит ребенок.

— Кто здесь? — Николай не переставал боязливо вглядываться в темноту, вертясь по сторонам, ища незнакомку. — Покажись на свет!

Прошло какое-то время тишины, затем темный силуэт спрыгнул с горы ящиков, и послышались приближающиеся шаги. На свет вышла молодая девушка, почти ровесница Николая. В глаза сразу бросились ее темно-вишневые волосы, как рубин или гранат, черневшие к корням. Каре, кончики прически еле-еле достают до плеч. Она была в темной одежде — кожаной куртке, приталенных штанах и сапогах. Вся одежда имела странные украшения, металлические цепи или маленькие шипы, сверкавшие серебром. Среди всей черноты на большой груди ее находился красный галстук с золотой печатью, уходивший под куртку.

Девушка не без улыбочки, глядя на Николая, подошла поближе, оказавшись по плечо молодому человеку.

— Артур, что с тобой? — спросила она, посмотрев теперь на скованного Мак-Баумана — ты во что-то играешь?

Он ничего не ответил, лишь как-то неудобно или даже со стыдом опустив свой взор. Девушка снова посмотрела на Николая зелеными глазами, подчеркнутыми черной подводкой. Странно... в них можно было увидеть столько безумства, но в то же время столько какой-то радости. Николай буквально прочитал по ним эти две эмоции.

— Кто ты такая?

Девушка неожиданно легонько взяла молодого человека за ладонь и, поклонившись, отвела ручку в сторону, поцеловала ее.

— Для всех друзей я зовусь Ал — с детской улыбкой, прищурился глаза и наклонив голову вбок, ответила она — а ты кто?..

Она прервалась, обратив внимание на золотую косичку Николая, а затем отступила пару шагов и оглянула его с ног до головы.

— А! — воскликнула она — можешь не говорить, я сама догадалась, подожди секундочку, хорошо?

Ал, медленными шагами, немного двигая бедрами, подошла к Артуру.

— Великий иллюзионист все-таки попался — иронично сказала она. Мак-Бауман с улыбкой опустил глаза и покачал головой, как будто говоря «Что же поделаешь, со всеми бывает» — не двигайся, сейчас я тебя спасу.

— Эй, эй — Николай подошел к ним — ты спасешь его, как только я скажу, ясно?! Артур сказал, что ты отведешь меня к Чадаеву. Ты сделаешь это?

— А? Чадаев? — Ал снова обратила внимание на Николая — а зачем тебе мой папа?

Николай отшатнулся, вытаращив глаза, девушка даже удивленно посмотрела на него. Прямо сейчас, перед ним стоит его дочь... у него есть дочь. И она абсолютно беззащитна. Теперь Чадаев просчитался, теперь он поплатится. Рука Николая усилила пламя настолько, что на нее уже было сложно смотреть. Прямо сейчас, здесь у него есть возможность отомстить... Да, это желание начало подобно приставучей лозе оплетать Николая с ног до головы. Проткнуть грудь Ал горячей рукой... услышать ее агонию и представить, как потом узнает об этом сам Чадаев, как разозлиться, упадет на колени... и будет страдать. Огонь в руке почти достал предплечья.

Что-то сдерживало Николая... какая-то внешняя миролюбивость девушки, которая сейчас тщетно пыталась изо всех сил снять с Мак-Баумана колодки. Николай молча смотрел на нее, понимая, что не сможет поднять руку на ребенка.

— Ну так, зачем тебе мой папа? — повторила Ал

— Ты дочь Дмитрия Чадаева? — спросил Николай

— Из восемнадцати лет, сколько себя помню, да, тринадцать лет я была его дочерью... так, мне это надоело!

Ал устала биться с деревянной колодкой.

— Артур, не шевелись!

Она выпрямила свою правую руку.

Николай, от увиденного, чуть не повалился на сзади стоящие ящики. Он видел множество четвертых составляющих, но такое зрелище предстало перед ним впервые. Пальцы на ее правой руке мгновенно соединились друг с другом, и сама рука вытянулась, став раза в два больше. Кожа почернела, сделавшись похожей на металл. Это выглядело как длинное, черное, острое лезвие, вставленное вместо руки.

— Ал! Ал! Стой! — закричал Артур — а если не попадешь!

Девушка размахнулась лезвием-рукой и рубанула по колодке. Мак-Бауман громко заорал от боли, Николай машинально обернулся, посмотрев на вход в склад. Такой крик наверняка кто-нибудь слышал снаружи.

Колодка лежала обрубленная, на пол начали падать капли крови.

— Да ладно, совсем чуть-чуть же задела — сказала Ал, успокаивая Артура, который не переставал ругаться на нее.

Лезвие превратилось обратно в нормальную руку, на ней, в том месте, которым она ударила, остался след крови. Ал посмотрела сначала на кровь, а затем улыбнулась Мак-Бауману.

— А ведь твою кровь я еще не пробовала, Артур — далее она языком медленно провела по руке, слизывая кровь — ммм... потрясающе! — снова воскликнула она как ребенок.

Николай потерял дар речи. В голову ударило что-то тяжелое и болезненное, какая-то страшная мысль — девушка пьет кровь с улыбкой на лице. Чадаев... какая же ты последняя тварь... ты научил лакать кровь ребенка.

— Итак... значит ты хочешь повидаться с моим папой. Хорошо, но нам надо будет

завязать тебе глаза.

— Усыпи его — холодно произнес Артур — он сможет и с закрытыми глазами понять, куда мы идем.

Девушка снова улыбнулась и подошла к Николаю.

— Прости, но придется это сделать. Не волнуйся, мы сделаем так, как ты хочешь. Когда откроешь глаза, папа уже будет перед тобой.

Она резко двумя пальцами ткнула Николаю куда-то в шею, и юноша почувствовал, как его ноги превратились в свинец. Он падал на пол, теряя сознание, и лишь наблюдая, как по-детски мило Ал улыбается ему в след, снимая красный галстук, чтобы завязать глаза.

Яркий свет прорезал темноту, возвращая сознание юноше. Шелковый кусочек, завязанный на его лице, сняли и он медленно, как после многолетнего сна, приоткрыл веки. Николай дернул руками, но те были крепко связаны за его спиной. Он с трудом старался разглядеть окружение, глаза еще не привыкли к свету, который исходил из обыкновенной лампочки.

Маленькая и чахлая комнатуха, обделана отсыревшими досками, без окон и какой-либо мебели, кроме стульев.

Половина дела сделано. Артур и Ал привели его в качестве пленника куда-то, непонятно куда, как он и планировал. Но пока что в этой комнате кроме них троих больше никого не было. Ал, стояла рядом с Николаем и завязывала на себе обратно красный галстук. Теперь она надела на себя еще и черную накидку до пояса, похожую на пончо, только без всяких узоров. Мак-Бауман заметил, что Николай очнулся.

— Мы на месте, Владыч

Николай еще раз осмотрел все вокруг. Руки были крепко связаны, вдобавок ко всему, теперь он обнаружил, что и сам привязан к стулу. Николай презренно посмотрел на Артура. Когда он соглашался на то, что его приведут сюда пленником, он почти не подумал о том, что делать дальше, хоть и прекрасно понимал, что даже если он не был бы связан, шансов на победу все равно нет. Сейчас он жаждал узнать только одно... Есть ли отец среди них, или нет.

Ал, завязав галстук, подошла к Николаю и села к нему на колени сбоку, обняв правой рукой.

— Ты же будешь хорошо себя вести? Я уже предупредила папу, что ты хочешь с ним встретиться, он идет.

Внутри Николая все зажглось. Наконец-то. Наконец, он увидит Дмитрия Чадаева. Встретится с ним лицом к лицу. Он почувствовал, как ладони непроизвольно начали испускать пар, и сразу же постарался успокоиться, чтобы не испортить все. Ал говорила и вела себя по-прежнему, как ребенок. Она начала поглаживать его волосы на затылке, но Николай отвернулся в сторону двери. Вот-вот она откроется и в комнату войдет он. Предвкушая этот момент, юноша уже и сам не понимал какое чувство в нем сильнее — страх или жажда крови.

Другую руку девушка подвела к его лицу, выставив указательный палец.

— Будешь хорошим мальчиком, и все будет хорошо — ее палец в ту же секунду немного удлинился и превратился в маленькое лезвие, острие которого уперлось в глотку Николаю —

ты же хороший мальчик? А?

Николай подал головой назад, стараясь отдалиться как можно дальше от ее лезвия. Девушка словно игралась с ним. Не смотря на детские глаза Ал, в них проглядывалась какая-то коварность, смешанная с радостью. Она, наверное, мысленно уже представляла, как порежет его горло и попробует хоть чуть-чуть крови. Страшное существо... ты чудовище.

— Слезь с меня...

Ал захихикала, убрав руку от горла юноши.

— Значит договорились

Николай прислушивался ко всему, что происходило снаружи, может хоть краем уха удастся уловить шум машин или бой колокола или еще что-нибудь. Хоть что-то, что намекнет на место логова Чадаева. Но, кругом была глухая тишина, даже немножко уши закладывало. Кругом одна сырость, словно они находятся в подвале и странный запах, как от сточных вод.

— Где мы?

Мак-Бауман улыбнулся, протирая свои прямоугольные очки.

— Где-то в Центrale. Нам оказали помощь его любезные жители, самые свободолюбивые и самые притесненные вами. Они дали нам столько места, что мы можем спрятать целую армию прямо у вас под носом.

Николай только больше злился и терял контроль над собой, когда слушал его. О каких жителях он говорит? Кто в здравом уме станет поддерживать преступника... по крайней мере, такого еще ни кто не делал среди простых людей.

— Ты лжешь... — огрызнулся Николай — если бы вы прятались в Централе, вас бы быстро вычислили... вы же все бывшие члены Золотого Общества.

— Я нет — с прежней улыбкой заявила Ал

— Почитай мифы... бесполезно тебе что-то объяснять — сказал Артур

Все затихли, снаружи послышались шаги. Множество шагов, которые приближались. Ал тут же слезла с Николая и отошла в сторону к стене. Николай попытался еще раз пошевелить руками, но ничего не получалось, он был связан слишком крепко.

«Вот и Дмитрий. Сейчас он войдет, и я порву эти веревки. Порву, чего бы мне ни стоило» — Николай чувствовал, как сердце бешено колотилось, то ли от волнения, то ли от страха, смешанного с гневом.

Теперь вместе с шагами стали слышны и голоса, но их было не разобрать. Приближается много людей, и, похоже, прямо сюда. Четче и четче становилась их речь. Артур отошел от двери и встал точно за стулом Николая. Он начал поправлять свой галстук и натянул на лицо маску, оставив открытыми только глаза. То же самое проделала и Ал.

Дверь отворилась, в комнату вошло с десятков человек. У Николая все отнялось. Теперь стало понятно, что даже если бы он решился прорываться боем, ему было не суждено справиться. Он увидел, как почти маршем, быстро заходили «чадаевцы» и строились в ряд с разных сторон вдоль стен. Словно члены какого-то старинного тайного общества, все люди были в черных мантиях, лица их скрыты масками до глаз. У некоторых были капюшоны. Ни одного элемента одежды не было светлым, все поглотила тьма, если не считать красные галстуки с золотыми печатями.

Выстроившись около стенки, вошедшие образовали нечто вроде коридора между Николаем и входной дверью.

После всей этой черной свиты в комнату вошел он, главный человек.

В черных, блестящих от лакировки, высоких, как для верховой езды, сапогах Чадаев медленно ступил на порог. Стук от каблуков врезался в остолбеневшую тишину всех присутствующих. Все замерли, как будто время остановилось, и с трепетом наблюдали, как он посмотрел на трящегося Николая.

В Николае все загорелось, словно он разом прожил все то ужасное, что принес в его жизнь этот человек. Он смотрел на него исподлобья. Всю злость в глазах подчеркивали тяжелые брови. Волосы на коже встали дыбом, но почему-то сейчас ему было невероятно легко контролировать себя. Огонь не просился из души в руки. Николай осознавал, что пришел сейчас не ради мести... не в этот раз. Сейчас у него другая цель.

Подумав об этом, он тут же оглянул стоящих по сторонам людей в черных мантиях. Лица каждого были под маской, но Николай не сомневался, что сможет узнать отца и по глазам.

Чадаев медленно приближался к мальчику. Николаю было тяжело даже просто посмотреть в его широкое и грубое лицо, на котором уже начали прорисоваться дарованные возрастом морщины. На голове практически не осталось волос. Лицо его, казалось, не выражало абсолютно ничего... разве что какую-то странную смесь серьезности и безразличия.

Перед Николаем находился второй стул, предназначенный как раз для Дмитрия. Он остановился перед ним и снял с пояса свою саблю, ничем не примечательную, разве что на рукоятке выгравирован его собственный крест в октаграмме. Передав клинок Артуру, он подошел поближе к Николаю. Дмитрий смотрел на него, как ученый смотрит на подопытного, явно не с добрыми намереньями. Словно оценивая «качество» и словно наблюдая какой-то «дефект».

Двумя пальцами он отодвинул прямой ворот белого кителя юноши и посмотрел значки на бордовой рубашке.

— Господин майор... — произнес он мягким, но уже немного хрипевшим от возраста голосом — вы не обидитесь, если мы обойдемся без должных формальностей?

Николая передернуло, больно уж был похож его голос на голос профессора Скреппа. Он ничего не ответил, стараясь изо всех сил удерживать огонь в себе, не допуская его в руку.

— Молчишь? — Чадаев сел напротив него, перекинув ногу на ногу.

Юноша обратил внимание на его одежду. Это была в точности такая же форма Золотого общества, что и у него, но абсолютно вся черного цвета — и плащ и китель — выделялся только все тот же красный галстук.

— Кто ты? Имя.

Короткие фразы Дмитрия почему-то вгоняли в ужас Николая, он словно чувствовал себя как в ту ночь, когда первый раз отнял жизнь у человека. Словно в него опять летел метательный нож, словно над ним завис ствол пистолета. Каждое его слово как удар в гонг, как те самые неприятные уху аккорды из третьей части мелодии. И после каждой фразы он отпускает паузу, словно специально мучая его послевкусием сказанного, наслаждаясь страхом юноши. Николай молчал... он вроде и специально не хотел говорить с Чадаевым, а вроде и не мог, боялся. Наверное, его колотившееся сердце было слышно каждому в комнате.

Дмитрий выдохнул, закрыв глаза. Ему будто бы надоело ждать ответа. Он поднялся, медленно обошел Николая и остановился.

Что он там делает? Теперь не видно, стало еще страшнее. Давящая тишина в комнате.

Чадаев обхватил своими ладонями горло Николая. От этого по телу прошла волна чего-

то колкого. Дмитрий заметил пар на ладонях Николая. Юноша думал, что он сейчас начнет его душить, но Чадаев просто держался за горло.

— Имя.

Но Николай и в этот раз не ответил ему, словно уже и забыв, как его зовут. Что-то внутри специально заставляло его молчать.

Он вдруг увидел в комнате отражение голубого цвета, свечение исходило из под его головы. Чадаев зажег руки огнем. В следующий же миг синее пламя словно вонзилось в мальчика. Николай закричал от боли не своим голосом. Его так передернуло, что он чуть не перевернулся вместе со стулом на пол. Он поднял вытаращенные от боли глаза к потолку и увидел, как Чадаев со злобным оскалом смотрит на него сверху вниз, душа своим огнем. Некоторые приспешники Чадаева закрыли уши от оглушительного ора Николая... а некоторые даже отвернулись.

— Никола!.. Николай Владыч!

Чадаев тут же снял с него руки

— Так то — он вернулся на свое место — мой огонь не оставляет следов, идеально, не так ли?

Николай действительно сразу перестал ощущать боль, как будто ничего и не было, как будто Анастасия прикоснулась к нему своей четвертой составляющей. Тем не менее, он продолжал тяжело дышать, еще не отойдя от шока.

— Что же... что же тут... идеального?.. — прошипел он — ты... чудовище внутри, если твои желания воплощаются в этом огне.

Чадаев улыбнулся, и Николаю показалось, что он воспринял это как комплимент. Говорить было сложно, на глаза давила та атмосфера черных силуэтов с красными галстуками в комнате. В глазах как будто рябило, словно мир краски потерял.

— Владыч, я о тебе слышал. Драган бы гордился тобой

Гордился бы? Николая сразу насторожили эти слова. Он чувствовал, что сознание уходит из его головы... но юноша еще не покончил с тем, зачем сюда пришел.

— Где он... где мой отец?.. — перебил его Николай — ответь мне, где он!

Чадаев посмотрел на Николая. Его лицо снова сделалось строгим. Он обернулся и пальцем подозвал одного из своих людей.

— Отвечай... — голос Николая слабел и начинал дрожать.

Чадаев что-то тихо сообщил подошедшему к нему человеку и тот покорно кивал головой, затем поклонился и вышел из комнаты. Чадаев снова посмотрел на юношу.

— Николай, — он убрал ногу с ноги и оперся локтями на колени, прильнув к нему — Давай поговорим с тобой о чем-нибудь вечном... Поговорим о власти. Любишь ли ты Веридас? Своего императора... «законы свитков» — он закавычил пальцами последнюю фразу — готов ли ты умереть за это?

Чадаев спрашивал на полном серьезе. Но мальчик все равно чувствовал здесь какую-то подоплеку и насмешку.

— Я всегда поступал так, как учил отец. Мне не интересно...

— Ты себорец, зачем борешься не за свои идеалы?

— Потому что надо поступать как надо, а не как хочется...

Чадаев посмеялся полголоса и почесал голый лоб.

— Где-то я уже это слышал. Ты взрослый человек Николай. Ты научился думать своей головой, у тебя прекрасный учитель и хорошая семья...

«Хорошая семья...» Николай не выдержал. Он чуть ли не вместе со стулом привязанный ломанулся на Чадаева, но Артур удержал его на месте.

— Ты! Гад! Чудовище! Сволочь! Ты убил ее! Убил... — истерика перекатилась в рев, мальчик плакал перед всеми. Чадаев безразлично смотрел на него, и, казалось, уже готов был снова встать и силой заставить его молчать — скажи где он...

— Значит тебе все-таки безразлична судьба империи, у тебя личные мотивы — спокойно сказал Дмитрий — Тогда ты не против?

Николай непонимающе взглянул на него

— Не против чего?

— Да ничего... просто императора у тебя скоро не станет — Чадаев произнес это с явным удовольствием, его окружение тихо и радостно загоготало — передашь это остальным? Что ж... Я в долгу перед тобой... ты вытащил моего человека из тюрьмы, поэтому я отпущу тебя. Извини, что покидаю тебя так быстро, надо ехать в Шлисс, но мне кажется, мы очень скоро встретимся вновь. Как думаешь, а?

Чадаев встал со стула и направился к выходу, Ал подошла к Николаю.

— Где мой отец, Чадаев?! — Николай тщетно, надрывая голос орал ему в след, но Дмитрий даже не оборачивался, молча следуя к выходу. — Стой! Ответь мне!

Ал встала прямо перед лицом Николая и снова улыбнулась по детски.

— Аудиенция закончена, папа устал. Я отведу тебя к твоим.

Она, как и в тот раз на складе, ударила Николая двумя пальцами в шею. Его крики и мольбы Чадаеву рассказать об отце тут же прекратились. Он потерял сознание. Все снова погрузилось в темноту.

В этот же день на радиостанции Централа происходил настоящий переполох. Ее глава собрал всех самых лучших и ответственных рабочих, заставив вырядиться их как на парад. Все только и бегали туда-сюда, убирая лишние вещи, пряча все в ящики, наводя порядок. К одной из комнат было особое отношение, ее вычистили до блеска. В ней канал радио транслировался на территорию всей империи, в каждый уголок, куда люди успели принести это новшество. С самого раннего утра рабочие успели к полудню сделать невозможное и были готовы встретить инспекцию Владыки Золотого Общества, который лично прибыл осмотреть готовность радиостанции к приезду Его Величества Императора. Сегодня он должен был сделать важное заявление.

Его длинная машина остановилась возле станции, ее тут же облепили сотни гвардейцев и золотых людей, выстраиваясь рядами и создавая коридор к входу. За их спинами то и дело сверкали взрывные вспышки фотоаппаратов журналистов, кружившихся как угодно и не жалея пленку, лишь бы в кадр попал монарх.

Демиан встретил Императора низким поклоном, тот похлопал его дружески по плечу и следом поприветствовал всех работников станции.

— Как ваше самочувствие, Ваше Величество? — спросил Демиан

Император кивнул, посмеявшись

— Бывало и лучше, да, да. Но я думаю, что эта простуда отстанет от меня рано или поздно.

— Вы готовы?

Император вздохнул, получив из рук слуги несколько бумаг. Он с печальным видом посмотрел на них, думая о чем то своем.

— Вся ночь ушла... я больше не над речью думал, а над тем, стоит ли ее объявлять

— Боюсь, что у нас больше нет выбора, Ваше Величество.

Толстый мужичок в более-менее приличном пиджаке вышел к императору и сообщил, что эфир будет с минуты на минуту по готовности. Его Величество кивнул, и снова обратился к Владыке.

— Я рассчитываю на тебя, Демиан. На тебя и на твоих людей... я пошел.

Император вошел в комнату записи, оставшись там наедине с микрофоном.

Вскоре все радиопередачи были прерваны, с просьбой настроиться на волну центрального радио. Люди останавливались, забывая о своих делах, приковываясь к ближайшему радиоприемнику, будь то магазинный, соседский или свой. Целыми семьями и незнакомыми людьми они сталпливались и взволнованно слушали речь, ибо если Его Величество делает радиосообщение, то непременно случилось что-то важное.

«Мои истинные верноподданные. От зеленых полей центральной равнины, до высоких, заснеженных гор Архела, от северных берегов Коны, до южных степей и пустынь Нубии. К вам обращаюсь я, ваш истинный император Веридаса Маар Густав Аркадий Третий. Густые темные тучи собираются в этот ясный день над столицей, точно такая же пелена окутывает сегодня всю империю. Многие из нас забыли значение таких слов как любовь и сострадание. Забыли то, что они означают и то, что это обязательные чувства, которые должен почувствовать человек на истинном пути. Многие из нас забыли уважение к золотым людям, которые указывают нам этот путь, спасают нас от неведения.

Наступают тяжелые времена, когда каждому из нас, я подчеркиваю, всем нам предстоит пройти через суровые испытания. Предатели и отступники, всяческие недоброжелатели нашего государства должны видеть и понимать нашу общую сплоченность в борьбе с тьмой.

Печальную новость сообщаю я вам, истинные верноподданные мои. В самых бурных и непокорных северных регионах империи, где до сих пор ощущается влияние гнилого Волуптаса, тихий гнев сегодня перерос в открытый бунт. Это случилось в городе Шлисс. Не исключая, что восстание против Истины подогревается отступниками и террористами Дмитрия Чадаева, потому что истинный человек никогда не станет осквернять Истину кровью. Лишь поддавшись искушению, он встанет на ошибочный путь.

Я сообщаю вам, что с сегодняшнего дня, двадцатого мая одна тысяча девятьсот восемнадцатого года второй эры, на всей территории империи будет введено чрезвычайное положение. В северные области будет введено военное положение и комендантский час. Я незамедлительно приказываю ввести в город Шлисс части третьей армии. Они останутся там до того момента, пока бунтовщики не сложат оружие и не сядут за стол переговоров. Я уверяю вас, солдаты Веридаса не прольют ни капли крови мирных и честных людей. Скрепя сердце я вынужден согласиться на такой шаг, но уповаю на вас. Верю, что скоро кризис минует и в империи снова настанет мир. Я хочу, чтобы вы знали, ваш Император, и все Золотое Общество не откажутся от своей цели привести свой народ к Истинному свету. Берегите себя».

Глава VII

Июнь 1918 года второй эры.

Станционный телефонный аппарат единственной пожарной станции на весь небольшой город Шлисс не переставал звенеть с самого утра. Он отключился только в полночь, кто-то оборвал связь. Но это уже не имело никакого значения, ведь всего лишь два пожарных расчета не были способны разом погасить огонь, который то и дело возникал в разных частях города. Как по цепи пламя передавалось от дома к дому, и если его где-то удавалось потушить, то в другом месте время подходило разбирать черные обугленные обломки. Сами пожарные тоже работали в пол силы, никто не хотел рисковать своей жизнью, да и, в конце концов, что могут двенадцать пожарников сделать против целого города, если умом и сердцем они тоже с его жителями. Так вот и падали один деревянный дом за другим, поглощаемые языками пламени, оставались стоять только пустые почерневшие каменные основы. Город выгорал дотла.

Полиция с самого начала была осведомлена о чрезвычайном положении, но ее сил для поддержания комендантского часа на улицах не хватало. И вот, когда радио еще работало, повсюду раздался противный для здешнего слуха голос «всеми горячо любимого» Его Величества. И это были те полторы минуты, когда люди остановились, чтобы послушать его речь, не громя ничего. Потом на город обрушилась настоящая лавина ярости, недовольства и несогласия. Теперь полиция спасалась бегством и только лишь одинокая сирена пожарной машины изредка могла пересилить гул обезумевшей толпы.

Трудно было посчитать всех людей, которые выбежали этой ночью на улицу сказать свое слово... а может уже и воплотить слова в действие. Эта огромная масса как поток горной реки разливалась по всем большим авеню города, заполняя даже маленькие улочки и переходы. Вышли даже те, кто никогда ранее не высказывался, но теперь, когда, наконец, появился шанс, что их услышат, сидеть на месте было уже нельзя. Люди вышли со всем, что было под рукой — некоторые старались обойтись обыкновенными транспарантами с лозунгами и требованиями, но те, кто уже понимал к чему все идет и как пройдет ближайшая ночь, взялись за биты, доски, топоры и даже огнестрельное оружие. Правда, последнее пока что приходилось прятать, ибо его использование не в нужный момент могло все испортить.

Решительных становилось все больше и больше, а простые люди либо отходили на задний план, либо тоже набирались решимости. В руках у таких появлялись бутылки с зажигательной смесью, которые и создавали проблемы для двенадцати пожарных, чья смена выпала на эту ночь... не иначе как проклятие — думали они — ведь в противном случае, они тоже бы поджигали, а не тушили. Магазины, полицейские участки, здание администрации и суда — все это подвергалось сначала разграблению, потом поджогу. Толпа теряла контроль сама над собой, ведь те странные люди в красных галстуках и черных мантиях, что руководили и направляли их первые два часа, теперь разом испарились куда-то, оставив их с городом и огнем наедине. Но толпе это только и нужно было. Огню теперь отдавалось все без разбору — простые дома, единственная гимназия, часовня, библиотека, хлебопекарня,

пожарная станция, те немногие машины, что только-только начали появляться в городе. Все горело, словно очищая и от плохого и от хорошего. Огонь не разбирает, что есть что, он только горит. Некоторые чиновники, успевшие укрыться за городом, теперь смотрели на это ночное оранжевое зарево, освещавшее пол губернии. Они не понимали зачем... зачем люди жгут все подряд, откуда взялся этот крик, эта злость. И где носит эту третью армию?

Время для «войны» — как все кричали и называли происходящее. Именно война, не протест, то, что нужно было сейчас людям больше всего. Они натерпелись такой жизни. Жизни по указке Централа, по указке семи каких-то позолоченных бумажек. Нет, не один из этих людей никогда не был догматиком. С тех самых пор, как тысячелетие назад веридасцы распространили Веридас на эти земли, здесь все время постоянно что-то происходило, подогревалось, и нужна была только искорка. В Шлиссе это хорошо понимали... кто-то подарил им искорку, человек совсем другого склада характера, которого все здесь именовали Освободителем. Именно он поднял людей, как они считали, от векового рабства и морального притеснения. «Свободу совести!» — самый популярный лозунг этой огненной ночи, а уже потом шли «долой империю и императора». Все здесь мечтали в будущем воссоединиться с большим северным королевством Волуптас, с которым люди ощущали кровную связь и, самое главное, связь по духу. Когда в городе, казалось, уже нечего было разрушать, когда собственные горожане превратили его в пепелище, стало понятно, что толпа не собирается успокаиваться. Неорганизованный хаос был повсюду.

Стемнело окончательно, но черноту и спокойствие забрали даже у небес. Их заслонило тучами, которые отражали на себе огненный свет. Теперь было светлее, чем днем. Становилось сложно дышать, клубы серого и черного дыма набивали собой облака, словно подушку перьями. Тучи обещали дождь и они его дали. Черные капли стали покрывать город и теперь даже вода окрасилась во мрак. Кругом одна грязь и разрушение... теперь оставалось ждать только одно, когда эту палитру разбавит багровый цвет.

В городе, через ор людей, повсюду начал слышаться стук кирок, лопат и ломов по брусчатке. Совсем новой брусчатке, которую император подарил городу в честь его тысячелетия. Новые фонари, лавки, камни от тротуаров — все шло в дело, все это летело в тех немногих, кто призывал к порядку... пока только словами, наивно рассчитывая на что-то. Палка и камень, это убогое, но по-прежнему смертоносное с древних времен оружие, теперь было в руках у каждого человека. Получи он что-нибудь из этого, как сразу, прямо на майском ночном холоде, оголял грязное мускулистое тело, скалился и рычал, словно дикий зверь. Он готов был действовать. Мирных и спокойных людей, которые вышли сюда поначалу с плакатами и своими требованиями, оставались единицы. Они испугались серьезных дел и серьезных последствий, убежав обратно по своим домам, если было еще куда возвращаться. Они не хотели иметь ничего общего с этими зверьми, а их же потом и обвинят в том, что они поддались на внушение веридасской религии, нашли место для семи свитков, поверили в Истину. Нет... они просто не хотели крови. Восстание продолжалось без них, таким только и оставалось, что наблюдать, как по огненным разрушенным улицам бегают черные силуэты.

Ближе к часу ночи все началось по-настоящему.

Толпа стала организовываться маленькими кучками и пробираться в южную часть города через руины и уцелевшие улицы. Кто-то просто хотел посмотреть, что там, а кто-то уже знал и был готов. Какие только слухи не ходили, некоторые заговорили, что на стороне восставших снова появились отряды людей в черных мантиях, владевшие непонятной силой

и то, что они одним щелчком поражают целые части веридасцев. Кто-то сказал, что Волуптас ввел свои войска в город на помощь восставшим, и многие даже верили в это, ведь до границы и дюжины миль не будет. Но не один из этих слухов не был правдив, кроме одного, самого страшного — в город вошли части третьей армии штаб-генерала Обручева... или, как его прозвали за войну двадцатилетней давности, генерал-мясник. Энтузиазма сразу поубавилось. К тому же вскоре эти слухи добавились тем, что с восточной черты города собирается наступать карательный отряд добровольцев из северного отделения Золотого Общества. Хороши просветители, ничего не скажешь.

Под угрозой быть раздавленными подобно стадным животным, люди начали формировать управляемые отряды, с избранным руководителем, названием, некоторые даже придумывали себе флаги, надевали повязки на руки. Был создан целый штаб сопротивления в уцелевшем крыле бывшего здания мэрии, где женщины и дети начали готовить зажигательные бутылки и складировать добытое оружие, щиты, палки, камни, спирт, бензин и хлеб — все то, что нужно было сейчас человеку. Ресурсы начали распределять по «фронтам», оружие и ящики доставали на вчерашних хлебовозках. Из маленьких отрядов формировали подразделения, а из них свои армии. Выстрелы и крики становились все ближе и ближе к центру города. Но были еще и такие люди, кто даже не слышал, что восставшие организовали собственную армию сопротивления. Они по-прежнему толпой бегали по улицам и громили все подряд, а кое-кто даже наживался на мародерстве.

Одна из таких групп забрела слишком далеко, в не очень широкую улочку прямо на границе северной и южной коммуны города. Дома на ней были высокие, прямо как представительные десятиэтажные небоскребы Централа. Они еще не тронуты огнем и в некоторых даже горел свет. Грабить то тут вроде и нечего было, но зато через нее можно быстро перебежать из одного квартала в другой — краткий путь к торговому району. Где-то около пятидесяти человек, почти без оружия как раз собирались проникнуть туда, сделать дело и уйти. Они почти прошли до середины улицы, как вдруг, на их несчастье, в самом ее конце появился небольшой отряд солдат третьей армии. Они как раз завернули беглым маршем в эту улочку и уперлись в бунтовщиков. Солдаты, в серых летних форменных пальто до пола, красных погонах и беретах, под которыми виднелись напуганные, покрасневшие лица, слезившиеся глаза то ли от холода, то ли от недавней другой такой встречи. За спиной, на ремне у каждого по карабину. Толпа остановилась, с замиранием сердца уставившись на солдат, напуганных мальчишек, намушгрованных настолько, что даже пар изо рта выпускался у всех разом. Послышалась команда перестроиться и тут же солдаты из маршевой колонны перекрыли собой улицу, выстроившись в три шеренги. Тут же в домах на улице повсюду начал гаснуть свет, хлопать дополнительные деревянные ставни. У протестующих еще была возможность повернуть обратно и уйти в центр города, но один из них, здоровый кабан, встал вперед и обратился к своим.

— Ей мужики! Вы че, сдрейфили? Это ж зелень не стрелянная... да они палец на курок не положат, в штаны не намочившись. А ну ка, мужики! Возьмем свое! За свободу! Долой! Долой!

— Долой! — тут же подхватили его остальные люди, большинство из которых даже не стали думать о побеге. Поднялись красные плакаты, где краской были написаны дурные слова об императоре, поднялись горящие факелы и дубинки, у одного даже ружье, и толпа уверенно, почти маршем, направилась на детей. Вооруженный человек вышел впереди всех, направив ружье на солдат. Бойцы ни на шаг не отступали, они знали, что их держит сзади.

Сердце билось так, что даже тяжело было вдыхать холодный ночной воздух. Глаза дрожали, некоторые их закрыли, не желая верить в происходящее. Солдаты из первой шеренги заметили, как вооруженный бунтарь, вставил в свое ружье два красных толстых патрона. Он сделал это как будто демонстративно, проверяя их нервы. Толпа знала, на что давить, она словно начала психологическую атаку, идя в шаг с одной скоростью и равномерно барабанила по щитам, слово-в-слово выкрикивая «Смерть. Смерть. Смерть». И, кажется, это начал действовать, бойцы стали переглядываться меж собой, кто-то хоть чуть-чуть, трусцой начал сдавать назад. Первая линия «незаметно» отошла настолько, что уже начала теснить вторую.

Но теперь настал их черед. Перед отрядом сбоку вышел полненький офицер с тонкими прямыми усиками, в белой гимнастерке, темно-бордовом галифе и накинутом пальто. Поправив свою фуражку, он кивнул успокаивающе солдатам, которые с надеждой смотрели на него. Толпа не останавливалась, даже заметив то, что солдаты находятся под управлением отнюдь не «зеленого» человека. Офицер сделал два широких шага вперед и, поставив ладонями рупор, закричал в сторону толпы.

— А ну стой! Кончайте, устроили тут!

Толпа засвистела, и кто-то даже попытался докинуть камни до него, но пока что расстояние было слишком большое. Только два пути — назад и вперед, по бокам стоят дома, не дающие свернуть.

— Стоять! Не останавливайтесь, положим всех! Стоять!

Но протестующие и не думали останавливаться, они перешли на бег, обгоняя транспарант. Теперь это была настоящая орущая лавина, с огнем и мечем, с кирками, битами и прочим. Они мчались на солдат и те даже начали гудеть от страха вслух. Офицер отбежал в сторону, в правый бок от своих и махнул рукой какой-то жест. Первая линия тут же встала на колени и сняла карабин с плеча.

В толпе кто-то зажег бутылку с зажигательной смесью и уже замахнулся, чтобы бросить ее в отряд. Офицер махнул рукой, закричав.

Залп.

Громкое эхо отразилось по всей улице, так оглушительно, что даже простые жители в домах начали кричать. Выстрелила только первая линия. Послышался плач напуганных детей в квартирах, но все эти отдаленные звуки не шли ни в какое сравнение с тем криком и диким ором злости, которое с толпы обрушилось на ребят. Замертво упало всего два человека. Солдаты первой линии стреляли, зажмурившись, с силой вжав на курок и не отпуская его, словно палец примерз к холодной стальной жердочке. Никто не целился, в таком страхе на прицел в человека будет смотреть только истинное чудовище, но не двадцатилетний мальчишка. Один из убитых оказался человек, только-только собиравшийся бросить горящую бутылку. Он не успел. Бутылка упала прямо у его ног, и горячее разбрызгалось на рядом бегущих людей. Как сухое сено вспыхнули люди и побежали в разные стороны с диким криком от боли, страха, обреченности и злости. Человек с ружьем был ранен в ногу и выронил оружие куда-то. Оно сразу же исчезло... его кто-то подобрал и скрылся.

Однако, разъяренная толпа все еще мчалась на солдат. Теперь с глазами, чуть ли не вываливающимися из орбит, криком на грани с потерей голоса и замахивающимися предметами. Несколько метров разделяло их от первой линии.

Офицер махнул рукой еще раз и закричал

— Вторая и третья! Один.

Снова раздался залп, еще более оглушительный, чем первый.

Выстрелили оставшиеся две линии. Транспарант протестующих рухнул на землю, на него с криками и с мертвой тишиной следом повалилось с десятков тел. Прямо под ногами солдат, не добегая до них падали, сраженные пулей люди, человек пять. Те, кто бежали следом резко остановились, истерически вопя. Их ноги, казалось, сами начали думать и спасать хозяина. Люди душой и сердцем уже видели, как пробивают черепа мальчишек, отнявших жизни стольких шлисцев, но в то же время со страхом в глазах и без оглядки бежали прочь, на другой конец улицы, перепрыгивая тела товарищей. Среди толпы послышалось «Убийцы!», «Долой Империю!» «Сволочи!». Солдаты и сами уже были в пред истерическом состоянии. Они смотрели на мертвецов с дырками в груди или во лбу, в глазах которых все еще тлел гнев. Даже мертвыми глазами они смотрели на своих убийц, проклинали их. Ребята плакали, кричали. Только офицер, выхватив саблю из ножен, махнул ей, как палач, в сторону толпы и крикнул.

— Не дайте им уйти... они вернутся! Вперед!

И солдаты повиновались. Они с победным криком, только за счет которого ноги соглашались бежать вперед, ринулись на убегающую толпу с карабинами наперевес. Люди спасались в панике бегством. Вновь послышались выстрелы, вновь начали падать тела. Никто уже не спасал товарищей, никто не поднимал флаг города. Все потеряли надежду, веру в чудо, хоть в кого-то, кто мог помочь. Это был конец.

За этой улицей наблюдал тот, кого горожане и считали человеком, подарившим искорку. Он, подобно властелину смотрел свысока, с десятиэтажного дома, вниз на действо. Его черный длинный плащ подхватывался ветром, пропахшим порохом, гарью и кровью. Но этот ужасный запах ничуть не волновал мужчину. Он продолжал со спокойным лицом, может быть даже упоительным взглядом смотреть на то, что происходило на улочке. На то, как солдаты продолжают гнать толпу и стрелять людям в спину, на то, как они перепрыгивают через мертвых и стреляют, и стреляют. Все окрасилось одним цветом. Но такое место открывало не только эту улицу. Отсюда был виден весь Шлисс, все сгоревшие дома, крики, выстрелы и боль. Все оранжевое зарево, посылаемое в небо и отражаемое облаками обратно. Он медленно поворачивал головой по панораме разрухи. Все было именно так, как он желал. Первая кровь, первый его настоящий ход не из подполья. Он развязал эту войну и преимущество у него.

«Глупые, глупые люди. Вы никогда не понимали ценности мира, вы сами пожелали моей искры, чтобы спалить собственный дом. А теперь ваша кровь разукрасит всю империю, все захотят такой же искры, все захотят огня. И в итоге императору останется под управление только большое, кровавое кострище. Ты сам этого заслужил Маар. Ты и твои золотоволосые прихвостни. Вы сгорите первыми за свою ложь. А потом начнется моя эра. Да... и везде вновь настанет мир. Мир без законов и правил, то, что люди называют свободой. Я обещаю вам, народ Веридаса, я принесу вам свободу, я ваш Освободитель»

Человек наслаждался такими мыслями, видя огонь внизу. Он отражался и по-настоящему горел даже у него в глазах. Он и создавал почву для таких слов.

К нему сзади подошла девушка с вишневого цвета волосами. Смотреть так долго на огонь ей казалось скучно, и она гуляла по разрушенному городу туда-сюда. Целыми часами наблюдая из тени, кто и чем занимается, так непринужденно. Но в итоге и это ей надоело, и теперь она вновь вернулась к нему. Опершись локтями на железные подпорки крыши, она скривила унылое лицо, и взглянула на темно-оранжевое небо.

— Красиво... — подметила девушка, не изменив своего скучного выражения лица — шесть часов уже горит... пф.

Она безнадежно опустила голову, человек не собирался спускаться с крыши. Она знала его любимое место времяпрепровождения, поэтому и надеяться на обратное было напрасно. Черное шелковое пончо была не самая подходящая одежда для этой холодной ночи. Девушка потеряла плечи и шмыгнула носом.

— Замерзла? — спросил человек, не отрываясь от видов улицы

— Да, папочка, может пойдём?

Мужчина ничего не ответил. Девушка обернулась и посмотрела на южную часть города. Там уже все затихло и мерцало не так сильно. Никого не было кроме окровавленных тел и своеобразного запаха после выстрелов.

— Похоже, здесь мы проиграли, пап?

Мужчина покачал головой и улыбнулся

— Не-ет Ал... все идет так, как и должно идти. Кровь пролилась, теперь даже те, кто был нейтрален, не останутся в стороне. Люди увидят преступления Веридаса здесь. Шлисс, обезглавленный и обескровленный передаст свой меч и пламя в другие города. Нам же надо постараться, чтобы хаос как можно быстрее дошел до Централы. Маару и учителю не долго осталось. Передай Мак-Бауману, чтобы он начал перебрасывать рыцарей отсюда в столицу, ты тоже поезжай. Я догоню вас, когда город остынет до конца. Поняла?

— Да, уже иду.

Ал в припрыжку побежала прочь с холодной крыши.

Мужчина крепко сжал кулак и посмотрел на него, в мыслях гуляла одна помеха в его плане с Централом — Золотое Общество.

Николай молча сидел на деревянной кровати-полке, подогнув одну ногу под себя, он наблюдал, как за окном белые тучи бежали по голубому небу. Это предвещает жаркие дни, духоту и даже засуху. Значит, на улицы Централы выйдут целые бригады опрыскивателей, которые будут мыть дороги чистить газоны и поливать деревья. Это даст иллюзию, что город вновь ожил. Однако, даже сидя за решеткой в специальной тюрьме, Николай ощущал, что в городе становится жарко не только из-за вышедшего солнца. Ночью он слышал, как люди ходят по улицам и говорят только об одном. Восстание в Шлиссе. Какой кошмар, сколько крови пролито. А ведь император обещал, что не прольется ни капли.

Теперь люди уже не боялись выходить на улицы и что-то обсуждать между собой. Хорошо то, что они пока просто обсуждали, группами по пять-десять человек. Не было никаких собраний с плакатами и массовых шествий. Но даже дурак понимал, что это лишь дело времени. Что еще немножко и люди выйдут на улицы всей толпой. Гарнизон города был выведен императором на север. Порядок в Централле остались охранять только пара тысяч золотых людей и полиция.

Странно то, что Николай сидел сейчас спокойно в белоснежной рубашке, немного не подходящей по размеру, в своих же штанах и сапогах. С него даже не сняли наградные часы, не надели колодок, наручей и прочего. Он сидел в камере один и исправно питался. Так прошла уже примерно неделя. Однако к нему не разрешали пускать посетителей и только сегодня он, наконец, договорился, что Сергей Сергеевич приедет. И то это потому, что сразу

после Скреппа должен был начаться допрос лично Владыки Демиана.

Юноша не знал, кто, как относился к его недавнему поступку. Одобрять здесь уж точно было нечего — освобождение правой руки Чадаева это хуже чем измена... это диверсия. Но что сделано, то сделано — успокаивал себя Николай — что уж волноваться, если теперь твоя судьба не в твоих руках. Теперь стоит лишь надеется на благосклонность совета и лично Владыки.

Лишь одного он боялся по-прежнему, с той же силой. Встретится с учителем с глазу на глаз. Он не вынесет и минуты этой пытки... нет, пусть пришлют кого угодно, пусть даже Зак ему кости пересчитает, но ни за что Николай не хотел сейчас смотреть в глаза Скреппу. Он так редко видел учителя злым... по-настоящему злым, на самом деле, вообще никогда не видел, но строим да. Ласковая улыбка, как у доброго волшебника из сказок, всегда сопровождала его, с самой первой встречи тринадцать лет назад. Николай не хотел видеть его позор, то, что этот позор принесен им же. Мальчик по праву воспринимал его уже как отца.

Ближе к обеду Скрепп все же прибыл в камеру Николая. Ученик, стыдливо покраснев, отвернул голову к стене. Сергей Сергеевич, молча с серьезным лицом, смотрел на него, медленно подошел и сел на соседний стул.

— Друг мой...

Николая как розгой обожгли эти два слова. Он передернулся и отвернулся еще сильнее, чтобы учитель мог видеть только его затылок.

— Не отворачивайся от меня... Николай, я хочу, чтобы ты знал. Я не держу обиды на тебя... я понимаю, каково тебе пришлось. Николай, посмотри на меня

Николай посмотрел, Скрепп и в самом деле сидел, как ни в чем не бывало, с обычным добрым лицом, улыбкой немного скрываемой бурой бородой.

— Простите меня... — у Николая горло пересохло, и он с трудом говорил — я... ошибся... я...

К глазам подступили слезы, но юноша держал себя. Заплакать, это было самое правильное сейчас, но он не хотел еще больше позориться перед учителем. Скрепп встал со стула и присел на его кровать, взяв юношу за ладони. В глаза учителю по-прежнему смотреть не хотелось, они машинально отворачивались, извиваясь от контакта.

— Нет, друг мой. Ты не виноват, только моя вина в том, что я не учел силу твоих эмоций. То, что я плохой учитель. Может мне не стоило брать четырех детей... впрочем, уже не важно. Через час к тебе приедет Демиан, друг мой, ты в курсе?

— Да...

От этого на душу словно свалился еще больший камень, вдобавок к той скале, что уже была там. Владыка наверняка не простит его. Наверняка он так и просидит остаток дней здесь.

Скрепп начал давать какие-то незначительные советы, и Николай слушал их всерьез, потому что каждое его слово успокаивало нервы. Каждая мелочь, которой Скрепп просил уделить внимание, казалась тем шансом.

— Одним словом, веди себя естественно, понятно?

— Я понял, Сергей Сергеевич... можете рассказать как там Настя?

Скрепп улыбнулся, почесав висок.

— Мучает меня вопросами, когда тебя освободят. Она волнуется за тебя, Лена и Зак тоже места не находят.

Хоть какая-то хорошая новость за последнее время. Кто-то волнуется за него, любящий человек и друзья. Эта маленькая капелька счастья, наверное, единственное, что осталось светлого внутри Николая. Он закрыл глаза и постарался очистить голову от мыслей.

— Учитель. Если они не лишили меня золотой косички, значит ли это...

— Нет, нет... Не волнуйся, тебя ни кто не собирается изгонять из общества. Я этого не допущу. Но сейчас это и так ни кому не нужно... ты, наверное, сам понимаешь, что происходит? Все шепчутся за нашей спиной. Сейчас важен каждый золотой человек.

Он встал, еще раз похлопав юношу по плечу

— Не беспокойся. С таким резюме как у тебя, вопрос освобождения разрешится почти сам собой.

Учитель вышел, камеру снова закрыли.

Николай вновь остался наедине с самим собой. Все те мысли, что терзали его о том, как учитель поведет себя, не давали покоя. И в голову приходили только самые страшные, в плоть до тех, что Скрепп откажется от него, или будет лично руководить казнью. Нет, теперь все это казалось бредом. Учитель не злился на него, но чувство вины все равно осталось. Сильное чувство, от которого хотелось зарыться куда-нибудь и молчать, не подавать ни малейшего знака о своем существовании. Николай закрыл лицо руками и тяжело выдохнул. Теперь оставалось дожидаться суда Владыки. Он должен был приехать с минуты на минуту и юноша вслушивался в каждый шорох за дверью.

И вот, наконец, снова как в тот раз, в неизвестном месте. Стук множества каблучков за дверью. Кто-то приближается. Наверняка это он. На всякий случай Николай встал с кровати и начал поправлять свою одежду и волосы. Владыка идет не один, в коридоре множество людей. Теперь топот сконцентрировался возле двери его камеры. Щелчок и она отворилась.

Владыка вошел первым, следом за ним еще двое золотых людей. Демиан тут же кинул строгий взор на юношу, от которого ему стало не по себе. Николай хотел было сказать приветствующее слово, как и советовал Скрепп, но Владыка пальцем указал на Николая и двое его сопровождающих тут же быстрым шагом подошли к юноше и, взяв его за плечи, усадили за стол. Владыка тихо закрыл дверь.

Николай все же дернулся, что бы подняться и хотя бы поклонится вошедшим золотым людям, но его крепко держали за плечи. Что они делают? Николаю сразу вспомнилось избитое лицо Мак-Баумана и кровавые пятна в его камере. Он побледнел.

Демиан подошел ближе, снимая уличные перчатки. Его взгляд был отнюдь не добрым и неоправданно радостным, как обычно. Он строго смотрел на него исподлобья своим единственным сверкающим глазом. Было видно, что старик не выспался... да и понятно почему. События на севере не дают сейчас спать никому. Удивительно, что он вообще нашел время для таких подонков и изменников как Николай.

Юноша чувствовал, как дрожат его пальцы, руки вспотели, а сердце билось уже в горле. Даже в глазах начало темнеть от страха. Но сейчас нужно было держаться. Нужно стойко принять ответственность за свои поступки. Самое суровое наказание еще со студенческой поры — Владыка выглядел сейчас именно так, как будто Николай не подготовился, но должен был. Хотя, если подумать, юноша никогда не видел Демиана в гневе... наверное, об этом лучше не думать. Волновались, похоже, и вошедшие с ним люди, перечить ему вообще никто не смел. Это был уже другой человек, не тот улыбчивый старичок.

Владыка погладил пальцем острие уса и махнул легонько ладонью. Николая тут же отпустили, теперь юноша словно прирос к стулу. Он сразу убрал руки со стола на колени,

чтобы никто не заметил дрожи.

— Ну что... наигрался? — сказал Демиан

Николай опустил голову. Эти слова отдались как пуля в сердце. Надо же что-то ответить... или нужно молча все выслушивать. Все то, что говорил Скрепп, разом выветрилось из памяти.

— Кто тебе приказал искать Чадаева?

Николай молчал, закрыв глаза.

— Кто! — Владыка ударил кулаком по столу так, что аж деревянные ножки затрещали.

Поразительная сила в преклонном возрасте, подумал Николай, вздрогнув.

— Я сам решил найти его... я больше не мог ждать... мой отец

Владыка внезапно резко успокоился и начал обходить Николая, не спуская с него взгляда. Юноше еще больше стало не по себе, было страшно взглянуть ему в лицо. Куда он направился, зачем остановился за его спиной?

Он стоял так несколько минут в абсолютной тишине. Двое остальных золотых людей даже стали переглядываться между собой. Но то, что Владыка сделал дальше, чуть ли не повергло в обморок Николая.

Демиан легонько схватил его за горло. В голове сразу же всплыла боль от синего пламени Чадаева. Но Демиан просто держал его и нащупывал пульс. Николай дрожал, как будто сознание само, вспоминая то ужасное пламя, жгло ему горло прямо сейчас. Владыка обладает совсем другой четвертой составляющей, и если он сейчас ее использует, то от головы Николая останутся только кровавые ошметки. Дыхание сбивалось, он думал, что еще чуть-чуть и Владыка начнет душить его.

— Он делал так же? — спросил Демиан

Николай кивнул, он уже не мог говорить.

— Бедное дитя... это моя вина... это я его так наказывал за непослушание, теперь он вырос и так пытается других.

Владыка снял руки. Его голос стал нормальным, как будто он пришел к Николаю не в камеру, а в гости домой.

— Сердце у тебя бьется... боишься?

Николай снова молчаливо покивал. Но такая манера речи уже вселяла в него определенную надежду. Владыка спокойно продолжал

— Зачем ты освободил Мак-Баумана? Я же говорил, что его следует казнить... а теперь у нас нет козыря, что успокоит людей в Централле.

Владыка уловил на лице юноши раздражение от слов о казни Артура и махнул рукой.

— Я здесь все равно не для этого, майор. Значит ты встретился с Чадаевым?

Николай посмотрел на него

— Да... но на ваш следующий вопрос о его тайных квартирах я не знаю ответа... Меня держали где-то в Централле... я не мог понять где, в каких-то сырых помещениях.

— Сырых?.. в канализации он вряд ли мог скрыться. Ты общался с ним один на один?

— Там были его люди... у них даже своя форма есть

Владыка растер глаза и как бы невзначай спросил.

— Ты выяснил что-нибудь про Драгана?

Юноша молча смотрел под стол.

— Николай... взгляни на меня. Ты что-нибудь выяснил?

Он еле заметно покачал головой, Владыка заметил, как его глаза заблестели

— Владыка... он просил передать, что скоро лишит нас императора... я слышал, как он намеревался поехать в Шлисс

Демиан промолчал, не спуская с него взгляд.

— Надо позаботиться о безопасности Его Величества...

— Значит, совет не ошибся, Чадаев и в самом деле замешан в розжиге восстания... он снова нас опередил — Владыка оперся локтями на стол и закрыл глаза — сначала Шлисс, потом мы — он попросил у своего подчиненного какую-то газету из рук и передал ее Николаю.

На первой же строке большими буквами было написано «БЛИЗИТСЯ ВОЙНА?» и далее сводка потерь и подсчетов ущерба после ночного бунта в Шлиссе, а так же про маленькие кусочки районов, откуда бунтовщиков еще до сих пор не выбили.

— Его величество ввел третью армию? Она же входит в состав гарнизона Централа — Николай недоуменно посмотрел на Владыку, тот утвердительно покивал

— Выбора не было. Основные части армии сейчас в других северных городах.

Николай молча положил газету на стол.

— Обрати внимание еще на эту статью... — Демиан ткнул в самую нижнюю колонку — тут сводка из миграционного бюро Централа. За последний месяц в столицу переселилось множество людей с севера. Они выдают себя за беженцев... но я не уверен в этом.

— Почему? Люди бегут от войны

— Вместе с беженцами сюда проникнут и люди Чадаева. Совет считает, что Шлисс лишь репетиция перед главным действием.

— Что мы будем делать с Его Величеством?

Владыка встал из-за стола и направился к выходу, его люди пошли следом.

— Император тайно покинул столицу, я его убедил. Теперь следующее.

Он достал из внутреннего кармана какую-то бумажку и передал Николаю.

— Это приказ о твоем помиловании. Не думай, что я так просто забуду твою выходку, но сейчас мне нужна помощь. Я уезжаю в Шлисс. Командование обществом в столице на себя возьмет Сергей Скрепп. Думаю, ему будут нужны все ученики.

Николай встал из-за стола и поклонился Владыке. Кажется, случилось, то, о чем он и мечтать не мог. Настало время вздохнуть спокойно.

Больше половины июня минуло с того дня, когда в Шлиссе пролилась кровь. Теперь хороших новостей оттуда можно было и не ждать, город занят армией, солдаты мало-помалу разгребали тот погром, что устроили его собственные жители. Люди словно испарились, ни одного человека на разрушенных улицах, пустые черные окна по ночам. Никакого света вообще, даже обыкновенные уличные фонари перестали зажигать, только факелы в руках патрульных отрядов. Армия все еще была настороже. Но город уже был лишен той нагнетенной атмосферы, что привела к пожару. Однако, этот огонь начал перекидываться в соседние города, и там уже засверкали факелы и плакаты с лозунгами. Даже под прицелом солдат, люди не собирались отказываться от свободы.

Тем временем, и в Централе пугающая тишина все чаще по ночам сменялась какими-то парадными шествиями. Официально они были как простые митинги в поддержку мира, но люди прекрасно понимали, зачем собрались здесь. Нужно сказать свое слово, сделать так,

чтобы народ услышали. Остановить бойню на Севере можно только здесь, считали митингующие. Сердцами большинство из них было с Шлиссом, и пока что, люди только говорили, не собираясь «слишком тесно» и не беря в руки оружие.

Владыка задержался в командировке, но Сергей Сергеевич прекрасно выполнял его работу в столице. Вернее сказать, он прекрасно отдавал распоряжения своим ученикам, которые металась по разным местам города с проверками полиции, тюрем. Еще они руководили контролем над мирными шествиями. Одним словом, Николай почувствовал себя вторым человеком во всем Золотом обществе, пока Скрепп принял на себя роль Потестаса Главным, если не считать Совет, который начал собираться гораздо чаще... его члены, старейшие золотые люди, были охвачены страхом, если не паникой. Непонятное и ужасное время, чтобы не допустить оплошность Совет собирался по любым пустякам и требовал присутствия всех золотых людей от пятого уровня. Поэтому к бесконечным поручениям Скреппа на ребят свалились нудные заседания стариков.

В конце июня, наверное, самой солнечной погодой последних дней началось утро Насти и Николая. В кои-то веки, поражаясь самому себе, Николай проснулся раньше девушки. В чистой комнате, где у каждой вещи, от письменного пера до толстенных книг, было свое место, все переполнялось светом. Словно каждая вещь сама его излучала. Юноша открыл глаза и медленно протер их пальцами, изгоняя остатки сна. Приподняв немного голову, он посмотрел вокруг.

Ну вот... опять — Николай, как и всегда, распластался по всей кровати, лежа чуть ли не звездочкой. Настя была вынуждена довольствоваться правым краешком. Она мирно спала на боку, лицом к Николаю, ее рука во сне случайно оказалась на груди юноши, и теперь она ладонью чувствовала биение сердца, для нее это была словно колыбельная. Николай улыбнулся и аккуратно, чтобы Настя не проснулась, снял с себя руку и повернулся к ней. Он поправил ее длинную золотую прядь на челке, которая еле-еле выделялась среди светлых, почти белоснежных волос. Юноша смотрел на ее лицо... такое невозмутимое, умиротворенное, но даже сейчас, во сне, она казалась немного грустной, взволнованно грустной. Именно такой, какой она стала в последнее время. И для Николая это стало чуть ли не самой страшной тайной последних дней. Что с ней случилось? Этот отрешенный взгляд, который изредка посещал девушку... она чаще стала смотреть в окно на пустые улицы и может быть, даже немного жалела, что сезон дождей окончился. Не то, что бы это пугало Николая, но страшно за нее было по-настоящему. Этот необоснованный страх и заставил его подняться первым. Надо сварить кофе.

Чайник закипал, Николай, в одних штанах и не застегнутой бордовой рубашке, нарезал тоненькими ломтиками сыр. Изредка он поглядывал на часы — уже почти восемь утра. В девять сегодня намечалось очередное собрание Совета, и Настю и Николая, как майоров Золотого общества там непременно ждали. От одной мысли, что снова придется часа на четыре делать умный, слушающий вид, становилось тошно... спасал только запах заварившихся зерен кофе. Великолепно... Николай не представлял, как мог жить раньше без него, в детстве ни про какие горячие напитки он слыхом не слыхивал.

Николай еще не собирался будить девушку, он рассчитывал, что утренний завтрак сам ее пробудит и приведет на кухню. К тому же от ее квартиры до штаба было рукой подать и спешить было некуда. От одной мысли, что Настя проснется от аромата кофе, становилось так тепло, что улыбка появлялась сама по себе. Еще чуть-чуть, невидимый пар уже почти дошел до приоткрытой двери спальни.

Раздался оглушительный звон телефонного аппарата.

Сердце Николая сразу потяжелело в сто крат. Он ринулся к телефону, да так быстро, что в мгновении ока уже попал в другую комнату и поднял трубку. Телефон успел прозвенеть только два раза, но теперь не стоило и надеется, что именно кофе легонько убрало сон девушки. Нет... это самым варварским способом сделал Зак.

Он позвонил Николаю предупредить, что они с Леной уже выехали из своего дома и направляются сюда, чтобы подбросить их. Что б тебя, Зак — сдерживался Николай. Он и в самом деле хотел закричать на него, мол, не нужна никакая машина... но Зак был непреклонен. Теперь, после того как Николай освободил Мак-Баумана, чтобы добраться до Чадаева и узнать про отца, Зак по настоящему «обиделся» на него. Он совершенно не понимал, зачем этот идиот в одиночку помчался сломя голову навстречу неминуемой гибели... да еще в итоге спас Артура, которого они вместе с таким трудом поймали. Теперь Зак по-настоящему вошел в роль старшего брата, словно с катушек слетел, особенно по отношению к Николаю. И юношу раздражало, что его друг контролирует каждый его шаг.

— Ясно! — Николай хлопком повесил трубку и дальше уже бормотал про себя всякие слова о Заке.

Когда он вернулся на кухню, то увидел, как Анастасия перемешивала сахар в его кружке, и затем в своей. Юноша почему-то почувствовал себя немножко виноватым... хотя сам толком не мог сказать почему.

— Доброе утро — опередила она его

— Доброе... — тихонько ответил он и присел за стол, возвращаясь к нарезке сыра.

Анастасия была в одном халате и вроде ни куда не спешила. Скорее всего, она просто забыла о том, что через час им уже надо быть на собрании Совета. Юноша посмотрел в прихожую комнату. Там, возле входной двери, друг на друге лежали две их сабли в ножнах. Надо бы поточить — подумал Николай и тут же отправился за ними. Настя как-то косо взглянула в его сторону, не понимая, зачем каждый день он натачивает клинки, словно каждый день применяет оружие. Николай чувствовал, как эта подготовка к бою раздражает девушку. Чувствовал, как начинали дрожать ее руки, но она старалась не подавать виду. Закончив со своей, он вынул из ножен ее саблю.

— Мою не надо, Николай, прошу тебя... — тихо сказала она, легонько взяв за его руку с точильным камнем.

Николай пожал плечами и отложил клинки в сторону.

— Кто звонил?

— Свиридов... — Николай вздохнул, — приедет сейчас

Анастасия подала ему чашку с кофе и присела рядом за стол. Он сделал несколько глотков.

— Теперь вы зовете друг друга только по фамилиям?

Николай опустил глаза. Он и вправду только сейчас осознал, что уже не может вспомнить, когда в последний раз произносил имя Зак. Да и тот, с недавних пор зовет его только Владыч.

— Само как-то получается...

Анастасия тоже попробовала кофе. Ее глаза закрылись и на лице, на какой-то жалкий миг, наконец, появилась та легкая улыбочка, давно переставшая быть обыкновением для девушки. На какой-то миг, она снова, как будто ожила. Но когда она успела так измениться? Это случилось, когда Николая держали под арестом. Анастасию словно подменили... или

вернее наоборот, давали о себе знать те серые, безжизненные глаза, которые появлялись всякий раз, когда Владыка зачитывал новые указы империи, когда в газетах огласке придавались героические подвиги золотых людей по усмирению морально павших и возвращению их на путь Истинный.

— У тебя получился бесподобный кофе, — она положила свою ладонь на его — правда... научишь меня?

Николай улыбнулся, вспомнив, сколько времени Настя убила ради того, чтобы показать, куда нужно насыпать зерна, как их перемалывать, до какой степени нагревать воду, как правильно перемешивать. Сколько ошибок она выпивала со словами «не плохо». Но теперь Николай понял, что он сделал хороший утренний подарок. Он медленно приблизился к лицу девушки и тихонько поцеловал ее в шею. Настя опустила глаза. Теперь эти глаза вновь стали небесно голубыми, вновь засверкали.

— Эмм... а не рановато ли для гостей... Зак собрался навестить нас в девять утра? — смущенно перевела она разговор.

Николай замолчал. Значит, она все-таки не знает, что на девять назначен Совет. Если он скажет ей, то много радости это не принесет. Что если не пойти? Пропустить... нет, это не возможно. Зак сбросит его со шпиль Штаба Золотого Общества за такие прогулы, да и не могут ученики самого Скреппа пропускать. Это будет позор для учителя. Юноша поник головой, не зная, что сказать и Настя, словно почувствовав его смятение, начала взволнованно глядеть на него.

— Что?.. — тихо спросила она

— Ты разве не знаешь, что через час нам надо быть в зале Совета?

Возможно, не стоило говорить это так прямо. Раздался грохот бьющейся чашки. Кофе разлилось чернотой по белому мраморному полу. Настя случайно выронила свою чашку, когда услышала про Совет. Ее рука резко ослабла, и пальцы не смогли удержать кофе. Она тут же прикрыла рот ладонью, испуганными, вновь посеревшими глазами смотря на кофейную лужу.

— Ой... нет... я уберу

Николай тут же остановил ее за руку и отдал ей свою чашку.

— Не беспокойся об этом, я уберу.

Теперь Настя, поникшая и виноватая, сидела молча, смотря в свою кружку. Больно много страшного произошло в одну секунду для нее. Обременить человека скорым заседанием и к тому же лишить кофе.

— Не к добру это... — сказала она

— Да ладно тебе — Николай уже почти закончил протирать пол — всего лишь кофе.

Настя оперлась на руку и закрыла глаза. Целую вечность, десять минут никто не произнес ни слова. Девушка не хотела притрагиваться к его кофе. Николай закончил убирать осколки.

— Как думаешь, — как бы невзначай спросила она — слухи о том, что в Шлиссе работал отряд золотых людей... это правда?

Николай на секунду замер. Он не очень-то любил доверять слухам, но больно уж на правду смахивало все это. Не зря же Владыка уехал на север. И кому в голову из начальников северного отделения придет мысль посылать для убийства... для кары тех, кто призван вести к свету. Если это правда, то репутации Золотому Обществу будет нанесен такой удар, что страшно даже подумать, что с ним станет. Реорганизация, не иначе... причем не сверху, а

снизу. Но дело даже не в самом обществе, Настя не просто так спросила... она наконец-то дала подсказку на причину всего своего беспокойства. Может быть, именно это ее терзает? Виноваты ли те, кому они служат... а может быть, и мы сами уже цепные псы? Нет, для Анастасии лучше будет умереть, чем исполнять такие приказы. Стало вдруг холодно и страшно.

— Я не знаю... — честно признался он

В дверь постучали. Зак приехал, как и обещал, в половину девятого.

«Арон» мчался по одному из шоссе Централа. Штаб уже виднелся в окнах. В последнее время, столица немного изменилась. Теперь, вместо прогуливающих в нарядных бежевых и голубых пиджачках и длинных платьях пар, вместо бесконечного потока машин и карет в обе стороны улицы, половина города как будто съехала на дачи, но это было не так. Вместо всего этого по тротуарам в ногу шагали люди в белых гимнастёрках, плотных штанах и сапогах с оружием за спиной. Это патрульные отряды полиции и остатков гарнизона, обеспечивающих правило Совета о запрете сбора лиц больше чем пять человек вместе. Нельзя теперь было собираться и на площадях, рояли были убраны с набережной, там все равно никто не гулял, а жаркая погода могла навредить инструментам. Но город теперь нельзя было назвать мертвым, каким он был месяц назад. Кто-то все же спешил по каким-то делам. То и дело, на светофорах скапливались заторы из автомашин. Правда, люди словно забыли, что такое улыбка, как приятно поприветствовать в старой доброй столичной традиции незнакомого прохожего. Теперь люди приспускали кончик шляпы, чтобы скрыть лицо от встречно идущего человека. Шляпы стали в моде. Теперь здесь каждый был сам за себя, все обособилось. Все чаще и чаще полиции не хватало времени, чтобы успеть на все вызовы. Мародеры начали царить в городе. И даже под угрозой казни за моральное нарушение законов свитков, они продолжали воровать чужое. Вера в Истину таяла вместе с порядком. И теперь в сердцах людей появлялся новый принцип «все дозволено». Теперь они требовали не только свободы мысли, но и свободы времени. Никто не смел указывать им более, они сами знают, чем занять себя. Не все, но большинство. А те, кто все еще оставались в чести, сидели дома и молча смотрели как их город с каждым днем, под солнечную погоду погружался во мрак. Они, кажется, и сами запутались, кто прав, а кто виноват. Тем не менее, Николай не сомневался, что просто так это в людях не появилось. Тем более в Централеле... это не дикий север. Кто-то принес сюда дух Шлисса.

— Что с этим чертовым городом?.. — бубнил про себя Зак, перебирая пальцами по рулю, когда они стояли на светофоре, и оглядываясь по сторонам. Он выглядел так, словно все подряд, даже сам воздух столицы раздражал его. Еще немножко и он начнет с ним потасовку.

Лена сидела рядом, на переднем кресле, и поглаживала мужа за плечо. На ее лице была по-прежнему та же немного хитрая улыбочка, словно она выжидала момента пошутить над Заком.

— Ну, ну, ну... успокойся, дорогуша — говорила она как с ребенком — не все так плохо... только солнце печет и учитель дорвался до власти, а в остальном ничего не поменялось. Ну, если тебе так не спокойно, то я обещаю что съездим на зимние каникулы куда-нибудь в сторону океана.

— Лена, может у тебя плохо с картами, но единственный океан в Веридасе находится за тайгой на севере. А в сторону севера я вообще даже смотреть не хочу... Поедем на восток, в твой Архел.

Лена посмеялась

— Дорогой, ты же ненавидишь горы

— После того, что натворили эти придурки из Шлисса, я готов отправиться куда угодно, только бы не сидеть здесь.

«Арон» выехал на свободную часть дороги и Зак вжал педаль еще сильнее. Машина ускорила и понеслась уже с такой скоростью, которую едва можно было назвать разрешенной в городе.

Николай и Настя сидели на заднем диване. Девушка безразлично смотрела на пустые улицы, и как только по тротуару проходило хоть какое-то живое существо, будь то животное или человек, она сразу приковывала к нему свой взгляд. Николай изредка поглядывал на нее, и каждый раз мысли в голове становились все тяжелее и тяжелее. Он заметил, с какой неприязнью приняла она последние слова Зака.

— Придурков из Шлисса? — тихо и строго ответила она — Зак, ты понимаешь своей твердолобостью, что там люди гибнут? Что там сейчас стреляют в своих же... а ты... — она прикрыла лицо руками. Голос ее задрожал. Зак на секунду посмотрел на нее через зеркало, но свой ответ словно проглотил, промолчал.

Анастасия вновь уставилась в окно, на сей раз, наблюдая за бесконечными рядами деревьев сливового сада, а может за своим отражением на стекле. Николай подвинулся к ней.

— Ты себя плохо чувствуешь?

Девушка посмотрела на него. Бледное лицо вновь скрасилось улыбкой, но уже не настоящей. Она взяла его ладонь и легонько качнула головой.

— Да... так и есть — шепнула она, поглаживая ладонь, — что-то мне нездоровиться

Николай обнял ее и положил на себя. Он закрыл глаза и не открывал до того момента, пока не почувствовал, что машина постепенно и существенно теряет скорость.

Прямо по автостраде, в нескольких сотнях метров от площади Штаба Золотого Общества, образовалось настоящее столпотворение. Люди перекрыли дорогу и теперь машины стояли здесь как в ловушке, потому что, народ постоянно пребывал. И все люди шли в одном направлении, все шли в штаб. На площадь их не могли впустить, это была закрытая территория, но кто знает, может уже никто и не станет спрашивать разрешения. Такого большого столпотворения Николай никогда еще не видел. Даже те картины, что невольно всплывали в памяти, когда на площади его родного города вывешивали списки погибших, даже та толпа была лишь жалкой каплей, по сравнению с этой. Это была настоящая движимая масса. Кто-то шел свободно по шоссе, кто-то еще реагировал на возмущенные сигналы водителей. Шум не было слышно пока только потому, что «Арон» был хорошо звукоизолирован. Машина, в конце концов, остановилась, Зак уже просто не мог ехать дальше, иначе он кого-нибудь задавит. Хотя судя по тому, как он усердно бил по сигналу на руле и ругался, морально он был уже готов вдавить педаль. В нескольких метрах от въезда в штаб было не протолкнуться. Казалось, люди сами в себе застряли там на воротах. Николай смотрел на них. Самые разные мужчины и женщины. Те, кто когда-то давно прогуливался по улицам, или спешил на фабрику или еще куда. В пиджаках или простой рубашке, все они ломались в одну сторону.

— Что будем делать? — спросил Николай, уже начиная нервничать, опасаясь, что толпа сейчас займется машиной. Он вглядывался между людьми и старался найти хоть одного золотоволосого человека в бордовом плаще. Время было почти девять, наверняка все

золотые люди уже собрались в зале совета или хотя бы на площади. Они наверняка в курсе, что у них под носом сам собой возник не санкционированный митинг. И тут его по-настоящему ударило холодом... Что Сергей Сергеевич будет делать с этой толпой? Николай тут же посмотрел, есть ли у кого в толпе оружие или хотя бы палки, но кроме свернутых плакатов никто ничего еще не нес. Как им теперь справляться с этой толпой?.. а что если это превратится во второй Шлисс? Как не вовремя все они здесь собрались... теперь неверный шаг Золотого Общества может подорвать веру в него. А она и так слаба. Словно какой-то умелый шахматист сделал свой второй ход. Николай с надеждой взглянул на Зака, он ждал от него, как от старшего брата, выхода из такой ситуации.

— Пошли — твердо отвесил Зак и заглушил двигатель автомобиля. Машину придется оставить здесь, прямо посреди дороги. Назад она уже тоже не проедет, толпа все увеличивалась.

Сделав по глубокому вдоху, словно готовясь нырнуть в пучину, ребята резко открыли двери машины. Уши сразу разрезал громкий крик отовсюду. Люди кричали со всех сторон, пытаясь вырваться на площадь. А может они уже вырвались и криком торопили друг друга, чтобы каждый оказался там. Зак тут же собрал ребят за собой, и повел к входу. Николай увидел, как некоторые уже не стремились к воротам, а перелезали через трехметровую декоративную ограду. И теперь можно было начинать волноваться по-настоящему, потому что у таких в руках были биты и ломы.

Но, когда люди заметили вышедших ребят, заметили их форму и золотые волосы, то словно как по команде... а может, руководствуясь нажитым страхом, или действуя по инерции, они начали уступать золотым людям дорогу. Тем не менее, взгляд их был озлобленный и косой. Они прятали свои глаза от них, чтобы ненароком не навлечь на себя беду. Хотя ребята все равно заметили их настрой. Протесняться через них было сложно. Николай боялся, что того гляди сейчас кто-то не выдержит и нападет на него или на Анастасию.

Из толпы буквально вынырнула, откуда не возьмись, пожилая женщина с ребенком в руках. Она встала точно перед Николаем, отделив его и Настю от Лены и Зака. Женщина тряслась и то ли укачивала ребенка под такой дикий шум толпы, то ли ее руки были уже больны, и тогда бедному дитя оставалось только соболезновать. Она уставилась в глаза Николю, как будто старая ведьма, карга, проклинала его всеми словами, но мысленно. Юноше стало настолько противно видеть старуху с трящимся на руках ребенком, что он захотел бесцеремонно оттолкнуть ее и пройти дальше. Но она продолжала сверлить его своим взглядом. Николай почувствовал, как к его спине сзади прижалась Анастасия. Что это... неужели она настолько напугана? Надо действовать.

Старая женщина, взяв ребенка на одну руку, другой жалобно вцепилась Николаю в рукав бордового плаща, царапая своими грязными ногтями золотые листки и лозы растений на нем.

— Милый господин — прокряхтела она жалобно, уже готовая свалиться на колени перед ним — что же это... у меня в Шлиссе дочка... как же вы... нет...

Где-то вдалеке послышался голос Зака, который уверенно рассекал собой толпу, приближаясь к входу и ведя за собой Лену.

— Владыч! Шевелись давай!

Николай осознал, что ни в коем случае нельзя отставать. Подобно Заку, который отвечает за свою жену, он сейчас отвечал за Анастасию. Свободной рукой, Николай взял ее

дрожащую ладонь. Не бойся, я рядом — твердо засело в голове.

Женщина продолжала дергать его за рукав плаща. С каждым рывком она тянула все сильнее и сильнее, словно хотела оторвать для себя кусочек ткани. Все это выглядело настолько безумно, что Николай даже не верил, что перед ним стоит человек. Он даже заметил, как вытекает белая слюна у нее изо рта. Еще немного и плащ порвется. Но, юноша не знал что делать. Не будь Насти за спиной, он давно бы уже откинул женщину от себя и прошел. Но при девушке силой разрешать вопрос рука почему-то не поднималась. С другой стороны, Настя сейчас прижалась лицом к его спине и ничего не видит.

Николай схватил той рукой, которую она его дергала, за никчемную кофту старухи и злым, сухим взглядом уставился ей прямо в глаза. Женщина тут же замолкла и со страхом посмотрела на него. Он медленно приблизился к ее лицу и с отвращением, еле сдерживая себя, прошипел — пошла прочь, старуха...

Юноша отвел ее рукой в сторону, но женщина обо что-то споткнулась и начала падать. Николай, даже понимая, что у нее на руках ребенок, не поспешил ее ловить. К счастью, точно сзади стояло двое мужчин, которые подхватили старуху и удержали ребенка.

— С вами все в порядке, не ушиблись? — спросил один из них, старуха, все еще находясь в прострации от увиденного, на автомате кивнула пару раз, уставившись в одну точку. Ребенок громко заорал в истерике.

Эти два мужика озлобленно взглянули на Николая. Но не один не осмелился сделать и шагу к нему. Тот, что постарше, с пышными рыжими усами и крепким телом, как будто день и ночь работал на шахте, сквозь зубы крикнул

— Паскуда... что же ты делаешь

Юноша посмотрел на него. Не то, чтобы его задели эти слова, но в голове снова промелькнула мысль, что если бы рядом не было Насти, то сейчас он бы избил этого человека. Избил того, кто ему по возрасту в отцы годится. Он проглотил все, что накипело внутри, и отвернулся. А мужика с рыжими усами, рядом стоящие товарищи уже начали удерживать за плечи... они боялись, что их друг сейчас нападет на мальчишку и тогда первая кровь прольется не с той стороны. А ведь тот господин в красном галстуке точно объяснил, что пока золотые в них не выстрелят, у них нет никакого права нападать.

Николай схватил Анастасию за руку и повел через толпу.

Половина площади перед фасадом штаба была переполнена людьми, но дальше шла та незримая граница, что не давала идти простым людям вперед. Эта граница часто останавливала такие собрания, не позволяя им перелиться во что-то более серьезное. Эта граница есть, тот страх, что заставлял людей пока не приближаться, а лишь что-то кричать в сторону Золотого Общества. Эта граница есть расстояние оружейного выстрела.

Теперь в толпе можно было у каждого заметить то, чем можно было проломить незащищенную голову. От топора до биты. Огнестрельного оружия пока никто не видел, но зато повсюду, тут и там вперед стали пропускать тех, кто пришел сюда с транспарантами в руках, с плакатами «Свободу Шлиссу!» и «Долой насилие!». Обыкновенное мирное требование, которое звучит так радикально в этой стране. Никто не подходил близко, только отдельные золотые люди, как и ребята, иногда протискивались через нее и бежали к своим.

Солнце окончательно поднялось даже над самым высоким зданием Централы. И теперь его лучи разделили площадь на два участка — освещенный и не освещенный. Большая тень от громадного купола, занимавшего большую часть крыши штаба, ложилась прямо на первую половину площади. Как раз туда, где находился ступенчатый подъем, туда, где сегодня

выстроились шеренгами отряды золотого общества и полиции. В два ряда друг за другом они спокойно стояли с карабинами и наблюдали собирающуюся толпу. Их не так много, но достаточно, чтобы перекрыть вход в штаб. Защитить самое сакральное — семь золотых свитков. Никто из простолюдинов не должен трогать их, он даже смотреть на них не имеет права. На лестницах, возле колонн стояли друг на друге зеленые и серые ящики. Несколько людей бегали то к ним, то к отрядам. Но в основном все стояли и наблюдали за толпой. А толпа с замиранием сердца смотрела на них. Те, кто еще хоть чуть-чуть сохранял веру в Золотое Общество, не верили своим глазам. Золотые люди выстроились против простых людей.

«Вы! Те, кто призваны освещать простым людям путь, вы встали против них. Теперь вы винтовкой загоняете людей на путь Истинный. Что сказал бы Алекс Веридас, увидев вас. На этой площади только один изменник... и сейчас он находится в тени собственного величия».

Эти громкие слова выкрикнул один из зачинщиков собрания. Человек в маске и черной мантии, вся голова скрыта под большим капюшоном. Только лишь небольшой кусочек красного галстука виднелся под воротом. Люди слушали его, слушали охотно. Правда, не все... Некоторые, совсем малая, ничтожная часть, поняли, к чему идет дело, и начали спешно покидать площадь. Толпа начинала гудеть все сильнее и сильнее.

Ребята почти добрались до своих. Анастасия, наконец, разглядела, что в руках полиции и золотых людей находятся карабины.

— Что они делают? — спросила она у Николая, но тот лишь пожал плечами, хотя прекрасно понимал, зачем им оружие. Настя и сама догадывалась... но от этого ей становилось только хуже.

— Те немногие, что пришли на Совет? — сказал Зак, оценивая силы — похоже заседание отменяется. Надо найти Сергея Сергеевича.

Скреппа было легко найти, ведь именно ему было поручено охранять порядок в городе и руководить Золотым Обществом. Сейчас он находился там, где должен был. Среди своих подчиненных, за отрядами. Он трепетно смотрел на каждого золотого человека, готовый взять оружие у любого и проверить готов ли тот к бою. Он чувствовал ответственность за каждого, кто находится здесь. Но в суете его было сложно узнать — запыхавшийся человек, с растрепанными волосами, побелевшим лицом, весь в поту, словно его охватила лихорадка.

— Вон он — показал на учителя Николай

Ребята побежали в его сторону. Хотелось поскорее попасть «под крыло». У Скреппа не было оружия, сейчас он раздавал команды и переговаривал с другими офицерами полиции, что делать.

За спиной у ребят, от толпы начали раздаваться оглушительные звуки, руки сами по себе тянулись к ушам, чтобы хоть как-то их уберечь. Люди начали стучать всем, чем попало, всем, что было в руках, по брусчатке, по металлическим ведрам и даже щитам, взявшимся непонятно откуда. Ряды полиции и золотых людей зашевелились, пока что они только переглядывались неодобрительно меж собой. Протестующие своим стуком добились цели, они вселили хоть какое-то беспокойство в золотых людей. Через шум бьющих предметов то и дело золотым людям перекидывались громкие слова. Толпа больше не стеснялась выражений... началась новая фаза. Теперь они не пропускали через себя золотых людей на площадь. Тем приходилось делать большой круг, чтобы войти в штаб через парк с противоположной стороны. Теперь любого человека с золотыми прядями могли

прихлопнуть прямо на месте.

Однако толпа еще не решалась подходить ближе к штабу. А может просто ждала чьей-то команды.

— Профессор! — закричали ребята, подбегая к Скреппу. Сергей Сергеевич обернулся, и ученики замерли, остолбенев от увиденного. Учитель тяжело дышал, хрипел... словно один на один в голове уже сразился с толпой. Весь мокрый и бледный как снег, он смотрел на них стеклянными — Николай не хотел верить что напуганными — глазами. Он не поприветствовал их как обычно, с доброй улыбкой и раскрытыми руками, сейчас было не до распростертых объятий. Зак тут же вышел вперед к нему и, с серьезным, готовым на все видом, пожал Скреппу руку.

— Ребята... наконец-то, вы пришли.

Учитель чуть ли не падал на колени от бессилия. Он искренне, почти до слез, был рад видеть своих учеников. Зак крепко сжал его руку и со всей твердостью в голосе сказал

— Можете на нас рассчитывать.

Скрепп покачал головой и подозвал ближе остальных учеников.

— Они нарушили связь в городе, я не смог дозвониться до вас. Я приказал всем патрульным стекаться сюда. С юга, самый близкий, кто успеет подойти это двадцать восьмой корпус гарнизона Литы. Не много... но хотя бы что-то. Их нужно дожидаться. Я слышал, что такая же толпа сейчас собирается перед Императорским дворцом

— Как по щелчку пальца?

— Именно, друг мой... именно... У нас нет сил ломиться туда сейчас, поэтому ждем подкрепление и защищаем штаб.

Анастасия начала осматриваться по сторонам. В основном, она не спускала глаз с выстроенных отрядов золотых людей, которые все еще молча смотрели на другую часть площади. Бойцы подтаскивали серые и зеленые ящики прямо им за пятки... в них лежали патроны. Это означало, что Скрепп рассчитывал открыть огонь по протестующим. Настя, не верила своим глазам.

— Что здесь происходит... профессор? — сказала она — почему у наших оружие в руках?

Казалось, только она могла спросить это. Только она до последнего не хотела пускать в голову саму мысль о том, что золотые люди встали против людей. Не может быть... нет. Это не правильно... это ошибка. Скрепп догадывался, что она не примет этих решений. Он хорошо знал ее, как ученицу, поэтому сразу же, как можно мягче ответил

— Для нашей же безопасности, Настя. Мы не можем допустить их к свиткам.

Послышались какие-то щелчки. Все сразу развернулись. Звук был такой, как если бы сейчас внезапно начался град и громадные куски льда начали падать на площадь, с треском разбиваясь. Но небо было ясным, это был не град. Из толпы в сторону золотых людей полетели камни. Они не долетали до отрядов и разбивались на куски, но теперь было ясно, на что настроена толпа, к чему готова. Если сейчас в них летят груды камней, то дальше будет хуже. Издалека в толпе можно было заметить, как тех, кто кидает камни, еще пытаются останавливать другие люди. Там завязывались потасовки, и было видно, как потом тела людей утягивают под руки внутрь человеческой массы. Вскоре камней полетело еще больше, но ни один из них по-прежнему не долетал.

Зак, видя все это, решительно спросил у Скреппа

— Профессор, вы хотите, чтобы мы тоже встали с оружием в отряд?

Из-за общего шума было с трудом докричаться друг до друга. Поэтому Сергей Сергеевич, немного подумав, принял для себя тяжелое решение. Он тихо кивнул головой, опустив глаза, и Зак тут же помчался наверх к ящикам у колонн за карабинами. Внутри Николая все поникло. И дело вовсе не в том, что ему первый раз доведется держать в руке настоящее оружие. Дело даже и не в том, что из него придется по кому-то стрелять. Юноша волновался по другому поводу, он посмотрел на трясущуюся Настю. Свой страх она хорошо умела скрывать... но сейчас смятение окутало ее с ног до головы. Сергей Сергеевич заметил это и сразу подошел к ней.

Девушка сначала отшатнулась от него, но Скрепп настойчиво и крепко взял ее за плечи, заставив посмотреть на себя. Первый раз он видел ее такой. Широкие дрожащие глаза, полные страха.

— Я все понимаю, Настенька — Скрепп не отрывался от ее серых глаз, прекрасно осознавая, что и сам боится отдать приказ пролить кровь — но у нас нет другого выхода... я прошу, возьми оружие.

В этот момент Зак спустился к ним уже с двумя карабинами в руках и с двумя за спиной на ремнях. Он непонимающе посмотрел на учителя и Настю. Скрепп выхватил у него один и протянул Насте. Девушка с ужасом взглянула на блеск металлического дула оружия и, покачивая головой, сделала два коротких шага назад, наткнувшись спиной на грудь Николая. Шум толпы все усиливался, но Настя уже не слышала его. Для нее все происходящее сейчас разрушилось в один миг. Учитель тянул ей в руки карабин, чтобы она подавила им восстание. Нажала на курок и отняла жизнь той самой рукой, которой Истина даровала ей возможность спасать людей. Она обернулась и посмотрела на Николая. Тот уже держал в своей руке принятый от Зака карабин. Он держал его крепко и смотрел на нее. Анастасия перевела свой взгляд сначала на оружие потом на его лицо, потом снова на оружие.

— Вы... — упал слабый шепот — вы что... — голос ее сильно дрожал, она чуть ли не плакала — вы... это же люди... наши люди

Она вдруг резко выбила из рук Сергея Сергеевича карабин, который он ей протягивал и тот с треском дерева и железа упал на ступеньки

— Не смей! Не суй мне это в руки! — закричала она и неожиданно резко метнулась к ближайшему построенному отряду золотых людей.

— Вы! Вы сумасшедшие! Опустите оружие!.. Там же люди!

На девушку обратило внимание, обернувшись, от силы пару человек. Они как-то безразлично взглянули на нее и снова отвернулись. Остальные люди ее и не услышали, слишком громко было на площади, надо было орать в ухо, чтобы хоть что-то сказать.

Отряды без команды начали снимать карабины и готовить их к бою. Сначала это сделали несколько человек, потом еще несколько. И вот через секунду уже все стояли и были готовы выстрелить.

— Вы же не давали команды! — закричал Зак, глядя на ошеломленного Скреппа, — они же сейчас сами палить начнут

— Поздно! Толпа бежит на нас!

Толпа действительно как по команде сорвалась с цепи и с диким ором побежала в сторону штаба. Поэтому напуганные полицейские и золотые люди начали сами, без команды, снимать ружья. Крик усилился, и словно лавина подталкивал толпу вперед. Николай краем глаза заметил, как в сторону одного из отрядов полиции, что стояли с самой левой стороны, мелькнуло что-то огненное. Это оказалась бутылка с зажигательной смесью.

Она разбилась в нескольких метрах от первой линии, и полицейские ринулись назад от огня. Ни кого не забрызгало, но люди нарушили строй и попятнулись вверх по лестнице. Одной бутылки хватило, чтобы смять левый фланг.

Скреппу ничего не оставалось, еще мгновение и бойцы сами начнут беспорядочную стрельбу. Что есть силы, он закричал

— Предупредительный в воздух!

Раздался оглушительный залп всех трех сотен золотых людей и полицейских, что стояли здесь. Те, кто секунду назад бежал в толпе на них, начали падать на землю, кто раненый, кто мертвый. Люди приостановились, напуганные... но больше шокированные увиденной кровью. Но затем, почти без раздумий с еще большей яростью двинули на стрелявших.

— В воздух, я сказал!

Армия протестующих была уже настолько близко, что можно было среди общей массы гула, различить крики «Убийцы!», «Долой Убийц!», «Долой Золотое Общество!».

Почти никто в этом ужасе не слышал отчаянного крика Анастасии. Она стояла позади и сквозь пальцы, широкими глазами видела, как исчезал дым и на площади уже прорисовывались с десятков мертвых тел. Это все же случилось... они выстрелили... выстрелили и убили. Ружья для второго залпа были направлены уже не вверх, а прямо в толпу. Настя, заметив это, не выдержала и махом побежала в отряд. Прорезав его, как нож масло, растолкав золотых людей, она вырвалась вперед первой линии и устремилась к толпе.

Николай чуть ли не закричал от увиденного. Сердце как будто отнялось. Он бросил свой карабин и побежал со всех ног за ней. Она неслась навстречу дикарям и что-то кричала. Как будто это могло остановить разъяренную толпу. Ей уже было не жалко себя, лишь бы добраться до раненых и спасти их. Путь все увидят, что золотые люди могут спасти... пусть они остановятся.

Николай догонял ее... их разделяла какая-то пара метров. Он уже мог ладонью схватить краешек ее бордового плаща, что развевался на ветру от бега. Видит ли их Сергей Сергеевич? Что если нет? Сейчас он махнет рукой, и отряды снова выстрелят и тогда вместе с толпой пули угодят им в спину. Он успел. Схватив ее за плечи, юноша силой повалил Настю на холодную брусчатку и зажал ее тело в руках. Девушка дергалась, как в приступе, пытаясь вырваться.

— Нет!.. Нет!.. Нет!.. — надрывалась она — не стреляйте... хватит!

Раздался еще один залп.

Теперь страшный крик из толпы сменился криком другой тональности. Душераздирающей тональности. Последний вздох... последний звук, что человек успевает оставить перед тем, как уйти. На пол валились друг на друга. Умирая в тесных объятиях с товарищами, они пытались хотя бы мысленно, пока голова еще работала, добежать до цели и ударить по золотоволосым. Вырвать их учение с корнем.

Еще залпы, и еще.

Люди мертвыми падали уже прямо у ног Анастасии и Николая. Один из них, с пробитой головой грохнулся прямо перед девушкой. Крик Насти ослабел. Она отвернулась от картины крови и какой-то еще жижи. Прислонившись лицом к груди Николая, она хотела просто зарыться под его плащом, не видеть ничего больше. Слезы закончились, но ее еще трясло в рыданиях. Слабым осипшим голосом она просила остановиться... но теперь ей не было слышно даже саму себя. Николай прижимал Настю к себе как можно сильнее, чтобы она не слышала все новых и новых выстрелов. Она не контролировала себя. Одной рукой

прижимаясь к юноше, держась за него, другой она, словно противореча сама себе, слабо била его по плечу, требовала отпустить ее. Ногами она все еще куда-то бежала, не смотря на то, что уже несколько минут, под нескончаемыми залпами они вдвоем лежали, прикрыв голову. Ноги отталкивались от брусчатки, снизу что-то плескалось, из-за этого ее сапоги потеряли свой черный цвет... они все были красные от лужи крови лежавшего рядом тела.

Минута... еще одна, и еще, и еще.

Все семь с половиной минут показались для них вечностью, каждая секунда словно целая эра. Но время не замедлялось и не ускорялось, оно просто текло. Последний залп раздался снова в воздух. Крики начинали стихать... теперь на площади воцарился общий плач... общая трагедия. Николай приподнял голову и заметил, как толпа в ужасе бежала с площади. Жалкие остатки той толпы, что пришла сюда. Вся площадь была усеяна трупами и полита собственной кровью. Округа постепенно заполнялась мертвецкой тишиной. Золотые люди и полиция молча смотрели на то, что уже нельзя было исправить. Скрепп сидел на ступеньках, закрыв лицо руками. Он молчал, за него говорила дрожь.

Прошло еще пятнадцать минут, но картина не менялась... только солнце ненадолго зашло за серое облако, и теперь тень окончательно поглотила площадь. Люди не шевелились, ни живые, ни мертвые. Анастасия все еще лежала на Николае. Ее ослабевшая рука, наконец, перестала бить юношу по плечу.

Почему она молчит? И почему не шевелиться?

Молодой человек испугался, не ранило ли ее случайно. Она все лежала на его груди с закрытыми глазами, тело иногда подрагивало в судорогах. Такое ощущение, будто бы она прислушивалась к сердцебиению Николая.

— Ты так напуган... — прошептала она и, наконец, подняла медленно голову, посмотрев ему в лицо.

Он увидел все те же серые глаза... так похожие на его собственные. Особенности и редкие глаза, которые серы во мраке, а на свету приобретают голубой оттенок. Но в то же время, это были уже не ее глаза. Она потеряла последний лучик в них. Тот самый лучик, что вместе с улыбкой, когда-то давно навсегда покорило сердце юноши. Глаза опустели... словно выцвели, как краска на солнце, перестали блестеть. И почему-то казалось, что больше ничто не сможет разжечь в них прежний блеск.

Тишина на площади начинала давить уши. Пугать еще больше, чем крик. Нет... это была не простая тишина, не та, что называется состоянием, когда не слышится не единого звука. Сейчас на площади то тут, то там, всюду доносились полумертвые стоны раненых людей. Их агония. Но эти звуки не нарушали тишину. Они дополняли ее... делались частью. Именно поэтому тишина была не простая, а мертвецкая. Каждый стон отдавался в сердцах выживших, особенно в Настином, но теперь девушка уже не показывала своего беспокойства. Она со слабой улыбочкой водила пальцами по шелковой рубашке Николая, по его груди. Николай не знал, зачем она это делает. Он просто ощущал на себе это прикосновение и мочал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Так прошло еще какое-то время.

Анастасия прекратила водить рукой по нему и медленно поднялась на ноги. Холодный, кровавый и пороховой ветер тут же подхватил ее светлые длинные волосы, ее бордовый плащ. Она старалась не попасть глазами на какое-нибудь тело. Это было страшнее всего, увидеть тех, в ком еще совсем недавно билось сердце. Она сразу направила свой взор в

сторону до сих пор стоявших без движения отрядов полиции и золотых людей. Они так и не двигались, ошеломленные тем, что натворили, перед некоторыми из них уже лежали откинутые карабины. Ни одного мертвого человека с золотыми волосами. Все они уцелели. Настя так и смотрела на них, молча стоя над Николаем. Юноша ничего не делал, только наблюдал... он решил, что не сможет найти в себе сил и подняться на ноги. От пережитого страха все тело сильно ломило. Мало-помалу все обратили внимание на девушку и юношу, среди трупов. Все обратили внимание, как она молча уставилась на Скреппа.

Совсем недавно было довольно тепло, а теперь холод ломил зимним морозом. Сергей Сергеевич, увидев, что Николай лежит на площади, а рядом Настя, испугался и вышел вперед, к первой линии отряда. Он начал было думать, что Николая задели, и нужна помощь... но почему тогда Настя стоит без движения и молчит.

Наконец, девушка сделала свой ход. Она расстегнула фибулу на своем бордовом плаще, и в следующий миг плащ был скинут на брусчатку. Он распахнулся, когда падал, и накрыл собой половину ног Николая и полностью всю кровавую лужу от трупа мужчины с пробитой головой. От крови бордовая ткань начала чернеть.

Медленными и ровными шагами, со слабым стуком каблуков по камням — сапоги оставляли кровавый след — Анастасия направилась к Скреппу. С каждым ее шагом сердце Николая, но больше даже сердце Сергея Сергеевича каменело. словно всевышний судья, тяжелыми шагами она шла вперед к нему. Сабля в ножнах на поясе ее белого кителя немного гремела металлом. Скрепп не мог сдвинуться ни на шаг в сторону и просто смотрел.

Расстегнув пуговицы белого кителя, она скинула и его, сабля загремела, когда упала на пол, и ее звук раздался по всей площади. Настины медленные шаги вгоняли в ступор всех, кроме Николая. Юноша продолжал лежать. Теперь девушка осталась только в вишневой рубашке, черных штанах и лакированных сапогах до колен.

— Ну... — окрикнула она всех каким-то не своим, строгим голосом. Голосом осуждения — стреляйте в меня... давайте

Люди молча смотрели на нее. Девушка оглядывала всех и каждого, медленно передвигая головой слева направо, затем снова повернулась на Скреппа.

— Если вам мешает то, что я золотой человек, то представьте что это не так — она резко подняла руку к вороту и в следующую секунду два металлических значка «V» и «V» в круге уже летели вниз. Теперь на вороте неуклюже торчали две нитки и маленькие игольные дырки. Анастасия тяжело дышала полной грудью, ее переполняло какое-то странное чувство, не злое, но огорченное. — Стреляйте, я тоже простой человек.

Некоторые солдаты поникли головой, еще пара ружей упала с грохотом на землю.

— Стреляйте! Вы! Огонь! У меня нет оружия... я безоружна! Ну!

Она подошла совсем близко к Скреппу, их разделяла пара шагов, и продолжала строго кричать, чтобы слышали все без исключения.

— Я же тоже ваш народ... я тоже хочу мира... Стреляйте! Профессор скомандуйте... махните рукой!

Она встала точно перед учителем, другие члены золотого общества расступились назад. Она посмотрела точно ему в глаза, по щеке потекли слезы. Скрепп и сам весь дрожал.

— Как же вы допустили такое... профессор? Вы... Вы сделали из нас убийц... вы...

Она замахнулась на учителя правой рукой и попыталась дать пощечину, но ее за руку крепко схватил, даже немного отдернув, стоявший рядом Зак. Он суровым взглядом посмотрел на девушку, но Настя тоже ответила ледяным взором и рука Зака немного

ослабла.

— Все в порядке, друг мой — Скрепп позволил ему отпустить девушку. Он посмотрел ей в глаза. Все в мужчине требовало отвернуться сейчас, но он должен был сделать это. Должен попросить прощения — прости меня... Настя... Я понимаю тебя, но у меня не было иного выхода.

Анастасия медленно, уже ковыляя, подошла к нему. Скрепп только успел распахнуть руки вовремя, и девушка упала к нему в объятия. Все ее тело задрожало, она уткнулась в плечо учителю и заплакала. Скрепп не переставал гладить ее по волосам.

— Не плачь... прошу тебя, не надо... пожалуйста — тихо сказал он. — Я не люблю, когда плачут дети.

Улица, что проходила прямо перед площадью штаба, где еще совсем недавно толпилось куча народу, теперь опустела. Там, прямо на дороге, остались стоять брошенные машины, в том числе и «Арон» Зака. Где-то вдалеке, со стороны дворца слышались выстрелы и слабо доносящийся гул. Некоторые золотые люди периодически, с явным беспокойством напрягали слух и поворачивались в ту сторону. Кто сейчас может охранять дворец? Наверное, только остатки гвардии... другой вопрос, кто его штурмует?

Общий шок еще не прошел, и хотя Скрепп отдал команду вольно, некоторые люди все еще по инерции стояли в своей линии с карабином в дрожащих руках. Кажется, не только Насте сегодня досталось в плане разрушений идеалов. Девушка сидела в одиночестве под тенью одной из колонн, она отвернулась ото всех. Николай видел ее, но решил, что ей лучше побыть наедине с собой. Зак и Лена говорили друг с другом. Лена славилась своим холодом в душе, но даже сейчас ее глаза были покрасневшие и мокрые. Однако она держалась лучше, чем Настя, Зак крепко прижал ее к себе и неуклюже начал поглаживать голову.

Чувство, что все подошло к концу, ни как не наступало. Крики со стороны императорского дворца не стихали. Николай посмотрел на Скреппа, тот вновь о чем-то беседовал с тройкой высших офицеров. Похоже, что Свитки удалось отстоять... хотя Николай не мог понять, для чего они понадобились простым людям, они все равно не смогут их вскрыть. Или они жаждали уничтожить их?.. нет, на это не решиться даже самый радикальный фанатик.

Вскоре шум с Императорской площади начал пересиливать другой гул. Этот металлический лязг уже не вселял какого-то беспокойства в сердца золотых людей... нет, даже наоборот. С противоположной стороны улицы, в сторону дворца — как раз через штаб — выехала колонна, направленная в помощь из южного города Лита, города, славившегося своей каменной стойкостью во время всех древнейших войн. Сначала по улице медленно проплыло на гусеницах два громадных железных «дома». От увиденного у людей прихватило дыхание, некоторые даже ахнули в слух. Две настоящие гусеничные крепости с большими пушками и пулеметами, показались мимо входа ворот на площадь и проехали дальше к дворцу. Следом за ними тащились с десятков открытых грузовиков, в которых в два ряда сидели люди в черных кителях с серебряными цепями — знаменитая гвардия князя владения Лита, титул которого несколько столетий не носил уже не один человек, давно закончилась та эпоха разделенной страны, но ее символы остались. Каждый солдат держал в руке по длинной пике, на которой закреплялось что-то вроде маленьких ружей. По тротуарам, с

обеих сторон авеню, передвигались собранные со всего Централа остатки патрулей. Маршевым бегом, они старались не отстать от машин. И замыкал колонну длинный черный автомобиль, который притормозил у ворот и завернул на площадь. Машина, чтобы не наехать на мертвые тела еще недавних бунтовщиков, объехала площадь по периметру и остановилась у самого подножья лестничного подъема. Скрепп, Зак, Николай и еще несколько офицеров приблизились к машине.

Дверь распахнулась и оттуда медленно, переваливая одну ногу за другой, вышел широкий — не сказать, что полный — мужчина. Длинные как боевые шашки, острые усы были направлены вверх и доставали чуть ли не до самых висков. Смуглое, грозное лицо... которое можно было нарисовать на одной из недавно проехавших гусеничных крепостей для устрашения врагов. Он надел на свою лысую голову черную фуражку и отдал честь Скреппу. Сергей Сергеевич ответил тем же.

Николай сразу заметил небольшую красную папку в его руках, которая была просто переполнена какими-то бумагами.

— Честь имею, господа — сказал тучным басом этот офицер и тут же нырнул в папку за одним из документов — связь в городе не работает, поэтому донесение лично полковнику Скреппу на бумаге.

Сергей Сергеевич принял бумагу и тут же начал бегать по ней глазами. Прочитав текст несколько раз, он снова посмотрел на офицера.

— У вас есть свободные грузовики? У меня с собой две сотни золотых людей и сотня полицейских. — Он спрятал бумагу в карман — Или нам бегом до дворца бежать?

— Все готово, ваши машины стоят у вас за сквером на другой улице.

— Очень хорошо.

Скрепп уже был готов скомандовать своим «строиться», но офицер еще раз обратился к нему

— Полковник, думаю, вам следует знать. Мы получили небольшую информацию из дворца. Там осталась императорская гвардия, и она докладывает, что у толпы там, практически у всех есть оружие... и что вместе с простыми людьми, там действуют подозрительные личности. Их описывают, как «черных людей в масках»

Николай, услышав это, сразу подумал, что люди в черных масках, скорее всего, имеют еще и красные галстуки. Значит, Чадаев выбрал главную цель Императорский дворец, а атака на их штаб была отвлекающей? Или он просто хотел выиграть время?

До дворца, с учетом скорости грузовиков, можно было добраться чуть более чем за час. Николай надежно закрепил в себе мысль, что Чадаев непременно руководит этой атакой... не зря же он кинул слова, что Императора скоро не станет. Нет... к тому моменту, пока войска доедут до императорской площади, люди из ордена уже займут дворец, перебив всю гвардию. Надо действовать.

— Учитель, позвольте нам с Заком на машине добраться туда кратчайшим путем.

Скрепп как-то подозрительно посмотрел на юношу, и Николаю сразу вспомнились его слова о самоконтроле и диком желании мести. Конечно, это было так... нельзя терять ни секунды, наконец-то судьба предоставила возможность встретиться с заклятым врагом на поле боя. Николай чувствовал, что Чадаев сейчас вместе с протестующими ломится к дверям дворца. И юноша уже не ждал, что ответит Скрепп, он бы и без его разрешения, совсем один готов был ринуться в драку. Он почувствовал, как огонь приливает к сердцу, как в груди вновь начинает что-то покалывать и он вновь ощущает в себе эту жестокость ко всему, что

стоит на его пути. Почему вы молчите учитель?

Скрепп не отрывал взгляда от него. Он как будто продумывал сотни мыслей сразу и не решался дать ответ, юноша начал было думать, что профессор сейчас скажет Заку запереть ученика в самом темном углу Штаба Золотого Общества. Но Скрепп, неожиданно для Николая, утвердительно кивнул.

— Будьте осторожны

Николай тут же сжал кулак и поклонился в пояс профессору. Он схватил Зака и повел его к улице через площадь трупов. «Арон» все еще стоял, готовый служить. Не успели они добежать до машины, как сзади их окрикнули два женских голоса. Лена и Настя бежали к ним и махали рукой. Николай искренне удивился, что Настя снова готова к бою... значить в его стремлении остановить Чадаева они едины. Тем временем остальные золотые люди колоннами начали уходить за здание штаба, где их ждали грузовики. Зак быстрыми и ловкими движениями, кажется, он совершал по три действия за секунду, повернул ключ, рычаг, выкрутил руль и вжал в педаль. Машина понеслась по опустошенным разгромом дорогам. Грязным от мусора, время убирать который настанет еще не скоро. Николай хотел сказать Заку спасибо, что он вел сейчас машину... что выручил его, помог с важным делом. Что если бы не «Арон»? Но, он проглотил свою благодарность... для нее не оставалось места в голове. Все было направлено только на одного человека, на Чадаева.

Вскоре они нагнали колону из грузовиков и двигающихся крепостей. Обгонять ее пришлось по другой улице, потому что тротуары были заняты патрульными. Николай посмотрел на Настю. Девушка все еще немного подавленная, смотрела на опустошенные витрины дорогих салонов, что рядами шли повсюду на первых этажах зданий. Они уже были разбиты, и никто не мешал ворами вытаскивать последнюю брошку.

— Вот как — иронично произнесла она — пока идейные люди проливают кровь за свое будущее на площадях, всякая падаль лишает их этого будущего здесь, воруя, что под руку попадет.

— Ни слова больше об идейных людях, Романова — рывкнул Зак и еще раз переключил рычаг, машина ускорилась.

Настя вновь замолчала, с серым взглядом наблюдая за окном.

До дворца оставалось всего ничего, и уже сейчас были слышны многочисленные беспорядочные выстрелы и шум толпы.

Императорская площадь оказалась почти пустой. Восставшие оттесняли гвардейцев уже на парадном лестничном подъеме. Солдаты забаррикадировались там и не подпускали толпу близко. На площади так же то тут, то там уже виднелись трупы — видимо, по протестующим начали стрелять еще на подходе.

— Давай прямо на площадь! — крикнул Николай и Зак резко выкрутил руль, даже колеса закрипели. Машина выехала с дороги на брусчатку Императорской площади. Теперь она на всех парах наслать к входу во дворец. В толпе то и дело ярко вспыхивали то желтые, то красные, то синие огоньки, то искорки и лучи света.

— Там дерутся четвертой составляющей... — прошептала Лена

Удивительно было, как такому до сих пор можно было сопротивляться. Надо было отдать должное гвардии Его Величества.

— Мы не доедем... там брошенные баррикады около входа — крикнул Зак, сбавляя скорость

За пару сотен метров от главного действия, от входа во дворец, площадь была заставлена

машинами и ящиками. Здесь повсюду лежали мертвые тела. Кто-то был в простой одежде, а некоторые в пышных мундирах гвардии. Всюду лежали ружья и карабины, биты, кирки и прочее. Все это было омыто кровью. Видимо, бой начался здесь. Первую волну гвардейцам не удалось остановить, и они отступили к самому входу. Ребята вышли из машины. Николай сразу заметил, что среди прочих трупов лежит одно тело в черной мантии. На груди этого трупа был красный галстук, а лицо наполовину скрыто маской. Настя и Лена тоже оглядывали тела глазами. К горлу подступал ком, но реальность не давали потерять пальба и крики дальше впереди, у дворца. Некоторые тела были сильно обезображены — сожжены или заморожены, некоторые словно взорваны изнутри или расплавлены. Но большинство все же сразила пуля или бита.

Ребята перебрались через баррикады и побежали в сторону боя.

Было видно, как бунтовщики засели у подножья лестницы, за ящиками и перестреливались с гвардейцами, что были в несколько рядов на ступеньках выше и тоже прятались за ящиками. Уровень за уровнем, ступенька за ступенькой, короткими перебежками простые люди теснили защитников дворца. Последних оставалось совсем немного. Их главный оплот был на самой вершине подъема, у самих дверей. Это место то и дело поливалось огнем, льдом, молнией и каким-то обжигающим светом, помимо пуль и камней.

Николай уже поднял рукав своего бордового плаща и зажег огонь на руке. Красный, осветивший все на несколько метров вокруг даже при дневном свете. Юноша почувствовал его силу, мощь, которая сбивала дыхание и накатывала на глаза. В левую руку он взял саблю. Лена ударила ладонь об кулак, и, в следующий миг, он весь покрылся голубым инеем.

Зак сделал обе руки металлическими и с громким оглушительным, как у дикого зверя, ором с разбегу ударил ближайшего человека, который только сделал свой выстрел в гвардию. Человек, с кровью изо рта от удара улетел на метр, с грохотом без сознания повалившись на пол. Два его товарища, один с трубой, другой с палкой, тут же ринулись на Зака мстить. Тот, что был с трубой, сразу же получил под дых и следом, локтем по голове. А тот, что с палкой, уже замахивался на Зака, но был остановлен острым, как бритва, куском льда, что пустила в его голову Лена. Лед был настолько крепок, что пробил насквозь голову мужика и тот с закатившимися глазами и вытянутым языком, на последнем дыхании упал замертво.

Николай пока никого не бил, он высматривал в толпе единственного человека. Но тут, внезапно, все протестующие, словно как по сигналу трубача, поднялись из-за своих укрытий и с победным криком ринулись на последний оплот гвардейцев. Впереди всех, окутывая черным плащом свои следы, мчался кверху он, крепкий высокий человек. Николай практически сразу узнал его по затылку. Широкая голова, на которой не осталось волос. Сабля в одной руке и синее пламя в другой. Он рубил одного гвардейца за другим, а потом, перепрыгнув баррикады, скрылся за открытыми дверьми в глубине дворца.

— Смерть императору! — поддавались общему ликованию восставшие — Слава Шлиссу!

Николай оскалил зубы, челюсти захрустели. Он разжег огонь на руке до плеча и помчался вверх, не смотря ни на кого. Следом за Чадаевым.

Зак и Лена обернулись. На площадь выехали две гусеничные крепости. Гвардия Литы уже построилась и маршем, с винтовками наперевес наступала на восставших. Кажется, они запели какую-то песню. В таком шуме было не разобрать, но шли они красиво, в ногу. Серебряные цепи в такт били по груди их черных кителей. Лакированные сапоги четко

отдавали цоканье на всю площадь. Следом за гвардией Литы, с другой стороны площади подъехали еще несколько грузовиков. Восставшие заметили и их. Там начинали собираться силуэты в бордовых плащах с золотыми орнаментами. И даже отсюда было видно, как выделяются золотые волосы на головах этих людей. Они тоже построились, но уже не маршем, а бегом ринулись к дворцу.

— Встретим этих гнид достойно! — Закричали в толпе и тут же раздались победные возгласы. Люди были готовы сразиться с тем, кто был им не по зубам. Но другого выхода не было.

Николай пробежал половину лестницы с дикими криками. Вскоре за Чадаевым, размахивая своими длинными руками-лезвиями и кося людей налево и направо, следом забежала девушка с вишневыми волосами. Ал двигалась так быстро, что глаз с трудом успевал только за ее перемещением, не говоря уж о технике удара рук. Только черный силуэт и багровые брызги. Она тоже скрылась внутри дворца.

Николай не трогал никого, просто мчался к той же двери. Откуда-то взялось столько сил, что уже вторая сотня ступенек прошла незаметно. В голове нарастало «Убей его... убей!» Минувя гвардейцев, он вбежал во дворец. Юноша и не заметил, что его все это время пыталась догнать Анастасия, он не слышал ее криков, девушка не успевала за ним. В итоге Настя только лишь увидела, как краешек бордового плаща Николая скрылся за углом двери. Ее сердце колотилось, теперь уже она беспокоилась за Николая... опасно было допускать этот неравный бой. Надо догнать его.

Зак с Леной тоже решили долго не задерживаться внизу. Остальные золотые люди были уже в нескольких десятках метрах, поэтому Свиридовы стали подняться за Николаем. Но они не прошли даже четверти пути.

— А... вот и вы, далеко собрались?

Им перегородил дорогу человек, чье лицо скрывала маска. Но этот проклятый, ехидный голосок Зак и Лена узнают везде. Артур Мак-Бауман стоял точно перед ними. В одной руке его сверкал маленький электрический шарик, в другой что-то вроде черного клинка, причудливой формы — с разными углами и изворотами, множеством отверстий в самом лезвии.

Артур аккуратно поправил свой красный галстук и все же соизволил стянуть с лица маску.

— Похвально, в первых рядах — посмеялся Артур, Зак уже не мог сдерживаться, не известно, что сжималось крепче, его кулаки от ярости или зубы от гнева. — Ты, — Мак-Бауман показал клинком на Лену — сначала я убью тебя.

Мак-Бауман резко хлопнул ладонями и развел их. Между ними появилась большая искра, которая со сверкающим грохотом тут же устремилась в Лену. Девушка отскочила, и молния ударила точно в ступеньки у нее под ногами

— Получи!.. — крикнул Зак и метнулся на Артура, ударив друг об друга два металлических кулака. Мак-Бауман стоял выше, и Заку пришлось бить с прыжка. Он соединил ладони в общий кулак и замахнулся. Артур отпрыгнул еще на две ступеньки вверх, а то место, где он стоял, превратилось в большую рытвину от удара. Камни раскололись и полетели в разные стороны. Зак поднял голову, со злобным оскалом, поняв, что не попал.

— Молния и железо... — усмехнулся Артур — давно я не получал удовольствия от боя

Тем временем отряды золотых людей врезались в толпу восставших. Тут же начались разнообразные вспышки, взрывы, удары и крики. Выстрелить почти никто не успевал.

Мак-Бауман резко присел и опустил обе ладони на лестницу. Через секунду от его рук что-то сверкнуло и к Лене, дробя ступеньки на своем пути, направились две «подземные» молнии. Но Лена и в этот раз успела ответить. Она тоже присела и опустила обе руки на пол, в следующий миг перед ней выросла громадная двухметровая глыба льда. Этот айсберг принял на себя весь удар и разлетелся, девушка осталась цела. Зак встал ровно и начал размахивать кулаками.

— Эй! Дерись со мной!

Он тут же замахнулся правой рукой на Артура и с устрашающим криком попытался ударить его. Но тяжелые атаки кулаков Зака были медленны. Артур почти закрытыми глазами отскакивал от каждой. Ступенька за ступенькой он поднимался все выше и выше, не нанося Заку ударов в ответ. Лишь только один раз, когда Зак обманул его и, вместо того что бы сделать подсечку, резко направил кулак прямо ему в сердце, Артуру пришлось отвести удар. Он схватил его руку и перекинул через себя. Зак со сдерживаемым криком повалился на углы ступенек.

— Только кулаками и умеешь размахивать? — он дал подняться Заку, но потом сразу же ударил его с разворота ногой. Зак, получив сапогом в бок, начал падать вниз по лестнице.

Артур вновь хлопнул ладонями и развел их. Образовалась искра, которая готова была направиться в Зака. Лена, поднявшись на ноги, коснулась ладонями ступенек и от них к Артуру мгновенно начала образовываться ледяная корка. Она подлетела точно под ноги Мак-Бауману, и тот поскользнулся, упав на спину. Его молния швырнулась в небо.

Когда Артур поднялся на корточки и осмотрелся, он успел увидеть только то, как Зак бежит на него с криком и выставленным плечом, словно готовый выбить дверь. Из ноздрей его буквально выходил пар, глаза сверкали. Он ударил его весом всего тела, Артур не мог устоять и снова упал, закрываясь теперь от града пинков Зака и еще пары других золотых людей, что добрались сюда.

Артур с трудом сопротивлялся, и кричал какие-то ругательства в их сторону. Он посмотрел на пол и увидел, как от него вверх, поглощая все на своем пути, медленно начинает появляться лед. Тело Мак-Баумана начинало вмерзать в большую глыбу, он заметил это слишком поздно и ничего не мог уже поделать. Теперь ему оставалось только кричать от нестерпимой боли и погружаться в лед. Золотые люди отошли от него, Зак обернулся. Лена двумя руками посылала светящийся лед по созданной корке на Артура. Медленно и хладнокровно она смотрела, как убивает его. Наконец, тело полностью скрылось в большой ледяной куб.

— Он умер? — тихо спросил тяжело дышавший Зак, смотря на кричащее лицо Мак-Баумана, которое больше не издавало ни звука.

— Не знаю... — ответила Лена — все зависит от того, насколько была тепла его душа... но я сомневаюсь...

— Ладно... времени мало — он подошел к ней и протянул руку — надо догнать остальных, вставай, дорогая моя.

Николай задыхался. Бесперывный бег по всему первому этажу вымотал его, надо поберечь силы. Сколько же здесь комнат — сотни, казалось даже тысячи! Все пышные, светлые, в них можно утонуть... попросту не заметить себя. Одна только мебель могла

стоять столько, сколько стоили маленькие деревеньки на юге страны. Кажется, он слышал вдалеке крики Анастасии... Идти искать ее? Или она сама его ищет? Сейчас ему нужен другой человек.

Один громадный зал за другим, были и маленькие комнатки, и залы аудиенций. В глубине дворца находилось еще одно странное место с колоннами, терявшимися в темноте под самым потолком. Они как будто тонули во мраке. Здесь было темно и прохладно... может он ненароком спустился в подвал? Не похоже — окна выходят на улицу. Здесь всюду мрак и всюду картины на стенах, взиравшие свысока на суету молодого человека, что метался между колонн. Да еще этот нехороший зеркальный блеск мрамора, отражавший огонь на руке. Складывалось ощущение, будто он попал в лабиринт.

— Где ты... где! — твердил Николай сам себе

Второй этаж был сплошь и рядом заполнен комнатами для личного пользования Его Величества. От бильярдной до спальни они шли рядами в едином длинном коридоре. На массивные бело-золотые двери падал свет из больших окон с противоположной стены.

Юноша принялся открывать одну комнату за другой, пока случайно не заметил, что в самом конце коридора немного приоткрыты самые большие двери. Это зал трапезной. В три человеческих роста вход.

Николай добрался до них и, не без труда, отворил одну дверь. Он оказался в огромнейшем зале. Здесь все было в синем и красном от длинных штор, которые закрывали пять окон на полстены, до обивки диванчиков, расставленных возле стен, стульев около длинного белого стола. Пустого стола. Сотня стульев с разных сторон и один большой трон, находившийся во главе, напротив входа. Здесь все сверкало бронзовым орнаментом, оплетавшим мебель, темно-коричневый мрамор подыгрывал этим оттенкам. Вместо потолка, крыша была застеклена, это делало комнату очень осветленной... но видимо Императору нравилось принимать пищу под открытым небом, а может ночью здесь все выглядело еще более волшебным.

Арочные стены, за которыми шли выходы в другие помещения, прямо возле арок, маленькими деревцами в рядах росли декоративные вишни и кусты с цветами. Все это превращало зал в огромный сад под небом.

— Великолепная у него трапезная? Не правда ли?

Чадаев сидел на троне, во главе стола. Николай сразу его заметил. Сердце сжалось, словно тело погрузили в ледяную воду. Дмитрий перекинул ногу на ногу и положил их на обеденный стол, бросив косой, отреченный взгляд на юношу. — Посмотри, какие арки. Они расписаны, над каждой капля сотни мастеров.

Николай, сам не понимая, зачем это делает — его мысль не успевала за действием — наступил одной ногой на стул и, как по лестнице, взобрался на белую отполированную поверхность стола. Не спеша, он направился к Чадаеву. Он видел его лицо все яснее и яснее. Глаза наполнялись огнем, рука тряслась и разгоралась все больше. Он выхватил, с металлическим лязгом, саблю из ножен и крепко сжал ее. Теперь ты никуда не уйдешь... сегодня все закончится. Либо ты, либо я.

— Демонстративно встал на стол, чтобы показать, что находишься выше меня? — Чадаев сказал это голосом пониже. В нем снова появился тот пугающий оттенок. Дмитрий тоже поднялся с трона и медленно достал из ножен свою саблю. Чадаев встал немного сбоку от стола, но не принимал ни одну из знакомых Николаю боевых стоек. Он просто стоял с опущенным клинком и говорил с юношей.

— А не ошибешься? Если убьешь меня? — спросил Чадаев, и Николай почувствовал, как волна гнева заливает его, готовясь проломить последнюю плотину. Никола держал саблю поднятой и старался хоть немного думать головой. Солнце, что поливало весь зал лучами, медленно закрылось серыми облаками. Это случилось так быстро, словно кто-то специально нагнал эти тучи прямо над городом. В зале все покрылось мраком, бронза, стол, клинки перестали сверкать.

Чадаев продолжал

— Что если я стану лучшим отцом для Веридаса? Лучше, чем Маар... кстати, где он?

— Ты проиграл — ломающимся от злости голосом сказал Николай — Его Величество сейчас в безопасности далеко отсюда. А твоя жизнь сегодня оборвется здесь.

Николай с диким криком ударил саблей по Дмитрию. Чадаев с громким смехом, раскрытыми глазами, удивляясь, как быстро юноша перешел к действию, подставил блок. Раздался лязг. Дмитрий одной рукой с клинком оттолкнул все навалившееся на саблю тело Николая. Николай даже не поверил, что он сделал это без какой-то дополнительной силы... ужасная мощь. Юноша задел стул спиной и чуть не потерял равновесие. Он тут же сделал еще один резкий выпад, нанося удар острием снизу. Чадаев даже не стал его блокировать. Он с легкой ногой, как будто пританцовывая, отошел и пропустил Николая вперед. У него была возможность огреть юношу по спине, но он лишь улыбнулся и отошел, ожидая следующей атаки Николая. Юноша, вновь промахнувшись, сделал резкий разворот и попытался нанести рубящий удар. Он делал все как можно быстрее, но тело почему-то немело... оно боялось и дрожало. Гнев уступал страху, вернее сливался с ним в единое чувство.

Чадаев, продолжая насмехаться над ним, вновь поставил обычный блок, даже не взяв клинок в две руки, хотя Николай бил со всей силы. Владея оружием через одну руку, он мог действовать намного быстрее скованного юноши. Николай где-то в глубине понимал это, но продолжал наносить медленные разъяренные удары, один за другим. И после каждого отбитого удара он впадал в отчаяние. Он хотел разбить Чадаева, все эти годы, мечтал, но теперь, когда он стоит перед ним, Николай ничего не может сделать. Неужели он не готов... ведь Чадаев еще даже не контратакует, он играет с мальчишкой. Весь зал заполнился частым скрежетом клинков и смехом Чадаева.

— Нет... друг мой — протянул Дмитрий — Скрепп плохо тебя обучил.

Николай разозлился и, отставив руку, со всей силы собрав огонь в ладонь, метнул красный горящий шар в него. Дмитрий каким-то образом отбил его вниз своим клинком, и шар расколол начисто половину мраморного пола во всем зале.

Юноша выставил лезвие плашмя перед своими глазами и провел большим пальцем по нему. Вслед за пальцем на клинке оставался огненный след, сабля вспыхнула красным огнем. Чадаев тоже приложил два пальца к основанию своего клинка, и его лезвие тоже вспыхнуло синим пламенем само по себе.

Николай схватил эфес тяжелым хватом, двумя руками и поднял его до пояса. Теперь он несся на Дмитрия с огненным мечом. Чадаев тоже взял оружие в обе руки и выставил его против удара юноши. Два полыхающих лезвия столкнулись, сотни искр посыпались на пол. Зубы Николая так крепко сжимались, что уже начинала болеть голова. Он всем телом навалился на клинок, но Чадаев не поддавался. Он пересилил юношу и оттолкнул его от себя. Теперь Дмитрий перестал играть, он начал нападать. Искры то и дело заливали все вокруг. Металлические удары теперь сопровождались шумом движущегося огня и глухими хлопками. Николай шаг за шагом отходил. Молниеносные атаки Дмитрия было не то, что

трудно отбить. Их было невозможно заметить. Только сверкающие синее и красное лезвия в темноте.

У входа послышался лязг сабли. Анастасия вошла в зал и увидела, как дерутся Николай и Чадаев. Она выхватила свой клинок и ринулась к спине Дмитрия. Теперь Чадаев оказался зажатым между двумя противниками, и ему приходилось поочередно отбивать атаки. Но он по-прежнему делал это с легкостью и насмешкой.

— Ты хорошо дерешься — сказал он Насте, отталкивая его силовую атаку. Дмитрия оттесняли к выходу из зала, он схватил один из стульев для гостей и швырнул его в Анастасию. Девушка подставила спину, но тяжелый стул все равно сбил ее с ног. Чадаев одной рукой перепрыгнул через стол и устремился к дверям. Николай не отставал от Дмитрия, он тоже перепрыгнул через стол прямо перед ним. Искры продолжали разлетаться во все стороны.

Настя поднялась на ноги и обходила Чадаева со стороны, чтобы не дать сбежать. Он оттолкнул Николая ногой и успел чиркнуть ему горящим клинком по ноге. Николай закричал не столько от пореза, сколько от синего пламени. Анастасия, увидев это, перепрыгнула через стол и подбежала к юноше. Чадаев уже выбегал из комнаты.

— Нет... быстрее, он уйдет! — крикнул Николай сквозь боль, поднимаясь на ноги и держась ладонью за кровоточащую рану. Анастасия пропустила его слова мимо ушей и прислонила два пальца к его порезу. Тут же голубое свечение от ее рук начало понемногу убавлять боль юноши и останавливать кровь. Ее четвертая составляющая всегда эффективнее всего работала на Николае, словно и существовала только для него. У Николая в голове не укладывалось, что они посмели потерять целую минуту. Он ринулся за Чадаевым со всех ног, с глухим, подавленным криком. Настя побежала следом.

Он заметил, как Чадаев, уже с убранный саблей, скрылся за бесконечными рядами колонн вдалеке.

— Ты не спрячешься... — крикнул Николай и побежал во мрак — Стой! Убийца!

— Николай, он... — голос Насти уже практически не слышался. Его начисто глушил внутренний голос неутолимой жажды. Желания, что подпитывалось из темноты окружения этого зала. Снова стало холодно, в груди что-то покалывало. Он уже с трудом дышал от усталости, но продолжал бежать. Анастасия, наконец, догнала его. — Твоя рука... — прикрыла рот девушка, с шокированными глазами смотря на полыхающую до самого верха руку Николая, зажигавшая саблю, которая уже вся побелела от огня. Он не смотрел на Настю, он глубоко выдыхал воздух, как разъяренный дикий зверь.

— Я видел, он побежал в тот коридор — Николай показал на длинный проход, откуда нет выхода. Темный коридор, с одной единственной дверью на конце. Туда Чадаев и забежал. Теперь он в ловушке. Николай улыбнулся и медленно зашагал в ту сторону. Анастасия, оглядываясь, пошла следом.

Коридор был очень длинным, погруженным в крошечную тьму. Только лишь маленький кусочек света из открытого прохода в самом конце проливался в него. Николай подходил все ближе и ближе. Тишину нарушали только их тяжелые ступи сапогов. Наконец-то... кто бы мог подумать, сегодняшним днем все закончится, пройдет вся та боль, что он испытал с того самого вечера в Ужице. Все встанет на свои места и каждый получит по заслугам. Наконец-то он узнает, где его отец, наконец-то, он сможет отомстить. Еще пара метров и настанет это мгновение...

Николай медленно вступил на порог открытой комнаты в конце коридора. Он тут же

остановился.

Перед лицом юноши был выставлен револьвер, черным дулом замораживающий огонь в глазах Николая. Такая глупая ошибка непрослительна. Он остановился, холодный пот выступил у него. Рука с оружием опустилась и медленно от локтей к кончикам пальцев огонь начал гаснуть, оставляя только небольшой дымок. Чадаев смотрел мальчику прямо в глаза. Смотрел и оценивал, на самом ли деле Николай такой идиот, или нет. Он смотрел на него серьезно, как на достойного соперника. Позади Чадаева стояли еще пара людей в темных мантиях и красных галстуках.

Сзади послышался грохот. Николай с окаменевшим сердцем обернулся. Анастасия повалилась без сознания, над ее телом стояла Ал. Она пригрела девушку по затылку и теперь поднимала на руки, чтобы затащить в помещение. Это он виноват... он попался. Николай не мог просто смотреть на это, он отвел ногу и уже собирался подбежать к Насте.

— Стой на месте — скомандовал Чадаев строго.

Они простояли так несколько минут, пока Чадаев не мотнул револьвером на два стула со сдвинутыми спинками. На одном из них уже была привязана Настя. Ал пыталась ее вернуть к сознанию. На второй нужно было сесть Николаю. Вскоре в комнату вошли еще несколько человек с красными галстуками в масках. Они поклонились Чадаеву и отошли в сторону просто наблюдать. Николая привязали так крепко, что руки начинали пульсировать.

— Эй, очнись, девочка... ну пожалуйста, я же не сильно тебя ударила — Ал хлопала по щеке Настю. Та, наконец, очнулась и посмотрела в ее радостные зеленые глаза.

Николай понял, что деваться уже некуда, он снова в том же положении, что и во время первой встречи. Юноша поник головой. Оставалось надеяться только на то, что Зак, Лена и остальные быстро найдут их. Чадаев передал револьвер одному из подчиненных. Он стал медленно обходить ребят, смотря то на Настю, то на Николая. Ал тоже отошла в сторону.

— Лучше бы выслушал меня, прежде чем набрасываться... — спокойно заключил он — Если бы ты убил меня, что дальше? А? Ты думаешь, что это я разрушаю империю... Думаешь, что остановишь меня, остановишь движение Освобождения?

Николай продолжал злобно смотреть на Чадаева. От самого его голоса уже не то, что помутилось в глазах, уже начинало тошнить. Дмитрий продолжал

— Сколько свитков ты прочитал? Пять? — он силой оторвал с воротника юноши два статусных значка и, посмотрев на них, выкинул куда-то в другой конец этой большой комнаты. — Пять... видимо теперь считаешь себя наименьшим человеком... не то, что эти дикие, тупорылые люди, которые даже не удостоились права покрасить себе волосы в золотой. Ты-то уж точно заметил правила, оставленные человечеству самой истинной, да? Что ты молчишь? Заметил? А ты? — он обратился к Анастасии, но девушка молча глядела себе под ноги — Великие законы, которые почему-то дано интерпретировать только избранным, а остальным остается лишь слушать и повиноваться.

Чадаев говорил громко и воодушевленно, словно фанатик. Препрежнее спокойствие в его голосе таяло на глазах. Он продолжал ходить кругами вокруг Насти и Николая.

— Простые круговые шифры... которые не до конца расшифрованы, последний из них, так вообще только я прочитал... И вы имеете право подчинять людей? — он приблизился к лицу Николая, юноша продолжал тяжело дышать и смотреть на него — Ты же это сам прекрасно понимаешь, ведь понимаешь? Вы дурачите людей, создавая из свитков свои моральные кодексы... вгоняете их в моральное рабство... а если что не по вашей воле, вы начинаете расстреливать их — Чадаев улыбнулся — Прямо как сегодня.

— Заткнись, скот! — не выдержал Николай — в смерти столько людей виноват только ты, ты направил их на нас! Это твои руки по локоть в крови...

Дмитрий разозлился и тут же заставил его замолчать, ударив с размаху в лицо. Кровь изо рта пролилась на пол. Ал отвернулась, как будто испугавшись вида столь любимой ею крови.

— Никто не смеет перебивать и оскорблять меня... знай свое место, Владыч.

Анастасия тихо продолжила за Николая

— В свитках указан путь совершенного человека. Разве четвертая составляющая не есть тому доказательство?

Чадаев замолчал и вновь начал ходить кругами вокруг них, изредка меняя направление. Все его подчиненные не отрывали взгляда от хозяина.

— Я тоже так думал... — совершенно другим, более спокойным голосом ответил Дмитрий — я уже стар... не один десяток лет на моем счету, но только недавно я осознал, что стадия Идеального Человека, к которому ведут свитки, это лишь начало, лишь прелюдия перед нечто большим... Я понял, для чего нужны пустые круги в каждом свитке. Все вы думаете, что седьмой свиток содержит конечный закон, тайну мироздания. — Чадаев ухмыльнулся, — именно из-за этого заблуждения вы позволяете себе дурачить людей. Вы называете мой Орден отступничеством, лжеистиной... но это вы ошиблись... не я. Вы топите несогласных в их же крови... только потому, что они нашли противоречие в вас самих. Не в одном свитке не сказано убивать за непослушание. Вот почему люди идут за мной... я хочу изменить Веридас, освободить его от «золотой холеры».

— Заткнись... — Николай тихо прошипел, он уже не боялся, даже заметив, что рука Чадаева вспыхнула голубым пламенем — ради этой чертовщины ты сам уже пролил море крови... это ты убийца — по щеке Николая потекла слеза, он старался сдерживаться, чтобы не сжечь стулья и себя с Настей вместе с ними — убийца! Ты сам идешь по трупам к своей цели, какой бы она не была, ты убийца!

Чадаев с плеча ударил Николаю в челюсть. Оба стула пошатнулись, чуть не опрокинувшись.

— Я не смогу освободить людей, не избавив их от зрителей!

— Мы боремся только с чиновниками и полицией — вступилась Ал

Николай опустил голову, проглатывая слезы и боль

— Убийца... ты убийца... — не останавливался он, бормоча себе под нос. Анастасия взяла его за ладонь сзади — ты убил мою семью! Тогда летом... ночью, твой человек пришел и убил мою мать... и меня.

Чадаев присел на один из ящиков, что стояли возле стены. Его люди, в том числе Ал, озадаченно посмотрели на него. Чадаев провел рукой по своей лысой голове и постаревшему лицу.

— Я знал, что ты не присоединишься ко мне... Это был предсказуемый ответ... чего еще можно было ожидать от сына Драгана — Чадаев как-то по-доброму, словно растворившись в ностальгии, улыбнулся. Он встал с ящиков и подошел прямо к Николаю.

— Тринадцать лет назад я убил твоего отца... он предал меня, не согласился с моими словами и я не простил этого. В гневе я послал своего человека отомстить ему даже после смерти. Когда я остыл, было уже поздно. Я долго жалел, что лишил лучшего друга семьи... хотя какая ему разница, он ведь все равно ушел вперед вас... Я не простил ему несогласие. Ты и твоя мать просто оказались под рукой. Я был искренне рад, когда узнал, что ты

выжил... поэтому я хотел, чтобы ты пошел со мной.

Николай как пронзенный кинжалом, со стеклянными раскрытыми глазами смотрел на Чадаева. Юноша чувствовал, как рука Насти дрожит, девушка трясется, она плачет... А Дмитрий невозмутимо, даже без капельки сожаления рассказывает ему все это... как последнее чудовище. В груди все закололо так сильно, что Николай почти вскрикнул от боли. На секунду ему привиделся окровавленный труп Чадаева... что это? Воплощение желания? Веревки, связывающие его, все равно были крепки... но вот огонь контролировать было практически невозможно. Если он сейчас загордится, то принесет нестерпимую боль Насте. Нельзя было навредить любимому человеку, он твердил это себе в голове, подавляя что-то темное внутри.

— Я думал, Скрепп рассказывал тебе. Кажется, он первый, кто узнал о его гибели...

— Милорд, милорд!

В комнату вбежало с десятков рыцарей Ордена Чадаева. Они тяжело дышали и смотрели на Дмитрия. Чадаев развернулся к ним

— Милорд, люди императора и золотое общество уже во дворце...

Дмитрий заставил замолчать говорившего человека, подняв палец, и снова обратился к Николаю

— Подумай обо всем, что услышал здесь...

Сказав это, Чадаев кинул странный взгляд на Анастасию, которая с красными, пустыми глазами смотрела в никуда. Дмитрий о чем-то задумался, но потом вышел из комнаты, следом за ним направились остальные люди.

Через мгновение здесь остались только Настя и Николай, связанные на стульях. Они сидели молча. Мальчик продолжал широкими глазами сверлить пол, не веря услышанному. Отца не было смысла искать... все эти тринадцать лет он гонялся незачем... просто так. Драган был убит еще раньше, чем Эльза. Он погиб в страшных муках синего пламени. И все из-за Скреппа, из-за него понапрасну тратилось время... Анастасия в душе обнимала Николая, она была с ним, и он чувствовал это... чувствовал ее сердце. Теперь она узнала, что случилось с ним. Что он терпел все эти годы.

— Прости меня... — дрожащим голосом сказала Анастасия, но Николай продолжал молчать.

Глава VIII

(вместо эпилога к первой части)

Август 1918 года второй эры.

В столицу вновь вернулись теплые дни. Такие долгожданные и нужные сейчас дни, которые дадут людям возможность вновь почувствовать жизнь. Эти прекрасные мгновения самого очаровательного месяца лета. Самого оранжевого и синего, ночей со сверкающим небом. Вдохновляющих вечеров, наполненных медленной и прекрасной музыкой. Теперь всюду гуляли оркестры, на набережной не утихали рояли. Та самая музыка вечера... для некоторых веселая, для других ностальгическая. Каждый видел в ней что-то свое. Люди наконец-то отвлеклись от событий двухмесячной давности. Они снова надели свои самые лучшие, самые нарядные костюмы и вышли на зов Централа, вышли раствориться в музыке.

В небольшой квартире Свиридовых этим прекрасным августовским днем пахло особенному — земляникой и тестом. Елена что-то делала на кухне из ягод, какой-то пирог. Радио, что стояло на верхней точке то и дело передавало симфонии, сонаты, прелюдии и вальсы, но только веселые или, как минимум теплые. Слушать в августе что-то другое было бы преступлением. Окна были распахнуты, оттуда доносился самый главный звук, символ лета — звуки стрижей, рисующих круги по всему небу над городом. Их музыка переплеталась с шумом дороги, но машин практически не было слышно, потому что Свиридовы жили на десятом этаже — самое элитное местечко. Автомобили вновь заполнили улицы централа, вновь начались споры с каретными извозчиками о том, чей вид транспорта лучше. Но даже эта суета грела сердце.

Лена тихонько напевала мелодию, игравшую по радио, и заворачивала в тесто начинку.

Тем временем, в зале, среди тесно поставленных диванов и кресел, вокруг книжных шкафов и письменных столов, в домашней одежде с перетрепанными волосами сидел Зак. Его прическа была непривычна, ведь он всегда имел при себе расческу, чтобы зачесывать черные волосы назад. Но сейчас он был дома и не волновался по этому поводу. Он, надев свои прямоугольные очки, сидя в кресле, укутавшись в длинный халат, читал свежий выпуск городской столичной газеты.

— Ну, что пишут? — поинтересовался Николай, сидевший в соседнем кресле и разглядывающий в руках какую-то маленькую красную коробочку.

Зак посмотрел на него и злорадно улыбнулся, уловив попытку Николая сменить тему разговора.

— Ты лучше давай думай над предстоящим, — посмеялся он, перелистывая страницу, — Лен, ты скоро или нет?

Девушка вышла с кухни, поправляя свои каштановые волосы назад, и облокотилась на арку входа плечом, сложила руки на груди. Зак непонимающе взглянул на нее, почему она с улыбкой смотрит на мужа?

— Вот если бы ты, когда вернулся из штаба — с иронией начала она его отчитывать — поставил бы тесто, не надо было бы ждать, пока оно поднимется

— Ох... — махнул Зак рукой, и Лена снова убежала на кухню.

Николай открыл красную коробочку, посмотрел на то, что было внутри, и снова закрыл. Его лицо было сосредоточено, оно то и дело краснело, сменялось улыбкой и потом вновь становилось серьезным. Юноша тяжело дышал. Зак только усмехался, глядя на все это.

— Пишут, что в Шлиссе навели порядок, а еще, что Волуптас выразил ноту протеста в связи с нашим применением силы.

— В десятый раз?

— В девятый... — Зак покачал головой и снял очки, отложив газету на столик — Можно подумать, что Волуптас отличается миролюбивостью

Николай положил коробочку на ноги и стал перебирать пальцами по коленкам. Думать сейчас о политике точно не хотелось.

— Да не волнуйся ты так. На самом деле ничего особенного, просто некоторые дураки придают этому слишком большое значение... потом еще и запоминают на всю жизнь

С кухни послышался смех и голос Лены

— Да ты сам точно такой же...

— Молчи, женщина!

— Зак, — тихо и неуверенно начал Николай — подвезешь меня, а то я, боюсь, сам не дойду

Зак посмотрел на то, во что был одет Николай... обыкновенные брюки и рубашка.

— Прямо вот так поедешь? Хоть бы форму надел...

— Не-не-не, она сама еще ничего не знает, ни к чему форма.

— Ну хорошо, поехали — Зак встал с кресла, Николай смиренно встал следом — Лен, я туда и обратно

— Ага, — вновь послышался голос Лены — удачи Николай, жду вас вечером на пирог по такому случаю!

Николай проглотил остатки влаги во рту и пошел вслед за Заком.

«Арон» причалил к рояльной набережной. Он встал прямо возле того самого сквера, в котором ровно тринадцать лет назад Николай познакомился с Анастасией. Осталось только пройти лес и выйти к самой набережной... тут уж помощь Зака не понадобится, убеждал себя Николай. Лес, сверкающий зеленью под солнечными лучами, был переполнен людьми. Прямо как в тот день... Может, наконец, и скверик с роялем будет не пустой. Хотелось бы верить.

— Ну... удачи что ли — пожал Зак руку ему и поехал дальше по авеню.

Николай остался один на один с собой и с маленькой красной коробочкой. Страх накатил в голову, приятный страх... или скорее томление от ожидания. Юноша и не заметил, как ноги сами собой шли вперед и прошагали уже половину леса. Люди улыбались Николаю, здоровались с ним... конечно, ведь на нем сейчас нет формы Золотого Общества, а золотую косичку можно сразу и не заметить. Сердце билось все сильнее и сильнее, оглушая юношу, только лишь мелодия рояля пробивалась в его разум. Кто-то уже играет в том самом скверике, оттуда слышна речь. Стало теплее.

— Спасибо друг — сказал он Заку прямо посреди леса, хотя тот уже давно уехал. В голове все настолько перемешалось, что мозг работал с задержкой. Рука с коробочкой начала подрагивать.

Он остановился... Правильно ли он поступает? Николай долго думал, не одну ночь, не один день. Он специально избегал встреч с Настей какое-то время. Он еще раз вспомнил свой дом, вспомнил Славу... полшага назад. Нет, все решено. Он поступает правильно, он любит Анастасию, по-другому и быть не может. Потому что надо поступать как хочется, особенно когда так надо.

Он направился в сквер решительными шагами, сжав кулаки. Сейчас он подойдет к ней и все скажет.

Здесь было много людей. Они сидели на белых скамейках и слушали игру какого-то мужчины. Он играл теплую музыку, ноктюрн. Великолепно, юноша начал таять под эту мелодию. Душа успокаивалась. И все как раньше — рояль, фонарь, рябина и ели. Люди практически все сидели парами, обнимавшись и говоря друг с другом, и каждый воспринимал, что играли сейчас только для них. В первом ряду сидели совсем маленькие восьмилетние дети. Черноволосый мальчик объяснял светленькой девочке с длинными прядями, как молоточки добывают звук из-под крышки инструмента. Николай улыбнулся, увидев их.

Пианист играл с закрытыми глазами, играл что-то сладкое, прохладное... как мороженое. Медленная мелодия, он видел ее внутри себя и не хотел открывать веки. Лишь изредка, он все же поглядывал на публику, чтобы убедиться, что людям нравится. А слушатели сидели на скамейках или стояли возле веранды.

Солнце обагрило горизонт неба. Настал вечер, час, когда они договорились встретиться. Ветерок давал приятное ощущение после знойного дня.

Анастасия находилась возле декоративной ограды на краю набережной и смотрела на Венуру. Тихо и невозмутимо по реке плыл мимо теплоход. Девушка была в голубом платье до колен, край которого немного колыхал ветерок, как и ее светлые волосы.

Николай подошел к пианисту, который уже закончил мелодию. Он поднялся на веранду и шепнул

— Исполните, пожалуйста, четвертую прелюдию Мичиру.

Пианист кивнул головой, и вскоре заиграла та самая мелодия, что еще детям им в первый день здесь сыграл Сергей Сергеевич. Та самая мелодия, что они напевали, танцуя под вальсом снегопада и оранжевым светом фонаря еще совсем недавно. Эта мелодия, как и этот сквер, принадлежала только им.

Многие пары поднялись со скамеек и начали танцевать, у многих на глазах появились слезы.

Анастасия, услышав первые ноты, обернулась и увидела Николая. Они улыбнулись друг другу, юноша спрятал красную коробочку за спину. Девушка подошла ближе.

— Ты сегодня великолепно выглядишь... — сказал Николай и взял ее за руку.

Тихо напевая себе музыку, они танцевали ближе всех к инструменту, другие пары даже уступали им больше места и любовались ими.

Последние повторяющиеся десять трезвучий, словно садившееся солнце, они угасали и завершали собой мелодию. Именно под них, Николай, не сказав не слова, разжал ладонь и показал девушке красную коробочку. В голове были заготовлены аж три варианта речи, но Николай решил, что музыка уже все сказала за него. Он просто раскрыл коробочку у себя в ладони, и голубые глаза Анастасии наполнились слезами. Счастливыми слезами. В руке Николай держал золотое обручальное кольцо, среди красного бархата.

Настя прикрыла губы ладонью, улыбнулась и закрыла глаза. Слезы потекли по ее щекам,

и Николай обнял ее. Из толпы начали слышаться аплодисменты... и для пианиста и для них двоих.

Девушка вновь посмотрела в глаза Николаю и молча кивнула головой. Он прижал ее к своей груди и долго не отпускал. Стемнело, но музыка продолжала наполнять округу. Звездные небосклон и яркую набережную теперь переполняли ноктюрны. Анастасия и Николай продолжали стоять вместе, слушая только свое сердцебиение. Теперь оно стало единым.

В самом конце августа Николая и Анастасию ожидал еще один подарок. Теперь сама Истина решила наградить их за что-то. Шестой свиток по очереди зажегся сначала именем «Никола Владыч», затем «Анастасия Романова». Они получили шестой уровень.

По этому случаю был торжественный прием у Владыки. Сергей Сергеевич сам себе места не находил от радости, смешанного с волнением. Да уж... ученики догнали учителя. Еще немного и Зак с Леной тоже получают шестые уровни. Зак то уж точно был задет, Николай обогнал его в их маленькой гонке по открытию свитков. Но, тем не менее, он все равно был рад за своего друга.

— Теперь, профессор, мы с вами равны? — спросил Николай у Скреппа

Сергей Сергеевич посмеялся и похлопал юношу по плечу.

— Ну нет... далеко вам еще до меня. Вот будет тебе лет пятьдесят, тогда и померимся силой.

Когда все закончилось, Демиан попросил остаться Анастасию, Николая и Скреппа.

И Настя, и Николай были в небольшом смятении. Час назад они открыли шестой свиток. Свиток, который более всего говорил о достижении Идеального человека, говорил о самой Истине. Он содержал еще меньше переведенных и знакомых символов и был еще более запутан, чем пятый. И в нем так же, как и во всех предыдущих была большая пустая окружность, вращавшаяся по центральному кругу свитка. Работы теперь предстояло на множество лет... ведь этот свиток удалось до конца понять только одному человеку... тому, кто в девятьсот пятом смог вскрыть седьмой. У Чадаева ушло на это двадцать лет, а остальным даже жизни не хватало. Николай чувствовал, что достиг своего максимума. Теперь ему дадут звание полковника и важное место в Отделе Расследований — и он наконец-то сможет отомстить, он направит все возможности на Чадаева.

Владыка подал Николаю высокий шестигранный стакан с каким-то рубинового цвета напитком. Это оказалось вино.

— Николай — сказал Демиан — на счет Драгана

Юноша сразу, без остановки, осушил весь бокал. Они собрались, наконец, рассказать ему про смерть отца? К сожалению, их уже опередили...

— Я знаю, что он мертв. Его убил Чадаев. Я понимаю, что вы знали и намеренно скрывали от меня. Я не виню вас и не сержусь... наверное, мне следует сказать спасибо... но я промолчу.

— Хорошо — пробасил Скрепп за его спиной. Анастасия присела на соседнее кресло и с беспокойством смотрела на юношу — об этом действительно знали только два человека, я и Владыка. Я собирался рассказать тебе об этом еще в Ужице, но когда узнал о том, что с тобой случилось... когда увидел тебя, я понял, что весть о гибели Драгана окончательно

разрушит твою вторую составляющую. Теперь ты был готов узнать то, что ты узнал.

— Нам пришлось скрыть правду о твоём отце — продолжил Демиан, который говорил с большим чувством вины, чем Скрепп — Мы беспокоились о тебе... прости нас.

— Я же сказал, что не виню вас — холодно проговорил Николай. Он встал и поклонился. Терпеть компанию этих двух людей больше не было сил, Анастасия встала следом за ним.

— Ты все еще находишься в большой опасности — сказал Скрепп — Ты даже не собираешься слушать меня? Твои эмоции, контроль надо собой

Николай уже начал уходить, но остановился, повернув голову

— Спасибо учитель, но теперь я менее всего беспокоюсь о себе

— Мы хотим попросить тебя — тихо сказал Владыка — то, что ты узнал о смерти Драгана, не делает тебя сильнее. Ты уничтожишь сам себя... Поэтому мы хотим, чтобы ты отправился обратно в Ужиц на какое-то время. Дом... он имеет чудовищную силу, он поможет.

Николай еще раз поклонился Владыке и Скреппу и вышел без лишних слов. Анастасия направилась за ним,

— Романова, для тебя тоже будет просьба — сказал Владыка, Настя развернулась — я хочу, чтобы ты поехала в Ужиц вместе с ним. Мне так будет спокойнее. Присмотри за ним, чтобы он не натворил глупостей.

Анастасия поклонилась и вышла. Скрепп взглянул на своего учителя с тревогой, Демиан развернулся в сторону окна.

Смеркалось. Машин на дорогах практически не было. Люди давно разошлись по домам — комендантский час все еще строго соблюдался.

Только лишь один автомобиль на большой скорости все еще ехал по одной из ночных дорог. Черный, с длинным корпусом и затемненными стеклами, он как раз проезжал мимо Императорского дворца, что красовался перед Централом, своим ночным освещением.

В машине, помимо водителя, сидели два человека. Оба в черных одеяниях и оба с красными галстуками на шее.

Девушка с вишневыми волосами смотрела за окно на Императорскую площадь. Смотрела как-то уныло и печально.

— Отец, мы тогда отошли слишком рано — Ал негодовала и смотрела то за окно, то на сидевшего напротив Чадаева. Дмитрий тоже поглядывал на шпили дворца, — надо было дать бой и добить их всех.

Чадаев долго молчал, о чем-то рассуждая и потом ответил

— Нет... не надо спешить. Мы не имеем права спешить, иначе они найдут раньше меня то, что я ищу. Да и смысла в драке не было... Маар все равно сбежал.

Ал обиженными детскими глазами посмотрела сначала на него, потом на оранжевое небо, под последними лучами солнца.

— И когда же мы вновь вступим в игру?.. Мак-Баумана теперь нет...

— Повременим пока с атаками на полицию — он улыбнулся и похлопал по щеке девушку. Ал растаяла от счастья такой ласки, — не волнуйся. Проигран бой, но не война. К тому же, я думаю, что вместо него у нас скоро появится новый, более могущественный

союзник.

Ал удивленно посмотрела на него.

— Но Владыч же отказался присоединиться к нам...

Чадаев улыбнулся

— Отказался... но я говорю не о нем.

Машина скрылась в одном из темных переулков Централа. В городе наступила ночь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I

Июль 1905 года второй эры.

Дождь прекратился только под вечер. Долгожданный ливень, что так ждали все жители Централы с начала лета. Город проникся свежим холодным воздухом. Люди с разноцветными зонтиками прогуливались по бульварам до самого захода солнца. Когда же стемнело окончательно, улицы в мгновение опустели — все приковались к домашним радиоприемникам. Сегодня был важный день — первое июля.

Событие, которое всколыхнуло каждого, даже самых изысканных людей, которые считали, что общество впало в культурный застой, и их уже трудно было чем-то удивить. Новость, прокатившаяся по миру несколько дней назад, приковала внимание всех к Золотому Обществу.

На Централ с приходом темноты опустилась необыкновенная атмосфера. Полная тишина, такое редкое явление для столицы. Все замерло и затихло настолько, что если закрыть глаза, создается ощущение, что и нет никакого города вовсе.

Под светом фонарей, отражаемым многочисленными лужами, по мощеной улице ветром подгонялся газетный лист. Свежий утренний номер, выпуск которого многие сохраняют на память. Лавируя между лужами, лист в итоге упал на бордюр, точно под лампу фонаря. На титульном листе сверху между линий дата «1 июля 1905», а ниже заглавие «БЛИЗИТСЯ НОВАЯ ЭРА? Седьмой свиток впервые показал имя». Далее шли бесконечны колонки расхваливавшие биографию и без того известного Дмитрия Чадаева. Великий человек, который всех поражал своими успехами, но такого от него не ждал никто. Многие, даже в кругу золотых людей, уже не верили, что последний свиток будет открыт когда-либо. В нем, видимо, содержалось такое, что человеческому разуму не суждено воспринять.

Все внимание было приковано к действию, что проходило сейчас в штабе Императорского Золотого Общества. Огромной толпой на площади перед штабом стоял народ. Всех людей площадь бы не вместила, поэтому здесь стояли только самые почетные граждане — ученые, деятели культуры, люди труда, иностранные послы. С трудом нашли место для прессы. Все хотели хоть краешком глаза посмотреть на веридасского полубога. Остальные слушали все по радио.

Зал, где хранился седьмой свиток, был самым маленьким из всех. Поэтому для церемонии прочтения был выбран главный холл штаба. Здесь уже находилось несколько тысяч людей с золотом на голове. В основном это были старшие члены общества, те, кто уже имел четвертую составляющую. В самом центре зала находился большой трехступенчатый круглый подиум, покрытый черной тканью. В центре стоял черный куб, где среди красного бархата располагался свиток. На его ручках была вырезана цифра «VII». Его позолоченная бумага переливалась светом от огней зала и манила собой тысячи глаз. Никто не мог оторваться, все околдовано смотрели на свою недостижимую конечную цель. Между черным подиумом и громадным арочным входом в зал был выставлен бордовый ковер, края которого

оплетались золотыми растениями подобно форме Золотого Общества. За подиумом, у стены располагался золотой хор, а рядом трон Его Величества Маара III и ряда гостей. Тишину нарушал только легкий гул людей и настройка музыкальных инструментов оркестра.

Сергей Скрепп и его давний друг Драган Владыч стояли в первом ряду хора. Хотя Драган и прибыл в Веридас несколько дней назад, они до сих пор никак не могли исчерпать все темы разговоров. Скрепп был сам на себя не похож, радуясь компании друга. Больше всего они обсуждали еще одного своего товарища — третьего ученика Демиана — Дмитрия Чадаева. Сергей говорил с Владыкой по поводу передачи титула Потестаса общества Дмитрию. Когда Чадаев станет новым Владыкой, всех будут ждать большие перемены. Драган с улыбкой мотал головой, не соглашаясь. Он хорошо знал своего лучшего друга. Он знал, что тот откажется от предложения, ведь у него совсем другая цель.

Учение Веридаса будет жить — сегодня открывается новая страница истории, начинается новая эра.

Колокола во всем городе забили радостный и торжественный час — полночь, церемония началась.

В зал вошел Владыка Демиан. Он был в длинном кафтане из позолоченного шелка, украшенный бриллиантами и рубинами. Владыка шел медленно, изредка поглядывая на золотых людей, они в свою очередь легонько кланялись старику. Его ученики смотрели на учителя с поднятой головой, сверкающими глазами. Следом за Владыкой в два ряда шли другие люди — члены Верховного Совета. Члены совета остались стоять в ряд возле черного подиума, Демиан поднялся наверх, к свитку. Немного постояв с ним наедине, он развернулся к залу и приподнял руки перед собой, приветствуя собравшихся.

— Сегодня не простой день. Каждому без исключения золотому человеку прошлых лет не хватило жизни, чтобы дожить до подобного дня. Но один человек смог. Мне кажется, что вся история нашей империи, все ее кровавые моменты, успехи, каждый миг, каждая секунда стремилась к этому дню. Эта точка смены времен, точка, когда человек, наконец, достиг уровня Алекса Веридаса. Он откроет нам последнюю тайну Истины.

Владыка говорил громко, надрывая свой голос.

— Этот Человек станет новым Алексом Веридасем. В его честь назовут новую эру! Каждый из нас знает его, того мальчика, что влился в наше общество тридцать пять лет назад. Все мы любим его и уважаем, и я могу бесконечно восхвалять его имя. Однако этот день запомнится не моей речью... давайте же поприветствуем его! Слава Чадаеву! Слава Истине!

Весь зал от мраморного пола до расписных потолков наполнился воодушевленным криком последних слов Владыки. Ликование было слышно и на штабной площади. Никто не заметил, как по щеке Владыки прокатилась слеза. Он вновь взглянул на своих учеников. Сергей и Драган не отрывали глаз от входа в зал. Вот-вот должен был появиться он.

Еще пара секунд и все затихло. словно и не было тут нескольких тысяч золотых людей. Ни шепота, ни даже шороха. Каждый слышал только свое колотившееся сердце.

Тишину резко прервал звук гобоя, которого вскоре подхватили скрипки. Двери медленно открылись. Хор начал свою лиричную, возвеличивающую песню на староверидасском языке.

Чадаев вошел в зал.

Двери еще не открылись до конца, а Дмитрий был уже на полпути к свитку, направляясь к нему широким шагом. Он был в длинном и свободном бордовом кафтане, на груди было

бесчисленное множество тоненьких золотых цепочек. Золотая сабля в расписных ножнах. На плечах за собой он тянул большую накидку, подобно древним королям. Она была золотой и на свету словно горела настоящим огнем, ослепляя остальных людей.

Каждый человек сейчас пытался понять, что чувствует Дмитрий. Живая легенда. Все заметили напряженность на его лице, оно отчего-то было хмурым и даже злым.

Дмитрий не смотрел по сторонам, он проходил уже мимо членов Верховного Совета. Они поклонились ему.

Чадаев посмотрел на Демиана, что-то вызвало в нем раздражение. Владыка поклонился своему ученику, но Дмитрий не соизволил поклониться в ответ. Теперь его взгляд был устремлен только на золото седьмого свитка. Демиан уступил ему дорогу, не поднимая головы.

Лишь на секунду, перед тем как поднять руку к свитку, Чадаев взглянул на императорскую ложу. Маар был в неимоверном напряжении, как не старался это скрыть — это было заметно хотя бы по вцепившимся в кресло рукам, поту на висках. Он поймал этот взгляд, глаза Чадаева были полны неопишемого отвращения.

Дмитрий взял в руки свиток.

В тот же миг на его поверхности слева направо, буква за буквой, огнем загорелось имя «Митт Чадаев». Тишина в зале нарушилась, ее больше некому было сдерживать. Значит, это правда — свиток действительно будет открыт.

Чадаев словно наслаждался моментом, держа в руке свиток, он уже в десятый раз перечитывал свое имя. На его лице появилась какая-то высокомерная улыбка. Он поднял глаза и посмотрел на Драгана, тот одобрительно кивнул. Дмитрий медленно стал открывать свиток. Ткань с приятным для уха, сухим скрипом начала разворачиваться. Чадаев словно специально мучал себя медлительностью. Наконец свиток был открыт до конца.

Чадаев отшатнулся. Некоторые услышали его легонькую насмешку.

Не прошло и десяти секунд, как свиток уже был закрыт. Дмитрий еле-еле пересилил себя, чтобы не швырнуть его в сторону. Он положил свиток обратно на бархат и склонил голову.

— Столько замученных душ ради этого...

Демиан сделал пару незаметных шагов к ученику, хор смолк, в зале вновь все замерло, сконцентрировалось на одной точке.

Чадаев резко повернулся и быстро пошел к выходу, чуть ли не переходя на бег. Он не произнес ни слова. Люди начали переглядываться между собой, но тишина все еще царила вокруг.

Дмитрий махом скинул с себя всю тяжелую церемониальную одежду. Выйдя из зала, он направился в подземный гараж, где его ожидала машина. Громкие, тяжелые шаги — казалось, своими сапогами он вот-вот проломит мраморные плиты. Около машины его ждал человек в форме общества. Бритоголовый, на его шее была татуировка черной октаграммы.

— Вы не выступите на площади? — спросил он

Чадаев только покачал головой, не сбавляя скорый шаг.

— Домой?

— Домой...

Сев на заднее кресло, Дмитрий, наконец, выдохнул. Внутри все горело, он чувствовал свой синий огонь прямо в сердце. Уйти так скоро, ничего не объяснив... даже Драгану. Дмитрий закрыл лицо, пытаясь успокоить себя. Виски продолжали пульсировать. Стоило

только подумать о содержании седьмого свитка, чтобы к горлу подступило что-то противное.

Длинный черный автомобиль выкатил из-под штаба и направился к императорской авеню. На выезде их встретила череда ярких вспышек от фотоаппаратов. Но никто не смог получить хороший кадр из-за затемненных стекол машины.

— Скорее... жми на газ — Чадаев говорил из последних сил, тяжело дыша и схватившись за сердце. На лице показались капельки пота — домой, скорее... скорее отсюда... чем дальше от него, тем лучше.

Машина набирала скорость. Ближе к окраине Централа громадные дома стали сменяться вплотную стоявшими друг к другу особняками. Людей здесь практически не было. Чадаев, наконец, отдышался и теперь спокойно смотрел на огни фонарей за окном. Дома становились все реже и реже, и вскоре сменились деревьями. Они въехали в южную черту города — дикий лес, за которым находился особняк Чадаева.

Проехав половину пути по лесной дороге, машина остановилась со скрипом тормозов. Водитель ударил по рулю и начал на кого-то кричать. Чадаев посмотрел вперед — перед автомобилем стояла напуганная девочка с вишневого цвета волосами. Машинально от страха она закрыла рот ладонью. Было видно, как блестят ее глаза.

— Дура мелкая... откуда ты взялась!? — не утихал водитель

Чадаев со строгой резкостью поднял ладонь, приказав ему умолкнуть. Где-то с минуту он наблюдал за ней из машины, затем вышел на улицу. Было холодно совсем не по-летнему из-за недавнего дождя. Кругом темнота и лес, только фары желтым светом поливали дорогу и девочку, немного жмурившуюся от яркости. Она не видела лицо подходившего к ней человека, все ее тело дрожало, что было вполне естественно для пятилетнего ребенка, заблудившегося в лесу. Чадаев подошел к ней, она увидела его широкое, отчего-то хмурое лицо, практически лысую голову. Только лишь его голубые глаза были какими-то добрыми. Дмитрий присел на корточки, она продолжала молчать.

— Кто ты? — тихо спросил Чадаев

Девочка смогла издать только два хриплых и неразборчивых звука, отведя взгляд в сторону.

— Ты тут одна? Лес не то место, где можно одной гулять.

И тут девочка, неожиданно для Чадаева, упала на колени и начала тихо всхлипывать, закрыв свои зеленые глаза кулачками. Дмитрий тут же огляделся по сторонам. Этого еще не хватало...

— Ну ладно, пойдем — он взял девочку на руки и вернулся в машину.

Водитель переключил рычаг под рулем, и автомобиль снова помчался по дороге. Девочка скоро уснула на коленях Дмитрия, а сам он вновь о чем-то задумался, смотря в черноту за окном.

Особняк Чадаева представлял собой большой земельный участок. Здесь были парк с небольшим прудом, а в самом центре располагался двухэтажный дом. К нему вела каменная дорога от ворот через парк.

На небе вновь сгущались тучи, вот-вот должен был пойти дождь. Чадаев со спящей девочкой на руках вышел из машины и направился в дом.

Как только ребенок ощутил приятную теплоту внутреннего помещения, то сразу же открыл глаза. Она сидела в кресле под пледом, вокруг никого не было, только какой-то шум из соседней комнаты. Она отслонилась от мягкой спинки кресла и начала рассматривать

окружение. Все выглядело довольно просто, не слишком много света, окна занавешены бордовыми шторами, за окном по карнизу начали бить дождевые капли.

Девочка попыталась что-то произнести, но голос по-прежнему не подчинялся ей, горло сильно пересохло.

В комнату вошел Чадаев, он уже переоделся и был в черных брюках с белой рубашкой. В руке он держал высокий стакан с чем-то белым, от жидкости шел легкий пар. Девочка снова испугалась и почти вся до головы накрылась пледом, только ее зеленые глаза с любопытством смотрели на стакан в руке Дмитрия.

— Будешь молоко?

Руки девочки, возможно даже без ее воли, сняли плед, она кивнула. Дмитрий отдал ей стакан, и она вмиг выпила все горячее молоко до последней капли. На ее лице появился румянец.

Чадаев стал разглядывать ее. Она была в грязном, неприметном сарафане из какой-то плотной, жесткой ткани. Руки все были в фиолетовых и сине-красных пятнах. Дмитрий присел рядом, на соседнее кресло.

— Ну, теперь расскажешь кто ты такая?

Девочка не сразу ответила. Она опустила взгляд вниз, все еще будучи в сомнениях разговаривать ли с незнакомцем или нет.

— Я Алена — прорезавшимся голосом сказала она, поправляя челку вишневых волос — но мама с папой всегда звали меня Ал.

Она тут же поставила стакан на стол

— Что ты делала одна в лесу?

Девочка снова отвернулась, руки ее немного задрожали.

— Я... я — выдавливала она из себя — я совершила большой грех... но они сами виноваты — она резко посмотрела прямо в глаза Чадаеву, будто бы искала поддержки — они издевались надо мной.

— Ты сбежала из детского дома, да?

Тон девочки изменился. Она вдруг почувствовала себя как на допросе

— Как... как вы узнали, господин

Чадаев посмотрел на пустой стакан из-под молока, закрыл глаза и ответил

— Я лучше всего знаю таких детей. Когда-то давно я и сам убежал оттуда... когда моих родителей арестовали...

— Я убила их

Чадаев не стал продолжать свой рассказ, когда девочка прервала его. Он только лишь вздохнул, посмотрев на ее трясущиеся руки. То, что он первоначально принял за грязь, на самом деле было запекшейся кровью.

Для девочки же самым удивительным сейчас было то, что Дмитрий никак не отреагировал на ее признание. Он не верит?

— Я убила их всех, детей, воспитателей... и сбежала

Она говорила это совершенно спокойно, не как пятилетний ребенок. Они просидели в тишине несколько минут.

— Я понимаю тебя. Только что я сам был на грани. Все они лжецы и заслуживают этого. Я хотел только одного, покарать их там в их же дворце, на глазах этого недоумка. Ели бы там не было Драгана...

Девочка совершенно не понимала, о чем говорит Дмитрий, но почему-то охотно

слушала. Его слова были как бальзам на душу, они успокаивали.

Чадаев посмотрел на нее.

— Ал, меня предали... Что же нам теперь делать.

Солнечные лучи ласково касались темно-зеленых крон деревьев и еле-еле просачивались дальше вниз к траве. Здесь в лесу было немного прохладнее, чем в знойном Централе. Полумрак подолгу удерживал свежесть от редких дождей. Тишину иногда нарушал шум двигателей машин, пронесившихся по узкой дорожке сквозь лес. Одна из таких, большая и блестящая чернотой медленно плыла по асфальту в сторону поместья Чадаева. В последнее время к металлическим черным воротам, орнаментированным коваными растениями, съезжалось много гостей. Но Дмитрий никого не принимал. Он ждал одного единственного человека, своего лучшего друга.

Когда-то давно Драган Владыч был частым гостем в его доме. Каждый раз их разговоры завершались чуть ли не под рассвет. Драган смотрел из окна машины на сильно знакомый, почти родной лес. Вдалеке показалась черная крыша самого поместья. Здание становилось все ближе и ближе, здесь всегда было так тихо, ненадолго Драган даже улыбнулся.

Машина остановилась недалеко от крыльца, но Драган не спешил выходить. Он собрал ладони в кулак и тихонько постукивал себя полбу, вспоминая то, как Чадаев совсем недавно поразил всех на церемонии своим внезапным уходом. Он тихонько вздохнул и посмотрел на фасад поместья. Никто не выходил встречать, такое было впервые. Он медленно открыл дверь автомобиля, вышел и побрел к входу, попутно разглядывая пустые окна здания. Некоторые из них были открыты и белоснежные занавески танцевали на ветру. Драган шел, опираясь на трость, ноги после ранения все еще сильно болели.

Крыльцо с несколькими ступенями было все из белой мраморной плитки. Драган уже протянул ладонь к дверной ручке, но дверь вдруг открылась прямо перед ним. С другой стороны высокого мужчину с черными бакенбардами и длинным хвостом до спины встретила маленькая девочка. Она была в белоснежном платье до колен, а вместо воротника вокруг шеи на ней были плетеные цветки из ткани красного цвета. Алые волосы и два маленьких хвостика. Девочка неуверенно улыбнулась гостю. Драган, сам того не осознавая, от удивления приоткрыл рот и сделал пол шага назад. Он уже хотел спросить, где Дмитрий, но девочка, распахнув дверь до конца, тихонько поклонилась ему и пригласила в дом.

Драган, прихрамывая, вошел внутрь и стал осматриваться. Точно так же, как и в последний момент их встречи, здесь все знало свое место. Ровно расставленные книги на полках, на каждой тумбе по вазе. Все те же маятниковые часы до потолка высотой. Дмитрий не спеша спускался по лестнице со второго этажа, ведущей к залу прихожей.

— Ты все-таки приехал

Драган снял с себя бордово-золотой плащ и повесил его на руку. Он стоял чуть ли не смиренно, очень скованно. Чадаев смотрел на него как-то слишком серьезно, разглядывая и остановившись на трости.

— Как это случилось? — спросил он, продолжив спускаться по лестнице, застегивая золотые запонки на рубашке

— Снаряд взорвался за спиной, но слава Истине, я остался жив.

На слове «истина» Чадаев как-то неуклюже проскользнул через ступеньку и чуть не

навернулся, схватившись за перила. Драган улыбнулся, Дмитрий тоже засмеялся своим твердым, грубым голосом.

— Самый великий человек не может теперь самостоятельно ходить по лестнице?

Драган повесил свой плащ на дверцу шкафа и приковылял поближе к Чадаеву, не переставая ухмыляться.

— Второй, после самого великого, теперь не может передвигаться без третьей ноги? — засмеялся в ответ Чадаев — Знаешь, итак всегда раздражало, что ты выглядишь старше меня, но эта трость теперь и вовсе делает тебя стариком.

Он принял его в объятия, оба начали хлопать друг друга по спине. Прихожая наполнилась смехом. Красноволосая девочка наблюдала за ними сзади и наконец-то успокоилась. Человек, несмотря на то, что был одет в золотую форму, был другом папы — значит, все было в порядке. Девочка медленно подошла к Чадаеву и, спрятавшись за него, начала широкими глазами рассматривать Драгана.

— Ал, приготовь чай для нашего гостя — сказал Дмитрий. Она, поклонившись, тут же убежала прочь.

Драган все еще не понимал что происходит, с вопросом посмотрел на Дмитрия. Тот, обхватив за плечо одной рукой, повел его вверх по лестнице.

В рабочем кабинете все было уже готово — два кресла друг против друга, кофейный столик между ними. Эта комната была единственной во всем доме, где царил рабочий беспорядок. Она была овальной формы и вместо стен тут располагались книжные витрины. Прямо напротив входа была стеклянная дверь к полукруглому открытому балкону. Там тоже находились два плетеных стула и столик. Всюду валялись книги, возле окна сложенный телескоп. В общем, Драган не обнаружил здесь ничего нового.

Чадаев пригасил друга на его традиционное место, и сам уселся напротив. Драган расстегнул свой белый китель, вдохнул здешнего, немного пыльного воздуха и подержал его в легких.

— Кресла стоят, ты знал, что я приеду?

Чадаев отмахнулся рукой

— Они всегда тут стоят как напоминание. Я не стал их убирать даже после того, как ты уехал. — Дмитрий перекинул ногу на ногу и сложил руки на груди. — Ну, рассказывай, как твоя светская жизнь, как Себор?

— Эльза и Никола в порядке... волнуются только из-за войны — Драган неловко замолкнул и опустил глаза. Чадаев тоже замолчал, уставившись в сторону балкона. Воцарилась тишина, которая понемногу начала нагнетать. И когда ее тяжесть стала совсем невыносима, Драган, наконец, спросил.

— Так, а что это за девочка там внизу?

Чадаев вздохнул

— Это Ал. Ты слышал, на днях случилось массовое убийство в детдоме, — Драган покачал головой, — Она единственная кто выжил. Я ее удочерил.

— Вот как... прошло столько лет после смерти Кэтрин, но ты все-таки создал семью

— После смерти? — Чадаев сжал кулак — она не умерла, Драган, ты забыл? Ее казнили... казнили по ложному обвинению в нарушении четвертого свитка.

Драган тяжело вздохнул и покачал головой. Не поменялась в комнате еще одна деталь — на одной из книжных полок, в маленькой рамочке стоял нарисованный портрет молодой девушки. Черные волосы, черные глаза, руки, сложенные на груди, и мягкая улыбка. Снизу

еле различимыми линиями подпись «Кэт Ч.»

Вскоре служанка принесла на подносе чайник и печенье. Ал вошла следом с чашками в руках.

— Все-таки ты истинный Золотой Человек — сказал Драган, после того, как девочка со счастливой улыбкой вышла из кабинета и закрыла дверь — я верю, что твоя мечта об идеале скоро осуществиться.

Чадаев отхлебнул чай и посмотрел на балкон, покачав головой.

— Теперь я не уверен. После первого июля я больше ни в чем не уверен.

— С седьмым свитком что-то не так?

Дмитрий посмеялся.

— Брось, с ним по определению не может быть что-то не так. Но он, честно говоря, удивил меня.

— Это ты нас удивил своим бегством. Учитель волнуется за тебя.

Чадаев как-то странно ухмыльнулся, взяв из вазочки семь круглых печений и начал складывать их стопкой, одну на другую.

— Ты прав. От своих целей я не откажусь — он посмотрел на большой рисунок в рамке на стене, который нарисовал сам. Это был громадный остров среди океана. На нем была прорисована каждая деталь, каждое дерево и песчинка. — Истина и Идеал... но теперь мой путь и путь Золотого Общества расходятся... передай это Владыке.

Драган застыл прямо в кресле. Он даже чуть не выронил чашку из рук.

— Ты покидаешь общество?.. серьезно? Ты уходишь... — сразу после этого Драган даже немного посмеялся. Однако Чадаев смотрел на него абсолютно серьезно.

— Да, уйду. То, что я увидел в седьмом свитке, окончательно убедило меня в бессмысленности Золотого Общества

— Скандал... — на выдохе протянул Драган, опускаясь в спинку кресла

— Так ты передашь Владыке?

— А почему бы тебе самому этого не сделать

— Я...

— Прости меня, друг, но я не смогу выполнить твою просьбу — Драган без охоты встал с кресла — собственно, я приехал попрощаться. Завтра утром у меня поезд обратно в Себор. Я обещал сыну, что вернусь в конце месяца.

Чадаев встал следом. Как он не старался скрыть, но на его лице все же прогляделось расстройство.

Солнце только-только начало тянуться к горизонту, наполняя светом кабинет. Закат был особым временем дня, когда беседа двух друзей начинала разгораться. Но сегодня она оборвалась.

— Значит ты ненадолго... — сказал Чадаев, пожимая протянутую руку Драгана — что ж, передай привет Эльзе и сыну. Прости, что не смогу быть его учителем.

— Ничего, я попрошу Сергея.

Они крепко обжались напоследок, и Драган вышел из кабинета, оставив Дмитрия наедине с самим собой. Он смотрел на закрытую дверь, расстегивая воротник и запонки рубашки. С улицы послышался грохот мотора. Дмитрий медленно вышел на балкон. Черный автомобиль уже выехал на каменную дорожку, ведущую к воротам. На заднем кресле он видел силуэт человека, хвост его волос с золотым кончиком.

Вскоре к нему поднялась Ал. Дмитрий сидел на плетеном стуле один на балконе. Он

вглядывался вдаль. Примерно через полчаса солнце полностью погрузилось за кроны деревьев. С востока шли черные тучи. Пару раз сверкнуло.

— Пап, кажется, будет гроза.

Ал села на соседний стул и начала болтать взад-вперед босыми ногами.

— Боишься что ли?

Девочка смущенно опустила глаза. Чадаев даже не смотрел на нее, он был чем-то отвлечен и продолжал вглядываться в лес.

— Не боюсь... просто — Ал перешла чуть ли не на шепот — просто мне скучно.

— Раз тебе так скучно, зачем ты сбежала от друзей?

Ал непонимающе посмотрела на него. Дмитрий, наконец, тоже обратил на девочку внимание.

— Друзей? А кто такие друзья? Я слышала, как мальчики называли других мальчиков друзьями, когда нужно было посторожить комнату от надзирателя. А меня...

Ал резко замолчала и уткнулась лицом в широкую руку Дмитрия. Он увидел, как одна за другой на пол стали падать капельки слез, хоть девочка и не подавала звука.

— Послушай, Ал, что бы ни случилось, не плачь. Мой отец всегда так говорил: «Нечего слезы лить»

— Твой папа?.. Мой дедушка — протерев глаза, Ал снова улыбнулась и посмотрела на Дмитрия — а где он?

— Его уже давно не стало. Но именно благодаря ему я имею все, что у меня есть. Он научил самой главной вещи для человека, его свободе. Запомни, Ал, свобода человека главнее даже жизни других людей и никто не должен указывать тебе. Так что ты поступила правильно, и не думай не о каких грехах.

Ал обняла Чадаева

— Дедушка был хорошим человеком... как и ты, папа.

Чадаев погладил ее по голове и снова посмотрел в проблески садившегося солнца через лес. Черные тучи принесли с собой холод и ветер. Ал, быстро замерзнув, убежала в дом. Чадаев же накинул свой бордово-золотой плащ и остался на балконе.

Седьмой свиток, такой же позолоченный, как и остальные шесть. О чем он говорит? Дмитрий поднял голову к черно-серому небу, поглощающему все больше и больше света. Дождевые капли начали потихоньку падать, лес тут же усилил их гул. Раздался гром, но Дмитрий так и стоял с поднятой головой.

— Путь к свободе... это ли хотят сказать свитки?

В мгновение его зрачки расширились. Еще бы чуть-чуть и он непроизвольно вскрикнул. Дождь перерастал в ледяной, совсем не летний ливень. Чадаев обернулся и увидел, как на столе в кабинете стопкой по-прежнему стояли дуг на друге семь печений. Забежав внутрь, он распахнул дверцу самого большого шкафа, где хранилось множество подписанных тубусов с чертежами. Чадаев делал все молниеносно, словно боясь чего-то не успеть, что-то упустить.

Он отобрал от десятка ватманов шесть нужных ему и, схватив их, подбежал к широкому столу. Один ватман разворачивался за другим. Это были подробные схемы всех свитков. Буква к букве, знак к знаку, слова помеченные векторами движения с указанием скорости и так далее. Все это плоды двадцатилетнего исследования Чадаева — шесть громадных кругов с живыми рисунками слов, в том числе и необъяснимые до сих пор пустые круги.

Чадаев хлопнул себя по лбу и, еле нащупав пяткой кресло, плюхнулся в него

— Почему до этого никто не додумался?

Немного подумав, он взял чистые листы и начал перерисовывать круги, стараясь наложить их друг на друга. На пол летели смятые куски бумаги, сломанные карандаши, он продолжал искать.

Наступила ночь. Под столом уже валялись две пустые банки с чернилами, все было испачкано, от мебели до одежды. Чертежи развешаны по всему кабинету, стен почти не видно. Чадаев с трясшимися руками от бессилия уже ничего не мог делать. Он просто смотрел на векторы, хотя в голове все смешалось

— Я не могу... — прошептал он сам себе, словно в чем-то убеждая — это не возможно. У меня не получится без алгоритма... на это уйдет сотня лет. Алгоритм... мне нужен алгоритм. Но сейчас важно другое... я должен рассказать ему... в чем проклятие этой страны.

Вновь найдя в себе силы, Дмитрий вскочил с кресла и побежал прочь из кабинета в гараж. Через несколько минут его машина вырвалась в ночной лес под шум грозы.

Из-за дождя в городе было сложно что-то заметить дальше нескольких метров. Слабенький свет фонарей исчез, уступив мраку и шуму бури. Возле одного из маленьких домиков свету все же удалось прорезаться. Это были фары автомобиля, остановившегося напротив каменной дорожки, ведущей к входу в дом. Задняя дверь машины открылась, и из нее быстрым широким шагом вышел Чадаев. Свет в домике еще горел, а значит Драган не успел никуда уехать. Но Дмитрий все равно спешил, словно опасаясь, что его мысли разбегутся прочь. Он должен рассказать ему.

Драган в этот момент с беспокойством ковылял из стороны в сторону, изредка поглядывая на карманные золотые часы. Он не заметил подъехавшей машины, поэтому резкий и оглушительный стук в дверь удивил его и даже немного напугал. Он отворил дверь и увидел с другой стороны человека, в темной, промокшей от дождя, одежде, с широкими, обезумевшими глазами. Драган даже не сразу его узнал.

— Что... что случилось?

Дмитрий молча сделал два шага вперед, не дожидаясь приглашения. Комната сразу наполнилась редким постукиванием капель о пол. Он стоял на месте, тяжело дыша полной грудью.

— Да скажи ты уже, наконец, что случилось! — Драган резко дернул его за плечо.

— Все в порядке — Чадаев снял с себя плащ и присел на соседний стул. Драган направился в дальнюю комнату, чтобы взглянуть за окно.

— Я думал, это Скрепп приехал. Там на путях что-то случилось, мой поезд отменили, ну я и попросил его поменять билеты...

— Ты должен остаться!

Чадаев резко перебил его, Драган, не обнаружив ничего за окном, обернулся к нему. Дмитрий стоял в дверном проходе, широко расставив ноги, перегородив дорогу.

— Может быть, ты уже скажешь, зачем явился?

— Я выяснил страшную правду, Драган — между слов Чадаев стал отстегивать от воротника рубашки значки «V» в кольцо и цифру «VII» — Я все понял.

Смотря на значки, Драган медленно подошел ближе

— Твои глаза... я на всю жизнь запомнил этот взгляд, они такие же, как в тот день, когда арестовали Кэтрин

Чадаев отвернулся

— Если ты помнишь, в тот день я тоже приехал к тебе, как и сейчас

— Да, ты убеждал помочь тебе вызволить ее

— Я помню, что ты поддержал меня в тот момент, тогда, когда она бросила мне последний взгляд, уходя под конвоем. Поддержи меня и сейчас, я прошу тебя!

Увидев, что Драган готов его слушать, Дмитрий взял друга за плечи и повел к небольшому столу со свечей.

— Драган, в мире не так много людей, кому я мог бы довериться, но тебя я знаю с детства. Ты не такой как они. Пойми же меня... я открыл страшную правду. — Чадаев говорил громко — Веридас всем солгал, он создал империю рабов для себя, утешать свое самолюбие. Ты же знаешь, как он презирал «людей-скотов», тех, кто недостоин. Это он создал свитки и назвал их священным писанием, это он создал Золотое Общество, сделав из него церковь огня и меча. Это он сделал из себя Бога! Мы до сих пор поклонялись не Истине, а лишь ему!

Драган отступился

— Ты... ты что, сбрендил!?

Он облокотился на стол, Чадаев продолжил трясти его за плечо, с бешеными глазами рассказывая про семь свитков

— Седьмой свиток расставил все на свои места. То, о чем на самом деле говорят свитки, не как не соотносится с тем бредом, что нам преподавали в академии. Мне нужен алгоритм. Я отправляюсь в Архел, к Лежачему пику.

— И что ты сделаешь потом? Ты посвятил Владыку в свои планы?

Чадаев начал кругами ходить по комнате

— Нет, конечно же нет, совсем наоборот, — он остановился и посмотрел в глаза Драгану — я хочу свергнуть империю и освободить людей из-под сапога Золотого Общества — он сделал паузу и стал подходить ближе — ты со мной, Драган?

Драган не шевелясь, смотрел на него исподлобья.

— Ты предлагаешь мне пойти против друга... против наставника и против общества? Лишь от каких-то догадок? На самом деле ты просто хочешь отомстить. Я понимаю тебя, мне тоже было жаль ее... и не говори мне, я знаю, что она была невиновна. Кровь пролилась и за это ты хочешь пролить еще больше крови. Но ты не просто мстишь, теперь ты сам хочешь стать Богом. Она бы не поддержала тебя... и я не поддержу.

Чадаев встал прямо напротив него, их разделял только стол со свечей. Свет от нее проливался снизу на их лица. Серьезные глаза и сжатые губы Драгана, умоляющий взгляд и широкие бычьи ноздри Чадаева.

— Почему, Драган, — тихо спросил он — мы же с тобой как два брата... ты же всегда поддерживал меня, почему же сейчас отворачиваешься?

— Потому что надо поступать как надо, по совести, а не как хочется.

Пасть Чадаева оскалилась. Его руки так резко схватили стол за ножки, что Драган даже не успел отреагировать. Стол полетел прямо в него. Владыч упал и выронил трость, но продолжал невозмутимо смотреть на Дмитрия. Чадаев уже не контролировал себя, он не мог. На кончиках пальцев стали появляться синие огоньки, в мгновение вся рука уже пылала огнем.

— Они отняли у меня семью! Отняли отца! Отняли Кэтрин! Отняли самое главное, мою свободу. Ты поддался лжи общества, научившись жить по принципам! У меня же осталась только моя жизнь, но она ничего не стоит без свободы. Поступать по совести, говоришь?..

Чадаев резко выхватил клинок из ножен, которые тут же принял на себя синее пламя. Отблеск лезвия и огня мелькнул в полумраке, и в следующий миг из горла Драгана брызнула кровь. Владыч схватился рукой за смертельное ранение и с широкими, не верившими глазами посмотрел на Дмитрия.

— Такова твоя участь... участь предателя — из глаз Чадаева текли слезы, но в то же время на все его лицо сверкала злорадная улыбка — твоя смерть станет символом начала борьбы. Но ее будет мало — он перешел на крик, видя, как глаза Драгана теряют блеск, — слышишь!? Я убью их всех и твою Эльзу и сына вслед за тобой. Только так ты искупишь свое предательство, тварь!

Чадаев упал на грудь убитого Драгана, выронив саблю на пол, и начал рыдать, ударяя кулаком по его груди.

И без того темный кабинет Владыки был занавешен шторами. Свет создавался только лишь несколькими лампами и камином. Владыка сидел в одном из мягких кресел шоколадного цвета, с закрытыми глазами, перекинув ногу на ногу и положив руки точно по перилам. Ни малейшего движения, казалось даже, будто бы он не дышал.

Сергей Скрепп стоял поодаль от него и разбирал поленья, подготовленные для камина.

— Подкинь еще дров

Скрепп повиновался и положил все, что остались в камин. Затем он подошел к владыке и присел рядом. Демьян открыл глаза и по привычке посмотрел в сторону окна.

— То, что случилось с Драганом неделю назад должно остаться между нами, Сергей.

— Да, я понимаю

— Ни Совет, ни ближайšie друзья не должны знать о его смерти

— Я все это уже понял, но скажите, учитель, вы уверены в том, что это сделал Дмитрий. Я... я просто не могу поверить, они же лучшие друзья

— Да, да, а потом еще Мак-Бауман обеспечил ему алиби, что якобы в ту ночь он обсуждал с Чадаевым седьмой свиток, мол, он не выезжал из поместья. Этим словам уже нельзя верить, зреет заговор.

Скрепп стиснул зубы и взглянул на Владыку. Руки его сжались в кулаки, но он тут же их ослабил

— Докажите, я не верю вам.

Владыка молча дотянулся до маленького стеклянного столика и передал Скреппу большую папку.

— Дело об убийстве штаб-капитана полиции Централа, взрыв в канцелярии четвертого округа, расстрел инкассаторской кареты, все в Централе и все за прошлую неделю. Хочешь ответить на вопрос, куда пропал Чадаев, посмотри на заключение.

Скрепп перелистал страницы в конец и начал бегло читать текст, шепча некоторые отрывки слов.

— За неимением точных доказательств... в трех из шести случаев... по некоторым сведениям на месте терактов был замечен член Золотого Общества седьмого уровня

Дмитрий Чадаев — он посмотрел на Владыку — терактов?

— Да, терактов, Сергей. Дмитрий не будет стрелять по инкассаторам из-за нужды в деньгах

— Что же получается... от писанины книг он перешел к открытому бунту?

Скрепп откинулся на спинку кресла и еще раз пробежался по документам, закрыл его и отдал Демиану. Он все еще покачивал головой в знак недоверия.

— Я должен поговорить с ним лично, учитель

— Нет. Он не станет говорить. После того, как он убил Драгана, он уже никого не пожалеет

Скрепп закрыл глаза ладонью

— Зачем... ну зачем, Митт

Владыка взял со стола фотографию свитка с горящей надписью

— Дело не в жертвах, дело в том, что он дает о себе знать. Мы должны его поймать раньше, чем он наберет себе сторонников. Остерегайся Мак-Баумана в частности. В последнее время он берет задания только на северные земли. Но у меня для тебя есть другое поручение. На, возьми, это фото первого свитка. Он загорелся позавчера. Владыка передал Скреппу фотографию, на поверхности свитка горело имя «Никола Владыч». — Делай что хочешь, Сергей, но мальчик не должен узнать о смерти отца, ты понял? Мы будем вынуждены лгать. Забери его из Ужица и возьми в ученики.

— Но я не могу взять четвертого...

— Можешь, ты куда сильнее меня. Ты сможешь взять и четверых. Поезжай немедленно и возьми билеты.

Скрепп поднялся с кресла и поклонился. Взглянув еще раз на фотографию, он убрал ее в карман и вышел прочь.

Владыка остался наедине со своими мыслями. Он подошел к окну и отодвинул штору вбок. Взору открылась широкие виды ночного Централа. Тихого города с бесконечными огнями улиц, медленно текущей реке из светло-желтых и белых фар. Чистое небо, наконец-то освободившееся от туч. Внизу, по площади перед штабом уже передвигалась маленькая точка Скреппа.

Как долго этот город будет оставаться таким — Демиан чувствовал, что былая атмосфера столицы ускользает в пропасть. Люди начинают говорить о событиях минувшей недели. Их медленные улыбчивые походки все больше и больше сменялись напуганным, скорым шагом. Этого не видно всюду, но это уже чувствуется в воздухе.

В коридоре холла послышался тяжелый стук сапогов. Демиан продолжал рассматривать ночной город, убрав руки за спину. В здании штаба ночью здесь никого не было, однако Владыка давно ждал, когда его бывший ученик проведает наставника. Шаги становились все громче и громче. Владыка обернулся не спеша. Точно у входа в кабинет стоял Чадаев. Демиан смотрел на него совершенно спокойно, точно так же смотрел и Дмитрий, но только с легкой улыбкой — левый кончик губ был чуть-чуть приподнят.

— Добрая ночь, учитель

Владыка, ничего не ответив, медленно со звонким лязгом обнажил свою золотую саблю и направил острие против Чадаева. Дмитрий только тихо посмеялся, однако вся посуда в кабинете немного задрожала, словно место встречи, где эти два человека когда-то давно впервые увиделись, больше не принимало Дмитрия.

— Вы уже не в том возрасте, чтобы держать оружие, учитель

— Не дерзи мне — тихо ответил Демиан

Чадаев начал подходить не спеша.

— Вот как вы теперь запели, учитель. Не то, что ваша лицемерная речь на чтении свитка

— Зачем ты здесь?

Чадаев снова улыбнулся

— Я просил Драгана, но он отказался, сославшись на семью, и советовал мне передать вам лично. Владыка, с сегодняшнего дня я больше не являюсь вашим учеником. Я покидаю Золотое Общество.

Владыка и глазом не повел, Чадаев подходил все ближе и ближе.

— И перед тем, как отправиться в Архел, я хочу спросить у тебя, мой бывший учитель. Ты гордишься мной?

После этих слов Чадаев громко во все горло начал смеяться.

— Ты повинен...

— Я спросил, ты гордишься мной?!

Чадаев резко выхватил свою саблю, которая тут же схватилась огнем. С плеча он замахнулся и ударил по клинку Демиана. Старик не удержал оружие, и то с грохотом ударилось об стену и упало на пол. Чадаев замахнулся снизу и прошелся по его правому глазу. Владыка не сдержал крик и упал на колени, облокотившись спиной к окну. К его горлу тут же было приставлено острие сабли.

— Ну,

Владыка, тяжело дыша, все еще закрывая глаз, посмотрел на своего ученика.

— До этого времени я всегда гордился тобой, Дмитрий, каждый день, каждый раз, всегда...

Чадаев опустил лезвие и наклонился к Владыке.

— Я не убью вас, учитель. Мне этого будет мало. Я заставлю вас лично увидеть падение Золотого Общества, падение Империи. И тогда ты уже сам сдохнешь.

Он развернулся и быстрым шагом вышел из кабинета.

Глава II

Сентябрь 1918 года второй эры.

Огромная по протяженности железная дорога, соединявшая Себор и Веридас заканчивалась в маленьком южном городе холмов. Картина пологих равнин, расстилавшихся на большей части пути, теперь сменилась небольшими лесами и пригорками. Поезд, следовавший в Ужиц, сбавлял скорость, потому что прямой как стрела путь стал огибать холмики. Раннее утро, пассажиры еще спали, в кроватях были практически все, ведь даже солнце встало всего час назад над горизонтом. Однако его восход кое-кто наблюдал.

Николай сидел возле окна и смотрел вперед по ходу движения поезда, медленно проходящего через родные деревья. Сосновый бор пропускал через стволы редкие лучи света. От этого постоянного мелькания солнца устали глаза, юноша занавесил окно тонкой белой тканью.

Анастасия все еще тихо посапывала в посели. Николай присел рядом с ней и очень осторожно, боясь спугнуть сон девушки, взял ее за ладонь. Руки были теплыми, он долго не отпускал их. Стук колес по железной дороге начал замедляться. Осталось немного. Только теперь, на последние полчаса пути Николая чуть ли не трясло от переизбытка ожидания. Он насытился вдоволь этим терпким, от чего-то горьким ощущением в сердце, возникающим каждый раз, когда он вспоминал свою родину. Это необычная эмоция, одновременно радостная, одновременно грустная. Уехав из дома семилетним ребенком, он получил в награду, или в проклятие, особый сон. Каждую ночь он гулял по своему пустому дому, по пустым полям пригорода и по самому Ужицу. Город, полный жизни, будто бы не замечал его, люди все так же шли своей дорогой. Смирившись с этим, сейчас, держа за ладонь Анастасию, он смотрел на золотое кольцо на безымянном пальце, осознавая, что его путь завершен.

Он закрыл глаза и прислушался. Сквозь редяющий стук колес пробивалась скрипка. Кто-то играл в соседнем купе. Анастасия в этот момент открыла глаза. Они были неизменно серого цвета.

— Ты уже вторую ночь не спишь?

Николай только лишь вздохнул в ответ. Последние два дня он действительно почти не спал. В голову постоянно приходили разные мысли, внутри постоянно томился какой-то страх. Страх того, что город изменился до неузнаваемости, перестал быть домом, но стал чужим для золотого человека. Юноша, ничего не ответив, вернулся к окну. В паре миль впереди уже виднелись красные черепицы центра города. Раздались первые гудки перед остановкой.

Николай и не заметил, как солнце спряталось за бесконечным полем облаков, словно одеяло. Начинало холодать, за окном виднелись следы недавнего дождя.

— Твой Ужиц большой город? — Настя под села к Николаю

— Да нет, маленький, и очень старый... тихий — сказал Николай словно самому себе.

— Думаешь о ком-то?

Николай тут же оторвал взгляд от окна

— Нет... ну почти... — Настя посмеялась в ответ — я не знаю, в последнее время чувствую себя сумасшедшим. Я много думаю, не стоит ли нам здесь остаться. Остаться навсегда. Поселимся в моем старом доме. Тебе, с твоей четвертой составляющей здесь все будут рады, я найду...

— Ты же знаешь, мы не можем — сказала Настя, но в голосе ее слышалось какое-то сожаление. Будто бы она себя сама в чем-то убеждала.

Николай молча накинул на себя плащ и стал готовить вещи.

Как и следовало ожидать, в Ужиц приехало совсем мало людей, не больше десятка. Когда поезд остановился у пригородного вокзала, все они быстро сошли с него и разбрелись кто куда. Встречающих не было.

Стояла утренняя дымка, ранняя тишь, дополняемая тихим шипением остановившегося экспресса. Из вагона сначала вышла Анастасия. Она тут же осмотрелась по сторонам и подняла голову вверх к огоньку солнца, скрывшемуся за облаками. Николай же словно застрял на выходе из вагона. Он смотрел на каменный перрон и понимал, что его одолевает настоящий, панический страх. Руки, занятые чемоданами вот-вот откажут, и вещи упадут вниз. Свинцовой ногой он сделал первый шаг на ступеньку. Утренняя прохлада сразу встретила его отрезвлением. Воздух здесь такой же, как и раньше — холодный по утрам. Такая же капризная погода, солнце к обеду наверняка уже осушит лужи.

— Ты был прав, здесь действительно тихо — Настя повернулась к Николаю и как-то по-детски ухмыльнулась, взяв его за руку.

Необъяснимый страх начал отступать и не только он. Впервые за тринадцать лет Николай почувствовал, как его давний спутник постоянный холод внутри начал слабеть.

Тропинка, ведущая из вокзала к пригороду, была теперь не земляная, а грунтовая. Но смешанный лес из хвой, берез, тополей и дубов был все таким же внушительно темным. Настя и Николай шли, держась за руки. Девушка, впервые попав в лес, останавливалась чуть ли не у каждого орешника или ежевичной полянки. Николай же постепенно ускорял шаг, все время вглядываясь вперед. Он ждал, когда лес начнет редеть и тропинка выведет их к тому самому холму, с которого он когда то бросил последний взгляд на свой пригород под вечерним золотом.

Маленькая светловолосая девочка со щенком, конечно, не могла встретить его на вокзале, она ведь не знает о возвращении Николы. Но может быть она все еще ждет... сидит на качелях под дубом и ждет. Николай уже чуть ли не бежал.

Наконец-то, вот он, вот, долгожданный просвет выхода из леса и сразу за ним подъем на холм. Тремя, четырьмя шагами Николай преодолел его и оказался наверху, даже не заметив, что Анастасия немного отстала.

Старый, величественный дуб стоял на месте. Веревочных качелей на нем не было, а вокруг все заросло травой. Николай набрал полную грудь воздуха, задержал его в себе, закрыл глаза. Его расстегнутый бордовый плащ подхватил ветер. Поставив оба чемодана на землю, он опустил свой взор на пригород.

Все как в тот день. На первый взгляд даже число домов не изменилось, даже старые изгороди стояли на том же месте и покрашены в тот же цвет. Дом семьи Владычей зарос травой, кустарниками и деревьями донельзя. Забитые окна, облупленные стены, все-таки в нем так никто и не поселился за прошедшее время.

Люди в полусогнутой позе трудились в поле, а рядом куча детей облепила сломанную телегу, наблюдая, как мужчина смазывает колеса. Вдалеке послышался бой колокола —

только что начались занятия в гимназии. Николай смотрел на эту панораму по кругу, от одного объекта к другому, потом обратно. Он снова часть этого мира, он вернулся, вот-вот и его начнут замечать. Вернулся круглым сиротой, и теперь теплые слезы, крадущиеся по щеке мог унять только один человек.

Анастасия взяла его за руку и обняла

— Ты родился в месте, похожем на сказку, дорогой. Здесь очень красиво.

Николай вновь не нашел слов для ответа. Он обнял Настю за талию, взял чемодан и пошел вперед.

Идти сейчас было некуда, кроме как в его старый заброшенный дом. Калитка, которая когда-то была высокой для маленького мальчика, теперь упиралась в грудь молодому человеку. Николай с трудом открыл ее — она уже вросла в землю. Нестриженое дерево во дворе дало жизнь многочисленным маленьким деревцам под ним. Сгнившая будка с трудом разглядывалась через траву и колючки. Николай и Настя добрались до входной двери и отворили ее. В нос сразу же дал неприятный запах сырости и гнили. После многолетнего сна все комнаты покрылись паутиной, мебели не было. Под сапогами ужасно скрипели деревянные полы. Николай сжал губы, покачивая головой.

— М-да... здесь уборки мало будет. Хоть сноси и строй заново.

— Это твой дом?

— Когда-то он им был. Я думал, что его заселили давно, ну или снесли, но...

Николай вздохнул и начал открывать окна. Пролившийся свет тут же показал, как много в воздухе летало пыли.

— Ночевать здесь не вариант — заключил он — оставим здесь чемоданы и пойдем в город.

Направляясь в город, Николай специально выбрал такой путь, чтобы дорога прошла мимо дома Ташиных. Анастасия не стала спрашивать, почему он остановился у забора этого двора, что он там высматривал. Николай хотел было кого-то окликнуть, но, еще раз посмотрев на аккуратный сад, ровную траву на лужайке, убедился для себя, что здесь все-таки кто-то живет. Они направились дальше. Время почти не касалось ничего вокруг, все было как прежде, словно заколдованно. Только лишь люди изменились — он не узнавал практически никого, все были заняты своими делами, и лишь ненадолго поднимали голову, чтобы взглянуть на золотых людей. Не обделили их вниманием и в самом Ужице. Город сильно преобразился. Теперь не только площадь, но и все даже самые маленькие улочки были замощены камнем. Все те же белоснежные стены двухэтажных домиков с цветами на крохотных балконах.

Николай рассказывал Насте почти про каждый уголок, каждое местечко города. Он знал наизусть всю его историю. Особенно долго он говорил про часовню, которая по-прежнему оставалась самым высоким зданием в округе. На площади красовались декоративные фонарные столбы, всюду стало больше движения, телег, но ни одной машины. Николай таял от сохранившегося образа родного города. Люди теперь смотрели на него, правда, с удивлением. Настю тоже замечали, ей улыбались, и в ее глазах пробился еле заметный блеск.

— Куда мы идем? — спросила Настя

— Побродим по рынку, я бы перекусил.

Но ничего съестного им так и не удалось найти, многие лавки еще не открылись, работали только цветочные. Николай купил две гвоздики. Сразу после этого они пошли

медленным шагом к окраине города, выйдя из него, направились далее через поля, пока не дошли до низкорослого березового леса. Они шли молча, Настя, смотря на цветы, понимала, куда они идут.

Кладбище было ухоженным, только могилы располагались не ровными линиями. Со стороны казалось, что они разбросаны невпопад. Здесь было холодно. Деревья стояли достаточно близко друг к другу, чтобы солнечные лучи не проникали вниз. Еще с детства Николай чувствовал себя здесь как в склепе, в замкнутом темном месте, где ему постоянно не хватало кислорода, где отголосками до сих пор слышались выстрелы ружей. Но не навестить могилу матери в первый же день он не мог, это была чуть ли не единственная цель возвращения. Вот уже тринадцать лет могильная плита покоила под собой последний огонек приятных воспоминаний детства. Той части детства, которую Николай мог назвать счастливой. Рядом с могилой продолжал набирать рост клен. По нему легко можно было обнаружить место покоя Эльзы Владыч, хоть Николай всего лишь второй раз в жизни посетил ее могилу.

И сама плита, и все вокруг было прибрано, никакой травы и грязи, только лишь расплавленный желтый воск от свечи и пара увядших цветков. Николай смотрел на вырезанное в камне имя своей матери. Он не думал сейчас о чем-то плохом, словно ощущая ее присутствие. Только лишь пустота внутри, красный огонь затих.

Настя стояла молча рядом с ним, смотря то на могилу, то на побелевшее лицо мужа. Юноша преклонил колена, убрал старые цветки и положил свои, прислонив ладонь к плите. Он что-то шептал с закрытыми глазами.

Сзади послышался какой-то шорох, Настя обернулась. Девушка с длинными светлыми волосами в черном платье остановилась позади них. Она с недоумением смотрела на пару.

— Прощу прощения...

Николай сразу узнал этот голос. Он открыл глаза и медленно поднялся с колен. Девушка тут же отшатнулась, букет из четырех цветков высвободился из ее рук и упал на землю. Юноша с черными волосами, золотая косичка за ухом касается плеча. Тот же самый бордовый плащ, в котором тринадцать лет назад мужчина, назвавшийся Сергеем Скреппом, забрал навсегда ее друга детства.

О себе дал знать лабрадор кремового цвета, он вышел вперед девушки и сел смиренно, гавкнув один раз, словно приветствуя кого-то.

— Тихо Шечер, — тут же сказала девушка.

Николай обернулся к Славе. Ее глаза блестели от слез, она сразу догадалась. Кто еще мог навестить могилу Эльзы, кроме как не ее сын. Время сильно преобразило девушку, но Николай точно знал, кто перед ним стоит. Все те же голубые глаза, которые он видел в последний вечер, слезно умолявшие остаться, те самые глаза, что долго снились ему после, точно такие же, как и у Насти. Они простояли так несколько минут, молча уставившись друг на друга, и оба думали об одном и том же — что если он забыл меня, что если она меня не помнит?..

Слава сделала первый шаг, но тут же остановилась. Они оба заметили присутствие Анастасии. Настя спокойно смотрела на них, ему даже показалось, что она как-то умиротворенно улыбается. Она все поняла правильно — два друга детства не верят своему счастью, что смогли вновь встретиться.

Николай медленно приблизился к Славе и подобрал упавшие цветы. Девушка вблизи увидела его белый китель, придававший владельцу статность. Это уже не тот мальчик, что

качал ее раньше на качелях. Он так вырос, а Николай по прежнему видел в Славе ту самую девочку. Он обнял ее, крепко прижал к себе, она все еще не верила, но почувствовав тепло, все же с робостью тоже обняла плечи юноши. И теперь к ее глазам подступили слезы, сдержать которые было уже невозможно.

— Почему ты снова плачешь? Слава, я же обещал, что заставлю тебя улыбаться еще и еще.

Слава покачала головой и уткнулась ему в грудь. Когда-то давно она была выше мальчика, но теперь он смотрел сверху вниз.

— Ты все-таки вернулся... когда тебя уже никто не ждал

Слава отошла от него и положила цветы на могилу

— Никто не ждал?

Глаза девушки стали строже, словно оскорбленные.

— Да, никто. Ты же не написал ни одного письма сюда

Это задело юношу, но правда была правдой, с тех пор, как уехал, он словно абстрагировался от старой жизни, встречаясь с ней только во снах. Он и сам не понимал, почему не пишет домой и теперь оставалось только спрятать взгляд.

— Ладно уж, сам виноват — сказала Слава, — вы еще не надумали, где остановитесь?

Николай покачал головой

— Тогда идем ко мне, — улыбнулась она — мама будет рада твоему возвращению.

День близился к середине, ребята, вдоволь нагулявшись, возвращались домой. Слава и Николай поначалу практически не говорили, оба ощущали какое-то необъяснимое волнение, хоть и не показывали виду. Мало-помалу, это прошло — им было о чем поговорить. Слава рассказывала о том, как изменился Ужиц, многие люди покинули город, из их старых друзей не осталось практически никого. Анастасия молча шла позади и смотрела на говорящую пару. Внутри было теплое чувство, словно это не Николай повстречал старого друга, а она сама. Впервые она познала эту тишину вокруг, спокойствие, возможность ощутить себя простым человеком, равным остальным. Здесь, среди холмов, маленький домиков и полей она словно попала в тело другого человека. Это было не взаправду. Люди не оглядывались на нее, не прятались, не боялись.

Маленький одноэтажный домик, что располагался в самом центре пригорода, сохранил свою атмосферу. Он так же изменился — стены, которые раньше казались косыми теперь были отштукатурены и покрашены в зеленый, крыша стала более высокой и заостренной. Но старый пруд, деревца и дорожки с грядками по-прежнему напоминали о чем-то давно забытом.

Николай остановился перед самым входом и подошел к пруду, попутно вспоминая, как однажды Скрепп пришел сюда и в этом самом месте позвал его с собой. Они вошли внутрь. Тетя Даника, увидев Николая, сначала остолбенела, но сразу после она радостно приняла в объятия юношу. На ее голове уже была седина, лицо в морщинах, да и сам Николай помнил ее намного выше. Кухня вся была в белом, от посуды до мебели. Чуть приоткрытое окно пускало слабенький сквозняк, колыхавший белую занавеску.

Вскоре появился тот, кого Николай никак не ожидал увидеть. На кухню вошел Милош, старый друг детства. Он тут же остановился в ступоре, увидев гостей.

— Никола? Вот это новости! — Николай улыбнулся, они обнялись, посмеявшись. — Какими судьбами?

— Я вернулся... не знаю пока на сколько. А ты-то что здесь делаешь?

Слава посмеялась и подошла к Милошу, обняв его сзади

— Мы теперь муж и жена

У Николая отвисла челюсть, но он тут же постарался скрыть свой легкий шок и выдавил улыбку, встав и пожав руку Милоша.

— Поздравляю... не ожидал от вас.

Все собрались за столом.

Ташины поначалу расспрашивали о событиях в Веридасе. Николай рассказал все в подробностях с самого начала, как уехал. О впечатлениях Централа, о Золотом Обществе. Многое он, конечно, опустил, как и то, что не смог найти отца. Ему казалось, что Слава и Даника итак знают о судьбе Драгана, видят по Николаю.

— Ну а вы, Анастасия, — включила тетя Даника ее в разговор, — как вам наш Ужиц?

Настя, словно не ждала этого вопроса, поставила чашку на стол и начала подбирать слова. Смушение все еще чувствовалось в ее голосе

— Я в восторге. Когда Николай предложил задержаться здесь, я не хотела... но теперь я просто мечтаю остаться тут — Николай приобнял девушку, та продолжала уже тихо, как будто про себя — как не горько признавать, здесь лучше чем в Централе.

После этих слов глаза девушки вновь посерели. Словно эти полумертвые слова сказал больной человек. Николай ощутил этот холод, принесший молчание к столу. Девушке стало не по себе от создавшейся тишины.

— Кстати, Никола, — как бы невзначай сказала Слава, — я смотрю и у тебя кольцо на пальце.

Николай улыбнулся и попросил руку Насти. На ее безымянном пальце тоже сверкало золотое кольцо.

— Анастасия моя жена, мы молодожены

Милош захохотал во все горло и тут же крепко обнял друга. Все начали поздравлять их.

Беседа продолжилась до ночи. Настя все больше и больше включалась в разговор. О Веридасе и Золотом Обществе они старались не говорить, и теперь ей казалось, что она никогда не вернется к прежней жизни.

Тихо и безмятежно прошла зима, снег уже давно растаял, и на деревьях начали появляться листья. Май принес с собой небывалую жару в Ужиц, но люди, изнемогая, продолжали работать в полях. Анастасия и Николай все же смогли привести дом Владычей в порядок. За полгода они изменили его полностью. Теперь юноша часами просиживал в своем кабинете, где когда-то он только начинал знакомиться с компонологией. Настя насаждалась семейной жизнью — никаких вестей из Централа, ни от Скреппа, ни от Свиридовых. Казалось даже, что про них забыли наконец-то. Раз в неделю Николай в одиночку посещал кладбище и проводил там несколько часов наедине с матерью. Тишину здесь нарушал только шорох невысокой травы, листьев деревьев. Николай все еще не привык к простой одежде. Рядом с могильной плитой был небольшой валун, юноша каждый раз садился на него и молчал, погруженный в мысли.

Сегодня он пришел, как и обычно, без опозданий, чуть только солнце встало. Вокруг никого не было.

— Здравствуй, мама. Это снова я.

Так все начиналось. Он пересказывал все, что с ним случилось на прошедшей неделе. Иногда он отвлекался и говорил об отце.

— Прости, что не нашел его... тот день все-таки был последним... его больше нет.

Он часто делал длинные паузы, бывало на час и больше, словно подбирая слова. А бывало и так, что он резко останавливался в момент разговора и замолкал, понимая, что говорит с пустотой, смеялся над собой, и продолжал говорить.

— Она и в самом деле лучший, самый прекрасный, искренний, золотой человек, мам. Если бы не она, я бы не выдержал... в самый первый год... не выдержал бы. Она заменила собой все мое прошлое, впитала его, стала олицетворением. Я правда счастлив, что мы теперь носим одну фамилию.

Николай снова замолчал, подняв голову. Слабый ветерок покачивал ветви клена.

— Но в последнее время, особенно перед приездом сюда, я... я стал бояться ее. Она словно поменялась. Знаешь, чего я больше всего боюсь?.. Ее тишины... да, когда она молчит, отводит взгляд. Такого раньше не было... это все та проклятая стрельба. Мам, я видел столько крови. Ты бы ужаснулась, если бы увидела, во что нас превратили... Мой учитель заменил мне отца. Он хороший человек, он тоже поступает по совести, как папа. Он постоянно говорит про свет, про Истину... но то во что нас превратили... Я понимаю ее слезы. Это она истинный золотой человек, не мы. Она увидела слишком много... я поклялся защитить ее. Сергей Сергеевич послал сюда не меня, он послал сюда ее, теперь я понимаю это. Я вижу, что ей здесь нравится.

Николай снова умолк. Его кулаки сжались, лицо сделалось грубее.

— Жалко... жалко, что я больше не могу спросить твоего совета. Ни у тебя, ни у отца. Я запутался. Дома все так же по старому, это самый большой подарок, который вы могли сделать, оставить все как есть. Это и напомнило мне, то, что я никогда не забывал. Клятву, что я дал, клятву отомстить. Я не смог скрыть свои намерения, учитель, похоже, поклялся, что вернет меня к примирению... о чем он? За все эти годы я так и не понял, как можно прощать. Мой мудрый учитель настоящий глупец.

После этих слов Николай улыбнулся и посмотрел куда-то вверх. Ничего кроме тишины. Только она и нужна была ему — тишина, которую он умел слушать.

Домой он вернулся ближе к полудню. Настя и Слава уже приготовили обед и сидели на кухне, беседуя за чаем. Шечер был невероятно рад новой будке во дворе, которую ему смастерил старый хозяин. Лабрадор лежал в теньке под тяжестью своего возраста. Заметив вошедшего через калитку Николая, он тут же прыгнул на него передними лапами, испачкав пиджак. Юноша стал почесывать собаку по шерсти. Девушки наблюдали эту картину из окна.

Слава почувствовала себя лишней, когда он вошел в дом. Вскоре она ушла к себе и Николай с Настей остались наедине. Юноша налил себе чай и присел за стол.

— Есть планы на вечер? — спросил он

Анастасия покачала головой, свободного времени было полным полно.

— Тогда что скажешь, если мы сегодня погуляем вечером в городе?

— Было бы здорово — улыбнулась она

Вечером, воздух в Ужице немного остыл, в окнах домов загорелись огни. Людей тем не менее меньше не становилось. Николай и Анастасия шли медленно, обнявшись. Впереди них бежал Шечер. Вокруг зажглись фонари и гирлянды, и Николай даже подумал, что забыл о каком-нибудь празднике сегодня. Рынок, что стоял рядом с площадью, еще не закрылся. На

это и рассчитывал юноша. Настя долго гадала, что он ищет между торговых лавок, не чай, не цветы, не печенье — он прошел мимо всего этого. Николай остановился у хозяйственной лавки и взял с нее длинную веревку, посмотрев на цену.

— У вас продаются какие-нибудь доски? Желательно лакированные.

Продавец без лишних слов вручил ему дубовую доску.

Когда они выходили с рынка, Настя, все еще не понимая смысл приобретения, спросила для чего все это.

— Я сделаю Славе подарок, пойдем со мной.

Дорога, ведущая из Ужица в его пригород по-прежнему была вымощена камнями и огорожена полуметровым бордюром зацементированной гальки. Та же высоченная трава со всех сторон.

Настя уже сто раз слушала его рассказы о сборе яблок поздним летом, о вине, о гонках на тачках. О том, как особенно здесь цениться снег. Она запрыгнула на каменный бордюрок и расставив руки в стороны, пошла по нему, оттягивая каждый шаг. Николай рассмеялся.

— Знаешь, точь-в-точь такой походкой я ходил по нему ребенком. Один раз за мной попробовала повторить Слава и потом неделю ходила с перебинтованной коленкой.

Настя улыбнулась. Перед ней тут же возник, словно из тумана, маленький мальчик с черными волосами. Он шел в своих коротких шортиках и плетеной панамке прямо перед ней с расставленными в стороны руками. Анастасия, следя за ним, повторяла все его движения. Снизу по дорожке шла светловолосая девочка в белом сарафане. В руках она несла сетку с яблоками и апельсинами. Она с завистью глядела на мальчика, но от чего-то не лезла к нему наверх.

Дорога вела их в пригород и они шли дальше, пока не добрались до одного холма, возле их дома, самого высокого в округе.

Забравшись на холм, Николай остановился и поднял голову наверх. Анастасия по-прежнему наблюдала за призрачным мальчиком и девочкой. Они веселились, качались на таких же призрачных качелях. Мальчик повернулся к Насте, и она без труда узнала в нем Николу. Того самого, но в то же время совсем другого, еще радостного Николу, без золотой косички.

Николай стал точно в то место, где были образы детей. Он посмотрел на нее.

— Когда-то давно тут висели качели. Я гордился ими, их сделал мой отец... обернись — Николай положил доску с веревкой и подошел к девушке. Когда Настя обернулась ей открылся спящий пригород, тишина и целое море звезд, только-только прорисовавшихся на темном небе. — Вот теперь ты видела все. Вот мой дом.

Николай забрался на дуб и завязал веревку к тому же месту, где она была раньше. Анастасия по-прежнему любовалась звездами. Легкий ветер колыхал ее светлые волосы, и даже в ночном мраке был заметен голубой свет ее глаз.

— Николай... — сказала она ему не оборачиваясь — давай придумаем, как остаться здесь навсегда.

Николай тяжело вздохнул и стал крепить доску к веревкам.

— Я был бы самым счастливым человеком, если бы прожил с тобой здесь до смерти, Настя. Я клянусь тебе, мы вернемся сюда сразу как только я покончу с...

Николай остановился, не произнеся последнее слово. Анастасия обернулась и увидела его сжатые кулаки. Он присел на качели, веревка издала легкий скрип.

Девушка ничего не ответила. Трезвость вернулось к ее сознанию — рано или поздно она снова станет золотым человеком и вернется в Веридас. Она отвернулась чтобы Николай не заметил ее серых глаз.

— Прости меня — тихо сказал он.

Они просидели так всю ночь, не произнеся ни слова. Под утро Настя вернулась домой. Николай остался в одиночестве. Большой черный лес, что был позади, издавал холодный шелест. На траве появилась роса. Все погружалось в дымку и когда солнце уже начало себя показывать от пригорода Ужица остались видны только красные крыши.

Николая терзали сомнения. Он задавал себе вопрос за вопросом — зачем он здесь? Как смеет возвращаться не закончив начатое. Без стыда гулять по родительскому дому. Однако это чувство слабело в нем, Крепп оказался прав.

У подножия холма показался человеческий силуэт. Кто-то медленно поднимался к юноше по тропинке. Он был все ближе и ближе. Николай вспомнил, как в последний день, тоже под утро к нему сюда пришла Слава. Пришла уже опоздав, когда мальчик все решил.

В это утро она пришла к нему снова, как всегда в черном платье. Николай с того момента как вернулся, вообще не видел ее в другом цвете одежды. Слава остановилась, не дойдя до него нескольких шагов и подняла взгляд вверх, к кроне дерева.

— С качелями он выглядит моложе — сказала она.

— Тебе нравится? — девушка кивнула — тогда садись, я покачаю.

Слава заняла его место и Николай стал раскачивать веревку.

— Все-таки, ты изменился

— Почему?

— Когда я увидела тебя в форме, то сразу вспомнила того бородатого мужчину, который забрал тебя

Николай посмеялся

— Да, теперь он мой наставник

Девушка взяла его за руку

— Помнишь, мы всегда тут собирались, вдали от всех. Это ведь было наше место — она опустила голову, словно боясь не получить ответа

— Знала бы ты. Все то, что я пережил с тобой, спасло меня в том аду Веридаса.

Она посмотрела на Николая, по щеке текли слезы

— Ты нашел отца?

Николай остановил руку, оцепенев от холода.

— Да...

Слава поняла то, что он сказал. Юноша почувствовал это, когда она крепче сжала его руку. Он отошел от девушки, прислонившись к дубу.

— С того дня, в конце августа, я ждала тебя — она говорила не поворачиваясь к Николаю — Ты уехал, сказав что мы увидимся, но так и не вернулся. Ты обманул меня...

Николай медленно скатился по стволу спиной вниз, спрятав глаза. Вспомнились слова отца, когда он просил быть опорой для девочки.

— Я... я действительно смог вернуться только сейчас... я не хотел, чтобы все вот так...

Слава встал с качелей и подошла к нему.

— Ты вернулся золотым человеком, но внутри ты ни капельки не поменялся. По-прежнему носишь кинжал в сапоге? Да, я знаю про него... Никола, ты вернулся с кольцом на пальце и теперь не имеет значения ни этот дуб, ни эти качели. Ты лжешь, что это они спасли

тебя. Это она спасла тебя.

Слава показала пальцем в сторону их дома, где спала Настя. Николай встал на ноги, девушка замолчала. Он вновь увидел ее глаза, полные сожаления и отчаяния. Одним шагом он подступил к ней и обнял, прижав так близко, что Слава на себе ощутила его холод.

— Меня спасла Настя, все так. Но только потому, что я увидел в ее глазах твои. Прости что не писал тебе писем... погоня за ним превратила меня в настоящего зверя... я словно ослеп.

Они сели на качели

— Все. Все, остановись. Теперь ты дома. Остайся с ней тут... навсегда. Я вижу, что она счастлива с тобой здесь. Только, пожалуйста, не уезжай больше, остайся навсегда.

В маленьком неприметном доме был настоящий переполох. Дом этот располагался на окраине Централы и являлся дипломатическим посольством Волуптаса. Посол Томас Грант, полноватый и низкорослый человек был переодет в официальный костюм и своим коротким бегом метался из комнаты в комнату. Его подопечные, несколько человек, так же во фраках, помогали ему разбирать различные папки из выдвижных ящиков. Все бумаги из них беспорядочно, словно старые газеты, скидывались в черные плотные мешки. Не трогали только рабочий стол Гранта. На нем точно посередине лежала новенькая папка с серебряной каймой и большой государственной печатью Волуптаса.

Задний двор посольства, скрытый от глаз большим забором, вскоре превратился в настоящую свалку. В ее центре разожгли огонь и начали подкидывать черные мешки с документами. Люди с опаской поглядывали на дым, возвышающийся вверх и привлекающий лишнее внимание.

Посол старался успокоиться, стоя перед зеркалом и протирая свое круглое лицо без шеи. Он взял документ со стола и положил его в свой портфель. С улицы послышался сигнал готовой машины. Томас проглотил свой страх и с уверенностью быстрым шагом направился к выходу.

— Едем?

— Да, да, да скорей.

Грант сильно нервничал. Это, возможно, был его последний дипломатический выезд за всю карьеру — один из самых сложных. Из его страны был выслан приказ об уничтожении всех документов. К приказу прилагалась еще один документ, который он теперь вез в своем портфеле. Ультиматум выдвигался к властям Веридаса — немедленно вывести войска из Шлисса и предоставление автономии всем северным регионам.

В Веридасе ждали подобного шага уже год. Гранту нужно было доставить ультиматум в зал Совета Золотого Общества. Здесь по его просьбе, уже собрались все члены вместе с Владыкой и Его Величеством.

Ультиматум был прочитан. После этого Грант направился на железнодорожный вокзал, где его ждал специальный поезд в Волуптас.

Демиан и Маар сразу же после этого созвали экстренное заседание штабов армий. Его Величество выглядел растерянным, руки не находили себе места, то мяли друг друга, то растрепывали седые волосы. Владыка сидел рядом и вел себя заметно спокойнее.

— Демиан... что теперь?

Владыка тяжело вздохнул и сжал кулаки.

— Этот ультиматум только подтверждает их бесчестие.

— Нет, нет, Демиан, меня интересует наш ответ. Если дело дойдет до войны... готовы ли мы к ней?

— Вы и сами прекрасно знаете положение в империи. На севере одно восстание за другим. В Централле все молчат... все как перед бурей. Золотое Общество не в состоянии контролировать всю страну.

— Но ведь Чадаев не заявлял о себе уже почти год

— Он ждет наш ход. Война будет ему на руку еще больше чем Волуптасу.

Маар закрыл глаза ладонью и начал их растирать. Было видно, как подрагивают его виски, как дрожат кончики пальцев.

— Не нервничайте, Ваше Величество. У нас появилась зацепка, скоро мы выйдем на него. Я поставил лучшего из лучших заниматься этим делом.

— Лучшего? Неужели бригадный генерал Штейн?

— Да, он возглавит команду расследования.

Маар подумал немного

— А может все же его стоит держать у своей армии?

— Нет. Поимка Чадаева куда важнее войны...

— Страна не готова, Демиан. Я не пойду на это. Лучше принять условия.

— Совет не позволит вам сделать это, Ваше Величество, сдать территорию без сопротивления... такого не было никогда в истории Веридаса. Вас не поймет собственный народ и вы снова сыграете на руку Чадаеву.

Маар больше не произнес ни слова. Он только смотрел как один генерал за другим соглашались с неизбежностью войны.

— Штаб армий должен принять решение — заключил Владыка.

Обсуждать уже нечего. Было решено нанести упреждающий удар по Волуптасу, пока противник не стянул войска к границам. Маар только лишь подписал приказ. Генералы выходили друг за другом. Все были нагружены, что-то обсуждая между собой. И лишь один из них незаметно улыбался, внутри него все ликовало. На выходе из штаба он передал красноволосой девушке в мантии с капюшоном маленькую бумажку. Девушка тут же скрылась.

Над Централом все почернело, но дождь все никак не начинался. Только лишь черные птицы беспорядочно кружили в небе, что-то высматривая.

На крыше одного из зданий неподалеку от Императорского дворца стоял человек в черной одежде и скрытым лицом под капюшоном. Он наблюдал, как император по ступенькам поднимается во дворец.

К человеку подошла красноволосая девушка в черном пончо.

— Быть войне — сказала она, посмеявшись

Человек ничего не ответил, лишь поднял руку к черным птицам в небе.

Еще не успело стемнеть, а по всему городу начали разъезжать крытые военные грузовики. Люди в синей почтовой форме разносили по домам маленькие квадратные конвертики бордового цвета. На каждом из них написано имя и фамилия.

Два таких конверта принял и Сергей Крепп. Он долго держал их в руках стоя у окна. Дождь наконец-то пошел.

На конвертах были имена Николая и Анастасии Владычей.

Глава III

Июнь 1919 года второй эры.

Гудок паровоза, короткий и острый, разбудил Николая. Двухдневный путь завершился. Централ уже было видно из окон купе. Юноша не помнил, когда уснул, была еще ночь. Прямо за городом, со стороны севера темнело, сверкали молнии. Гром слышно даже сквозь стук колес.

Николай не хотел смотреть на все это, он занавесил окно. Настя все еще спала, положив голову на его ноги.

Письма, что пришли им в Ужиц, первые их взяла в руки именно она. Николай только лишь видел, как блекнут ее глаза, белеет кожа, когда она читала. Выхода не было — Золотое Общество призывало всех своих членов из-за войны. Первые люди всей нации вели остальных. Когда-то давно война являлась единственным способом распространения учения Веридаса. Девушка больше не произнесла ни слова.

Центральный вокзал был переполнен, в основном людьми в военной форме. Поезд, на котором Настя и Николай прибыли, оказался пустым. Солдаты погрузились в большие коричневые вагоны. Из небольшой толпы гражданских выделялась высокая фигура в бордово-золотом плаще. Это был Зак, он быстро нашел глазами Анастасию и Николая, махнув рукой.

— Соскучился, а? — посмеялся он, пожимая руку Николаю — жаль, что встречаемся при таких обстоятельствах.

Анастасия смотрела на солдат, все они почему-то прятали свои лица за высокими воротниками черного цвета, скрывали глаза козырьками фуражек. От них веяло холодом. Те, кто еще недавно был частым посетителем Венуры, теперь стояли здесь с оружием в руках.

Через несколько часов должен собраться Совет, но Зак сказал, что Владыка и Скрепп хотят встретиться с ребятами раньше.

Сам Централ пока что еще жив. Всюду висели различные листовки и плакаты, призывающие людей сделать свой вклад в войну. Но люди не задерживались возле них, мрачно проходя мимо. Пока золотые люди стягивались к штабу общества, Владыка из окна своего кабинета наблюдал за серостью города. За его спиной находилось еще несколько десятков человек. Это профессура общества, среди них и Сергей Сергеевич. Они выстроились ровно в несколько рядов и ждали слов Демиана.

— Мы не будем нарушать традиций — сказал он, обернувшись. Большинство профессоров кивнули головой. — Что ж, я не ждал от вас другого, пусть будет так. Встретимся на распределении.

Владыка закрыл черную папку, что лежала на столе, и отпустил людей. Остался только Скрепп.

— Что ты хочешь, Сергей?

Он подошел ближе к Владыке и посмотрел в окно. Где-то вдали промчался «Арон» Зака. Его ученики вот-вот придут.

— У меня просьба, учитель. Вы знаете одну из моих учениц, Анастасию? Раз уж мы

решили назначить золотых людей командовать полками, то я наперед скажу, что она не годится для этого. С самых ранних лет она излучала свет и теплоту, грела всю мою команду... но не в последнее время — Скрепп серьезно посмотрел на Демиана — она не создана разрушать. Отстраните ее от командования, прошу вас.

— Что ж, Сергей — он положил руку на плече Скреппа — тебе лучше знать, на что они годятся.

Он подошел к столу и взял из стопки папок одну красную с надписью «Отдел Расследований»

— Штейн запросил надежного человека. Он получил зацепку в деле Чадаева. Направлю к нему твою ученицу, он присмотрит за ней.

Не сказать, что после этих слов Скрепп успокоился. Наоборот, какое-то странное чувство, страх пробрали его в этот момент. Но оставить ее в столице куда безопаснее, чем отправлять на север.

В кабинет вошел секретарь. Он поклонился золотым людям.

— Прибыли ученики профессора Скреппа

— Пусть войдут

Сергей отошел в сторону и присел на самое дальнее кресло в кабинете. Его ученики вошли и поклонились Владыке.

— Присаживайтесь, — сказал Демиан и посмотрел на Николая с Настей — сожалею, что пришлось вернуть вас с отдыха. Я думаю, вы уже знаете о начале войны и о том, что вас определяют старшими офицерами в армию.

Николай посмотрел на остальных. Зак и Лена слушали Владыку, Настя же как будто отстранилась в своем мире. Поджав губы и опустив голову, она рассматривала золотые узоры на своем плаще.

— Вам подготовлены места в двенадцатой гвардейской — Демиан посмотрел на Скреппа, тот кивнул — Анастасия, ты на фронт не поедешь.

Все посмотрели на нее, она резко подняла голову, не веря своим ушам.

— Бригадный генерал Штейн просит вас оказать ему помощь. Так что прямо сейчас спускайтесь в Отдел Расследований и приступайте. Что касается остальных, ваш поезд отправляется завтра на рассвете.

Все встали и, поклонившись Демиану, вышли из кабинета вместе с Сергеем Сергеевичем.

За все время службы в Отделе Расследований редко кому, в том числе и Анастасии, удалось хоть раз встретиться с главой отдела. Мало кто знал сколько лет Штейну, как он выглядит. Некоторые считали даже, что Штейна не существует, а отделом руководит Владыка.

Анастасия спускалась вниз к подземной стоянке, чтобы проводить ребят. На душе было двойное чувство, грустное и радостное — с одной стороны всю дорогу из Ужица она думала, как ей теперь быть. Сможет ли она жить с оружием в руках? Но когда это вопрос разрешился, она вдруг почувствовала себя одинокой. Самые близкие люди покидают ее, внутри образовалась пустота, страх и за них и за себя.

Вокруг все вертелось, все стремилось и бегало куда-то. Только лишь она шла против этого течения, стараясь не обращать внимания на напряженные лица друзей.

— Настя, ты справишься? — Скрепп обнял ее сзади за плечи одной рукой. Он старался не показывать, но глаза выдавали его волнение.

— Конечно справлюсь, учитель. Вы будите гордиться мной.

Скрепп улыбнулся

— Береги себя

Девушка по очереди попрощалась с друзьями. Николай крепко прижал ее к себе и не отпускал несколько минут. Зак даже посигналил.

— Живи... — шепнула Настя. Она не смотрела ему в глаза, сделала два шага назад, улыбнувшись. Этой слабенькой улыбкой она провожала машину, пока та не скрылась прочь. Николай не отрывал от нее глаз, глядя в заднее окно.

— Профессор, ведь это вы попросили Владыку?

Скрепп тяжело вздохнул.

— Да. Но похоже я сделал только хуже.

— Хуже? Что может быть хуже для нее?

— Мне как-то раз довелось работать со Штейном. По мне так лучше уехать на север, чем остаться с ним здесь.

Пока Анастасия добиралась в Отдел Расследований по пустым коридорам штаба, из ее головы не выходила одна мысль. Почему ее оставили в столице, почему именно она должна помочь Штейну.

Зал отдела был широк, всюду расположено множество рабочих мест, но ни одного человека, кроме двоих ребят. Они спешно что-то укладывали в свои портфели и даже не обратили внимания на девушку. Она остановилась у большой черной двери — кабинет Штейна. Даже в самые загруженные дни эта дверь редко открывалась. Анастасия вошла внутрь, пара юношей, заметив это, переглянулись между собой.

Внутри все отличалось от рабочего зала. Кабинет больше был похож на роскошную комнату особняка. Девушка глазами пробежалась по помещению — очень много мягких кресел, книжных шкафов, невысокий столик и громадный глобус. В одном из кресел, спиной к входу сидел мужчина. Он перебирал пальцами по стопке бумаг, пересчитывая ее.

— То, что вы вошли без стука, не красит вас — сказал он.

Анастасия покашляла в кулак.

— Владыка Демиан только что велел мне спуститься к вам.

— Да, он уже позвонил мне. Присаживайтесь.

Мужчина указал ей на противоположное кресло. Анастасия повиновалась. Штейн сидел, перекинув ногу на ногу, со скрещенными пальцами. На удивление, это был отнюдь не старый человек. Статный, без единой морщины на лице. Волосы пепельного цвета, начинающие редеть, вытянутое лицо с длинными скулами. Это пугало — его лицо было похоже на череп, обтянутый кожей. Особенно его большие глаза, которые еще больше увеличивались от круглых очков, благодаря которым были видны малейшие движения зрачков. Настя невольно отвела взгляд в сторону.

— Чаю?

На столике, разделявшем их, уже находились чайник и две чашки на блюдцах. Штейн пододвинул одну из них к девушке, не отрывая взгляда от нее.

— С-Спасибо

— Итак, подполковник Владыч, Владыка порекомендовал Вас для моего плана. Есть догадка, почему именно вас?

Анастасия взяла чашку в руки, но та сразу задрожала о блюдце. Она поставила чай на место.

— Я не знаю, бригадный генерал

Штейн сделал глоток

— На самом деле, мне достаточно и того, что вы Золотой Человек — он говорил медленно, протяжно, его слова будто тонули в стенах кабинета — Однако я не могу рисковать. Дело касается Чадаева. Я должен быть уверен в каждом — его тон огрубел — и вы у меня такой уверенности не вызываете.

Настя почувствовала, как леденеет ее спина. Только сейчас она осознала свое безразличие того, куда ее пошлют. Штейн продолжил.

— Я помню вашу выходку год назад, когда было восстание. И я примерно догадываюсь, почему тебя оставили здесь. Золотой человек это слуга империи, запомни это.

Он откинулся на спинку кресла и продолжил уже более спокойно.

— Но, раз уж вас рекомендовал Потестас, я посвящу вас в подробности.

Поднявшись на ноги, он накиннул бордовый плащ и покачал двумя пальцами, чтобы Настя проследовала за ним.

Они спустились в гараж, там их ждал молодой лейтенант рядом с длинным черным кадиллаком «Авером». Такой машины не было ни у кого.

Только когда машина выехала на центральное авеню, Штейн достал тоненькую красную папку, передав ее девушке. Сверху на папке было закреплено имя «Ли Грин»

— Вот наша зацепка

Анастасия открыла папку, в ней был всего лишь один листок. Досье с фото. Человек на фотографии был мужчиной средних лет с длинными черными волосами и щетиной.

— Старший брат Грина год назад был ликвидирован как активный участник восстания в Централе. Мы сделали это специально, чтобы выяснить реакцию Ли Грина и проследить за ним. Есть подозрения, что он имеет связь с Орденом.

— Вы хотите, чтобы я следила за ним?..

— Вовсе нет

Машина приближалась к окраине Централа. Многоэтажки сменились маленькими домиками. Штейн сморщил нос.

— Ненавижу этот район... Ты не будешь следить. Ты напрямую будешь работать с ним, пока не заметишь что-нибудь ценное.

Он передал девушке еще один документ с печатью Второго отделения Императорской Канцелярии, в чьем ведомстве находилась вся военная промышленность страны.

— Грин подал заявление для устройства на четвертый патронный завод. Из-за войны все заводы перешли на трехсменный режим, и понадобилось больше рабочих. Мы представим тебя Грину как менеджера этого завода. Ты прибудешь к нему на собеседование лично домой, каждый день всю рабочую неделю будешь следить за ним.

— И что я должна выяснить?

— Если он действительно связан с Орденом, то он будет таскать с завода столько патронов, сколько унесет. Но ты должна не уличить его в этом, а выяснить, где он будет их передавать Ордену. Так мы найдем его логово.

Анастасия еще раз пробежалась глазами по досье.

— Но тут сказано, что он воспитывает ребенка. Он семейный человек, он не террорист.

Штейн усмехнулся.

— Он же не золотой человек... откуда ему знать о чести.

Настя не поняла последних слов бригадного генерала. Машина остановилась возле

двухэтажного дома с маленькой верандой и качелями во дворе.

— Он живет здесь. Форму заводского управляющего вам выдадут к вечеру. Не задерживайтесь.

Машина поехала дальше по улице.

Вечером того же дня, перед самым началом темноты, Анастасия уже одетая в простой серый пиджак и черную юбку, с убранными назад волосами стояла перед домом Ли Грина. В руках была папка с его досье. В доме горел свет во всех окнах, падая на ровный, коротко постриженный газон, черные каменные тропинки. Он сильно выделялся среди домов всей улицы, мрачной и сырой, словно единственный огонек.

Людей вокруг не было, к этому уже все привыкли. Большинство сидели дома у своих радиоприемников и ждали новостей с севера. Все остальное потеряло смысл, даже звезды на небе. Анастасия посмотрела на светила, вспоминая, как совсем недавно вместе с Николаем в Ужице они считали их. На секунду она перенеслась в тот миг, но теперь рядом никого не было.

Несколько минут она простояла так. В доме Грина начал гаснуть свет. В голове вертелись мысли о том, что ей предстоит солгать.

Раздался щелчок засова. Дверь отворилась, и из нее на веранду пролился яркий свет. На улицу вышла маленькая девочка в красном сарафане с кармашком. Она не сразу заметила Настю и спустилась вниз по ступенькам, чтобы забрать мяч, оставленный здесь днем. Но когда Настя уже собралась поздороваться, приподняв руку и сделав полшага вперед, девочка заметила ее. Глаза янтарного цвета тут же расширились от испуга, но она, взяв себя в руки, все же поклонилась Насте.

— Ты живешь здесь? — Она кивнула и медленно, шаг за шагом стала подниматься по ступенькам на веранду. — Не волнуйся, мне нужен человек по имени Ли Грин. Ты знаешь его?

Девочка уже хотела что-то ответить, но ее кто-то окликнул из дома и вскоре в дверях появился сам Грин.

— Нина, ну что ты так долго — ласково обратился он к девочке, та спряталась за него, не отрывая взгляда от Насти. Мужчина посмотрел на девушку.

— Здравствуйте, вы искали меня? Я случайно услышал ваш голос

— Господин Грин... я...

— Пожалуйста, пройдемте в дом. Чаю не желаете?

Настя немного поклонилась в знак благодарности и вошла внутрь. Фотография, прикрепленная к досье, больше не отвечала действительности. Грин выглядел молодо, не старше тридцати. Волосы его были собраны в маленький хвост. Он постоянно улыбался.

В доме всюду царил порядок, чистота, не смотря на дешевую мебель. Было теплое ощущение уюта и большое обилие света. Настю пригласили к деревянному столу на кухне. Проходя туда через зал, она заметила, как много было повсюду игрушек, изрисованных листов и карандашей. Пока закипал чайник, все трое уселись за столом.

— Простите, я так и не представилась. Мое имя Анастасия Владыч. Я начальник кадрового отдела четвертого патронного завода.

Услышав про завод, Грин осекся и с ожиданием посмотрел на нее.

— А-а... неужели вы наконец-то решили вопрос с моим устройством?

— Да, господин Грин, поэтому я здесь.

Он посмотрел на девочку.

— Нина, ступай в зал, нарисуй что-нибудь.

Нина не стала перечить ему, хоть ей и не хотелось покидать компанию гости. Она уже сверху донизу изучила Анастасию и даже по-детски улыбалась, когда та смотрела на нее. Грин налил чай.

— Вы даже не представляете, как вы вовремя. Нам так не хватает денег, что я разрывался на две работы, оставлял Нину целыми днями одну. Ставка за смену на заводе намного выше.

Анастасия через силу — ей почему-то было неудобно — сделала глоток чая.

— Перед тем как принять, я должна кое о чем спросить вас.

Грин сконцентрировал внимание на ней, сев поближе.

— Конечно, спрашивайте.

На самом деле в планах у Насти не было никаких вопросов, Штейн приказал только лишь наблюдать за ним. Но какое-то чувство собственной вины терзало ее. Грин не выглядел как отступник законов свитков.

— Вы знаете, как зовут императора Веридаса?

Ли исподлобья посмотрел на нее серыми глазами, но ответ прозвучал сразу же после вопроса

— Густав Маар.

— Хорошо... а... как вы относитесь к Золотому Обществу?

— С должным уважением... — он мельком бросил взгляд на Нину, которая рисовала в зале.

— С должным уважением?

— Ну да, понимаете, нам, простому народу, и мне, в том числе, не дано понять то, как устроен этот мир. Я думаю, что без золотых людей мы бы до сих пор ходили под себя.

Анастасия замолкла, ее взгляд сделался стеклянным и опустился вниз. Она молчала несколько минут, но Грин вернул ее в реальность

— Что-то еще?

Девушка потерла пальцами лоб, чтобы скрыть глаза.

— Последний вопрос. Что вы делали и где находились в июне прошлого года, во время восстания.

Она заметила, как Грин сжал кулак и тут же его ослабил.

— Это странный вопрос, госпожа Владыч

— Пожалуйста, ответьте...

— На площади меня не было, если вы об этом. Иначе сейчас я не говорил бы с вами... Правда, я не знаю как сказать... На самом деле я не знаю зачем золотые открыли огонь... видимо им виднее.

Последнюю фразу он бросил в сторону полушепотом, но Настя получила свой удар. Старые раны открылись. К глазам стало накатывать, поэтому она поскорее отдала документ об устройстве Грина.

— Вы приняты, заступайте завтра с утра в первую смену.

Она встала и пожала руку Ли. К столу подошла Нина с листочком в руках, она передала его девушке. На листке была нарисована шестилетняя девочка и Настя. Нина с надеждой

смотрела на нее, ждала похвалы. Анастасия смотрела на рисунок, потом улыбнулась и провела ладонью по щеке девочки.

— Ты молодец, любишь рисовать?

— Да! — радостно воскликнула девочка

— У тебя очень хорошо получается

Они направились к выходу.

— Можно я нарисую вас в следующий раз, когда вы придете?

Настя мысленно попросила Истину, чтобы она больше никогда не появилась здесь и что догадка Штейна не сработала.

— Конечно.

Она попрощалась и ушла.

Грин долго смотрел в окно на улицу, наблюдая, как силуэт девушки исчезает вдали. Потом он вернулся на кухню, где Нина допивала чай Насти.

— Уже поздно, ложись спать

Его лицо было напряженным, он выключил свет во всех комнатах и сел в одиночестве на кухню под маленьким огоньком свечки на столе прочитать документ о своем трудоустройстве.

Ее последний вопрос... он был не просто так.

Было уже давно за полночь, свеча сгорела наполовину. Ли обратил внимание на рисунок Нины, который она подарила Насте. Он взял его в руки и стал рассматривать наспех раскрашенное серое платье. Затем он поднес нижний уголок рисунка к кончику языка пламени свечи. Огонь схватил его и стал быстро подниматься вверх. Грин потряс листком, чтобы убрать пламя, кинув остатки в тарелку на столе.

В цехах патронного завода было шумно и тесно. Рабочие не слышали друг друга из-за гула станков. С самого раннего утра Грин стоял у своего рабочего места, перетаскивая тяжелые серо-зеленые ящики к складскому выходу. Цех был размером с ангар, здесь не хватало света, в отличие от маленьких белых кабинетов, что находились наверху у потолка вдоль всей стены. Через их большие окна был виден каждый шаг любого рабочего.

Анастасия находилась в одном из таких. Делая вид, что работает с какими-то бумагами за столом, она то и дело поглядывала на Грина. Он продолжал таскать ящики, один второй третий, каждый отдельный ящик она отмечала у себя на листке, а потом, в конце дня, проверяла грузовики. Все точно и на месте. Несколько дней подряд Штейн, сидя в своем кабинете, вычитывал ее доклады. В одном из них Анастасия даже позволила себе оставить комментарий по поводу невиновности Грина и ссылаясь на разные доводы просила прекратить слежку. Однако Штейн не обращал на это внимания и продолжал ждать.

Со временем томления совести начали ослабевать, и Настя уже не придавала значения своей работе. Даже наоборот, возможно она сможет доказать непричастность Грина к Ордену. Все вечера, свободные от отчетов она проводила у радиоприемника, сидя в кресле. Маленькие и незначительные сводки приходили с севера, будто и не было никакой войны. В Централье сохранялась тишина, девушка уже забыла, когда в последний раз гуляла по рояльной набережной. Одной там делать было нечего. Шла одна неделя за другой.

Грин работал все также исправно, Настя лишь заметила, что его обычное доброе лицо

куда-то исчезло. Он стал серьезнее и часто поглядывал то на остальных рабочих, то вверх, к окну, за которым сидела девушка. Первая смена подходила к концу, Анастасия от продолжительного сидения уже не чувствовала спины. Она потерла веки, снимая напряжение. Тихо, почти на цыпочках, к ней подошел полненький мужчина. В руках он держал чашку на блюдце. Он поставил на стол чай с молоком и, дрожа, попытался изобразить любезность.

— Угощайтесь...

Настя посмотрела сначала на чашку, потом на него. Это был глава цеха. Он управлял всеми рабочими и был осведомлен о работе Штейна, разумеется, знал и настоящую роль Анастасии. Поэтому, спрятав руки назад, он вежливо удалился. Девушка лишь раздраженно вздохнула и снова посмотрела вниз на рабочих. Все они, в том числе и Грин, отдыхали, сидя на ящиках, передавая друг другу чашку с чем-то горячим. Рабочие что-то обсуждали, посмеиваясь, только лишь Ли сидел с уставившим видом, насупившимся лицом. Ему передали бульон.

— Эй, о чем задумался? — спросил один из рабочих

Грин посмотрел на него и спросил

— Слушай, давно здесь работаешь?

— Ну, с полгода где-то, а до этого на другом заводе был

— Как ты сюда устроился?

Рабочий пожал плечами.

— Документы подал, меня по стажу и взяли

Грин посмотрел наверх к Насте, она что-то писала у себя.

— Значит, к тебе не приходили на дом и не задавали вопросов? Про императора там, и прочее.

Рабочий усмехнулся

— Нет, ты че... ересь какая-то. Им рабочие позарез нужны, зачем вопросы-то

— Значит, нет? И ты никакого собеседования не проходил? А вы? — он обратился к остальным, все покачали головой

— А к тебе что, приходили? Прямо на дом?

— Да, вон та приходила

Рабочие переглянулись между собой, заулыбавшись.

— Эта новенькая? Ну ты ей просто понравился — продолжил один из них — вот она и наведалась, на разведку, так сказать.

Грин резко посмотрел на него.

— Стой, стой, ты хочешь сказать, что она недавно здесь?

— Ну да, насколько помню, вместе с тобой и пришла. Ты давай смекай быстрее, а то вон наш шеф ей уже чай носит. Он, знаешь ли, просто так и кусок хлеба зажмет, а тут явно у тебя из под носа уводит.

— Саш, — обратился Грин к одному из них, человеку, нарезавшему хлеб на общий стол — помнишь, о чем я говорил? Мне завтра понадобится твой грузовик, хотя бы на вечер, сможешь?

Рабочий кивнул, общая трапеза продолжилась.

Этим вечером Анастасия решила передать Штейну отчет лично, не через посредника. В Централье заканчивались теплые деньки июля, вечером заката не было видно из-за сгущающихся туч. С другой стороны, стало легче дышать. Личный водитель Анастасии

доставлял ее в штаб. Без особого удовольствия ей снова пришлось надеть свой бордово-золотой плащ. Она сидела на заднем кресле и смотрела в окно на ласточек, круживших в небе. Внутри оставалась последняя надежда, что при личной встрече ей удастся убедить Штейна в невинности Грина и прекращении слежки.

Штаб общества совершенно опустел, занятия были отменены, большинство золотых людей находились на севере. Она шла по громадному коридору одна в полумраке, слышался только стук сапогов по мраморному полу.

Штейн в своем кабинете спокойно сидел и ждал доклад, который ему ежедневно приносили в это время. Анастасия остановилась перед дверью, и, собравшись с мыслями, вошла.

— Подполковник? — Штейн лишь изобразил удивление, сразу же указал девушке на кресло — случилось что-то очень важное, раз вы посетили меня лично?

Анастасия не стала садиться рядом, а лишь отдала папку и стала докладывать.

— Сегодняшний день прошел так же, как и остальные, никаких отклонений в поведении объекта. Весь груз был сдан в целостности. Разрешите высказать свое мнение. Грин является обыкновенным рабочим, верным империи и закону. У него есть дочь, и он вряд ли имеет отношение к Ордену.

— Вы провели с ним личную встречу?

— Да

Штейн нахмурил брови от отвращения

— Не противно ли?

— Не поняла вопроса, господин бригадный генерал.

Штейн взял из миски кусочек сахара и положил в рот.

— Забудьте. Если вы и в самом деле считаете, что мы впустую тратим время, я прислушаюсь. Но полностью под вашу ответственность. Для вашей же безопасности, проверьте еще раз, причастен он, или нет, подполковник. Я доверяю вам лишь потому, что вы ученица Скреппа. Свободны.

Анастасия поклонилась и вышла из кабинета. В душе немного полегчало, скоро всему недоверию придет конец. Про себя она поклялась, что извиниться перед Грином и перед Ниной, когда все закончится. Прямо сейчас... надо переодеться и ехать к нему домой.

Ли сидел в кресле, вжавшись пальцами в перила. Глаза его были напряжены, он что-то прокручивал в голове. Нина ничего этого не замечала, она сидела на ковре и точила все сломавшиеся за день карандаши. Грин иногда поглядывал на телефон, ближе к ночи он ждал звонка, а солнце уже давно зашло за горизонт. Голова раскалывалась, вдобавок к напряженности и боли всего тела.

Наконец, телефон позвонил. Ли в ту же секунду поднял трубку и полусшепотом ответил.

— Да, слушаю, у меня все готово, машину я нашел. Завтра все будет сделано. В том же месте, как и условились... есть, но я придумаю как избавиться от нее. До завтра.

Только он сглотнул, положив трубку, как в дверь тут же кто-то три раза отчетливо постучал. Ли уставился в оцепенении на вход, пот выступил на всем лице. Нина непонимающе посмотрела на него и уже сама хотела встать и открыть дверь, когда в нее постучали еще раз.

— Нет, погоди! — он остановил девочку и сам подошел к двери.

Открыв ее и увидев человека, Грин почувствовал, как от страха начали неметь конечности. Нужно не подавать вида.

— Господин Грин? — Анастасия улыбнулась ему — простите за позднее время, мне нужно поговорить

У Ли пересохло в горле, он сделал шаг назад и впустил девушку. Нина, только увидев Настю, сразу обрадовалась и помчалась за листками и карандашами. Они снова прошли на кухню.

— Что вы хотите? — Грин закрыл дверь, чтобы Нина не вошла к ним и даже не услышала. Он указал Насте на стул.

— Нужно поговорить об условиях труда — начала она, но Грин взглянул на нее с каким-то подозрением. На его лице вырисовывалось недоверие.

— Вы пришли ко мне почти за полночь, чтобы поговорить об условиях труда? — сказал он более раздраженно и как-то грубо — я вам отвечу. Жаловаться не приходится, неважно какие условия, идет война. Хоть нам об этом и не говорят, но я знаю, что происходит на севере. Пролито уже много крови... о каких условиях может идти речь.

Анастасия покачала головой, смотря ему в глаза. Он выглядел спокойным, сев перед ней.

— Вы ведь не за этим пришли?

Насте от этих слов стало не по себе, она опустила взгляд.

— Только за этим...

Грин вдруг улыбнулся

— Что ж, тогда сделайте одолжение. Возьмите Нину с собой на завтрашнюю смену. Она жалуется на скуку и одиночество, пока меня нет. — Его голос стал мягче

— Ваша дочь сидит дома одна, пока вас нет? Вы с ума сошли?!..

Грин вновь посмотрел на нее строго, сжав губы, что сразу заставило девушку умолкнуть. На какое-то мгновение воцарилась тишина. По карнизу за окном слышались редкие капли, но дождь еще не разошелся в полную силу.

— Дочь? Вы думали, что Нина моя дочь? Она моя племянница. Ее мать умерла очень давно, а отец погиб год назад, во время беспорядков. Я не сказал ей... ей еще рано. Она думает, что он уехал на север. Не говорите ей правду, я прошу вас. Возьмите ее завтра с собой, она очень обрадуется, вы ей нравитесь.

Анастасия кивнула головой, решив промолчать

— Вы согласны?

Девушка встала из-за стола, в этот момент дверь тихонько приоткрыла Нина, просунув голову и ища глазами Настю.

— Хорошо, господин Грин, приводите ее. Можете на меня рассчитывать. Я пойду, если вам больше нечего сказать.

Грин встал и проводил Анастасию до выхода. Как только дверь закрылась, он выдохнул, прислонившись спиной к стене и начал медленно спускаться на пол, стирая пот с висков. Легкая дрожь все еще пробирала тело. Нина, увидев странное состояние Ли, подошла к нему.

— Дядя, ты в порядке? — она уже была готова метнуться на кухню за водой

— Все хорошо... — он посмотрел на нее — Нина, мне нужна твоя помощь.

Девочка подошла ближе и обняла его.

— Конечно, дядя, куда же ты без меня.

Настя на пути домой долго рассуждала об услышанном. Выходит, что Нина сирота и не подозревает об этом. Рано или поздно, правда вскроется, но Ли сделает все, чтобы ребенок был готов к ней. Этот человек не мог быть изменником, он не может быть террористом и не

пожелает зла людям. Непонятный шум в ушах нарастал, голову словно сжимали невидимые тиски.

Дождь набирал силу, не оставляя сухого места не на земле не на асфальте. Где-то вдали сверкнуло, и через несколько секунд весь Централ был оглушен громом вспышки. Этот гром пробудил в девушке на мгновение одну картину — кадр за кадром она восстанавливалась в памяти. Выстрел. Залп, подобный грому раздался на площади перед штабом Золотого Общества. Сергей Сергеевич взмахнул рукой. Выстрел. Угасающие крики. Скрепп снова махнул рукой. Выстрел.

Анастасия остановилась, ее широкие глаза были красны по краям и глядели ни во что. В груди было странное чувство, которое она раньше никогда не испытывала. Странное покалывание. Что-то горячее...

Бедная Нина, это мы сделали ее сиротой. Это Скрепп приказал стрелять...

Она подняла правую руку перед собой и посмотрела на ладонь. От пальцев шел еле заметный пар, его струйки сразу же рассыпались в воздухе.

Что это? Странное жуткое тепло из сердца просится в руку. Непонятная ей ярость появилась в мыслях, но она не признавала это за гнев. Ей было обидно. Обидно до боли, чувство нерушимой справедливости и долга перед человеком.

Луну закрыли черные облака. Город вновь утонул во мраке.

На следующий день Грин пришел на завод вместе с Ниной. Девочка заранее подготовилась и взяла с собой бумагу и карандаши. Настя заметила их, когда они поднимались по крутой металлической лестнице в кабинет. Она в первую очередь обратила внимание на радостное лицо Нины, уже издали начавшая махать ей. Анастасия с трудом улыбнулась в ответ. Было стыдно смотреть ей в глаза. Грин передал ее и ушел в цех.

Настя посадила девочку за свой рабочий стол и та сразу же начала рисовать. Все внимание Насти было сосредоточено на ней. Она сидела рядом и смотрела на рисунки. Хотелось что-то сказать, но сухой и горький ком в горле мешал.

Так прошло несколько часов.

Наконец, Нина отложила карандаши в сторону, облокотилась на спинку стула и изнеможенно вздохнула.

— Устала?

Девочка тут же посмотрела на Настю оценивающим взглядом.

— Ты знаешь сказки? — спросила она

Анастасия задумалась, все истории, что она слышала в детстве уже ушли из памяти. Да и если бы сохранились, они все равно были слишком известны, чтобы Нина их не знала. Поэтому она только пожала плечами.

— Ни одной, ни одной не знаешь? — Нина не поверила ей, двигая стул ближе.

Анастасия посмеялась, тоже приблизившись к девочке.

— Ни одной, так что расскажи ты.

Лицо девочки приобрело румянец. Сгорая от нетерпения она начала вспоминать самую интересную.

— Я знаю, — начала она, — эту сказку мне часто рассказывал папа и дядя Ли. А им ее рассказывал их папа. Хочешь расскажу? Я помню ее наизусть.

Настя кивнула и положила голову на ладонь.

— Давным-давно, в том месте, где мы сейчас живем, был большой город. Богатый, с огромными белыми стенами. Город держал в зависти всех королей соседних царств. Но его

белые стены служили надежным охранником для горожан. Люди не знали бед, не знали горя и всегда жили в изобилии. И была у них самая главная ценность, что давала им такую беззаботную жизнь. Их Свобода. Свобода жила в большом белокаменном дворце, прямо посреди города. В нем всегда играла музыка, дававшая утешение людям. И люди почитали Свободу, и не было у них ни королей, ни царей, ни оружия. Только лишь непреступные белые стены. Город жил так тысячу лет в мире и свободе. Но однажды, где-то на востоке злой царь, по имени Алекс подчинил себе все земли от больших городов до маленьких деревень. Он нес людям Единый Закон. Войны его были обличены в тяжелые золотые доспехи, настолько громадные, что люди под ними превращались в настоящих монстров. Они всегда носили с собой стяги темно-красного цвета, как кровь. Эти стяги поднимались все выше и выше в одном королевстве за другим. И везде перо менялось мечом, книга Единым Законом. Золотое войско покорило горы, южные пустыни и степи, северные леса. Красная кровь окружила город с белыми стенами, но ничто не могло разрушить их, сколько не пытались золотые люди. И тогда царь Алекс велел остановить штурм. Он переделся в рваную серую мантию из колючей ткани и прихватил свою осиновую палку. Без воды и еды он взял с собой только лишь маленький кинжал, который надежно спрятал. Спутницей его была маленькая девочка в черном балахоне с капюшоном. Они отправились в город. Белые стены не стали для них преградой, ибо город был пристанищем многих странников. Они шли по каменистым дорожкам в лабиринтах улочек между домов. К позднему солнцу они остановились у дворца Свободы, никем не охраняемым, ибо Свобода была для каждого, и каждый мог поговорить с ней, послушать ее музыку. Алекс шел по белоснежной плитке, оставляя за собой грязный, кровавый след. Люди сторонились от него, он приблизился к Свободе. Она стояла возле окна и с грустью смотрела на красные стяги за белыми стенами. И тогда он спросил Свободу, в чем ее печаль? И она ответила ему, что больше всего на свете ей жалко покидать людей. И тогда он ответил, что сила войска золотого велика, и что рано или поздно Белые стены падут, и что ты, Свобода, злая от своей природы, заставляешь страдать людей за Себя. Он выпустил вперед себя свою спутницу и сказал что это сестра ее и имя ей Ложь. Девочка сняла капюшон, открыв всем во дворце красоту своих черных волос и золотых глаз. Люди околдовались ею и потянули свои руки к ней. Лицо Лжи было удивительно схоже с лицом Свободы. Алекс передал Лжи кинжал и она, подойдя к Свободе, убила ее. Ту же секунду город, вместе с белыми стенами, людьми и их жилищами стал погружаться под землю. Но большинству людей уже было не важно, что происходит. Они не отрывали взгляда ото Лжи. Город погрузился под землю. На его месте скоро выросла трава и деревья. Остался стоять лишь дворец Свободы, но теперь он был уже не белокаменным, а черным-черным, холодным замком с большими окнами, отчего ветер гулял по нему. Люди, обратившиеся ко Лжи, превратились в статуи, которые стали держать колонны главного зала, где восседал на троне злой царь Алекс, а по его правую руку сидела на маленьком троне Ложь. Алекс велел построить новый город и сделал его столицей своего государства.

Все, кто еще помнили свободу остались жить навечно под золотым городом. Конец.

Анастасия с оцепеневшими глазами смотрела на девочку. Нина замолчала, не понимая реакции Насти.

— Тебе рассказывают страшные сказки...

Нина лишь пожала плечами, снова взяв в руку карандаш и начала рисовать. Вскоре прозвенел звонок окончания смены.

За окном давно была ночь, однако Анастасия все еще сидела в своей комнате за рабочим столом. Свет давал только светильник, вокруг темнота. Девушка держала перед собой открытый доклад для Штейна. Заключительный доклад, который положит конец слежке за семьей Грина. Настя держала в руке перьевую ручку, на стол с нее уже упало несколько капель. А ведь всего-то осталось поставить точку в последнем предложении. Но точка не ставилась. В любой другой день она бы уже с радостью закончила это дело, но сегодня, после того, как узнала, какие сказки Ли Грин рассказывает своей племяннице она всерьез усомнилась в его благонадежности. Ручка вернулась на стол. Анастасия откинулась назад, начав разглаживать волосы. Нужен был глоток воды. Она направилась к графину. Руки дрожали. Если упомянуть в докладе то, что сегодня рассказала Нина, то Ли скорее всего арестуют. Должна ли она поступать так? Что тогда будет с девочкой... Лучше сделать вид, что ничего не было.

Ночную тишину прервал резкий, пронзающий слух, телефонный звонок. Девушка вздрогнула, чуть не выронив стакан с водой. Все клубки мыслей в голове тут же рассеялись. Ночной звонок всегда приносит волнение.

Она подняла трубку

— Подполковник Владыч!?

— Так точно, с кем я говорю?

— Это ревизор ночной смены патронного завода. Мне известно, что вы сегодня сдавали первую смену

— Что случилось?

— Патроны... их нет. Ящики набиты кирпичами.

У Насти по всему телу пробежался холодок, она не отвечала.

— Вы слышите меня? Подполковник!?

Она положила трубку и побежала переодеваться в свою бордово-золотую форму. В голове была только одна мысль. Грин, что же ты наделал? Почему ты рискуешь всем? Неужели Нина для тебя ничего не значит.

Вскоре прибыл ее личный водитель, и они поехали на окраину Централа в дом Грина. Здесь вокруг уже находилось с десятков черных и бордовых машин. Несколько людей в форме Золотого Общества. Настя со спины узнала Штейна. Он раздавал команды своим людям, они вместе с полицией окружили дом. Автомобили заехали прямо на газон и детскую площадку.

— Бригадный генерал — обратилась к Штейну Анастасия

— Подполковник Владыч, — обернулся он — а я уже хотел послать за вами машину.

Вот вам и невиновность плембса. Кажется, вы ошиблись.

Настя ничего не ответила.

В доме горел свет, в каждом окне. Несколько крупных полицейских уже выбили дверь и вбежали внутрь. Следом за ними вошли Штейн, Анастасия и еще несколько золотых людей.

По дому непрерывным эхом раздавался топот десятков сапогов. Все тщетно. Ли и Нины уже не было здесь. Они оставили дом с включенным светом.

— Упустили — крикнул кто-то из золотых людей.

Штейн спокойно своими огромными глазами прошелся по главной комнате. Среди разбросанных кубиков и плюшевых игрушек, карандашей и бумаги на деревянном столе лежал обособленно листок. Штейн взял его и прочитал единственную фразу, которая была

на нем: «Все, кто еще помнил свободу, остались навечно жить под Золотым городом». Он прочитал эти слова вслух.

— Что это может быть? — он украдкой посмотрел на Настю, которая услышав слова, стала медленно отходить к выходу — Вам что-нибудь говорит эта фраза, подполковник?

Анастасия тут же отрицательно покачала головой. В глубине души она почему-то радовалась, что Ли и Нина смогли уйти.

— С вашего позволения, бригадный генерал, я должна вернуться и закончить отчет.

Штейн не сразу ответил. Он с минуту смотрел на нее через очки.

— Что ж... поезжайте. Нечего золотым людям торчать в пропахших луком домах простолюдинов — белым платком он прикрыл свой нос.

Анастасия поклонилась и вышла из дома. Штейн остановил одного из золотых людей и мотнул в сторону девушки. Подчиненный тут же все понял и не спеша отправился за ней. Настя села в машину и попросила водителя отвезти ее домой. Шум в голове утихал, слышался только гул мотора. Это послание, что лежало на столе, было адресовано именно ей. Ли хотел что-то сообщить — жить под городом... жить под городом навечно.

Машина проехала мимо черного здания. Черного от того, что в округе не было ни единого источника света. Но даже так, все равно были видны силуэты больших толстых труб, идущих из-под земли на крышу здания. Это была водоочистительная станция Централа, одна из десятков таких же, что очищали воду Венуры для горожан. Под городом имелась разветвленная сеть канализаций, про которую мало кто вообще знал, кроме людей ее обслуживающих.

— Остановите — резко скомандовала Анастасия

Тормоза закрипели, и машина остановилась прямо перед воротами станции. Девушка вышла из машины и отпустила водителя. Станция была в нескольких шагах от дома Грина, отсюда можно было спуститься в канализацию. Настя не стала додумывать заключение. Она просто пошла вперед скорым шагом. На рабочем дворе раздавался лай собак, все они были на привязи. Только Анастасия вошла внутрь, тут же раздался рев заведенного мотора грузовика, которого до этого не было видно. Фары зажглись, и машина тронулась, Анастасия успела спрятаться за грудой испорченных труб, он проехал мимо. Когда машина выехала на дорогу, во дворе вновь наступила крошечная тьма. Был виден только тусклый огонек лампы внутри самой станции и два человеческих силуэта, стоявших возле нескольких десятков ящиков для патронов.

Анастасия подошла ближе и увидела, как Ли Грин успокаивает плачущую Нину, она сидела на одном из ящиков. Настя вышла на свет, девочка тут же заметила ее и замерла, взгляд буквально заледенел. Ли, заметив это, обернулся.

— Наконец-то ты пристал передо мной в своем истинном облики, демон — сказал Грин

Анастасия сразу поняла, что он имеет в виду ее бордовый плащ с золотыми языками пламени и растениями. Она не верила своим глазам — Грин действительно пособник Чадаева. Девушка стала медленно подходить, но Ли сразу же наставил на нее пистолет.

— Зачем Ли?.. — в ее серых глазах появились слезы — зачем ты впутал в это ребенка?

В глубине души она верила, что Грин не спустит курок, но все же приподняла руки.

— Не надейся... я не собираюсь говорить с тобой. Уходи!

Рука с пистолетом начала подрагивать, но Настя не тронулась с места.

— Идиот! Беги отсюда, спасай ее!.. Я никому не скажу, что видела тебя. Беги пока не

поздно. Неужели тебе не безразлична ее судьба?.. — Грин только улыбнулся, словно покоряясь какой-то ненависти — Беги же! Ну!

— Нет, Анастасия, я не побегу. Я струсил тогда, год назад, когда проливалась кровь за свободу. Я остался в стороне, но теперь я не побегу. Чадаев защитит нас... он защитит Нину. Освободитель будет доволен моим вкладом в борьбу. — Он махнул рукой в сторону ящиков с патронами, — Вы лишили нас будущего, нам больше некуда бежать. Но теперь у нас достаточно сил, чтобы не прятаться!

Ли сам не заметил, как уже стоял от Насти на расстоянии вытянутой руки. Она ошеломленными глазами смотрела на него, качая головой не веря ушам.

— Пожалуйста... ради нее...

— Представление завершено!

Все большое помещение осветили прожектора. Анастасию прервал громкий, командный голос бригадного генерала Штейна. Он уже держал свою саблю на изготовке, лезвием вниз. Позади с двух сторон стояли в ряд шесть золотых людей.

— Великолепная работа, подполковник — обратился он к Насте, его голос гулким эхом отдавался по всему помещению. Девушка обернулась, холодный пот выступил по всему телу. — Похоже, вам действительно нет равных в разоблачении аморальных ублютков.

Грин, не отрывая взгляда от Штейна, медленно отходил к Нине и ящикам. Девочка же побелела, словно снег и не выражала никаких эмоций, словно кукла. Она только лишь большими глазами смотрела на золотые языки листьев орнамента, что были на бордовых плащах золотых людей. А золотые люди целились из карабинов в нее.

Штейн начал подходить, указав острием лезвия на Грина.

— Ты обвиняешься в измене и отступничестве от законов семи свитков, нарушение общественных норм и эгоизм. По законам военного времени...

— Бригадный генерал, — прервала его Анастасия — нужен суд!

Однако Штейн ни чего не ответил и продолжил

— По законам военного времени ты приговариваешься к смертной казни.

Он подошел на такое расстояние, что клинок уперся в глотку Ли. Тот смотрел на лезвие без страха, лишь только злость горела в глазах.

— Однако, я могу заменить казнь простым арестом, если ты скажешь где логово Чадаева.

Грин сглотнул, посмотрев в глаза Штейна. Тот, не услышав ответа, ударил его гардой по лицу и коленом в живот. Мужчина повалился у его ног на колени, коротким мычанием сдерживая боль. Нина подала голос, она начала плакать. Анастасия попыталась подойти к ней, но какая-то непреодолимая сила остановила ее.

— Говори, где он прячется, тварь, плебей! — Штейн избивал ногами корчившегося Грина.

— Бригадный генерал, прошу, остановитесь! Мы не должны... Нам следует арестовать его! — умоляющим голосом кричала Настя

— Брось, дура! Неужели ты не видишь, что это дерьмо сговорилось против нас! Все эти вонючие низшие люди только спят и видят незаконный мир — он продолжал пинать Грина со злобным оскалом, сверкающими глазами.

Анастасия только сейчас увидела тонкий пробор в виде молнии на виске у Штейна золотого цвета. Она обернулась на остальных золотых людей. У каждого из них какой-либо элемент прически отличался золотом. Высшее общество... они с такой же злорадной

улыбкой смотрели на мучения Грина, пропуская мимо ушей детский плач.

Дыхание девушки участилось, в глазах все пылало, она лишь чувствовала, как огненное тепло прилиvalo к рукам. Контролировать себя уже не было сил, она вцепилась в плечо Штейна и попыталась остановить его.

— Да перестаньте же вы! Он человек!

Штейн словно ждал этой выходки, правой рукой он с плеча ударил Настю в голову, она отлетела и повалилась на пол. Он замахнулся саблей чтобы добить Ли, слишком поздно заметив, что прямо перед ним с вытянутыми в разные стороны руками выбежала Нина. Девочка только лишь успела закрыть глаза от страха.

Лезвие прошлось по ее горлу, кровь брызнула далеко, несколько капель достигло лица Анастасии.

На секунду все утихло. Нина схватилась за горло, издавая страшный задыхающийся хрип. Кровь лилась по ее одежде, ноги перестали держать. Она упала на Ли.

Анастасия с громким воплем кинулась к телу ребенка. Глаза девочки уже поблекли, кровь пачкала плащ и белый китель Насти. Грин безмолвно в ужасе начал отползать к ящикам.

— Одним больше... одним меньше — тихо произнес Штейн, и Анастасия услышала, как он посмеялся.

В этот момент в ее голове что-то щелкнуло. Она поняла, что Нина больше не дышит, она умерла. Сидя на коленях, Настя посмотрела на свою правую ладонь. Кровь. Багровая кровь сливалась с рукавом ее плаща. Она чувствовала, что не плачет, чувствовала только огонь в груди. Теперь и она издала тихий странный смешок. Холодный и зловещий, отражавшийся в сердцах золотых людей настолько, что они сделали полшага назад, положив руки на рукояти своих сабель.

— Одним меньше... — сквозь тихий смех прошептала она.

Уголки ее губ поползли вверх, открывая оскал злой улыбки. С лица стекала кровь. Наконец, она посмотрела на золотых людей. Глаза ее перестали быть серыми — медленно зрачки приобретали алый оттенок и словно начинали светиться. Она смотрела на них красным взглядом.

— Подполковник... — сказал Штейн — я приказываю вам остановиться и...

Анастасия медленно обнажила свой клинок, поднявшись на ноги и продолжая смотреть на золотых людей взглядом зверя. Штейн сделал шаг назад и мотнул головой своим подчиненным. Тут же двое золотых людей подошли к ней, но ничего не успели сделать.

Сабля блеснула светом лишь на долю секунды и уже была в крови. Настя двигалась быстро, отрубив голову одному, она насквозь вонзила клинок в грудь другому человеку, не убирая свою улыбку. К ней кинулись остальные четверо. Первому она сделала подножку и добила на полу, другой даже не успел понять, как лезвие уже прошло насквозь горло. Ее взгляд заставлял цепенеть от ужаса. Лишив руки одного золотого человека, она получила его саблю и двумя клинками пронзила последнего парня.

— Изменник! — крикнул Штейн — как смеешь носить золото на голове и поднять на меня клинок.

Он замахнулся саблей, но Анастасия успела поймать его руку, и, держа над собой, посмотрела ему в глаза.

— Я поднимаю клинок не на тебя. Я поднимаю клинок на Веридас.

Свободной рукой она пронзила его, тут же ладонь зажглась красным огнем, который

перекинулся на лезвие и дальше на Штейна. Бригадный генерал вмиг вспыхнул как спичка. Он закричал от боли, а она лишь улыбалась, смотря на его муки. В красных глазах играли блики ее новой четвертой составляющей.

Штейн сгорел дотла. От него остался лишь пепел и черные обуглившиеся кости. Анастасия стояла перед ним с опущенным клинком, по которому стекала кровь. Разум стал возвращаться к ней, по щеке пробежала слеза.

— Что я наделала... — прошептала она, повалившись на пол, схватив себя за голову и начав рыдать.

Послышался шум. Откуда-то снизу, из открытой потайной плиты вылезло пару десятков человек в черных костюмах и красных галстуках. Они подняли на ноги окаменевшего Грина, тот лишь дрожащей рукой указал им на лежащую Анастасию. Люди подошли к ней. Она подняла голову, в глаза бросалась только лишь их черная форма. Настя встала на ноги, люди дали понять, что не желают ей зла.

— Я знаю, кто вы. Отведите меня к нему...

Один из людей кивнул, Настя кинула свою саблю на пол и пошла вперед.

Подземный город действительно существовал, это была правда. Про него забыли абсолютно все, кроме притесненных. Мир внутри мира, тайные выходы, сотни, тысячи людей. Практически никакого света, сырость и узкие проходы.

Анастасия шла в сопровождении нескольких человек довольно долго, пару кварталов. Здесь было не многолюдно. Склады оружия и еды, а сразу за ними большой зал, похожий на трибунал. Рядами кверху шли несколько длинных скамеек, а по центру находился большой трон, вернее его подобие. Только лишь здесь не пахло плесенью и отходами. Тут находился один человек, Дмитрий Чадаев, который что-то писал в книге, изредка поглядывая на бордовый стяг с золотой октаграммой и крестом — символ его Ордена. Анастасию привели сюда. Сердце бешено колотилось то ли от страха, то ли от смятения. Чадаев поднял глаза на своего гостя.

— Рано или поздно, мы должны были встретиться... Я понял это тогда, в императорском дворце по твоим глазам. Серые глаза отчаяния.

Настя молчала, стоя на месте. Дмитрий был тут совсем другим, каким-то обыкновенным, находящимся у себя дома в кресле. Он и говорил по-другому, тепло, почти как Скрепп.

— Раз ты здесь, я догадываюсь, что ты сделала. Вся в крови.

Он поднялся и подошел к ней, взяв за плечи.

— Я пришла сюда по своей воле... я... — голос ломался от боли — я запуталась... я не знаю.

Кажется, что только сейчас, на секунду, она и в самом деле осознала, что стоит перед Чадаевым — самым разыскиваемым врагом империи. Она сделала полшага назад, но тут же остановилась.

— Я пришла по своей воле... но только потому, что мне больше некуда идти.

Она упала на колени и закрыла лицо ладонями.

Чадаев развернулся и пошел медленно к своему трону.

— Слезы для слабых. За свободу нужно быть готовым пролить кровь. Столько крови, сколько понадобится. Жизнь ничего не стоит без свободы. Алекс Веридас похоронил ее здесь почти две тысячи лет назад. Я верну ее людям. Ты pomoжешь мне? Ты готова проливать кровь?

Настя посмотрела на свои окровавленные одежду и руки. Они вдруг перестали дрожать. Ясность мгновенно пришла в голову. Теперь все встало на свои места — мир перевернулся. Зрачки ее вновь приобрели красный оттенок. Улыбнувшись, она поднялась с колен.

Глава IV

Июль 1919 года второй эры.

В сознании большинства никак не укладывалось, что север может быть таким грязным, покрытым пылью местом, где царили только серые и ядовито-желтые цвета. Воздух насквозь пропах гарью. Небо мрачное и слишком низкое. Тишину вокруг нарушал, ставший уже обыденным, снарядный раскат, он шел откуда-то из-за горизонта. Но люди быстро научились пропускать это мимо ушей. Все молчали возле костров, сидя, укутавшись в свои плащи.

Николай сидел на большом валуне возле обрыва. Вся его одежда была запачкана сухой грязью, но с этим пришлось давно смириться. Сейчас он почему-то вспоминал отца, словно чувствовал себя на его месте. С высоты юноша взирал на военный быт — с обрыва ему открывался вид на долину. Широкая равнина, полностью заставленная шатрами и бордовыми флагами. Туда-сюда, как будто слоняясь без дела, ходили солдаты. Головы поникшие, вялые движения и мертвая тишина, никто не произносил ни слова. Они не хотят войны, они лишь только грозно смотрят на своих командиров. Николай не заметил, как к нему подошел Зак, тоже весь перепачканный, в его руках был лист бумаги.

— Кого высматриваешь? — сказал он, взбираясь на валун

— Просто смотрю

Зак присел рядом и помахал листком в руке.

— Только что сообщили, что нас снова отбросили от Мура... Вот тебе не кажется, что все это не с проста? У них есть силы защищаться, но они не наступают

Николай усмехнулся.

— По-моему, их логика проста и понятна даже рядовому солдату. Они выжидают... ждут когда развалиться наш тыл

— Из столицы не приходит ни словечка. Как будто вся страна исчезла. Профессор, кстати, то же самое говорит, что они выматывают нас.

Николай только лишь вздохнул в ответ, поднялся на ноги и начал спускаться

— Самая скучная война в истории. Лучше бы я остался с Настей и искал Чадаева... что у тебя в руке?

Зак передал ему листок

— Владыка прибыл в штаб армии. Велел собраться всем командирам

Николай посмотрел на него.

— Надо было сразу с этого начинать, чего тянул.

Они направились вниз со склона, к подножию холмов, где в небольшом леске полукустарных желтоватых деревьев стояли одноцветные многокомнатные палатки.

Вокруг уже собралось множество людей, все в чистых плащах и кителях. Сразу видно, что вновь прибывшие. Это были штабные офицеры, они отдали честь, когда Зак и Николай прошли мимо них в главный шатер. Внутри стоял неуклюжий деревянный стол, вокруг которого собралось несколько человек. Среди них был Демиан и Сергей Сергеевич. Они молча поздоровались и продолжили изучать карту на столе. Большая черная линия, не

слишком извилистая без выступов, вдоль нее стояли фигурки людей и лошадей разных цветов — линия фронта, не менявшаяся уже более месяца. Зак и Николай примерно догадывались о цели собрания. Веридас осторожно проверял врага на прочность. То тут, то там устраивались наступления, однако волуптасцы всегда отражали атаки. Штаб не менял стратегии, в этот раз прорвать фронт предстояло воинским частям, подчинявшимся ученикам Скреппа. Николай даже про себя не стал обсуждать смысл и эффективность стратегии. Он лишь молча слушал приказы. Происходящее его мало заботило — все мысли были о Централе. Все совещание юноша поглядывал на Демиана, указкой передвигавшего солдат на карте. Он ведь наверняка только что из столицы, наверняка знает и может рассказать, что там происходит. Он был уверен, что за все это время получит хотя бы одну записочку, ничтожную весточку напоминания об Анастасии. Но здесь на севере словно был параллельный мир.

Наконец, когда совещание окончилось, и офицеры по одному стали выходить, Демиан остановил Сергея Сергеевича рукой.

— Останьтесь и вы — сказал он его ученикам — есть кое-что для вас. Случилось нечто ужасное.

Николай резко обернулся. Владыка смотрел именно на него. Юноша понял все без лишних слов.

— Теракт? Восстание? — Скрепп тут же начал перечислять варианты, желая не томить. Демиан присел на стул.

— Нет. Подробности еще не известны, на группу Штейна из Отдела Расследований, работавшую над поисками террористов, совершено нападение.

У Николая потемнело в глазах. Зак заметил, как лицо его друга начало бледнеть.

— Группа вырезана — продолжил Демиан — семерых золотых людей, включая и Штейна. Не было только подполковника Владыч. Все произошло на водоочистительной станции, я приказал все огородить. Думаю, они нашли что-то, может быть даже место сокрытия Чадаева.

Николай посмотрел на Скреппа. Он словно мгновенно постарел на несколько десятков лет, стал немощным стариком с подрагивающими ногами. Губы тряслись как на холоде, он был такой же бледный, как и сам Николай.

— Что с ней? Что с Настей? — прохрипел он

— Мы ее так и не нашли, я...

Оглушительные выстрелы стали раздаваться где-то неподалеку от их палатки. Снаружи слышались крики и топот.

— Атака? — сказал Зак

Скрепп покачал головой

— Идем проверим

Николай все еще находился в прострации от услышанного, так и не вымолвил ни слова. Даже гнев в нем подавился неопишуемым страхом. Зак схватил его за руку и повел за Скреппом, но он лишь продолжал смотреть на сидящего Владыку.

Как только они вышли, в нос сразу ударил запах пороха, выстрелы продолжались. Солдаты в чем попало выбегали из своих убежищ, хватали ружья и мчались на крики. Офицеров и золотых людей по близости даже видно не было. Скрепп и остальные пошли туда же. Все скапливались к центру палаточного лагеря. Выстрелы были редкими, и уже было понятно, что это не атака волуптасцев.

Свободная поляна возле спуска к заброшенной железнодорожной станции, где теперь находилось множество составов с оружием и боеприпасами, именно здесь солдаты столпились кругом, держа на изготовке карабины. Все замерло.

Скрепп Зак и Николай еле протиснулись к центру. Сквозь напряженную тишину послышался уже знакомый смех. Николай сразу узнал девушку с вишневыми короткими волосами. Она была как всегда в черном, но одежда уже вся в крови. У ее ног бездыханно лежало несколько тел, изуродованных, изрезанных, кто-то еще корчился без конечности. Остальные солдаты в оцепенении от ужаса не решались подходить ближе.

— А! Ваше превосходительство! — обрадовалась Ал, заметив трех золотых людей — привет вам от папы.

Она снова улыбнулась и начала слизывать кровь с левой руки. В другой она держала молодого солдата. Держала прямо за горло и бедолага никак не мог выбраться, обессилив.

— Тихо, парень — начал успокаивать Скрепп, поднимая руки и подходя ближе. Николай и Зак последовали за ним. — Что ты хочешь?

Николай краем глаза заметил, как правая рука Зака начала медленно от кончиков пальцев кверху покрываться металлом, словно чешуей. Его собственная рука уже давно еле сдерживала огонь внутри.

— Зачем ты здесь? — продолжил Скрепп

— Все наши среди вас — посмеялась Ал — папа просил передать, что довольно с вас передышки, скоро все кончится.

На последних словах ее лицо из детского и дружелюбного стало каким-то злым. Правая рука на горле солдата мгновенно превратилось в длинное острое лезвие и отсекла ему голову. С диким смехом она сделала несколько прыжков назад, не попадая не под одну из пуль открывшегося огня. Зак и Николай ринулись за ней.

Догнать Ал было практически невозможно. Словно тень, она мелькала между вагонами, выдавая себя только смехом. Но Николай не мог сейчас упустить ее. Ему нужен был точный ответ, и он был уверен, что Ал знает его. Он бежал не чувствуя ног, Зак не отставал.

На стыке самого дальнего состава она встретила их своими лезвиями. Николай успел заблокировать саблей, Зак же получил по плечу, на его счастье, железная рука выдержала удар. Николай остался с ней один на один. Лезвия были продолжениями ее рук, она била молниеносно. Николай едва успевал защищаться, даже не успевая скапливать огонь в руке. Ал сложила лезвие крест-накрест и поймала саблю юноши. Словно ножницами она переломила металл и, выиграв себе время, метнулась через открытый вагон прочь. Николай посмотрел на Зака. Тот, держась за рану на плече, кинул ему свою саблю. Юноша побежал дальше.

Он сильно отставал от нее. Ал бежала напрямую между двумя составами, словно и не пытаясь увильнуть. На секунду у Николая родилась мысль, что его заманивают, но ярость в сердце так толкала вперед, что ноги уже не могли остановиться. Девушка подбегала к открытому вагону с бревнами, пристегнутыми на цепях. Долго думать не пришлось — он выпустил по очереди из руки несколько сгустков огня, которые перебили цепи. Бревна огромной грудой вывалились на землю, перегородив проход. Ал остановилась, даже не пытаясь преодолеть их. Николай сбавил шаг.

— Сдавайся, бестия, все равно не убежишь

Ал обернулась, на лице ее по прежнему была какая-то детская радость

— Ты поймал меня — Николай подошел к ней и приставил к горлу клинок — ты убьешь

меня?

— Мне бы очень хотелось...

— Нет... — она засмеялась, хоть и чувствовала колкость острия на коже, отчего машинально стала приподнимать голову — ты не сделаешь этого. Ты ведь хочешь снова с ней увидеться? С той светловолосой девушкой.

— Ты знаешь, что с Настей!? Она жива? — Руки Николая задрожали, и Ал сразу почувствовала, как изменился его голос. Страх вышел на первый план. — Не молчи...

— Да знаю. Я отведу тебя к ней. Встретимся в Централле, ты понял? — Николай опустил саблю, широкими глазами смотря перед собой. Ал подошла к нему и провела ладонью по его щеке, оставляя пальцами кровавый след. — Ты понял?

— Да понял... в Централле.

Ал легко справилась с завалом бревен, Николай так и остался стоять на месте немой.

В Централле была глубокая ночь, тихая и даже спокойная. Николай шел по улице в простом пиджаке, с коротким галстуком и брюками. Сам для себя он решил начать с дома Насти. Обойти это место стороной было нельзя. Но его ожидания оправдались — здесь не было ничего не обычного. Только лишь перегоревший светильник на рабочем столе, где в раскрытом виде лежал незаконченный доклад в Отдел Расследований. Он медленно прошелся по всем комнатам, но обнаружил лишь уют женской руки, больше ничего.

Скрепп ждал в машине снаружи. Он не стал возражать против визита в их дом. Николай чувствовал, как подобного рода уступками, соглашениями, добрым словом он пытается контролировать состояние юноши, но его рука все равно время от времени вспыхивала непроизвольно. Он подошел к машине и облокотился на ее борт, вдыхая и выдыхая большими порциями свежий ночной воздух.

— Ничего?

— Ничего...

Сергей Сергеевич тоже был в простом черном пиджаке, немного мятым, делавшим его хозяина похожим на люмпена. Скрепп открыл Николаю дверь и сел за ним следом, попросив водителя отвезти их на водоочистительную станцию. Автомобиль ревом своим ненадолго нарушил ночную тишь.

— Ну что, найдется еще мнение, куда можно съездить?

Николай только лишь покачал головой. Он прекрасно понимал, что в первую очередь надо было сразу ехать на станцию, туда, где нить оборвалась. Однако подсознательно он оттягивал этот момент. Ал не сказала, где именно будет ждать его и встретится ли с ним вообще.

К месту нападения было приставлено несколько охранников, пропустивших их машину. Скрепп и Николай вошли на самую станцию. Все освещалось прожекторами и лампами, но света все равно не хватало. Места, где были убиты золотые люди, были помечены флажками и мелом. Черные следы запекшейся крови до сих пор были на полу и на ящиках. Скрепп подошел к небольшой кучке пепла и присел, взяв щепотку и растерев ее. Кровь на полу, смешанная с грязью, хорошо показывала следы множества людей. Николай нашел только лишь одну гильзу, отмеченную флажком.

— Здесь дрались холодным оружием, поэтому столько крови — сказал он и посмотрел

на профессора, который все еще изучал горсть пепла — Мы же не можем точно знать, была ли Настя среди них?.. Что у вас там?

— Три лейтенанта и три майора, нашли всего шесть тел — Сергей Сергеевич показал на флажки — а бригадного генерала Штейна не сразу удалось опознать... вот он. Кто-то сжег его дотла, может быть даже живьем.

Николай присел рядом и тоже потрогал пепел.

— Думаете, это сделал лично он?

Скрепп встряхнул руки и выпрямился

— Из всех членов Ордена, я знаю только одного человека, кто мог убить таким способом. Четвертая составляющая разрушения, голубой огонь. Но его огонь не такой как у тебя. Он не может сжечь, он не наносит следов. Человек умирает от болевого шока. Я не знаю, кто это мог сделать...

Николай заметил, что очень много следов идут от горстки пепла куда-то в сторону стены. Минимум человек десять ушли в одно направление. Он пошел по следам. Люди шли, огибая ящики, уходя в область помещения, где не было света. Следы шли по бетонным плитам, но резко обрывались, не доходя до стены метра. Николай подумал, что потерял их и зажег огонь на руке. Следы действительно исчезали на одной из граней плит.

— Профессор...

Николай присел и поводит рукой по плитам. Огонь на его ладони резко потянуло вниз сквозняком, уводящим в пол. Скрепп увидев это, постучал по полу ногой

— Что это? Погреб?

Николая пробрал холод от страха. Хотя эта догадка была маловероятна, ведь тела золотых людей оставили наверху, зачем же было прятать тело Насти в погреб.

— Попробуем поддеть их — Скрепп нашел две железных арматуры.

Плиты поддались — всего открылось шесть штук. Они открыли спуск вниз, где не было света, отчего он казался бездонным.

— Ну, хотя бы не зря переодевались — сказал Сергей Сергеевич, спускаясь за Николаем, который шел первый по лестнице с зажженной рукой

— Это проход в канализацию?

— Вряд ли, друг мой, слишком глубоко

Воздух леденел, изо рта уже появлялся еле видимый пар. Они спустились до самого основания. Это был большой арочный коридор — стены и пол из заросшего мхом булыжника. Грязный ручей с дурным запахом выбил себе русло по центру.

— Налево или направо? — спросил Николай, оглядываясь по сторонам, — может, вернемся за оружием?

— Смотри, там человек — Скрепп показал на фигуру, которую на первый взгляд легко было спутать с набитым мешком.

Человек не шевелился и сидел, облокотившись на стену, рядом был проход, закрытый решеткой. Мужчина был весь в рваных лохмотьях, обросший и держал в руках какую-то губку, похожую на хлеб. Николай уже подумал, что это просто тело, но человек дернулся, услышав их.

— Кто вы?.. вы же здесь забыли?!

— Тихо, — сказал Скрепп — можешь сказать, где мы находимся?

Человек молча посмотрел на него, изучая глазами

— Ты че, не из этих что ли?..

— Не из этих, я из своих. Так где мы находимся?

— Где, где, в подземном городе

Скрепп раздраженно цыкнул и помог человеку подняться на ноги.

— Я не шучу, друг мой, хватит сказки рассказывать

— Какие сказки!? Я уже почти двадцать лет, вот с такого возраста, — он показал где-то метр от пола рукой — живу здесь. Это подземный город. Если вы не из этих, то лучше бы вам сматываться по-хорошему отсюда.

Сергей Сергеевич и Николай переглянулись

— О ком ты?

Человек замялся, начал покачивать головой, стараясь увильнуть от ответа, но как только увидел горящую руку Николая, то сразу же заговорил

— Ну эти, в черных одеждах, все с галстуками. Они тут с недавних пор заправлять всем стали. Носят сюда каких-то окровавленных людей, и еду для моих братьев... и хмель — его лицо расплылось в улыбке

— Кого приносят?

— Людей каких-то, а потом забирают

— Можешь отвести нас к ним?

Человек снова замялся, теперь у него на лице появилось сильное волнение

— Э-э... ну, проблема есть. Их на нижние уровни носят. Они там и сами некоторые живут, туда не всех пускают. Хотя вас пустят, если...

— Если что? — спросил Николай.

Человек ничего не ответив, достал из-за сгнившего ящика ржавый горшок и выплеснул все его темно-коричневое содержимое на профессора Скреппа. При этом, не скрывая восторга от этого, он как полоумный стал хлопать в ладоши. Сергей Сергеевич был весь в этой жиже, но лишь спокойно стряхнул остатки фекалий с бороды.

— Ах ты! — у Николая не нашлось подходящих слов. Он замахнулся на человека, но Скрепп остановил его одной рукой.

— Постой, друг мой, я понял, что он хочет

Человек достал тем временем ножичек и стал резать аккуратную бороду профессора, потом он порвал рукав на его пиджаке. Через минуту Сергея Сергеевича было не узнать, он стал зеркально похож на этого незнакомца. Последнее что он сделал, это взъерошил волосы грязными руками.

— Видимо, они пропускают к ним только «своих», то есть местных. Мы пройдем, если ты тоже сделаешь эту процедуру — сказал Скрепп со всей серьезностью, посмотрев на Николая. Незнакомец тоже взглянул на него голодными глазами. Юноша понял, что деваться ему некуда. Он лишь наблюдал, как грязный человек подходил к нему и машинально начал отступать шаг за шагом, пока пяткой не споткнулся о камень и не упал в ручей. Теперь оставалось только порвать одежду.

— На, надень это — Скрепп вручил ему фуражку, которая была в моде у бедноты и спасала уши от холода — спрячь под нее свою косичку.

— Дальше что?

— Я проведу вас — человек отворил решетку и повел их еще дальше вниз.

Этот спуск был еще более длинным, чем первый, но зато имел освещение. Они спускались вниз по круговой лестнице, в конце их ждала большая дверь, окованная металлическими листьями. Человек постучал в нее два раза. В двери открылось маленькое

окошечко, другой человек, в черной маске на пол лица посмотрел на Николая и Скреппа.

— Пропусти моих братьев... они не ели уже два дня, собирали мусор с поверхности.

Скрепп для убедительности склонил голову и начал пошатываться. Охранник долго всматривался в них, но все же решил открыть дверь.

Николай и Сергей Сергеевич вошли. Двое других в черных одеждах начали хлопать их по брюкам и пиджакам сверху донизу, потом кивнули старшему.

— Давайте, проходите. Еда в дальней комнате, не забудьте поблагодарить Освободителя, перед тем как взять ложку.

Николай заметил у самого ворота человека в черном красный галстук, а на его шее, за ухом татуировка октаграммы с крестом. Скрепп взял его под руку и повел дальше, потому что человеку в черном уже стало не по себе от взгляда юноши.

Воздух тут был теплый и спертый. Гораздо больше грязи и слабый свет. Коридор был не широкий и не низкий — едва могли разойтись два человека. А людей здесь было много, все грязные в рваном тряпье. Много голых детей, бегающих друг за другом вокруг котелков. Коридор пересекался с другими ходами, и повсюду были комнаты. Гамаки, ящики, шкуры, все то, на чем можно было лежать.

Они прошли мимо некоторого подобия рынка, огромного зала с множеством прилавков.

— Сергей Сергеевич, вы знаете это место?

— Как тебе сказать... Про это место знает каждый столичный ребенок как только выплевывает соску. Но все думают, что это миф, город под землей, который когда-то был столицей царства Свободы. Излюбленная запрещенная сказка. Но, как видишь, люди тут живут... вот у кого нашел опору Чадаев, у нищих — он усмехнулся — а ведь многие в Совете продолжают верить, что простой народ, это опора империи.

Николай впервые слышал о Древнем городе. Его не занимали детские сказки, и с самого приезда в Веридас он не интересовался ничем, кроме своей цели. Не верил ни во что, кроме силы своего золотого кинжала. Впервые он увидел эту страну с изнанки, и запах ее доводил теперь до тошноты.

Человек, что привел их сюда, все еще сопровождал их.

— Так значит вам сюда носят людей, а что это за люди?

— О... нам не говорят, но по ним видно, что они особенные. У них у всех одинаковая белая одежда и длинные сапоги из блестящей кожи... м-м, хотел бы я себе такие. Некоторые из них в плащах, и почему-то все с золотыми волосами. Они приносят их избитыми до полусмерти и держат здесь очень долго. Говорят с ними. Тут целые уровни доверия. Сначала они болтают с ними в камерах, потом выводят на улицы... ну, коридоры эти, потом снимают кандалы. Большинство из них так и умирает за решеткой. А те, кто проходит, в конце пути отстригают себе золотые волосы и становятся частью Освободителя, в такие дни нас особенно вкусно кормят, это считается праздником. Расплачиваются с нами тоже едой, братья и сестры должны ухаживать за пленниками.

Николай заметил среди толпы людей, вдали совсем не похожего на остальных человека. Вся в черном и вишневые волосы. Он ни на секунду не сомневался, что это была Ал. Скрепп даже не успел заметить, как Николай ломанулся вперед и исчез среди людей. Он лишь безнадежно вздохнул, покачав головой

— Покажешь мне этих людей с золотыми волосами?

Человек кивнул и отвел Скреппа в соседний коридор в первую же камеру. Сергей Сергеевич подошел к койке с женщиной, местная девушка как раз только что принесла ему

воды, и он начал пить.

— Майор Керк?

Человек поперхнулся. Видимо он плохо видел — все его лицо было опухшим, он долго вглядывался в лицо своего гостя.

— Профессор Скрепп? — он не поверил себе — вас тоже схватили?

— Нет... мы думали что ты погиб в Фете год назад. Значит, тебя схватили.

Керк попытался встать с кровати и подползти к нему, но загремевшие цепи тут же остановили его.

— Вы не представляете сколько здесь нищих, полковник, здесь целая лаборатория! Бегите, Скрепп! Бегите! Они держат здесь еще с детского возраста первоуровневых. Я сам слышал детские крики! Бегите!

Он начал слишком громко орать и Сергей Сергеевич выбежал из его камеры в другой коридор. В каждой камере кто-то сидел, здесь было мрачно, сильно пахло кровью.

Человек, сопровождавший его, вскоре догнал.

— Как часто сюда приносят людей — спросил профессор

— Ну я же уже говорил... по-разному бывает. Вот совсем недавно привели еще одну девушку. Но ее почему-то отвели в другое место, сразу к нему.

Скрепп остановился и посмотрел на него.

— Что за девушка?..

Николай догнал Ал. Хотя она и не старалась от него убежать. В толпе ему было сложно двигаться быстро, поэтому Ал не спешила. Она встретила его у одной из комнат, возле которой стояло двое членов Ордена.

— Ты сказала, что мы встретимся

Ал улыбнулась

— Мы встретились

— Где она? Она здесь, да?

— Иди за мной — Ал поманила его пальцем и вошла в охраняемую комнату.

Николай проследовал за ней.

В комнатке было темно. Свет проникал только из открытой двери. У противоположной стены лежала Анастасия. Никаких цепей не было. Николай метнулся к ней взял за руку. Ладонь была холодной, но запястье чуть подрагивало. Она была жива. Лицо бледное, испачканное в крови, как и одежда, но никаких следов побоев. Девушка просто лежала без сознания.

— Отец решил сделать тебе подарок... — сказала Ал холодным тоном — он любит тебя, просил передать, что с нетерпением ждет новой встречи.

Она направилась к выходу, но перед этим остановилась и напоследок добавила.

— Можешь забрать ее... радуйся, что я не убедила его избавиться от грязной шпионки.

Дверь закрылась. Воцарился мрак. Николай почувствовал такое облегчение, какое не испытывал никогда в жизни. Он положил голову на ее грудь и услышал бьющееся сердце. В груди все сжималось от одной только мысли, что он мог так легко ее потерять, но теперь все было позади. Он снова с ней.

Последующие дни превратились в настоящую чехарду. По Централу ездили

правительственные машины, грузовики. Раскрытие тайного подземного убежища стало концом для его обитателей. Всех местных на время следствия Отдела Расследований поместили под арест. С фронта были отозваны практически все золотые люди. Скрепп сидел в приемном коридоре зала Совета — широкое полуосвещенное место, совет был единственным залом в штабе, где было темно, и преобладал контраст черного и белого. Сергей Сергеевич находился в одиночестве. Зак и Лена, по его просьбе, в сотый раз опрашивали каждого арестованного из убежища и передавали дело ему. Он как раз перечитывал их доклады. Совет стал собираться по нескольку раз за день, что только напрягало нервы рядовых членов Золотого Общества, такое бывало редко — мертвая тишина города и суета золотых.

Николая Скрепп оставил в госпитале вместе с Анастасией. Она вовсе не нуждалась в помощи, но Сергей Сергеевич решил их оставить ненадолго. Пускай они поговорят. Анастасия так и не составила отчет для Совета о том, что произошло той ночью с группой Штейна. Ее голос должен был стать решающим по поводу логова Чадаева.

— Профессор, вас пригласили — позвала его молодая девушка.

Скрепп не спеша направился в зал. Здесь было еще темнее, основная часть света падала только на круглую область в центре. Вокруг нее вверх уходило несколько рядов со столами. Они были обиты черной тканью, блестящей как на морозе. Членов совета практически не было видно, любой человек, попадая в помещение, чувствовал себя одним. Лишь только когда с ним начинали говорить, эта иллюзия разрушалась. Прямо напротив входа стоял стол, гораздо больше чем остальные. Это было место Потестаса, постоянного председателя Совета.

Сергей Сергеевич показал, что в его руках находится папка бумаг. Тут же из темноты выбежало два секретаря. Один из них поставил в центр кафедру, а второй, стакан воды на нее. Скрепп положил на кафедру свой доклад и начал читать.

Говорить о серьезности дела не было смысла, все итак осознавали это, иначе бы не вернули золотых людей в Централ. Скрепп говорил о деталях обследования и захвата убежища полицией, о том, что чадаевцы покинули его, и ни одного схватить не удалось. О том, что по материалам допросов постоянных жителей этих катакомб стало ясно, что это лишь вербовочный центр, но не основное убежище Ордена, и что Чадаев по-прежнему представляет угрозу. Большинство спасенных золотых людей были детьми.

— Есть ли информация, как долго Чадаев пользовался этим своим «схроном»? — спросил кто-то с верхних рядов

— Минимум десять лет. Сомнений быть не может, этот вербовочный центр мог создать целую армию для него. И мы не знаем где она сейчас, но это большая группа бывших членов нашего общества. Все они владеют четвертой составляющей. Он наверняка не держит ее в городе.

— У вас есть предположения?

Скрепп только покачал головой и ответил

— Возможно, доклад Анастасии Владыч поможет нам. Она провела в этом убежище в качестве пленника несколько дней. Если она что-то узнала, то сообщит нам.

— Когда она сможет отчитаться?

— Я думаю, что уже сегодня, ближе к вечеру, ваше превосходительство, Совет. Без ее слов мы не сможем принять окончательного решения, позвольте...

Владыка прервал его, приподняв ладонь.

— Хорошо. Совет соберется еще раз в восемь вечера, чтобы выслушать подполковника.

Скрепп поклонился и вышел из зала. Нужно было немедленно направляться в госпиталь.

Анастасия сидела на больничной койке, спину подпирали несколько подушек. В ее палате не было никого, чистая комната с белыми стенами, белым бельем, столами, кровать, занавески, ее больничная одежда. Она сидела, смотря за окно на тихий Централ. Отсюда вдалеке можно было с трудом разглядеть купол штаба Золотого Общества и тоненькую ниточку бордового флага на его вершине.

Легкое покалывание на кончиках пальцев, она посмотрела на ладонь. Чистая, белоснежная кожа, необычно бледная, как у больного человека. Настя так себя и воспринимала, находясь здесь — она смертельно больна. От руки шел еле заметный пар. Где-то в глубине, из головы доносились крики. Душераздирающие крики. Сначала они нарастали, а потом обрывались резким залпом. Она закричала сама, схватившись за голову и закрыв глаза и уши. По чистым рукам текла кровь. Немыслимо! Нелепо! — нашептывало ей что-то на ухо и утихало, оставляя в голове только монотонный звук, полужвон, словно волок металлических тяжелых цепей по полу.

В палате раздался тихий глухой смех, Анастасия смеялась.

Убрав руки от головы, девушка вновь посмотрела в окно на голубое небо. В коридоре слышались шаги.

— Уйди... оставь меня наедине... оставь меня — прошептала Настя, прежде чем в палату вошел Николай. Он принес ей стакан горячего шоколада, поставил его на тумбу рядом с таким же стаканом, но уже с холодным какао.

— Ты же любишь шоколад — улыбнулся он

Настя не смотрела в его сторону. Сама не понимая от чего, она чувствовала страх, какую-то боль и даже стыдливость. Но все это подавлялось тихой ненавистью на этот мир. Она продолжала смотреть в окно.

Николай сел рядом и умолк. С самого детства у них не случалось таких моментов, чтобы она молчала. Поговорить было всегда о чем, но начинала всегда именно Настя. Сейчас же в палате воцарилась тишина. Николай смотрел то на нетронутый стакан, то в окно, перебирая пальцами. Девушка продолжала молчать. Они просидели так более часа.

Наконец, Николай, чтобы уже хоть что-то сделать, встал и открыл окно. Летний воздух второй половины дня заполнил помещение. Занавески начали колыхаться от ветра.

Он подошел к ней и сел с другой стороны, загородив окно. Теперь у нее не было повода отвернуться и Николай, наконец, увидел ее лицо, замученное и напуганное. Широкие блеклые глаза, это пугало.

— Ты совсем не своя — он приблизился и обнял ее, но девушка лишь отвернула голову в другую сторону, даже не подняв руки, чтобы обнять в ответ мужа — что с тобой?..

— Ничего

Николай медленно убрал руки и отодвинулся назад, посмотрев в окно. Солнце становилось оранжевым и спускалось все ниже и ниже. Из окна пошел холодный воздух и Настя подняла одеяло до шеи.

— Закрой окно.

Николай повиновался, не зная, что делать дальше.

В палату без стука вошел Скрепп, за ним следом Зак и Лена, в руках которой была форма Золотого Общества для Анастасии. Девушка поняла, что ей придется переодеться.

Они тихо встала со своей койки и забрала свою форму, никак не поприветствовав вошедших.

— Я переоденусь в уборной, ждите здесь.

Все смотрели ей в след, Лена закрыла дверь, после того, как она вышла.

— Как она? — спросил Скрепп. Николай только лишь посмотрел на него беспомощными глазами. Лена подошла к нему и погладила по руке.

— Может быть... — она посмотрела и на остальных — может быть, это просто шок? Кто знает, что она видела, и что с ней сделали. Это пройдет, не переживай.

— Нам не стоило возвращаться из Себора — сжал кулак Николай — я не должен был оставлять ее здесь одну... что я натворил — он склонил голову вниз — она столько пережила по моей вине.

Зак подошел к нему и поднял на ноги, схватив за плечи своими большими ручищами.

— Тихо, Владыч, она справится. Мы рядом, рассчитывай на нас.

— Вы же не просто так пришли?

Скрепп подошел ближе и старался говорить осторожнее.

— Совет намерен перейти к решительным действиям, после того как выяснилось, что Чадаев это не просто бунтарь. Со своей армией, да еще и в условиях войны, он стал главной угрозой. Мы хотим, чтобы Настя рассказала все, что узнала под землей.

Никто не заметил, что на середине их диалога Анастасия уже вернулась в комнату, переодетая в форму общества. Она спокойно присела на кровать, перекинув ногу на ногу. Когда Скрепп закончил, Николай заметил на мгновение улыбку на ее лице. Сергей Сергеевич подошел к ней и сел рядом

— Ты что-нибудь знаешь? Где он сейчас?

— О, не беспокойтесь, учитель, скоро весь этот кошмар закончится — она произнесла это с какой-то радостью, наигранно по-доброму — вы будите гордиться мной всю свою оставшуюся жизнь — она посмотрела на него и улыбнулась — вы будите считать меня своей лучшей ученицей.

Анастасия посмеялась, и в ее сверкающих глазах на секунду блеснуло что-то красное, кроваво-рубиновое. Серей Сергеевич не узнавал ее, но не придал значения этим словам. Он встал, попутно застегивая пуговицы на плаще.

— Постарайся убедить Совет — сказал он и вышел из палаты. Вслед за ним ушли Зак и Лена.

Анастасия аккуратно поправила свой золотой локон на челке.

Николай подошел к ней с последней надеждой, присел рядом и обнял, но взамен получил лишь холод, идущий откуда-то изнутри девушки. В этот раз она так же не обняла его в ответ.

Совет состоялся в назначенное время. Скрепп и его ученики присутствовали на этот раз в зрительной ложе. Еще до прихода в зал Анастасии, члены Совета перешептывались между собой, кто-то обсуждал и вслух. Скрепп объяснил ребятам, что публика была разделена во мнении на две части. Все хорошо понимали, что народное настроение не позволяет вести затяжную войну, на что и сделал ставку враг. Высказывали мнение, что Волуптас имеет связь с Орденом. Половина Совета считала, что нужно немедленно прекратить войну и принять условия Волуптаса, чтобы не получить революцию. Вторая половина была за продолжение войны, но для этого надо было уничтожить главного подстрекателя тыла. Найти Чадаева и арестовать его.

Наконец, взал вошла Анастасия. Она остановилась у центра освещаемой области. В

след за ней секретари вынесли громадную, в полтора человеческого роста, карту центральных провинций Веридаса.

— Ваше превосходительство, Совет — начала она — Мне трудно подобрать слова, какие ужасы испытывали все заключенные подземного убежища Ордена, особенно дети. Я видела их пытки, видела кровь. Когда Чадаевцы говорят людям о свободе, они лгут. Я убедилась в этом лишний раз. Ради своих бандитских целей, наживы и простой жажды власти, они готовы пролить всю кровь честных людей. Утопить в ней всех, от мала до велика. К сожалению, армия последователей его выросла до небывалых масштабов. Это национальная угроза. Искусные убийцы, предатели, их число приближается к общему количеству всех членов Золотого Общества, считая младшую академию.

Она сделала паузу, чтобы услышать, как нарастает тревожный шепот.

— Но Чадаев слишком опрометчиво отнесся к своему Ордену. Я своими ушами слышала, как он велел людям отходить на север от столицы — она показала указкой на карту, несколько миль к северу от Централа — здесь, на Зельевских холмах он прячет своих людей. Я думаю, что он понимал, его подземное столичное убежище рано или поздно будет обнаружено, поэтому он увел всех. Я так же думаю, что он хочет увести армию на север к Волуптасу, чтобы помочь нашим врагам. Зельевские холмы это лишь место остановки. Если мы не поторопимся, то упустим их. Я предлагаю в кратчайшие сроки собрать всех золотых людей и отправиться туда, к холмам. Они не ждут этого, на нашей стороне будет внезапность удара.

Николай слушал ее чуть ли не с отвисшей челюстью. Зак и Лена то и дело переглядывались между собой.

— Профессор, тут что-то не так... — шепнул Николай на ухо Скреппу — это... это как будто не она говорит. Она бы не стала.

Но Скрепп только лишь поднял палец, заставив его умолкнуть.

— И наконец, — заканчивала Анастасия — Я прошу его превосходительство, Совет назначить меня проводником нашего войска. Позвольте мне идти в первых рядах, я исполню свой долг, сведу с ними счеты. Их ошибка станет нашей победой.

Сказав это, она снова улыбнулась не своей улыбкой, поворачивая по кругу головой, смотря на все трибуны. Никто уже не сомневался. То, что предлагала Анастасия, позволило бы одним ударом избавиться раз и навсегда от Ордена и Чадаева, а после победно завершить войну. Лишь только Скрепп и Демиан с непониманием смотрели на радость девушки. Владыка долго крутил в руках свою перьевую ручку, пальцы даже испачкались в чернилах. Он смотрел то на нее, то на карту. Зельевские холмы были в половине дня пути от Централа. Демиан посмотрел на других членов совета. Шепот давно утих, все люди единодушно и решительно смотрели на Потестаса.

— В таком случае, медлить нельзя. Объявляю голосование о созыве золотого полка и отправлении его к Зельевским холмам завтра.

В зале начали подниматься руки. Можно было и без подсчета понять, что большинство будет «за». Лишь единицы оставались сидеть не двигаясь. Не поднял свою руку и Владыка.

— Совет сделал выбор. Завтра в полдень мы торжественно пройдем по императорской улице. И этот поход ознаменует конец смуты — сказал Владыка и похлопал. Аплодисменты в ту же секунду окатили весь зал. Под этот торжественный гром Анастасия ушла с освещаемой области в темноту выхода.

До следующего дня Николай так и не смог повидаться с ней. Девушка занималась

приготовлениями в штабе всю ночь. Ему самому не верилось, что уже совсем скоро Чадаев падет. Жажда мести к нему остывала. Каждый день, проводимый в Себоре у могилы матери отдалял его от собственной клятвы. И хотя он все еще желал смерти Дмитрию, дело его отошло словно на второй план. Анастасия словно похитила его рвение, теперь она хотела смерти Чадаеву, она стремилась к нему. Николай лишь хотел защитить ее. Этой ночью ему снилось, как они вместе вернулись в Себор, оставшись там навсегда, и над их домом каждую ночь мерцала самая яркая звезда.

Известие о параде переположило весь Централ. Он снова наполнился людьми. Все вышли из своих домов и направились к императорской площади. К середине дня колонны уже были построены.

Полторы тысячи золотых людей и несколько сотен простых солдат, можно сказать, добровольцев. В белых кителях, с карабинами на ремнях за спиной они стояли на лошадях шеренгами по три. Обозы выехали вперед по вспомогательным улицам, чтобы на выезде из города замкнуть колонну.

Золотую армию вышел встречать Маар III. Он не произносил речей, а лишь обошел первый ряд, в котором находились Крепп и его ученики. Следом за императором колонну приветствовал и Владыка Демиан. Оркестр, располагавшийся на ступенчатом подъеме перед входом во дворец, начал играть торжественный марш. Из немой толпы зрителей иногда все же слышались немногочисленные радостные возгласы. Но их очень легко перебивала топот лошадиных подков по брусчатке императорской площади.

Николай находился справа от Анастасии и изредка украдкой поглядывал на нее. Вид девушки был таким же, как и вчера на Совете. Триумф скорой победы.

Люди молча смотрели на проезжающую стройными рядами золотую кавалерию и солдат. Они смотрели, стиснув зубы и кулаки, то на них, то на императора. В толпе иногда проглядывались люди в черных одеждах, их лица были скрыты масками и капюшонами. Таких было все больше и больше.

Императорская улица выходила на северную оконечность города. Люди провожали золотых до самого конца. Когда колонна вышла из города вслед за нею выехали обозы. Улица опустела, толпа начала расходиться. На шоссе выехала черная машина с затемненными стеклами.

Дмитрий Чадаев смотрел на город без золотых людей. Ал не могла усидеть на месте, радостно смотря на отца. Чадаев не отрывался от окна. Он вглядывался в людские лица, это всегда придавало ему уверенность. Глаза Дмитрия были взволнованы как никогда — последняя партия, чужой ферзь принесет ему победу.

— Конец близок...

Вслед за черной машиной из переулков выруливали крытые грузовики. Вскоре их собралось уже несколько десятков. Эта колонна приближалась к сердцу столицы, к императорскому дворцу.

Глава V

Август 1919 года второй эры.

Владыка сидел в своем рабочем кабинете в полном одиночестве напротив большого окна. Руки все еще тряслись, хоть он уже выпил лекарства. Демиан смотрел на то, как напротив штаба общества словно жучки, крошки черные точки сбивались в одну кучу. Она все нарастала и нарастала. После парада народ не думал расходиться, в любой другой момент людям бы просто не хватило смелости собраться, но теперь им дали повод выйти. Толпа была создана, а настроения ей было не занимать. С высоты кабинета сборище людей было похоже на черную кляксу в центре площади. Она была живая, шевелилась как черное чудовище и росла от маленьких капелек. Люди шли и по улицам все в одну сторону, к дворцу Его Величества.

Демиан с опущенными руками просто смотрел. Он не знал, что делать — все золотые люди покинули столицу, в городе осталась лишь малая часть полиции, уже стянутая к дворцу. Судьба Централа мало беспокоила Владыку сейчас. Важнее было то, сможет ли золотой полк остановить черную чуму. Если схватить Чадаева сейчас, то люди утихнут, они снова начнут бояться. Это единственная тоненькая жердочка, по которой теперь можно перейти через пропасть.

— Лишь бы успеть...

Толпа не расходилась.

В приемной кабинета послышались скорые шаги. В ту же минуту вошел секретарь, поклонился Демиану и представил вошедшего следом человека. Высокий мужчина с длинными черными волосами, тоненькой полоской бородки и в форме Золотого Общества. Он держал в руке портфель, взволнованно смотрел на Владыку

— Подполковник Март? Как проходит допрос?

Март сделал два шага вперед и поклонился.

— Владыка, мы кое-что нашли. Вас должно заинтересовать.

Демиан поднялся со стула и подошел ближе

— Мы раскрыли среди остальных жителей подземного города Ли Грина. Он пытался выдать себя за заложника, но именно он был объектом наблюдения группы Штейна.

— Где он? Вы привели его сюда? — Владыка быстро стал застегивать китель

— Да... но у него сильный шок. Тем не менее, он доступен для контакта. Для экономии вашего времени мы привезли его в штаб. Он сейчас в Отделе Расследований.

Владыка на ходу дослушивал Марта, тот сопровождал его к Грину.

Ли сидел на стуле со связанными руками. Девушка полицейский, приставленная к нему, проявляла мало бдительности, Ли выглядел слишком немощно. Полуседые, грязные волосы, мешки под красными глазами, дрожащие руки. Увидев вошедшего Демиана, он уже не отрывал от него глаз.

— Встать! — скомандовал Март и Грин от испуга сразу же вскочил, тихо завопив. Девушка посмотрела на него с презрением, как на больного.

Владыка подошел ближе, соколиным взглядом изучая человека с ног до головы.

— Значит, это ты тот самый Ли Грин. Ты украл с завода несколько тысяч патронов.

Ли уклонил голову в сторону, не желая отвечать. Март взял его лицо за челюсть и повернул к Демиану. Грин снова завопил.

— Спокойно, я не это хочу узнать — он начал расхаживать по комнате, Ли продолжал смотреть на него — мы до сих пор не знаем деталей гибели нашей группы... которая следила за тобой. Ты помнишь? Месяц назад, тогда ночью, на водоочистительной станции.

Глаза Ли беспорядочно забегали. На лбу выступил пот. В памяти начали всплывать ужасные картины.

— Они убили ее... убили — забормотал он

Март начал трясти его за плечи.

— Говори точнее, где ты был и что случилось?

Владыка подошел к нему и усадил за стул, сказав более мягко.

— Мы хотим знать, как погибла группа Штейна, при каких обстоятельствах, сколько было ваших и кто именно.

Грин молчал несколько минут, а затем вопросительно посмотрел на Демиана.

— Наших?.. — он снова замолчал, пока Март не затряс его — наших там не было... это все она — его дыхание участилось, как будто он снова очутился в том месте среди крови — она словно с катушек слетела... сумасшедшая! Она сумасшедшая!

— Кто она?

Грин прошептал

— Та, что следила за мной, девушка с красными зрачками, в крови. Это она убила их... не я... это все она! Настя, ее зовут Анастасия!

Владыка замер, уставившись на него.

— Что ты сказал?..

Грин больше ничего не отвечал, Демиану уже и не требовался ответ. Сбылось его опасение, его подозрение, возникшее на речи Анастасии в Совете. Резню устроили не чадаевцы... она убила всех собственноручно.

Владыка смотрел в пустоту и побрел вперед.

— Она... она... — старик схватился за сердце — Сергей...

В комнату вбежал юноша в форме общества. Увидев Владыку, он с некоторым облегчением вздохнул и подошел к нему.

— Владыка, — поклонился он — срочное сообщение из центра. Группа вооруженных людей начинает скапливаться у дворца и скандирует антиправительственные лозунги. Людей все больше. Мы заметили так же «особо подозрительных личностей»

— Всемогущая Истина... — Демиан посмотрел на Марта — я хочу, чтобы вы немедленно начали эвакуировать детей из штаба общества. Но сначала обзвоните всех членов... всех, до которых сможете дозвониться. Возьмите все семь свитков и покидайте Централ. Потом мы соберемся — он повернулся к вошедшему юноше — телеграфируй во все города рядом с Зельевскими холмами: Золотому полку немедленно вернуться в Централ. Арестовать подполковника Анастасию Владыч. Живо!

Март и юноша спешно покинули комнату.

Владыка вышел в центральный зал штаба, вокруг была тишина. Фонтан не работал. Демиан был здесь наедине со своей тревогой. Анастасия ведет его людей в западню, к верной смерти. Ведет со злой улыбкой на устах. Восстание было почти готово и в самый последний момент у Владыки за спиной не оказалось ни кого. Он единственный золотой

человек в столице, который будет стоять до конца. Иного выбора не было, Демиан побежал к своей машине.

Тем временем в Централле начинало темнеть. Солнце ласкало крыши домов, и свет уже не падал на улицы и переулки. Поднялся шум небывалой силы, злой шум, недовольство. Он скапливался у самого сердца империи. Здесь находилось уже свыше тысячи человек, толпа нарастала. Все проходило по старому сценарию, сначала лозунги на плакатах, затем с оружием в руках. Несколько рот полицейских трусливо выглядывали из-за баррикад на эти полчища. Все больше и больше людей в черных мантиях

Наконец, к толпе подъехала машина. Грузовики, что ехали следом, развернулись кузовами к людям, и тут же началась раздача винтовок с патронами. Из машины вышел тот, кого все ждали. Освободитель вместе с народом, он поведет их вперед.

Прежнего парадного хода у колонны золотых людей больше не было. Лошади устало брели вперед. Ряды перемешались, и теперь золотой полк был похож на большую массу. Люди сняли с себя уже все, что разрешалось снять, но невероятная жара продолжала свои мучения. Пыль, поднимаемая лошадьми, пачкала все подряд. Несколько часов они брели так, почти без остановок. До Зельевских холмов оставалось совсем чуть-чуть.

Все шли вместе, лишь только Анастасия держала свою лошадь впереди на несколько десятков метров. Она была самой первой и не сбавляла скорости, лишь бы не сливаться с основной массой.

Сердце Николая сжималось ледяными тисками, он чувствовал непонятное волнение. Глядя на остальных, создавалось впечатление, что это чувство было у всех. Каменные, покрытые холодным потом лица, некоторые держали свои карабины на изготовке, осматриваясь по сторонам. Было тихо, только дикое поле.

Зак подшпорил свою лошадь, чтобы догнать Сергея Сергеевича, который ехал наравне с Николаем.

— Профессор... — сказал Зак — мы вообще будем останавливаться? Лошади устали, да и мы тоже. Если в таком состоянии мы встретим чадаевцев, то все закончится быстро.

Николай, соглашаясь с Заком, тоже посмотрел на учителя. Крепп ничего не ответил. Он продолжал смотреть на Анастасию, идущую далеко впереди. Изнеможенная Лена подъехала сзади.

— Всем сейчас нелегко, дорогой

— Как бы это не стало нашей меньшей проблемой — сказал, наконец, Крепп. Зак лишь вздохнул удрученно

— М-да, не так я себе представлял наш последний бой...

— Добра со злом? — закончила за него Лена, Зак кивнул. Николай еще раз проверил, при нем ли его золотой кинжал отца.

Марш продолжался еще около часа. За это время поля начали меняться — сначала появились резкие разрывы на земле, выбоины, крутые овраги. Потом пошли возвышения. Они вступили в полосу Зельевских холмов. С давних времен не заселенное место, сухая трава, как в степи, столь необычная для северных регионов. Горячий воздух не пахнул ни чем, потому что в нем было столько пыли, что небо казалось желто-серым. Из-за холмов гуляли слабые ветерки и ни одного деревца. Многие золотые люди впервые видели эти

высокие курганы. Они не были круты, на лошади по такому взбираться пришлось бы несколько минут.

Полк начал сбавлять ход. Анастасия вдруг остановила лошадь, без движения смотря куда-то вперед. Глаза ее не шевелились.

Остановились абсолютно все. Скрепп поднял вверх правую руку, чтобы люди спешили и отдохнули. Но отдыхать почему-то теперь не хотелось. Все уставились на картину впереди.

Анастасия продолжала сидеть на лошади. Скрепп и его ученики подошли к ней.

— Насть, объяснишь, что происходит? — сказал Николай. Анастасия, не оборачиваясь, спросила

— Теперь... вы гордитесь мной, профессор?

Они переглянулись между собой. Скрепп настороженно продолжал смотреть ей в спину. Настя продолжала

— Вы гордитесь мной? Я стала вашей лучшей ученицей?

— Откуда этот эгоизм? Слезь с лошади и повернись к нам лицом

Анастасия только лишь улыбнулась

— Вы. Гордитесь. Мной? — повторила она, делая паузы между слов

— К чему ты это спрашиваешь? Разумеется, я горжусь тобой...

— Даже после того, когда я ослушалась вас тогда? Не стала брать оружие в руки, не выстроилась.

Зак закатил вверх раздраженные глаза, но Лена с беспокойством смотрела на нее, положив ладонь на грудь мужу. Скрепп долго молчал, подбирая слова.

— Я не виню тебя, Настя, ты...

Ее брови в гневе опустились, взгляд исподлобья устремился куда-то вдаль. Зрачки в тот же миг окрасились красным. Она тихо посмеялась не своим смехом, тем, что Николай часто слышал от Ал.

Позади колонны послышался отдаленный крик. Какой-то человек с бумагой в руке несся к золотым людям верхом. Он успел прокричать только слово «приказ». Раздался одинокий выстрел. Человека заставил навсегда умолкнуть кто-то с вершины холма. Пуля прошла прямо через сердце, и гонец замертво свалился с коня.

В ту же секунду маленькую дорогу, на которой находился золотой полк, со всех холмов окружили люди в черных одеждах. У большинства из них были видны красные галстуки. Некоторые в масках. Они показали свою силу и стали смотреть, как золотые люди занимают круговую оборону, прячась за обозами спиной к спине.

— Я так и знала... — сказала Анастасия, спрыгнув с лошади и, выхватив саблю, кинулась на Скреппа.

— Что ты... — Николай не успел договорить. Сбитый с толку он до конца не верил, что Анастасия с оголенным клинком бежит на учителя. Юноша не ожидал ее удара, лишь почувствовав боль в животе и повалившись на колени.

Скрепп успел выхватить свой клинок и отбил ее первую атаку. Она продолжила наступать. Удар за ударом. На ее лице сквозь дьявольскую улыбку, был виден только гнев, жажда мести. Черные люди с криком побежали на золотых. Началась беспорядочная пальба. Что-то засверкало, разнообразные четвертые составляющие устремились на встречу друг другу, убивая разом десятков людей. Крики слились в единый вой, подобный сирене. Зак и Лена отвлеклись на атаку. Николай медленно поднимался на ноги, пытаясь в беспорядочной

толпе найти Настю и его учителя. Наконец, он увидел ее, Анастасия уже успела ранить Сергея Сергеевича в ногу

— Здесь все закончиться! — кричала она — здесь закончиться вторая эра! Мы воскресим свободу — члены Ордена уже практически вплотную подошли к золотым людям — и вы больше не будите угнетать нас! Все закончиться здесь!

Она оскалила пасть, и на ее правой руке вспыхнул красный огонь. Николай видел это пламя, он ни на секунду не сомневался, что это был его огонь. Теперь она тоже мстит. Огонь перекинулся на ее саблю, и она снова стала наносить удар за ударом. Скрепп со страхом в глазах лишь оборонялся. Где-то в толпе кричал Зак. Его надорванный голос было легко узнать.

— Спиной к спине! Держите!

В голове Николая сильно звенело. Он посмотрел на живот. Красная полоска крови пачкала его форму. Анастасия успела полоснуть его.

— Кому же ты мстишь... что ты натворила — шепнул он сам себе с трудом держась на ногах. Он снова потерял девушку из виду. Надо всего лишь схватить ее, обнять как тогда. Он уймет ее крик.

Уши привыкали к грому выстрелов, в плывущих глазах различались силуэты людей. Руки их горели разными цветами, или превращались в неестественную форму.

Сзади его кто-то схватил за шиворот и начал оттаскивать к центру, где была основная масса золотых людей. Он то и дело спотыкался о тела.

— Давай, Владыч, ты нам нужен! — он узнал голос Зака — бери свой карабин.

Он помог Николаю снять с ремня карабин и, вручив его другу, убежал куда-то дальше. Юноша обернулся и увидел, как прямо на него с криками бежали трое людей в черном. Их красные галстуки болтались от бега, на них отчетливо был виден чадаевский крест. На секунду в голове все померкло, вспомнилось нечто ужасное, и рука Николая мгновенно зажглась. Первый сгусток огня угодил одному из атаковавших прямо в грудь, тот безмолвно отлетел, охваченный пламенем. Николай подкинул винтовку и перехватил ее за ствол. Второго человека он ударил прикладом словно битой, выбив несколько зубов и оглушив. Последнего сразила чья-то пуля, и он упал замертво в ноги юноши.

Обернувшись, Николай снова попытался найти Анастасию и Сергея Сергеевича Чадаевцы уже добрались до золотых и перешли в рукопашный бой, выстрелов почти не было слышно, лишь только вспышки, взрывы и молнии. Николай наткнулся на своего давнего знакомого Семена Савинова. Тот, остолбенев, выронив свой карабин из рук, смотрел радостными глазами в черную толпу. Прямо перед ним бежал без маски, но весь в черном с красным галстуком его брат Артур, похищенный Чадаевым много лет назад. Глаза Артура ничуть не изменились, казалось, он не узнал Семена и продолжал с животным криком бежать на него.

— Брат! — лишь успел воскликнуть Семен, прежде чем клинок Артура пронзил ему грудь. Семен повалился на колени перед ним, ошеломленными глазами смотря на злость Артура.

— Нет!.. — Николай закричал во все горло от увиденного. Отбросив свое оружие со злости, даже испугавшись, что не успеет это сделать самолично, он зажег обе руки и побежал на Артура. Тот не успел среагировать, Николай схватил его за горло и начал душить, не обращая внимания на оглушительный крик горящего человека. Руки до боли сжимались глотку, пока Артур не замолчал, сгорев практически дотла. В следующий миг

Николай почувствовал резкую боль в затылке. Глухой стук от удара и свет в глазах начал меркнуть.

Он чувствовал, как по щеке сверху стекает кровь, капли начали падать на песок. В трех метрах перед собой он увидел валун. Сам не зная зачем, он начал подтягиваться, ползти к нему. Перед ним топтались сапоги, падали тела, сабли, ружья. Он продолжал ползти. В глазах становилось все темнее и темнее, звуки словно тонули, обращаясь огромным протяжным эхом. Даже порох, насквозь пропитавший воздух, уже не чувствовался.

Лишь чуть-чуть, кончиками пальцев коснувшись камня, оставив кровавый след на нем, Николай чувствовал, что умирает. Свет окончательно погас в его глазах. Больше его никто не замечал.

Чадаев без всякой помощи взобрался на крышу своей машины, все взоры были обращены к нему. Многие знали, как выглядит Освободитель, некоторые видели его впервые. Он поднял вверх свою руку и она тут же загорелась синим пламенем. Это пламя отразилось в сердцах всех без исключения. Дмитрию не нужно было произносить громких речей — идея свободы без того жила внутри каждого, огонь лишь растапливал их ненависть. Она бралась словно неоткуда. Теперь во всех своих бедах, даже сугубо личных, люди обвиняли империю. Главный злодей, виновник и источник их проблем был Маар и те, кто стоял за ним, все Золотое Общество. Они считали себя рабами чужих принципов, и Освободитель пришел сегодня, чтобы раз и навсегда сбросить оковы.

Чадаев выхватил саблю и махнул ею в сторону дворца. Озверевшая толпа, уже не люди, устремились к центральной лестнице. В этот раз все было намного легче, чем год назад, когда Централ был во власти золотых. Теперь не было силы, способной помешать гневу. Люди были разные, кто в рваном тряпье, кто в приличных костюмах — в истории найдется мало примеров, где они будут бежать бок-о-бок и иметь общую цель.

Дмитрий шел следом, не спеша. Его окружала черная свита. В городе окончательно стемнело. Взрывы и пожары охватили другие части столицы, Централ погружался в грязный мрак. Вечернее зарево скрылось под черным дымом, всюду люди подхватывали революцию.

Редкие выстрелы звучали у дворца, оглушая, но не останавливая толпу. Это стреляли те, кто еще не успел понять безвыходности своего положения, кто еще не успел убежать. Соппротивление было сломлено, люди ворвались внутрь дворца. Выстрелы продолжались, но черная масса, словно лавина, сметала все на своем пути, разливаясь по лестницам коридорам и залам. Широкие пространства помещений впитывали в себя и возвращали эхом шум. Сильно пахло порохом, гремели окна. Тысячи и тысячи ног колотили бегом по узорным мраморным плитам.

Чадаев знал, куда идти. Круговые лестницы вели к балкону, оттуда шел выход на второй этаж. В конце коридора были огромные двери-ворота рабочего кабинета Его Величества. Дмитрий ускорил шаг, сжимая рукоять сабли все крепче. Одной рукой он распахнул обе двери, те с грохотом ударились о стены. В кабинете горел свет. С рабочего стола убраны все бумаги, стулья задвинуты. Маар молча смотрел в огромное окно на горящий Централ. Пожар охватил город, даже самые простые здания. Тушить их никто не собирался, люди продолжали стрелять друг в друга. Чадаев остановился в дверях и смотрел Маару в спину.

— Вечер добрый, бригадный генерал — сказал император. Голос его был спокоен,

необычно повседневен. Однако, когда он обернулся к Дмитрию, его бледно белое лицо все же выдало страх — наконец-то мы с вами встретились.

— Я не бригадный генерал, — резко махнул рукой Чадаев — я отрекся от вас.

Маар изобразил смех, у него это плохо получилось. Он передвигался медленно, держась одной рукой за стол, подходя ближе к Чадаеву. Дмитрий так же сделал пару шагов.

— Вы убьете меня? Пусть... Вы нарушите все, за что я боролся всю жизнь

— Нет, я уничтожу все, за что боролась эта империя с самого своего основания. Я изменю не только Веридас, я изменю весь мир!

— Убийце вроде тебя нельзя доверить судьбы людей, ты лишь хочешь встать на мое место...

Он не успел договорить, Чадаев вонзил ему в грудь саблю. Маар начал падать, схватившись за плечо Дмитрия. Сквозь его сжатые губы полилась кровь. Белая одежда стала окрашиваться в багровый цвет. Дмитрий смотрел на агонию старика, крутил лезвие в нем, выпуская больше крови. Наконец, Маар упал бездыханно к его сапогам. Чадаев посмотрел на секунду в окно, город продолжал гореть. В отражении он увидел себя в чужой крови, испачканном клинке и улыбнулся, когда заметил отражение Владыки, только что показавшегося в дверях.

— Нет... что ты наделал... за одну ночь... — прошептал Демиан

Чадаев рассмеялся

— Ты опоздал, мой великий учитель. Ты лишился самого ценного, теперь я твой император.

Владыка опустил голову, не показывая горя, и медленно достал из ножен саблю. Чадаев не отреагировал на это, он подошел к нему и резким ударом выбил клинок, который Владыка уже не поднял.

— На сегодня достаточно крови — сказал Дмитрий и вышел из кабинета

Владыка долго стоял на месте, его руки дрожали. Он начал медленно подходить к телу Маара, склонился и обнял, приложив его голову к груди.

Чадаев выбрался на крышу дворца. Огромная, из черного кирпича, это была вершина центральной прямоугольной башни, под которой располагался вход во дворец. Бордовые стяги с золотыми «V» в кольце продолжали висеть на стенах. Вокруг Чадаева собралось множество его приспешников. Все в черных одеждах с красными галстуками. Он медленным шагом шел к краю башни, слушая шум Централа. Было светло, почти как вечером, все горело вокруг. Один из чадаевцев вручил Дмитрию свернутое красное полотно.

На краю башни был закреплен самый большой имперский стяг. Чадаев саблей одним ударом срубил все крепления и бордовый флаг полетел вниз под общее ликование членов Ордена. Радость слышалась и снизу на площади, где собралось уже несколько сот тысяч человек. Дмитрий развернул свой стяг октаграммой и крестом и самостоятельно закрепил на старом месте, и теперь дворец украшался уже совсем другим флагом. Народ заорал, началась всеобщая эйфория, выстрелы.

Дмитрий обернулся к своим.

— Братья мои и сестры. Запомните этот день. Сегодня мы вернули себе Свободу. Сегодня началась новая, третья эра!

Все снова закричали до покраснения в глазах, оглушая друг друга.

Знамя Ордена было видно во многих частях Централа. Кто-то смотрел на него с опаской, а кто-то со слезами.

Ал, увидев его, просто улыбнулась. Она вела людей на штурм штаба Золотого Общества. Люди с черными и красными флагами держали в руках факела желая сжечь все дотла. Ал не останавливала их, она лишь следила, чтобы императорская библиотека не пострадала. Чадаев велел беречь ее от огня, ему нужна была одна единственная книга.

— Ты добился своего, отец... Жгите! Жгите все! Оставьте только книги, они нужны нам, чтобы завершить начатое.

Едкий дым возвращал сознание Николаю. Голова продолжала звенеть, все тело словно лишилось нервов. Оно онемело. Вокруг была тишина, лишь только далекие стоны и женский плач, который был совсем близко. Николай открыл глаза и увидел перед собой окровавленное лицо девушки, золотого человека. Она была мертва и смотрела блеклыми глазами на него. Николай перевернулся на спину. Сил не хватало даже просто поднять руки.

Темное небо, вокруг что-то горело повсюду. Николай слышал треск огня. Он начал шевелить плечами, затем всем телом, чтобы хоть как-то двигаться. Женский плач все больше резал его ухо. Он узнал того, кто плачет.

— Лена... где ты? — прошептал он еле-еле из последних сил и приподнял голову.

Метрах в десяти от него он увидел Анастасию. Она стояла с оголенной саблей и смотрела на Елену. С клинка стекала кровь. Лена, упавши на колени, рыдала, прислонившись к груди какого-то мужчины.

— Что ты... наделала — всхлипывая орала она, Анастасия молча смотрела на тело — он же был нам отцом. Он любил тебя... что ты наделала!

Николай наконец-то разглядел лицо мужчины. Сергей Сергеевич лежал бездыханно, в его груди был порез и кровавое пятно. Глаза открыты и смотрели в черное ночное небо, полное звезд.

— Ненавижу! Ненавижу тебя, тварь! — закричала Лена и бросилась на Анастасию. Е тот же момент ее насквозь пронзила сабля. Настя взяла за ворот свою подругу и вонзила ей в грудь клинок. Елена смотрела на красные глаза девушки, все еще не веря. Из рта полилась струйка крови, и ее тело свалилось на труп Сергея Сергеевича. Девушка задыхалась, жадно глотая воздух, и смотрела на грудь Скреппа, пока не перестала шевелиться. Николай не двигался, сипло издавая крик, который никому не было слышно.

Анастасия безмолвно воткнула в землю свою саблю в аккурат рядом с головой профессора и начала снимать белые перчатки.

Сзади к ней подошли два человека, принадлежащие Ордену. Они несли черную накидку, которую вручили ей. Анастасия скинула с себя белый китель на землю и приняла накидку. Теперь она с ног до головы погрузилась во тьму. На ней была только черная одежда. Второй человек вручил ей красный галстук с золотой печатью октаграммы.

Николай не верил глазам, он словно бредил. Его супруга, самый любимый человек надевает на шею галстук самого заклятого врага. Девушка посмотрела на Николая и увидела, что его глаза открыты. Это никак не повлияло на ее выражение лица, серьезное и решительное.

Она вынула из песка саблю и быстрыми шагами направилась в его сторону. С клинка стекала незастывшая кровь. Настя подходила все ближе и ближе, Николай не мог пошевелиться. Он попросту не знал, что ему делать. Между ними вдруг зашевелилось тело

юноши золотого человека. Он пришел в себя и попытался встать. Анастасия остановилась рядом с ним и, даже не поворачивая головы, выпустила из руки огненный сгусток. Он угодил человеку в живот и тот вспыхнул как спичка. Не долгими были его крики, он сгорел меньше чем за минуту, освещая своим огнем горы других мертвых тел золотых людей, они лежали повсюду.

Анастасия подошла к Николаю, остановившись у его ног. Он смотрел на нее красными от крови глазами и не видел ничего. Ничего не осталось от его Насти, словно другой человек в ее облике смотрел на мужа. В глазах стало темнеть, что-то сдавливало грудь. Он переставал слышать. Девушка долго смотрела на него серыми глазами. Она не говорила и не собиралась с мыслями, просто смотрела, а затем ее клинок пронзил грудь Николаю. Юноша издал гулкий крик. Она оставила саблю в нем развернулась и ушла.

— Стой... не уходи... остановись! — шипел Николай, брызгая кровью.

Последнее что он видел, то, как Анастасия скрылась в рядах чадаевцев, которые начали уходить с холмов.

Он снова упал в черную пучину, мира вокруг больше не было. Стало резко холодно, и вся боль прошла. Это чувство было знакомо юноше, он испытывал его раньше. Чувство чужого мира. Здесь дышалось по особенному, изо рта шел пар. Откуда-то появились силы. Николай ощущал, как продолжает падать, тонуть в черном океане. В конце концов, опора появилась под его ногами. Сабля, что пронзила его, пропала. Он похлопал себя по груди, все было цело. Чистая одежда, излучавшая свет. Юноша не сразу поднялся на ноги. Покой и тишина, безмятежность словно привязали его, заставляя лежать и наслаждаться. В памяти больше ничего не всплывало, вся внутренняя боль угасла, замерзла.

Николай смотрел на пар изо рта, уходящий вверх и растворяющийся. Звуки скрипки стали доноситься откуда-то издали. Нельзя было точно сказать откуда, музыка словно пронизывала воздух, шла сверху.

— Мы наконец-то снова встретились — послышался детский голос.

Николай поднялся на ноги, перед ним стоял Никола, мальчик, которому все еще было семь лет. Они долго смотрели друг на друга. Николаю было уже все равно, он лишь хотел задать последний вопрос.

— Это конец?.. Ты знаешь, это конец?

Никола лишь попросил следовать за ним. Он был в той же одежде — рубаша и штопаные штаны, босые ноги шли по пустоте. Скрипка продолжала играть протяжную, сожалеющую мелодию. Николай побрел следом.

— Ты мог такое представить? То, что это случится именно с тобой? — спросил Никола

Николай ненадолго ощутил старую боль, но она тут же утихла. На мгновение он вспомнил лицо Анастасии, ее радость, светящийся голубые глаза.

— Нет...

— Ты чувствовал с самого начала, что она не такая как вы. Ты догадывался...

— Сейчас это уже не важно! — перебил его Николай, остановившись.

Никола посмотрел наверх, сделав вздох полной грудью.

— Знаешь... единственное, что я не могу сотворить, это небо. Я забыл, как оно выглядит, я помню только цвет, но в этой черной клетке цвета не имеют значения. Ты понимаешь, что в том, что случилось, есть только один виновник.

В мгновение ока черная пустыня исчезла, и они очутились в одном из музыкальных кабинетов младшей академии. В центре большой белой комнаты стоял черный рояль. Лилась

быстрая и веселая мелодия. За инструментом сидели мальчик и девочка. Они были в темно-вишневых пиджаках из атласа. Мальчиком был Николай, на его воротах был значок «П». Слева от него сидела девочка, это была Настя. Сейчас необычно веселая, она всегда любила такую музыку. Задорность мелодии передавалась на детей, и они не упускали момента поозорничать, толкая друг друга. Профессор Скрепп стоял рядом и отбивал ногой счет.

Николай и вовсе забыл, что его учитель был когда-то таким. Высокий мужчина с темно-бурой густой бородой, еще молодой.

— Зачем ты мне это показываешь? — спросил Николай у Николы

Никола тем временем занимался своими делами. Он брал откуда-то доски, красивые, лакированные, и перетаскивал их в другую комнату.

— Что ты делаешь?

— Мастерю себе трон. С самого основания времени я общался со многими людьми. Было среди них немало значимых и способных. У каждого в жизни что-то случалось, что заставляло их действовать. В них вырабатывался тот ценный ресурс, что двигает человечество вперед. И ты был в их числе, и он... тот кого ты хочешь убить. Ваши судьбы удивительно схожи. Оба несчастных лишились родителей, обоих опалила любовь и вы оба желаете мести. Он мстит всему миру, ты мстишь ему, как прозаично... — Никола улыбнулся, отвлекшись от своих досок, — ваш эмоциональный потенциал настолько велик, что я уже не сомневаюсь. Скоро кто-то из вас дарует мне свободу и мое двухтысячелетнее заключение наконец оборвется.

Дети перестали играть и словно куклы замерли за роялем. Скрепп подошел к Николаю, Глаза его наполнились слезами, он взял руку юноши и поцеловал.

— Что происходит?.. — отшатнулся Николай

Никола подошел к Сергею Сергеевичу, взяв его за руку, и усадил за ближайшее кресло. Он обращался с ним как сиделка с немощным стариком.

— Дети перестали играть, потому что это лишь мое воображение. И ты и твоя жена все еще живете в настоящем мире. Твой учитель же воссоединился со мной, теперь он под моей опекой.

В памяти Николая вновь всплыли ужас и страх. Лед прокатился по его телу — Сергея Сергеевича больше нет, юноша осиротел окончательно. Николай подошел к Скреппу и упал к его ногам, схватившись за них и уткнувшись лицом. Хотелось рыдать, кричать от боли, но ему словно что-то мешало — тепло, исходившее от тела учителя. Он ощущал его.

— В этом есть только один виновник — тихо сказал Никола — это ты. Ты не принял меня в прошлый раз, ты дважды проиграл Чадаеву. Ты лишь готов жертвовать собой, но выхода тебе это не принесет, тем более победы. Ты теряешь своих близких...

— Но остаюсь быть верным своим принципам. Я поступлю так, как надо, а не как хочется.

Никола с раздражением пропустил это мимо ушей. Он протянул ему руку.

— Прими меня... освободи! И мы сокрушим всех, каждого. Мы отомстим всем, кто тебя предал, давай!

В голову вернулась боль, раздался протяжный, режущий уши, звон.

— Давай! — кричал Никола, смотря на него озлобленным взглядом.

Николай начал протягивать ладонь в ответ, они почти взялись за руки. Мир вокруг начал грохотать, все затряслось, рояль издал неприятный диссонанс. Никола начал улыбаться, тянуть руку к Николаю, но тот в последний момент почувствовал, как его за

плечо взял Скрепп. Он обернулся, Сергей Сергеевич красными от слез глазами лишь только отрицательно покачивал головой, и Николай сразу убрал руку.

Никола в гневе закричал не своим голосом, но голосом какого-то зверя.

— Ты глупец, Николай Владыч, ты еще пожалеешь о содеянном сейчас. Если ты не веришь мне, я покажу тебе последний ключ, запирающий меня. Открой седьмой свиток и подари мне свободу! Я буду ждать нашей последней встречи, жди ее очень скоро.

В ту же секунду мальчик словно испарился. За окном разыгралась буря. Ураган с грохотом, молниями прямо посреди черной пустыни. Свет начал тускнеть. Николай в последний раз повернулся к своему учителю.

— Что мне делать, профессор? — горечь подошла к его горлу, он словно задыхался.

— Тебе придется простить ее. Она не виновата. Вы все мои дети, вы ими и останетесь — он улыбнулся, голос его сильно слабел — Прости ее, не держи в себе плохие эмоции. Она не виновата...

Это были последние слова Скреппа. Старик словно растворился в воздухе, тепло его тут же пропало, а уже через минуту Николай почувствовал дневной свет. Он лежал в мягкой белоснежной кровати у кого-то дома.

Глава VI

Первый год третьей эры.

В маленьком деревенском домике было темно, свет падал только из крохотного окошка. Николай не сразу понял, где находится, он лишь ощутил тепло человеческих рук. Глаза плохо видели, все размыто. Любое движение тела вызывало режущую боль в груди. Юноша тяжело дышал, пот с его лица платком стирала женщина. Он, наконец, разглядел ее лицо, седые волосы и голубые глаза. Взгляд ледяной до ужаса, даже когда она заметила, что Николай открыл глаза, лицо ее не сделалось добрее.

— Лежи не шевелись, юноша — сказала она, намочив платок в тазике с водой — он очнулся

В комнате послышались шаги, и вскоре над Николаем появилась размытая фигура высокого человека. Он смог разглядеть только черную повязку на глаз.

— Владыка... Владыка это вы?

— Тихо, не напрягайся. Да это я.

Ту же секунду Николай почувствовал, как что-то теплое обволакивает сердце. Женщина приспустила одеяло и начала каким-то травяным раствором обрабатывать красный рубец на груди Николая. Боль не ощущалась, юноша лишь приподнял руку и Демиан взял ее.

— Я... я — он тут же сделал усилие, чтобы встать, но резкая боль вернула его обратно

— Тихо, тихо — шептала женщина — будешь так дергаться, снова потеряешь сознание

Владыка крепко сжал руку юноши. Николай посмотрел на него, лицо прояснилось. Демиан поседел окончательно, обзавелся щетиной и неопрятными усами, единственный глаз его был красный, словно больной.

— Владыка... простите ее... это я во всем виноват... не трогайте ее... — шептал юноша, словно в бреду.

Демиан не отвечал. Женщина закончила обработку раны

— Тебе повезло, молодой человек, рана находится чуть ниже сердца. Еще бы чуть-чуть и тебя бы было уже не спасти.

Она ушла в другую комнату. Николай глазами стал исследовать помещение. Бревенчатые темные стены, которые ни чем не украшены, кроме разве что орудий труда или подков. Почерневший камин, сено по всему полу и только глиняная посуда.

— Что случилось? Долго я так пролежал?

Владыка покачал головой

— Больше недели. Тебя вытащил Зак. Тебя и еще пятнадцать человек. Ему некуда было бежать, и он вернулся в свою деревню. Мы сейчас дома у его матери.

— Так он выжил? — Николай снова попытался встать, но его снова остановила боль — я хочу видеть его... Владыка, пожалуйста

— Его нет. Он уехал на Зельевские холмы. Сказал, что хочет похоронить тела учителя и супруги здесь.

Николай откинул голову на подушку и закрыл глаза, словно пытаясь проснуться. Он лежал так молча несколько минут.

— Как вы нашли нас? Что происходит вообще?

Владыка вздохнул.

— Сразу после вашего ухода на север в Централе начались беспорядки. Чадаева не было на Зельевских холмах. Он остался в столице и руководил бунтом... Пока вы бились с его людьми, он захватил власть. Люди поддержали его всецело. Те, кто на следующее утро вспомнили про свой долг, были задавлены толпой. Я больше не знаю что там в столице, говорят, что кто-то организовал античадаевское подполье, но шансов у них нет. Свитки я увез с собой той ночью, они здесь.

— Сколько спаслось?

— Из золотых людей уцелело не больше ста человек. Новый император объявил Золотое Общество вне закона, отменил все старые нормы. Всех уцелевших начали ловить, арестовали даже детей... им рубят головы на штабной площади — Владыка закрыл глаза, голос его сбивался и дрожал — это я виноват...

Николай не верил ушам. Даже детей придавали казни. Что теперь делать? Вечно прятаться?

— Это не все. Свитки что я забрал... Не знаю, почему это случилось... в общем — он достал из кармана фотографию и передал ее. Она была сделана наспех, на ней был свиток с горящим именем. — Это седьмой свиток, в тот день он загорелся твоим именем.

На фотографии свитка с номером «VII» на ручках стержня, золотая бумага горела надписью Никола Владыч.

Теперь Николай поднялся с кровати, проглатывая боль. Демиан силой уложил его обратно.

— Как!?! Это невозможно!

— Да, невозможно. Но истина такова.

Николай еще раз посмотрел на фото. Он долго молчал, но потом шепотом вымолвил

— Почему сейчас... мне ведь даже не у кого спросить совета

Он закрыл глаза и постарался отстраниться.

— У нас нет сил и времени на церемонии — Демиан подошел к неприметному сундуку и достал из него свиток — все семь свитков теперь переходят под твое распоряжение, они здесь. Открой седьмой когда сочтешь нужным, я не тороплю тебя. Поправляйся.

Владыка вышел из комнаты. Николай еще раз посмотрел на фотографию. Для него теперь было не важно, что хранит седьмой свиток. За все время, проведенное в Веридасе, его совершенно не волновали свитки, он был здесь по другим причинам, с целью не столь благородной, не столь истинной и подобающей настоящему золотому человеку, с опасной жаждой крови. Но теперь именно ему почему-то открылся последний ключ. Ключ, который может свести с ума, поэтому даже то небольшое любопытство, что появилось в нем перед седьмым свитком, полностью гасилось страхом его содержания.

До начала октября все проходило не меняясь. Николай потихоньку поправлялся, вскоре смог встать с кровати. Пришлось расстаться с формой Золотого Общества, точно как и с косичкой. Теперь юношу нельзя было отличить от остальных, на него больше никто не оборачивался, никто не сторонился. Он снова стал равным. Зак все еще не вернулся, и это начинало беспокоить. Деревня, в которой Николай нашел пристанище, находилась далеко на востоке от Централа. Она была окружена множеством смешанных лесов, большинство деревьев уже пожелтели. Каждое утро Николай прогуливался по грунтовым дорогам, выходил в лес и шел к небольшому холму. Там был обрыв, с которого открывался осенний

лес, уходящий далеко за горизонт. С собой он всегда носил свиток, но рука к нему не тянулась. Здесь в одиночестве он мог просидеть до самого вечера. И больше ничего не хотелось делать, ничего не хотелось менять. Он не думал о Насте, не думал о Сергее Сергеевиче, не думал о Чадаеве. От этого была одна только боль. Он устал, и теперь словно назло самому себе мучился бездельем. Но с каждым таким днем свиток словно становился частью его, он манил его. Страх стал остывать. Сначала он взял его в руки, потом долго не отрывал глаз от своего горящего имени. Скрепп часто рассказывал о церемонии Чадаева первого июля. Дмитрий продержал его открытым несколько секунд. А потом последовало разочарование. Могло ли это значить, что в свитке вовсе не указан последний ключ к Истине? Значит, все ученые Золотого Общества за многие века впадали в заблуждение. Николай поводит по надписи ладонью.

Только сейчас он осознал, что ему не хватает опоры. Он словно падает в пропасть. Он вспомнил Скреппа, но в голову почему-то полезли только плохие мысли. Моменты его пререканий, вечных споров. Юноша никак не мог найти приятное, хорошее, теплое воспоминание. Скрепп для него всегда был высоченной каменной стеной, постоянно ограничивающей, спасающей от самого себя. Берег ли он его от чего-то, или просто хранил как воспоминание о Драгане.

На небе простиралось волнистое поле из облаков, солнечного света не было, только холодный ветер.

— Это не должен быть я — он заговорил со свитком — почему это я. Из-за тебя теперь чувствую себя не на своем месте. Почему сейчас?.. Хотел бы я знать, профессор — он закрыл глаза — Знаете, Сергей Сергеевич, мне легче осознавать, что вы рядом, все еще контролируете меня. Вы ведь рядом? Даже сейчас?

Он замолчал и несколько минут в самом деле будто бы ждал ответа. Но ответа не последовало. Ветер продолжал создавать шум от листвы леса. Редкие капли воды стали падать на черную землю.

Николай крепко взял свиток в обе руки и начал открывать. Страх никуда не ушел, он даже закрыл глаза. Юноша прекрасно осознавал, что этот свиток открывается третий раз в истории.

Бумага поддавалась хуже, чем обычно у остальных свитков, но с тем же звуком шуршащей и поскрипывающей о деревянную ось ткани.

Раскрыв свиток до конца, Николай открыл глаза и увидел, как с позолоченной бумаги на него смотрит черное око. Зрачок был немного прикрыт верхним веком и смотрел точно в глаза Николая. Это вселило в него неопиcуемый ужас, и юноша с криком откинул от себя свиток. Тот сразу же захлопнулся. Николай тяжело дышал, перед ним до сих пор стояла чернота ока, словно кто-то всевышний смотрел на него через свиток. Вокруг ока крутилась какая-то надпись. Это все, что там было.

Николай дотянулся до свитка и дрожащей рукой снова начал его открывать. Сердце юноши бешено колотилось. Позолоченная бумага снова была развернута. Веки ока раскрылись, как только Николай посмотрел на них. Черный зрачок снова начал оценивать юношу. Но Николай сдержал себя. Он посмотрел на надпись. Она медленно крутилась вокруг ока. Староверидасский язык, но слова знакомые. Сложно было переводить под пристальным взглядом свитка, но к этому потихоньку можно было привыкнуть. Николай перевел надпись.

— Из множества единый, вечный Абсолют.

Он положил свиток на колени и уставился в него каменным взглядом, чего то ожидая. На бумагу падали дождевые капли и, не впитываясь, стекали вниз. Вспомнились слова Чадаева о седьмом свитке, он понял, зачем нужны пустые круги, свиток лишь часть пути. Юноша улыбнулся.

— Конечно... ты оставил мне слишком много подсказок, чтобы я смог разгадать это один. В свитках не сказано о ключе к Истине... свитки и есть сам ключ. Они связаны между собой.

Николай закрыл свиток, поднялся и быстрым шагом побежал обратно домой.

Здесь, не отвечая не на какие вопросы матери Зака, он подошел к широкому столу и принялся его расчищать.

— Круги, вот в чем решение.

Он достал из сундука остальные шесть свитков и открыл их все. Больше часа он ходил между ними, глаза судорожно бегали от одного шифра к другому. С каждым свитком схема становилась все сложнее и сложнее. Буквы вращаются по кольцам с разной скоростью и направлением. Око из седьмого свитка пристально смотрело, как юноша расхаживает по комнате. Николай остановился и начал говорить вслух.

— Выходит... да. Пустые круги это места для соединения между свитками... из множества единый. Но что тогда значит вечный Абсолют? Что получится на выходе? Первый свиток соединяется со вторым, это объяснит природу человеческого сознания и эмоций. Второй соединиться с третьим, это покажет как душа связана с материей. Третий с четвертым... хм, вероятнее всего это полностью раскроет законы человеческого естества, его подсознание. Четвертый соединиться с пятым и раскроет природу жизни. Пятый ляжет на шестой и раскроет собой предел, целую и абсолютную библиотеку законов естества. Это и будет Истиной. Но для чего тогда седьмой свиток?.. Глаз, что изображен на нем... неужели это...

Николай остолбенел. Он посмотрел на око. Оно как-то прищурилось, словно со злой шуткой смотрела на юношу.

— Этот глаз... символ человека. Он и есть Абсолют. Тот, кто открыл седьмой свиток, встает на ступень выше самой Истины. Он становится Богом и силой мысли сможет менять закон под себя. Создавать миры, воскрешать мертвых... Он заменит собой Истину, если только сможет соединить остальные шесть свитков.

Николай тут же бросился перечерчивать в пустые круги свитки по порядку. Он чертил их до самого вечера, но не смог соединить даже первый и второй. Обессилив, он с раздражением смял и изорвал в клочья все свои чертежи. Ничего не получалось.

— Это не соединить так просто. Схема вращается, как и весь рисунок... он меняется. Но должна же быть закономерность, я должен найти тут правило, алгоритм соединения.

— Работаешь?

Николая прервал Демиан. Он принес ему тарелку с горячим супом, в комнате сразу же запахло грибами. Старик вошел тихо, Николай не заметил его, продолжая говорить сам с собой.

— Да...

— Вид у тебя утомленный.

Юноша был весь мокрый от пота, взъерошенные волосы, учащенное дыхание.

— Владыка, я...

Демьян приподнял руку, остановив его, и присел за стол. Седьмой свиток тут же с

громким хлопком сам по себе закрылся, даже чуть-чуть подпрыгнув.

— Ты, наконец, открыл его. Я уже начал беспокоиться, что ты никогда не решишься. На, ешь. — Он передал Николаю тарелку, тот действительно был рад теплой еде, тут же принявшись за нее. — Знаешь, я не мог не прийти. Когда-то давно Дмитрий Чадаев перед открытием седьмого свитка сам себе места не находил. Он даже снова сблизился со мной, просил совета. Он сказал, что его часто преследуют галлюцинации. Было достаточно лишь упоминания имени его жены Кэтрин, как он впадал в прострацию. Он говорил, что мир перед ним меркнет, и он оказывается в черном месте, совсем без света. И там с ним говорило существо. Он говорил, что существо было тем же Чадаевым, но моложе, гораздо моложе. Он говорил сам с собой и после этих разговоров злее смотрел на остальных. Только лишь однажды он рассказал мне об этом... и то, к концу диалога я понял, что он пожалел.

— Вы сказали галлюцинации?.. Он попадал в черный мир?

— Тебе это знакомо?

Николай поставил на стол пустую тарелку.

— Да, кажется, у меня было что-то подобное.

Владыка посмотрел на него оценивающе.

— Вот как... в вас действительно много похожего. У обоих составляющая разрушения, оба достигли последнего уровня и... вы оба мстите — он сделал паузу, заметив как Николай сжал кулак — да, да, мальчик мой, Скрепп говорил мне о твоих планах на Чадаева. Я не сужу тебя, просто вы действительно имеете много общего. Только вот его синий огонь не вызван желанием мести... Он и в самом деле хочет изменить мир, в самом деле верит, что у него получится.

— Получится. — тихо заключил Николай — Я кое что выяснил о свитках. Если я прав, то у него все шансы.

— Сейчас я беспокоюсь за тебя, ты все еще живешь мстью, в руке у тебя горит огонь. Я не хочу повторять слова Скреппа, ты просто будь осторожнее, ладно?

Николай сжал кулак еще сильнее, убрав руки под стол.

— Владыка, так что вы посоветовали Чадаеву?.. что это за видения?

Демиан покачал головой

— Я не знаю... я говорил об этом с большинством профессоров Отдела Исследований, никто не знает. Мне лишь оставалось предложить ему старую тренировку, запрещенную еще в шестнадцатом веке из-за опасности. В одиночку подняться на Лежачий пик в Архел.

— Что?

— Да, фактически, это означало повторить путь Алекса Веридаса. Он конечно же согласился и всю первую половину 1905 года пробыл там. Я слышал, что он поднимался туда и второй раз, уже после чтения седьмого свитка.

Николай не сразу ответил. Он взглядом обошел все свитки, разложенные в комнате.

— Вы хотите, чтобы я поднялся туда?

Он поднялся со стула и направился к выходу, но перед самой дверью остановился и посмотрел на юношу.

— Я лишь говорю, где находятся ответы на вопросы. Тебе решать.

Николай сидел, не шевелясь, о чем-то думая.

— Я пойду туда. Пойду в Архел в одиночку, пожалуйста, заберите свитки.

Дмитрий кивнул и вышел из комнаты. Николай, наконец, расслабил руку, еще немного и она бы вспыхнула.

Сон никак не приходил. Глаза Николая были закрыты, он давно не спал, но шум и теснота мешали. Он видел перед собой лишь темноту опущенных век, слышал стук колес. Впервые он открыл для себя иную сторону поездов — не в купе с кроватями, столами и тишиной. В этот раз он ехал в общем вагоне, где рядами друг против друга стояли длинные скамьи. Много людей, все в черных, грязных пальто из дешевой замши. Некоторые общались между собой, кто-то со страшным взглядом озирался на людей.

Поезд шел тихо, за окном уже было темно, ничего не видно. Николай одиноко сидел в самом конце вагона и смотрел то на людей, то на очертания елового леса, сквозь который поезд пробирался на север. Никто не обращал внимания на юношу, ведь на нем больше не было золотой косички, и он ехал в простом сером пальто.

Опасно было проделывать все в одиночку, но выхода не было — это единственная дорога к горам Архела, территория уже подконтрольная Ордену. Николай сам видел два городка, где они проезжали, там повсюду были красные флаги с золотой октаграммой.

Много мыслей лезло в голову, поэтому сон так и не пришел.

До маленького городка Лайна оставалось чуть больше двух часов. Поезд вдруг резко начал останавливаться. Люди в вагонах заворошились. Николай посмотрел в окно. Кромешная тьма, они точно находились где-то в лесу. Впереди, у самого локомотива, был источник света. Поезд встал окончательно. Люди поднимались со своих мест, спрашивали друг у друга, почему мы стоим.

Через минуту последовал толчок, состав вновь двинулся в путь, медленно набирая скорость. Вагон, в котором находился Николай, проехал мимо причины остановки. Это была автомобильная дорога, пересекавшая железную. С обеих сторон от шлагбаума стояло несколько черных машин с белыми полосками. Рядом находились люди в черных кителях и пилотках. Это полиция.

Николай быстро встал со своего места и начал запихивать вещи в маленький рюкзак. Тут же у переднего выхода в вагон послышался шум. Двери открылись, и внутрь вошло несколько человек в черной полицейской форме. Самый первый из них — низкорослый парень со светлыми волосами — остановился и начал рассматривать пассажиров. Люди с недоумением смотрели на него.

— Инквизиционный отдел, оставайтесь на местах! — выкрикнул он и тут же его подчиненный развернул большой плакат людям. Это был до дыр заученный каждый лист с разыскиваемыми членами Золотого Общества. Словно издевка, на них были изображены и уже ликвидированные золотые люди. Портрет Николая в белом кителе с золотой косичкой находился в первом ряду на самом первом месте.

— Сядьте и не двигайтесь! — крикнул другой полицейский

Люди медленно начали рассаживаться. Николай же, стараясь не привлекать лишнего внимания, медленно направился к ближайшему выходу. Только он открыл дверь, как на проходе тут же оказалась другая группа людей в черной форме. Два высоченных мужика одинакового лица, пилотки на их головах смотрелись как детские шапочки. Николай замер.

— Куда... — проревел басом один из них — обратно давай

Николай сделал два шага назад и почувствовал, что за его спиной уже кто-то стоит. На шее он ощутил что-то холодное, это был револьвер.

— Обернись, — скомандовал голос за спиной.

В вагоне воцарилась мертвая тишина, только стук колес и легкое покачивание. Юноша чувствовал на себе все испуганные взгляды людей. Сердце бешено колотилось в ушах. Медленными полушагами он развернулся. Перед ним стоял светловолосый парень.

— Николай Владыч, это так?

Николай ничего не ответил, лишь приподнял руки на уровень лица, видя перед собой оружие. Другие полицейские были более спокойны, никто из них даже не брался за кобуру. Они продолжали осматривать пассажиров.

Двое громил, что стояли позади, скрутили Николаю руки, он даже не пытался вырваться.

— Арестуем его, лейтенант? — спросил один из них у светловолосого парня.

— Нет — тот взвел курок и приставил револьвер к голове Николая, — приказ Ордена, казнить золотых людей на месте...

Николай не дал договорить. Пока его держали за руки сзади, он подпрыгнул и ударил двумя ногами лейтенанта. Тот повалился на остальных полицейских и сделал выстрел. Пуля разбила окно. Вагон сразу закатился криком. Николай высвободил руку и дал локтем в живот одному из державших его полицейских. Второго он попытался ударить кулаком, но тот схватил его и своей головой ударил по лицу. Юноша от силы удара перевалился через скамью и упал. Нос сильно болел, во рту был привкус крови.

— Стреляйте! Стреляйте, идиоты!

Николай поднял рукав своего пальто и тут же отправил сгусток огня в первого полицейского с пистолетом, готового выпустить пулю. Огонь поджог ему руки и человек закричал не своим голосом. Другие стали тушить пламя. Николай перескочил через скамью и пустил огонь в ударившего его полицейского. У него вспыхнула грудь, и он, вопя, повалился на пол. Юноша перепрыгнул через тело и выбежал из вагона. Пуля свистнула прямо над правым ухом. Николай забежал в другой вагон, ему только и оставалось, что спрыгнуть с поезда. Добежав до последнего вагона, он обернулся. Погони не было, видимо огонь усмирил их пыл.

Поезд резко дернулся — кто-то нажал стоп-кран. Пассажиры в вагонах широченными глазами смотрели на окровавленный рот Николая. Женщины прятали плачущих детей. Мужчины сжимали кулаки, еще немного и они перегородят ему выход.

Он вышел на край поезда. На улице было темно, только полная луна отражала свет на железную дорогу. Поезд практически встал и Николай без труда спрыгнул вниз.

Кроме как в лес бежать было некуда.

— Зараза...

Николай устал, его сапоги вязли в грязи — недавно прошел дождь. Он перепрыгивал через поваленные деревья и глазами искал хоть какое-нибудь место, где можно было бы притаиться. Позади слышны голоса, лучи света то и дело пробирались сквозь еловые ветви, освещая Николаю дорогу.

Шум воды. Он услышал течение реки, и через мгновение она перекрыла его путь. Николай остановился, чтобы отдышаться и посмотрел вдоль берега слева и справа. Никаких мостов, ничего, что позволило бы ему перебраться. Крики усиливались. Надыхавшись вдоволь, Николай с большим сомнением все же решился. Он снял с себя пальто, чтобы от воды оно не потянуло его вниз. Скинул рюкзак.

Ночную тишь леса нарушили всплески воды. Николай быстро зашел в ледяную реку,

плыть до противоположного берега было меньше минуты, но даже за это время юноша натерпелся. В холодной воде он даже сквозь одежду чувствовал, как его касаются водоросли. Черная вода, черный берег и черные ели. По поверхности реки уже начали гулять круги света от фонарей. На берегу полтора десятка полицейских жадно всматривались в гладь воды.

Николай старался не создавать лишнего шума, выкарабкался на берег и полуприседом побежал в лес. Теперь его уже вряд ли достигнут. Он остановился, прислонившись спиной к широкому стволу, и медленно сполз по нему до земли. Вся еда осталась в рюкзаке, одежда намокла. На таком холоде, когда изо рта выходит пар, он замерзнет быстрее, чем успеет найти выход.

Первым делом он снял с себя сапоги и всю другую одежду, оставшись нагим. Кожа сразу покрылась мурашками, конечности периодически дергало судорогой. Николай походил по округе и насобирал веток, затем, сложив их в кучу, он выплеснул на них огонь. Река была далеко, но оставалось только надеяться, что костер не заметят. Пламя давало тепло. Когда оно стихло, Николай развесил на длинных палках одежду. Штаны в итоге прогорели в нескольких местах, но остальная одежда была высушена. Николай оделся и подкинул еще дров, костер вспыхнул с новой силой. Юноша согревался, он посмотрел вверх. Ели устремлялись ввысь к светлеющему небу — оно было уже не черное, а приобретало синеву. Звезды постепенно исчезали. Николай вдохнул полной грудью. Одежда насквозь пропахла дымом.

— Еще не добрался до Архела, но уже встрял.

Засыпав кострище землей, он побрел на север. Спустя примерно час ходьбы, перед ним снова встала река, но на сей раз здесь был хиленький мостик, по которому с трудом можно было перелезть даже одному человеку. От мостика шла тропа, и Николай сразу понял, что где-то поблизости может жить человек, а может и целая деревня. На севере, особенно в предгорьях Архела, было не так много селений, поэтому Николай был практически уверен, что тропа выведет его в Лайну. Долгих шесть часов понадобилось ему, чтобы, наконец, выйти из леса. Перед ним сразу же открылась широкая панорама. На дальнем плане бесконечные горы, а перед ними поля, покрытые северными цветами. Беспорядочно стоявшие стога сена и мелкие полоски дыма. Где-то там, вдали находился городок. Это прибавило сил, хоть о себе давал знать голод, тело продолжало дрожать от холода.

До поселения он добрался только в полдень. Сильно хотелось спать, поэтому, не обращая ни на кого внимания, юноша пробрался в первый попавшийся двор с одноэтажным домом, зашел в хлев и лег в солому. Он упал ничего не почувствовав и проспал несколько часов, пока его не расшевелили.

Николай открыл глаза и увидел перед собой мужчину. Толстый человек с широким лицом, от него сильно пахло копченым мясом.

— Эй!.. поднимайся — пробасил он, и Николай быстро встал на ноги, смотрев по сторонам, нет ли еще кого поблизости.

— Милорд, я...

— Ты че, думаешь, напился и можешь вламываться?! — он говорил негромко, но напирал тоном и грудью.

— Постойте... секундочку! Я трезв, я просто сильно устал с дороги... — Николай схватился за голову — где я?

— Если ты про город, то ты в Лайне, у меня в хлеву на заднем дворе. Мужчина сделал шаг назад и осмотрел Николая сверху вниз. Фиолетовые от холода губы, дрожащее тело —

юноша вот-вот мог свалиться.

— С дороги говоришь? Откуда же ты шел и где твои вещи?.. из столицы, небось?

Николай с опаской посмотрел на него и кивнул. Мужчина еще раз взглянул на него, потом мотнул головой в сторону дома.

— Я знаю кто ты. Постучался бы сразу. Проходи скорее, только тихо не разбуди детей.

Они вышли из хлева. На улице была ночь, все тот же холод. Темнота царила на безмятежных дорогах города, и даже не единого звука не исходило с округи.

Николай вошел в дом. Здесь было тепло и даже немного душно. В центральной комнате стоял большой котел черного цвета. Юноша почувствовал руку на своем плече, его повели как раз к этому котлу и усадили рядом. Мужчина оставил Николая в одиночестве ненадолго, ушел в другую комнату, и вскоре оттуда запахло шипящим маслом. Николай стал постепенно отогреваться. Вся комната была устелена шерстяными коврами, даже стены. Света очень мало, лишь от лампы и печи.

Мужчина скоро вернулся со сковородой в руках. Он поставил ее на металлическую подставку рядом с Николаем. Запах жареных яиц и бекона тут же захватил юношу. Мужчина дал ему вилку и сел рядом.

— Не знаю, что сказать... как мне вас отблагодарить?

Мужчина молчал, смотря, как Николай неуверенно положил первый кусочек себе в рот. Горячая еда, словно острое ножа пронзила его, вернув к жизни.

— Заткнись и прожевывай — ответил, наконец, хозяин, почесывая щетину на своем толстом подбородке — меня Льюи звать.

Николай быстро прожевал еду и навал свое имя.

— Да, да. Я знаю — покачал головой Льюи, — по всей Лайне висят плакаты оставшихся золотых людей.

Николай стал жевать медленнее, подняв глаза на него. Льюи разглядывал лицо юноши и поджимал губы.

— Остынь, — качнул он рукой — пиво будешь?

— Мне нельзя

— А мед? Мед тебе можно?

— Мед можно, — кивнул Николай

Льюи медленно поднялся и пошел в соседнюю комнату, вскоре вернувшись с бутылкой светло-оранжевого содержимого. Он разлил мед в две деревянные кружки и тоже принялся пить.

— Почему вы мне помогаете? Раз уж знаете кто я...

Мужчина сделал глоток, не отрывая взгляд от Николая.

— Потому что я знаю, что золотые люди не преступники. Новая власть конечно хороша, уж точно лучше старой. — Николай поперхнулся, но старался не показать виду. Льюи продолжил. — Но после того, как они отменили старые законы, сделали все дозволенным... мне становится боязно за молодежь нашу. Они сейчас нажрут всякого дерьма, хапнут свободы и кто его знает, что из них вырастет. Раньше хотя бы какая-то защита была, хоть какая-то уверенность, сейчас все на самотек пущено. Доел?

Николай положил вилку на пустую сковороду.

— Еще будешь?

— Спасибо за ужин — склонил голову Николай и отказался

— Что ж, Николай. Я не могу дать тебе приют. Если об этом узнает жена, она точно

взболтнет кому лишнему. Советую тебе ехать на юг, слышал, там сопротивление организуют.

— Мне нужно в Архел

Льюи несколько секунд молча и озадаченно смотрел на него.

— В горы?

— Да

Мужчина усмехнулся.

— Ты что, малыш, меда перепил? Какие горы, что ты там забыл?

Николай не знал, что ему ответить. Он и сам толком не понимал, зачем и куда идет.

— Я... я хочу найти ответы.

Льюи вздохнул и с трудом поднялся на ноги. Он подошел к печи и кинул туда две головешки. Огонь взвился с новой силой, в комнате даже стало немного светлее.

— Оболтус, посмотри на себя. Какие тебе горы.

Николай невольно опустил глаза и посмотрел на дырявые штаны, взбухшие от сырости, порванную рубашку.

— У тебя есть деньги?

— Нет, милорд

— Я не милорд... в таком случае в Архел тебе путь заказан.

Николай не знал, что делать. Льюи кочергой расшевеливал угли. Потом тихо вздохнул.

— Ладно, мне зачтется... — сказал он, немного подумав — я помогу тебе. В сове время один золотой человек помог мне... можно сказать спас. Так что я помогу тебе и мы квиты.

Николай непонятливо посмотрел на него.

— Возьми мое старое пальто. Оно будет великовато для тебя, зато в нем точно не замерзнешь. Я дам тебе вон тот мешок — он показал на мешок, что стоял у входной двери — все равно на охоту больше не выберусь... наверное.

Льюи встал и ушел на кухню, вернувшись с небольшим бумажным свертком, размером с кирпич

— Здесь килограмм вяленого, сам делал.

— Но мне даже нечем расплатится...

Льюи сунул сверток в руки юноши

— Считай, что удача на твоей стороне. Заснул бы во дворе другого местного, утром бы беседовал с полицией Ордена.

Николай поднялся на ноги. Льюи продолжал ходить по комнате и собирать вещи. Черное длинно пальто с меховым воротом, он не поскупился даже на шапку.

— Могу я узнать имя того золотого человека?

Льюи покачал головой, кладя флягу в мешок.

— Он не представился. Это было-то лет десять... или даже уж пятнадцать назад. Он был здоровым таким, крепким. Все, что я о нем знаю, это то, что он, как и ты сейчас, шел в Архел. Да, вроде все.

Николай застыл, слушая последние слова Льюи. Тот протянул ему мешок и похлопал по плечу.

— Все, долг платежом красен. Если знаешь того золотого человека, если он выжил, передай ему привет. Скажи, что лекарство, что он дал Саше помогло. Передашь?

— Вашего золотого человека — проговорил монотонно Николай — зовут Дмитрий Чадаев. Он глава Ордена.

Льюи изменился в лице. Глаза его стали необычно большими, на лбу проступил пот. Он

сделал шаг назад и отстраненно посмотрел куда-то в сторону.

— Уходи отсюда перед рассветом. И смотри на глаза никому не попадись. Если застукают в моей одежде... — он схватил юношу за плечо и повел к выходу — нет... иди сейчас, сейчас же!

Николай буквально вылетел с порога. Дверь за ним громко захлопнулась.

Николай шел вперед в сторону гор уже несколько часов. Без карты, без всякого намеченного пути, он только и смотрел на вершины. Сомнений в голове было настолько много, что он попросту перестал их слушать.

Архел со своими горами, плоскогорьями и предгорьями занимал добрые две трети территории Веридаса. Колыбель культуры, цивилизации, ныне вся эта местность была дика и безлюдна. К концу первого дня Николай уже шагал по каменистой почве, мелкому грунту. Он делал частые перерывы, старался есть мало, чтобы растянуть килограмм мяса. Ночевать приходилось где попало, чаще всего самым главным было укрыться от ветра. Собирая мелкий хворост, юноша обеспечивал себе несколько минут тепла, а ночью то и дело приходилось вскакивать от малейшего шороха. Хотя он ушел не так далеко от деревень предгорий, хищных зверей было достаточно. Еще одной проблемой была вода. Уже третий день фляга была пуста и Николай жил только растопкой снега. От вяленого мяса сильно хотелось пить. Путь все усложнялся. Теперь все вокруг было усеяно только крупными булыжниками. Некоторые из них были настолько огромные, что по ним приходилось карабкаться. Во рту было настолько сухо, что когда Николай дышал, его было слышно издали. Теперь он с трудом передвигался лишь с помощью длинной, в человеческий рост, деревянной палки. За день он стал проходить менее десятой части того, что проходил поначалу.

На пятый день Николай решил остановиться и поискать в округе воду. Сил хватало только на то, чтобы просто стоять. Он осмотрелся вокруг. На фоне светло-серого неба шли темные, похожие на дым, облака. Вокруг одни лишь камни и редкие кустики. Только ветер. Николай, опираясь на палку, стал продвигаться вперед. Вскоре он вышел к небольшому склону, а сразу за ним был резкий обрыв. У самого его края находился полумертвый дуб. Высокое дерево, в некоторых местах еще остались желтые листья. Прямо под ним была маленькая каменная кладь.

— Ну, если это не колодец...

Николай поковылял к дубу. Он упал на колени перед каменной кладкой. Это действительно был колодец, но юноше нечем было достать из него воду. Он упал на спину рядом с дубом и стал смотреть, как покачиваются черные ветки на фоне серости неба.

О смерти он больше не размышлял, думал лишь о том, кто найдет его тело. Он не считал время и лежал. Конечности начинали неметь, но юноша все еще не шевелился. Глаза закрывались.

На мгновение он ощутил на своей груди боль. Перед ним стояла Анастасия. Она смотрела на него своим красным взглядом со строгостью. Ногой она давила ему прямо на сердце и улыбалась. Небо в ту же секунду почернело и была видна лишь рубиновая краснота зрачков девушки. Старая рана под сердцем брызнула кровью, Николай закричал.

Крик все закончил.

Николай открыл глаза. В Археле была глубокая ночь. Николай понял, что отключился, лежа на холодных камнях, спина сильно болела. Все еще хотелось пить. Дурной сон оставил соответствующее настроение... как давно ему не снились кошмары.

Небо заволочло дождевыми тучами, сначала редкие капли, потом начался целый ливень. Шум воды, бьющуюся о камни заглушал все остальное. Николай открыл рот и жадно стал заглатывать каждую капельку, не обращая внимания на мокнущую одежду. Он еле-еле дотянулся до сумки, чтобы поставить открытую флягу под небо. Бой воды усиливался.

Пока фляга наполнялась, Николай отправился искать место укрытия от дождя. Долго искать не пришлось — рядом со склоном было множество пещер, маленьких и больших.

Дождь шел всю ночь. Утром Николай доел последний кусочек оставшегося у него мяса. Фляга с водой была наполнена. Закрыв ее и убрав в сумку, Николай подошел ближе к краю скалы. Только сейчас он заметил, что к ветке дуба была привязана веревка. Сильно натянутая, она немного покачивалась. Николай глянул вниз. На другом конце веревки за ноги был привязан человек. Он висел вниз головой и не шевелился. Весь в рванье, однако, цвет кожи еще бежевый.

— Эй! Эй вы там! — окрикнул его Николай, но ответа не последовало. Либо человек не слышал его из-за расстояния, либо уже просто не мог слышать. Николай окрикнул его еще несколько раз, но ничего не произошло. Он стоял на краю скалы, думая что делать. Еды больше нет, воды хватит только на три дня. Он развернулся и медленно побрел прочь. Делая несколько шагов, юноша то и дело оборачивался.

— Мертв ведь, я уверен... — убеждал Николай сам себя и шел дальше.

Даже если не мертв, если спасти его, он обязательно увяжется за Николаем. С другой стороны, он может что-то знать про Архел. Николай вздохнул, развернулся и пошел к дереву. В любом случае, так оставлять его нельзя — он принял решение и полез на ветку, к которой была привязана веревка. Ветка свисала прямо над громадным обрывом, свалиться вниз было бы не смертельно, но сломанная конечность была гарантирована, а это и означало конец.

Собрав остатки сил, Николай начал поднимать человека. Тот не издавал даже стонов, что наводило юношу лишь на один итог. Наконец, он достал его и кое-как смог положить рядом с дубом. Тело человека было холодным, но когда Николай приложил ухо к его груди, то все же услышал сердцебиение. Все что он мог дать, это вода. Человек открыл глаза и посмотрел в лицо Николаю, затем повернул голову в сторону обрыва.

— Ты?.. Это ты меня вытянул?.. Кто ты?

— Николай Владыч. Да, я вытянул.

Он передал человеку флягу с водой и тот сделал еще несколько глотков.

— Береги воду, кто знает, когда следующий дождь — остановил его Николай

— Спасибо, — он утер губы. — Мое имя Яджо.

Николай еще раз осмотрел мужчину. Ему было за пятьдесят, но он еще не выглядел старцем. Лишь легкая седина проглядывалась на его длинных спутавшихся волосах и бороде. Он был весь тощий, невысокого роста. Из одежды только балахон из плетеной ткани, как для мешков под картофель. Николай даже задумался, не сбежал ли Яджо откуда.

— Ладно, Яджо, давай сообразим, что по еде, и будем думать дальше.

Николай поднял его и отвел в ту пещеру, где переночевал. Весь день он ходил вдоль длинного обрыва в поисках еды, спустился по скале вниз. Ничего больше трех яиц найти не удалось.

Когда Николай вернулся, Яджо уже развел огонь на старом кострище. Прodelав

небольшие дырочки в яйцах, они запекли их на тлеющих углях. Есть все еще хотелось, но продолжать путь было поздно — солнце давно зашло за горизонт.

— Можно нескромный вопрос? — сказал Николай, глядя на молчащего спутника — кто тебя так подвесил?

Яджо вздохнул, растирая замерзшие голые ноги у костра.

— Мы зовем их стервятниками. Местные хозяева. Это они так развлекаются. А ты кто? Что делаешь в Археле?

— Иду к Лежачему пику. Ты знаешь дорогу туда?

— Далеко — безучастно ответил Яджо — он настолько далеко в горах, что никто не знает дорогу туда... Если ты ищешь это место, ты из Золотого Общества?

Николай покачал головой. Яджо как-то странно усмехнулся, словно с надменностью, но юноша не придавал этому значения. С ужином было покончено.

Перед тем как окончательно стемнело, они вдвоем еще раз обошли округу, собрав дров на ночь, чтобы не замерзнуть.

— Как ты сюда попал? — спросил Николай между делом

— Архел мой дом. Я живу здесь уже несколько лет.

— Значит раньше ты жил в Веридасе?

— Да, я из Централа

Николай немного погодя спросил.

— Зачем же ты уехал?

— Есть причина...

Николай непонимающе посмотрел на него, но Яджо не стал отвечать на вопросы, лишь добавил:

— Я могу помочь тебе. К северу в трех днях пути отсюда есть деревня. Она хорошо спрятана.

— Деревня? Здесь в горах?

Яджо кивнул

— Про нас мало кто знает. Можешь отдохнуть там, пополнить припасы

Николай встрепнулся.

— Конечно! Конечно, спасибо!

Новость о возможности сделать передышку воодушевила его.

Идти со спутником было немного легче. Не в физическом плане, но в моральном. Да, приходилось делиться едой и водой, однако время короталось куда быстрее. Через три дня они достигли деревни, про которую говорил Яджо. К этому времени значительно похолодало, камни покрылись снегом. В горах началась зима. Деревня располагалась на пригорке, окруженном прямыми скалами. В них было полным полно ущелий, откуда дул сильный ветер. Здесь была земляная почва, и у каждого дома, коих в деревне стояло чуть более десятка, имелся огород. Рядом располагался сад зимней вишни, в котором трудились несколько человек. Всюду росли рябины и облепихи, можжевельник. По воздуху гуляли звуки свирели и еще какой-то дудочки, совсем незамысловатый мотив.

Яджо и Николай шли по одной из улочек. С двух сторон стоял невысокий забор. Люди, замечая Николая, отвлекались от своих дел, но как только их взгляд падал на идущего рядом Яджо, они словно успокаивались.

— Нас здесь не больше ста человек — сказал Яджо — все как в общине, общее хозяйство, все друг на друга надеются.

— Как вы не умерли с голоду?

Яджо усмехнулся

— Одним огородом сыт, конечно, не будешь. Каждый мужчина периодически выбирается на охоту.

Они подошли к самому большому дому в деревне — он был двухэтажный, широкий, но, как и большинство домов здесь, ничем не примечательный — голые каменные стены, тростниковая крыша.

— Здесь живет старейшина. Мы его так и зовем. Пойдем, я представлю тебя.

Старейшина обедал в одиночестве, сидя за массивным деревянным столом. Убранство в доме в точности копировало быт древних людей. Здесь не было ни картин, ни ваз, ни какой-либо роскошной мебели. Человек из столицы сразу бы обозвал все это дикостью. Старейшина был невысокого роста, почти карликового — очень старый человек с седой пушистой бородой. Вся его голова напоминала одуванчик.

Заметив вошедших Яджо и Николая, он не встал, чтобы поприветствовать их, а лишь продолжил хлебать деревянной ложкой свою похлебку, пригласив гостей к столу. Они сели напротив, взяли из стопки по тарелке. Яджо стал накладывать себе и Николаю печеный картофель, хлеб и молоко. Юноша был несказанно рад, хоть и не подавал виду, такой еде. Уже месяц он питался одними яйцами, ягодами и вяленым мясом. А тут перед ним лежали горячие овощи. Он старался есть медленно, соблюдая приличие, но рука не слушалась его, запихивала картошку в рот все быстрее и больше. Тело его словно раскалывалось, горячая пища оживляла, пар выходил изо рта. Потихоньку он стал улавливать вкус. Старейшина, молча пережевывая хлеб, пододвинул вперед к Николаю чашечку с солью. Когда он посолил картошку, новый вкус вызвал мурашки. В голове мелькнула мысль, что он так рад простой картошке с солью, его порог потребностей значительно снизился. Жизнь в Централье, если вспоминать о ней, стала напоминать ему сверхроскошь, даже расточительство. Это ли часть тренировки? Должен ли он почувствовать, как мало на самом деле нужно человеку. Архел воспитывает голодом и морозом.

Они трапезничали очень долго, накладывая в свои тарелки по чуть-чуть. Когда с едой было покончено, Яджо, наконец, сказал:

— Я вернулся ни с чем, Старейшина. От стаи отстал один козел, очень шустрый. Выслеживал его целый день, а потом меня со спины пригрели, думаю стервятники. Если бы не юноша — он хлопнул по плечу Николая — то птицы бы заклевали.

Старейшина посмотрел на Николая, тот назвал свое имя и склонил голову.

— Что умеешь делать?

Николай этот вопрос словно прижал к стенке

— Я... я Золотой Человек

Старейшина посмеялся

— Мы здесь все золотые люди, парень. Каждый трудится ради других. Я догадываюсь, кто ты и куда следуешь. Тебе понадобится много долгохранящейся еды. А ее нужно отработать, понимаешь?

Николай кивнул

— В детстве я много работал в полях и садах. Что скажете, то и буду делать. Яджо согласился разделить со мной кров.

На этом они разошлись. Весь день до позднего вечера, сразу после бани, Николай отсыпался в постели, теплой и мягкой. Только солнце село, и небо окрасилось в синеву, на

улице стало невыносимо холодно. Тишина. Собак, видимо, в деревне не держали, все равно воровать никто не станет. Николая попросили работать плотником. Предыдущий плотник не вернулся с охоты, и с тех пор скопилось множество сломанных вещей от обыкновенных игрушек до колес.

Николай работал охотно. С самого раннего утра он садился за верстак, иногда Яджо просил помочь в хлеву. Постепенно юноша привыкал к окружению, единственно, что было непривычно для его уха это тишина. Он отвык от нее за годы Централа. Здесь слышно только ястребов, свирель и еще какая-нибудь мелочь типа кокетливого девичьего смеха.

Старейшина навесил Николая как раз, когда тот закончил чистить рубанок. Маленький рост старичка делал его похожим на домового. Он сел на пенёк и молча наблюдал, как Николай работает

— Все у нас говорят о тебе

Николай протер лоб

— И что говорят?

— Поговаривают, что ты останешься среди нас — Николай решил промолчать — Ведь ты пришел в Архел, чтобы найти нас? Ты ищешь умиротворения, покоя.

— Никакого покоя я не ищу. Мне трудно будет объяснить, куда и зачем я иду. Но терять время мне точно нельзя.

— Ты хочешь вернуться? — старик покачал головой — Да-а... А ты знаешь, что империя пала, в Веридасе идет война. Все поделились на две части, но я и такие как мы пошли совсем по другому пути.

Николай посмотрел на него

— Ты тоже из Веридаса?

Старейшина улыбнулся и посмотрел вниз. Среди камней и щепок там лежал пожелтевший, вялый стебелек. Он поднял эту травинку, и она в тот же миг расцвела в его руке. Белые лепестки раскрылись. Старик с улыбкой смотрел на оживший цветок.

— Я не пошутил, когда сказал, что все здесь золотые люди. Я прибыл в эту деревню сорок лет назад. Тогда тут было все иначе, было намного меньше людей. Но все, кто пришел сюда искали только одного. Это покой. Все эти люди давно когда-то жили в империи и все они поняли, что, в конце концов, она падет, потому что в ее душе живет две сущности. Первая стремится к миропорядку, единению, правилам и законам. Люди ходят строем из дома в театр, из театра в столовую, в университеты, да куда угодно, но вместе. Действовать по указке, но жить правильно, в этом счастье. Вторые те, кто не может так жить, те, кто разочаровался в жизни и, стиснув зубы, ждут. Ждут, когда польется море крови, чтобы они смогли жить счастливо на чужих костях. Им нет дела до других. Все кто живет в Археле, ушли именно от этого, от нежелания примкнуть ни к первым, ни ко вторым. Нежелания убивать ни ради идеи, ни ради человека. Оба пути оказались неправильны, война тому доказательство.

— И что... разве вы не хотите остановить это? Не хотите вернуться и покончить с убийцей?

Стрик встал и отдал цветок юноше

— Такого не будет никогда. Пока живет империя, обе ее сущности будут при ней. Они будут уничтожать друг друга, причиняя боль. Ни тебе, ни мне это не исправить.

— Да, конечно... легче убежать — презрительно и тихо сказал Николай, но Старейшина не ответил и вышел со двора.

Николай справился со своей работой за три дня. Теперь он был готов продолжить путь. До Лежачего пика пешим шагом оставалось идти еще около двух месяцев. После разговора со Старейшиной Николай перестал говорить с местными вообще. В нем словно поселилась какая-то обида, он не верил в правоту услышанного, но в самом конце понял, что эта деревня была бы самым идеальным местом для Насти. Просто убежать, не брать на себя бремя чужих судеб, отстраниться от крови. Покой и тишина.

Он попрощался и, взвалив мешок с едой на плечи, двинулся вперед.

С момента, когда Николай покинул деревню отшельников, миновало почти два месяца. В горах он находился уже почти три. Лежачий пик должен был показаться со дня на день. Центральная часть Архела — скалистые горы. Здесь не ступала нога человека и даже зверя. Только лишь огромные птицы вили свои гнезда на отвесах.

Есть было нечего, среди камней ничего не росло. Сугробы надежно маскировали обрывы, и Николай несколько раз чуть не сорвался с них, зато не нужно было заботиться о пресной воде.

Юноша больше не походил на себя. Лицо обросло бородой, весь грязный и опухший от постоянного ледяного ветра. За все время никто из людей ему не встретился и он начал разговаривать сам с собой. Сначала короткими фразочками, вопросами, потом он уже не замечал, как говорит все, что у него на уме, комментируя каждое действие.

К Лежачему пику он вышел ранним утром, когда солнце только бросило первые лучи на поверхность гор. Снег отражал свет и слепил глаза. Отвесная скала была достаточно широкой, вся в сугробе. Пик был точно такой, каким его описывали в учебниках. Ветер резко стих, казалось, что окружение не подпускает ни единого звука, Николай словно оглох. Он снял меховую шапку и осмотрелся, затем начал подбираться к самому краю отвесной скалы. Снег пластами падал в бездну, внизу гулял ветер по верх белых вершин гор. Отсюда было видно почти весь Архел. Николай продолжал стоять, он не знал, что делать дальше.

Ноги держали его немногим более часа, он и не подозревал, что настолько ослаб. Даже свалившись на колени, он продолжал чего-то ждать. Постепенно в сердце его пророс страх. Что если он ошибся, что если три месяца пути оказались впустую потраченным временем? Нет... Он проведет здесь все время, что ему отведено, Николай твердо решил. Он закрыл глаза и начал говорить что-то тихо-тихо. Тело начинало неметь от усталости, неудобного положения. Солнце уже находилось за его головой и вот-вот готово было спрятаться за гору, покрыв весь Лежачий пик тенью.

Николай продолжал умолять Истину.

Свет, в конце концов, озарил его. Прямо над пропастью, перед скалой, появилась сначала маленькая яркая точка. Она откидывала лучи разной длины по сторонам. Все небо мгновенно приобрело темно-синий окрас, показались звезды. Солнце словно кто-то спрятал за горизонт. Николай открыл глаза, в голову сразу пришла мысль, что перед ним галлюцинация, однако от источника света исходило еще и тепло. Свет становился все ярче и ярче, начинал слепить глаза. На его фоне стали появляться черные пятна, которые вскоре соединились в силуэт, подобие человека. Существо медленными шагами по воздуху стало спускаться к Николаю. Человек шел над пропастью, юноша, остолбенев, смотрел на него, постепенно убеждаясь, что это взаправду. Он уже видел подобное, но всего два раза в жизни.

Тогда юноша попадал в необыкновенное пространство темноты и пустоты. Теперь же он продолжал стоять на коленях, а перед ним в воздухе стояла его копия, Никола Владыч, чистый, без бороды и излучающий свет. Он ступил на поверхность скалы и тут же сказал:

— Славно, я ждал тебя — его голос эхом разносился по горам — я знал, что ты достигнешь. И теперь ты настолько близок ко мне, что можешь видеть меня не испытывая перед этим эмоционального шока. Да, ты стал могущественным, почти как он.

Николай молчал. Он не знал что сказать. Кто стоит перед ним? Что спрашивать?

Существо обошло Николая и начало спускаться дальше вниз по скале. Юноша обернулся и начал медленно ползти вслед за ним.

— Ты не знаешь, зачем здесь? Он тоже не знал. И две тысячи лет назад, человек тоже не знал, зачем он нужен. Вас тянет сюда мания тайны. Тайна, которую вы зовете Великим Законом. Сводом правил, что стоит над любым богом. И вы стремитесь постигнуть его, чтобы утолить свое тщеславие и гордыню. Через науку, через философию, вы мните себя богами. Но чем ближе вы ко мне, тем сильнее ваш разум обжигается. Человек в итоге сходит с ума, таков защитный механизм Истины. Но ты не из простых людей.

Николай робко сказал

— Пятнадцать лет назад здесь был другой человек. Дмитрий Чадаев...

Существо не дало ему договорить

— Да, он был здесь. Выдающегося ума человек. Его сила, его энергия. Он один из кандидатов.

— Кандидатов?

— Да, в мире существуют кандидаты, которые способны занять место Алекса Веридаса. Алекс сильно устал, он измучился и больше не может терпеть боль.

— Значит... ты поддерживаешь Чадаева?

Существо улыбнулось

— Я выше всего этого. Я не могу быть на чьей-то стороне. Я всего лишь Закон Бытия плод твоего воображения. Человек всегда представлял меня как внутреннюю гармонию, поэтому ты, скорее всего, видишь сейчас перед собой самого себя. На самом же деле тут никого нет. Ты один. Я лишь плод твоего воображения, защитная реакция твоего мозга, чтобы твой рассудок не разрушился от простого контакта с Истиной.

Николай словно бредил. Он почувствовал сильный жар и окончательно свалился наземь. Тяжело дыша, он продолжил:

— Так... так о чем вы с ним говорили? Что он хотел узнать?

Существо снова улыбнулось

— Вы оба так похожи друг на друга. Митт не отставал от меня с вопросом, о чем я говорил с Алексом. Он так и не узнал, и ты никогда не узнаешь. Ты ведь пришел сюда не за этим. Ты хочешь найти ключ.

Существо подошло к горе в упор и прислонило правую руку к ней. Все вокруг в ту же секунду погрузилось в черноту. Остались только они и Лежачий пик.

— Я покажу тебе

Перед Николаем, словно из пыли и снега, который поднялся в маленький вихрь, появился человек. Сильно уставший, покоробленный, он, как и Николай, лежал на скале. Из глаз текли слезы, он тихо стонал. Николай без труда признал в нем Чадаева.

Сквозь стоны можно было разобрать отдельные слова. Он просил прощения, говорил имя Кэт без остановки, умолял рассказать ему об алгоритме.

Существо отстранило руку от скалы, и они тут же оказались в горах Архела, в прежнем месте.

— Ваши пути повторяют друг друга, словно имея какую-то связь. Вы оба лишились родителей в детстве. Дмитрий за их смерть поклялся отомстить империи, ты поклялся отомстить ему. Даже сейчас в твоём правом сапоге спрятан золотой кинжал. Вы оба открыли все семь свитков, но не можете понять, что с ними делать дальше. Смысл всей его жизни, его супруга Кэтрин была арестована и казнена на его глазах. Твоя супруга предала тебя, стала твоим врагом. И вы оба, в конце концов, достигните своей цели. Он уничтожит этот мир, а ты уничтожишь его, свершив месть, став новым Чадаевым. В итоге найдется тот, кто даст клятву уничтожить тебя ради мести, сковывая себя справедливостью, совершенно чуждым мне понятием. И круг этот будет бесконечен, ибо вы люди.

Николай молчал. Где-то в глубине души он все это знал. Он понял это еще тогда, сидя у могилы матери, среди других могил. Тогда он не пустил чувство прощения в свое сердце, но теперь он говорил со своей совестью. В глазах все плыло, они были полны слез. Руки опущены, он больше не чувствовал в них огня. Он поднялся на ноги и достал из сапога кинжал отца. Медленными шагами он подошел к краю пропасти и поднял руку с оружием. Но пальцы не хотели разжиматься. Юноша колебался, его трясло.

— Я должен... — неожиданно для себя произнес он — должен отомстить за них.

— Я знаю — коротко и спокойно ответило Существо.

По воздуху откуда-то сзади, с предгорий, донеслись раскаты грома. Вокруг стало еще темнее, почти как ночью.

— Ты отнимешь у людей, то, что Чадаев подарил им?

— Он ничего не подарил им, кроме боли и страданий. Он должен ответить.

— А если найдутся люди, кто так не считает?

— Тогда они пойдут вслед за ним

— Очень хорошо... — снова улыбнулось ему существо. Николай стиснул клинок крепче.

Он склонил голову, своими словами как будто защищая чахнувший огонек, к которому рвался бесконечный свет.

— Ты, могучая Истина. Неужели тебе нет дела до тех, кто отвернулся от тебя? До тех, кто опустился во мрак и придался сплошному поиску удовольствия?

— Я выше всего этого. От того, что вы не верите в меня, я не перестану существовать. Я существовал еще до того, как Веридас навязал поклонение мне, существую сейчас и буду существовать. Я есть вне времени, вне материи. Я есть и время и материя. Я есть Истина, есть Закон. Ты наивно думаешь, что от того бросишь ли ты кинжал и откажешься от мести или не сделаешь этого как-то впечатлит меня. Нет. Для меня важно лишь то, кто из вас двоих займет место Алекса Веридаса.

Николай опустил руку с клинком. В груди вновь появилось покалывающее ощущение, прежний огонь.

— Что такое алгоритм?

— Это то, зачем ты здесь. Семь свитков, в которые я закован, ты и без меня понял, что их нужно соединить. Именно это и позволит тебе создать новые рамки, издать новые законы, новый мир. Это и означает заменить собой Алекса Веридаса. Но просто так свитки не соединить, единственный человек, кто знает, как это сделать сам Алекс. Именно он создал свитки, именно он и оставил книгу, где скрыт алгоритм. Эта книга с пустыми золотыми страницами хранится сейчас в Центральной Библиотеке. Ох, если бы ты знал е

какую ярость пришел Дмитрий, когда узнал об этом, ведь доступа туда у него уже не было. Теперь он будет бесконечно долго искать Красную книгу.

— Столько лет этот алгоритм был у нас под носом?.. Что?

— Книга пуста, как я и сказал. Но лишь только те, на кого взглянуло око седьмого свитка, могут прочитать ее. Для остальных это всего лишь ничего.

— Скажи мне, где именно эта книга!

Существо отрицательно покачало головой.

— Истина никогда не спускается до умов. Умы поднимаются к Истине.

— Что, если он нашел алгоритм.

— Тогда мы оба бы уже не разговаривали. Он бы давно перестроил мир так, как ему вздумается.

Николай схватился за голову. Подземные уровни библиотеки скрывали несколько миллионов книг, большинство из них не стоит на учете. Вполне может случиться так, что Чадаев не знает, где искать. Рука Николая вспыхнула, он сжал ее в кулак.

— Мы еще встретимся, мальчик — произнесло Существо, возвращаясь обратно к источнику света — встретимся в последний раз.

Оно исчезло, и небу вернулся его голубой цвет. Солнце близилось к горизонту. Николай, не теряя ни минуты, схватил свой рюкзак и начал путь назад. Лишь только теперь зерно страха и осознания проросло. Чадаев не хочет быть императором, он хочет стать Богом.

Глава VII

Май 2 года третьей эры.

В деревню Зака Николай смог вернуться только к концу весны. За эти полгода произошло немало — то тут, то там, в разных частях бывшей империи одна деревня за другой, маленькие города стали объявлять о своем неподчинении центру. Север окончательно отделился и ушел в состав соседнего государства. Вокруг царила полная анархия, сброд шастал по дорогам, грабя и убивая. Новая власть не собиралась заниматься мятежниками. Теперь каждый имел право делать то, что он хочет. Только лишь в столице всех держали в узде. Новостей от нового императора не было слышно, он словно испарился, и Николай прекрасно знал, чем занят Чадаев. Ни одного нового указа, ничего. Только лишь бесконечные расстрелы в Централе и война — вот к чему привела свобода и вседозволенность, к упадку нравов. Об этом не уставали твердить все оставшиеся Золотые Люди. Множество членов Ордена бежали из столицы каяться Владыке, просить его милости.

Николай подошел к дому Зака, скинув сумку у веранды, направился на задний двор. Зак стоял там. Они не виделись с того самого боя, последней резни на Зельевских холмах. Зак стоял возле двух могильных плит. Как он и хотел, на заднем дворе теперь покоились его учитель и его жена. Обычные камни без надписей и украшений. Николай подошел тихо, положил руку на плечо друга. Зак обернулся, глаза его тут же расширились, он почти вскрикнул. Ничего не произнося, они просто обнялись и долго не отпускали друг друга. Потом Зак стал рассматривать Николая, он не сдержал улыбки — неуклюжая длинная борода, грязь на лице и одежде.

— Что ты уставился?

— Да от тебя несет за милю. Иди мойся, сейчас растоплю баню, а потом посидим, расскажешь как твои приключения прошли.

Пока Николай мылся, Зак пригласил к себе Владыку. Все собрались в большой комнате со столом. Мать Зака усердно протирала его тряпкой, расставляла стулья для гостей. Николай вернул себе быллой вид. Он под взглядом Демиана и Зака присел на стул. И руки и ноги онемели от усталости, она почему-то стала ощущаться только сейчас. Ждали только лишь его слов.

— Владыка, — начал Николай — что случилось с Веридасом, пока меня не было?

Демиан покорно ответил

— Ничего хорошего, война против всех. Веридас развалился, Чадаев не удержал его в своих руках.

— Это и понятно — откинулся на спинку стула Зак, сложив руки и посмотрев в потолок с некой надменностью — без такой силы как Золотое Общество, его власть была обречена. Нам остается только ждать, когда они сожрут себя сами и вернуть Централ.

— Анастасия не объявлялась?

Зак сжал кулаки и тут же строго ответил

— Нет, не объявлялась. А если и объявилась бы, я ей тут же всю кровь выпустил.

Николая укололи эти слова.

— Не лезь в это дело... я прошу тебя, дай мне шанс поговорить с ней... хотя бы возможность. Это не ее вина.

— Не ее вина? — Зак привстал, громко положив ладони на стол, его глаза задрожали — не ее вина?! А чья же... может твоя? Или ты забыл как она, ополоумев, накинулась на учителя. Две могилы у меня во дворе, две! Кровь на ее руках ничем не смыть, Николай, так что это ты не лезь!

Вот оно. «...Ибо вы люди». Николай увидел в глазах Зака тот же огонь, что он чувствовал в себе. Огонь, который никто не может погасить, ни время, ни кровь. Он почему-то умолк, не в силах возразить. Сознание запуталось, он так хорошо понимал друга, но так не хотел терять последнюю надежду.

— Если ты помешаешь мне прикончить эту суку, я и тебя вслед за ней отправлю!

Владыка схватил Зака за руку и усадил на место. Тот успокоился и кивнул головой. Какое-то время они сидели в тишине, лишь маятник часов нарушал ее, затем Демиан продолжил.

— Ты нашел что-нибудь, хоть что-то, Николай?

Юноша тяжело вздохнул, склонившись торсом вниз и скрыв лицо. То, что он увидел на Лежачем пике, казалось теперь не больше чем простым сном.

— Да, нашел. Вы говорили, что Чадаев не появляется на публике, так? Я знаю, где он сейчас, ему нужна одна книга, что храниться в Центральной Библиотеке. Он не может ее найти...

— Какая книга?

— Она не имеет названия, не имеет текста, у нее пустые красные корки и золотые страницы. Это один из трудов Алекса Веридаса. Если Чадаев сможет найти ее, то все будет кончено.

Владыка встал со стула и начал расхаживать по комнате, поглаживая свои полуседые усы.

— Неужто она все-таки играет роль... — сказал он сам себе, ребята посмотрели на него

— Вы что-то знаете? — тут же встрепенулся Николай

— Если я не ошибаюсь, ты сейчас в точности описал Красную книгу. Она хранится на самом нижнем уровне архива среди других необработанных материалов. Мы не знаем ее происхождение, ее назначение. Толком-то ею никто и не интересовался, про нее, можно сказать, забыли. Единственно, чем она была интересна для Отдела Исследований так это ее «бессмертность». Ее страницы не горят и не мокнут, не мнутся, на них ничего нельзя написать или выщарапать. Мы просто оставили ее.

— Стоп, стоп, секундочку, Владыка, вы сказали, что знаете, где она находится?

— Именно. Минус десятый этаж, шестой ряд слева, шестой стеллаж, самая верхняя полка. Зачем она нужна?

Николай потер глаза

— Это алгоритм соединения свитков. Чадаев не занимается войной, потому что это мелочь для него. Как только он соединит свитки, все исчезнет, закончатся все войны, весь мир, вся история. Мы просто перестанем существовать. Я не знаю, чего именно он хочет, но мы в его планы явно не входим. Владыка, я прошу вас, соберите всех, нам нужно любой ценой остановить его. Я попытаюсь выкрасть книгу раньше него, но если у меня не получится, то у вас будет совсем немного времени до того как он соединит формулу.

— Отправить всех золотых людей на штурм Централы? — Владыка упал на стул.

Зак улыбнулся.

— Отлично! Это будет наш последний бой, но зато мы поквитаемся с Орденом.

Николай видел по глазам друга, что он идет туда не за Орденом, ему нужен лишь один человек.

— Выхода нет, придется действовать... — Демиан встал из-за стола, кивнул Николаю и вышел. Тем же вечером, юноша выехал из деревни к Централу.

Добраться удалось за один день, к вечеру он был в городе. Здесь только-только отгремела гроза, было по-майски прохладно. Николаю всегда нравилась эта атмосфера, которая возникает после дождя, мокрый асфальт, трава, наполняющая воздух свежестью. Город больше не был достоин звания имперской столицы. Он по-прежнему был пуст, людской речи не было слышно, разве что крики то и дело доносившиеся с окраины. Пальба в его разных частях, кровь на стенах, лужи крови, смешанные с грязью и дождевой водой, стекали в канализацию. Чадаеву нужен был порядок хотя бы в столице, чтобы он успел закончить дело. Судьбы меньших его не интересовали. Никаких машин — юноша шел прямо по центру автострады, самой широкой улице, той, что когда-то именовалась Императорской. Он не обратил внимания ни на сгоревшее здание бывшего штаба Золотого Общества, купол которого провалился внутрь здания, ни на площадь, ни на Дворец Его Величества, в котором горел свет. Он шел среди простых высокоэтажек, тех самых крепостных стен, что когда-то впечатлили его. Сейчас они представляли собой полузаброшенные здания. Ставни на окнах покачивались от ветра, скрипом своим нарушая тишину полумертвого города. Когда-то на первых этажах здесь процветали цветочные магазины, чуть ли не самый популярный товар во все время года. Теперь же здесь в черном рванье слонялись без дела те, кто совсем недавно распрощался со своей гордостью. Те честные, принципиальные люди, кто не смог прижиться к новым правилам, не умели жить свободно и брать от жизни все и для себя. О законах свитков старались не говорить, словно их никогда и не было — они стали историей.

Витрины бывших магазинов, которые еще не успели заколотить деревянными щитами, были разбиты. Цветы увяли и валялись никому не нужные в кроваво грязном месиве. Зато появилось много новых магазинов, почти символов свободной власти — табачные, интимные, литература на любой вкус, бары и бордели — все, что раньше ограничивалось Золотым Обществом, выперло наружу. На досках висели плакаты выживших золотых людей. Николай увидел и свой портрет, мельком посмотрел на него, поднял ворот плаща и направился дальше.

У Центральной библиотеки находилось несколько машин, рядом стояли люди в матовой черной броне и плащах около десятка. Николай прошел мимо и быстрыми шагами поднялся по лестнице внутрь библиотеки. Члены Ордена не обратили на него внимания. Внутри библиотеки было совсем пусто, и Николай даже поразился тому, насколько огромен парадный холл без людей. Тишина изредка прерывалась стуком каблуков по мрамору. Он подошел к работнице библиотеки, девушке, что ставила штампы на листах регистрации. Юноша покашлял, привлекая внимание к себе.

— Простите...

— Слушаю вас — тут же рутинным тоном перебила его девушка, не поднимая глаз.

— Я бы хотел попасть в архив, можете организовать номер?

— С какой целью?

— Чисто научной...

Девушка посмотрела на него и тут же немного дернулась, поправила голос

— К-кончено... вам можно, проходите.

Николай без лишних раздумий понял, что она его узнала. Теперь времени оставалось еще меньше, но в отличие от Чадаева, он знал, где искать Красную книгу. Юноша улыбнулся ей и побежал к лифту.

Золотистые двери одной из кабин с грохотом отворились, раздался звонок. Николай опустил рычаг на минус десятый этаж, самый последний. Снова раздался звонок, двери хлопнули и лифт медленно начал спускаться. Через пару минут Николай достиг нижнего уровня. Он вышел в покрытое мраком помещение, оно было огромным и глубиной своей поглощало весь звук, света практически не было. Бесконечно высокие стеллажи терялись под потолком, к каждому была приставлена лестница. Подумать только, большинство этих документов никогда не открывались, и возможно никогда не откроются. Это самая неизученная часть, лишь немногим золотым людям удалось поработать здесь, затронуть лишь малую долю. Николай пошел вдоль самого широкого коридора, он торопился, ведь работница библиотеки скорее всего уже позвала чадаевцев. Один ряд за другим, вскоре он добрался до шестого и повернул налево. Здесь было просторно, и так же стояла лестница. Нужно было в полной темноте подняться на самый верх, высоту чуть больше двадцати метров. Что бы хоть что-то разглядеть в кромешной тьме, юноша зажег в ладони маленький комочек огня. На стеллаже была надпись «А. Веридас о природе четвертой составляющей» все книги здесь были об этом, и все за авторством великого Основателя. На самом верху он нашел то, что искал. Эта книга выделялась от остальных, она не пострадала от старости, блестела своей краснотой и золотыми гранями. Николай схватил ее и открыл. Книга была большой, тяжелой. На пустых страницах тут же стал прорисовываться текст из староверидасских букв.

— Ну привет — послышался голос снизу, подхватываемый смехом.

Лестница Николая дернулась и полетела вниз прямо в проем между стеллажами. Он выронил книгу, машинально хватаясь за полки, но избежать падения не удалось. Николай приземлился прямо на правое плечо. Из темноты к нему медленно вышел Чадаев. В его руке была Красная книга. Вместе с Чадаевым были еще четверо его слуг.

— Наконец-то, сынок, ты пришел. Я так ждал тебя. — Он снова посмеялся — сколько дней я провел тут впустую, а теперь Владыка сам через тебя подарил мне это. Ты проиграл, Николай Владыч, но я, так уж и быть, предложу тебе в последний раз. Идем со мной, откроем книгу вместе.

Чадаев протянул книгу юноше, но Николай, сжав зубы, посмотрел на Дмитрия горящими глазами.

— Я лучше сдохну прямо здесь, чем пойду с тобой...

Чадаев улыбнулся

— Да будет так — он кивнул двум своим подчиненным и они накинулись на Николая, Дмитрий отправился прочь с остальными.

Юноша никак не мог ответить, все мысли были о книге. Не обращая внимания ни на боль в плече, ни на пинки он полз за силуэтом Чадаева. Дмитрий практически зашел в лифт, к голове Николая прилила необыкновенная ярость, он чувствовал, как теряет контроль. Его руки зажглись, юноша схватился сначала за ногу одного из напавших на него, человек тут же вспыхнул как промасленный фитиль, наполняя ором весь архив. Второго он схватил за горло и начал душить огнем. Швырнув обугленное тело в стеллаж, юноша побежал к Чадаеву.

Конец. Только лишь это слово крутилось в его голове. Он проиграл, он не успеет. Дверь

лифта закрылась, Николай с грохотом на всей скорости врезался в нее. Он закричал от ярости и начал метать огонь в разные стороны. Архив тут же принялся, стеллаж за стеллажом книги предавались пламени, падали вниз. Становилось трудно дышать.

Вскоре сознание вернулось ему. Николай силой распахнул двери лифта и вышел в шахту, по лестнице он начал подниматься вверх. Из-за дыма было трудно дышать. Когда он поднялся обратно в холл, то обнаружил, что здесь уже никого нет, только звон пожарной тревоги. Наверяд ли пожарный расчет приедет, да и неважно было все это. Николай выбежал из библиотеки. Машин с людьми в черном уже не было.

— Он ждал меня здесь... ждал все это время. Он все подстроил, чтобы я нашел ему книгу — Николай спрятал лицо ладонями и засмеялся сквозь слезы

Все кончено... надо бежать, бежать как можно дальше. Бессмысленная идея, но единственная, пришедшая ему в голову. Даже если золотые люди прорвутся во дворец, они ничего не успеют сделать. Нужно найти ее и бежать.

Он шел, держась за руку. Шел быстро, словно от чего-то убегая. Перейдя широкую улицу, он вышел к лесу, который отделял город от рояльной набережной. В ледяном воздухе стоял невыносимый запах гари, все вокруг темнело. Его губы, дыхание дрожали, тело отказывалось подчиняться, страх взял верх. Николай больше ничего не замечал, он не видел, как идет по руинам старой жизни. Деревья в лесу пожелтели, осыпались, даже ели казались мертвыми. Ни одного звука рояля не встречало как обычно человека на подходе к реке.

Николай достал из кобуры револьвер. Он открыл барабан, в нем было два патрона.

— Я мог застрелить его прямо там, на месте... какой же я идиот

Закрыв барабан, он прокрутил его, оставив оружие в руке. Ноги заплетались, но идти оставалось совсем чуть-чуть, уже была видна Венера. Страх, беспокойство и обреченность подсказывали ему, заставили прийти именно сюда, в их старый сквер.

Здесь так же не играла музыка.

Николай знал, что встретит ее в сквере, он чувствовал, что она ждет его именно здесь и именно сейчас... а может быть ждет его каждый день. Может больше не служит ему. Может демон внутри нее сожалеет.

Анастасия стояла одна. Длинный черный плащ то и дело подхватывался ветром с Венуры. Опершись на балюстраду руками, она смотрела на медленное течение реки, на Централ с другого берега. Столбики дыма захватывали город, краски покидали его. Николай подошел тихо и остановился в нескольких шагах позади. Рука с револьвером подрагивала. Он бросил взгляд на рябину, что росла возле веранды. Дерево было голым, первый раз юноша видел его таким сухим. Оно умерло. Лишь несколько желтых листков трепыхалось на нем. Тишина вокруг давила на уши. Старый фонтан было полон грязи.

Девушка обернулась, вся ее одежда была черного цвета, как и у остальных чадаевцев. Выделялся только красный галстук с золотой печатью октаграммы. Золотая прядь на челке больше не украшала ее голову.

Увидев Николая, она немного дрогнула, то ли от испуга, то ли от удивления. Николай прекрасно знал, что им было суждено встретиться здесь еще раз рано или поздно. Ее нога сделала незаметный шаг, но на этом все. Он видел, как в ее серо-голубых глазах шла борьба отчаяния с сожалением, радости и злости.

Они молчали, смотрев друг на друга.

— Значит, ты выжил

Николай впервые услышал ее голос. Он почувствовал, как и в нем столкнулось два взрыва. Ненависть, непреодолимая ненависть и остатки другого, более теплого чувства.

Ее глаза начали блестеть, и лишь когда по щеке побежала слеза, она сделала еще один шаг к нему.

Внутри юноши все сжалось, он чувствовал ее, чувствовал воспоминания, которые давно захлебнулись кровью. Он чувствовал, как рука крепко сжимает револьвер. Он медленно поднял его и прицелился, отведя одну ногу немного назад.

В этот миг мир полностью исчез, перестал существовать. Он держал палец на курке и смотрел в ее глаза.

Настя сначала улыбнулась своей старой улыбкой, не той, которую он видел последний раз, затем издала смешок. Шаг за шагом она стала подходить к нему, пока дуло револьвера не уперлось ей в лоб. Теперь рука Николая была тверда и не дрожала, он лишь боялся смотреть на ее красный галстук, боялся выстрелить.

— Ты пришел за этим? Хочешь убить меня? — серьезным тоном спросила она — здесь, прямо в этом сквере?

— Мне бы очень хотелось... — выдавил из себя Николай

Настя снова улыбнулась.

— Ну тогда стреляй.

Она взяла своей теплой рукой ледяную ладонь Николая, револьвер заколебался

— Ты... — тихо и хрипло, почти шипя, сказал он — как ты могла? За что ты убила их? Он был нам отцом... ты предала его и убила... как ты... Как ты можешь быть с ним!

— Не нужно тешить себя иллюзиями, что ты на светлой стороне. Ты прекрасно знаешь, на кого мы работали раньше, что мы делали. Я насмотрелась на кровь.

Настя тихонько опустила его руку с револьвером вниз, но Николай по-прежнему смотрел на нее суровым, непонимающим взглядом.

— Цель оправдывает средства, да? Или ты скажешь, что Чадаев не проливал кровь? — Анастасия склонила голову, отвернулась, но Николай взял ее за плечи и заставил посмотреть ему в глаза. — Вы думаете, что принесли людям свободу, но я вижу лишь их страдание. Так что и ты не питай иллюзий. Этот мир слишком сумасшедший, он не черный и не белый, он живой. И в этом празднике безумия сложно выбрать сторону. Здесь нет правых и виноватых.

Ее глаза были наполнены слезами

— Знаешь... я знала, что ты так скажешь. Все это время я ждала тебя здесь, чтобы услышать эти слова... Мне жаль... мне правда жаль, что все так закончилось. — Она уткнулась ему в грудь, он не сразу, но обнял ее — я скучаю по тем временам, когда мы жили в Ужице. Без Ордена, без империи, без ответственности и крови. Мы были словно другими людьми с чужими ролями. Я так хочу вернуть все это.

Она плакала. Николай, немного помолчав, тихо шепнул ей на ухо.

— Давай убежим. Оставим все, сбежим, и больше никто не будет нам указом. Я отрекись от всего ради тебя. Все это время без тебя было как в тумане, я бредил тобой... достаточно лишь одного твоего имени...

Настя качала головой на его груди

— Я не знаю... не знаю что делать, Николай

— Давай убежим

— Я не верю, что мы сможем. Сможем все вернуть и жить так, будто ничего не было...

— Ты не понимаешь! Чадаев завладел такой силой, что его больше никому не победить. Он стал богом. Давай сбежим, потеряемся... путь про нас забудут! Путь его остановит кто-то другой, или вообще не останавливает. Я устал...

Анастасия отошла от него, серые глаза все говорили за нее.

— Нет. Нам нельзя, Николай. Мы виноваты во всем этом, нам и отвечать. Я не побегу от своих ошибок, так и ты наберись смелости.

В эту же секунду со стороны Императорского дворца послышались выстрелы и крики. Николай понял, что Владыка начал штурм. Последний шанс. Он и не заметил, как Анастасия взяла его за руку, и они побежали к дворцу.

— Мы в ответе за всех людей, мы Золотые Люди, Николай! Я не смею вспоминать слова учителя, но он бы так и поступил. Надо остановить кровь. Идем туда, остановим их!

Николай бежал за Настей, внутри него теплело. Он улыбался. Скрепп был прав. Единственный Золотой Человек, которого он воспитал, была именно Настя. Теперь и ему было стыдно за те слова, что он произнес минуту назад. Он не должен бежать, попросту не имеет права. Он в ответе за тех, кого Истина не наделила золотом на голове. Николай никогда не видел таких голубых глаз Анастасии, на бегу они взялись за руки и теперь вместо огня на ладонях появился розоватый свет, дающий тепло.

Солнце, тем временем, практически село. Однако ни звезд, ни ясного майского неба не было видно. Все заслонил дым от пожаров столицы. Взрывы у дворца нарастали с новой силой. Настя и Николай бежали туда так быстро, как только могли. Чувство обреченности больше не было. Даже если ему суждено погибнуть, он погибнет вместе с ней. Другом детства и первой любовью, спасшей его тогда.

Наконец, они подошли к дворцовой площади. Здесь уже все стихло, все было в крови и телах. От некоторых шел дымок, некоторые были разорваны и все в таком духе. Анастасия не стала обращать на это внимания. Она вновь взяла Николая за руку, и они побежали в сам дворец. Выстрелы доносились именно оттуда. Море черных силуэтов бегали в окнах дворца, падали забрызгивая стекла кровью. Оставалось только догадываться, каковы были шансы у золотых людей. Они были в меньшинстве, но жажду реванша у них было не отнять.

Николай и Настя вбежали во дворец. В нос сразу ударил запах пороха и гари.

— Пожар!?! — крикнул Николай

— Не важно, тронный зал, скорей!

Криков практически не было слышно, из зала доносились только вспышки, разряды и взрывы. Сраженный человек падал никем не замеченный. Стяги слились воедино, золотая лавина обрушилась на черную.

— Стойте! Хватит! — надрывая голос, закричала Анастасия, забежав в самый центр боя.

Николай заметил, как с широкого балкона на все это смотрел Чадаев. Он уже стоял в центре громадной круговой формулы, начерченной краской на полу. Стоял и молча смотрел.

Анастасию за шиворот выхватил Зак. Он повалил ее на пол и ударил стальным кулаком. Девушка успела увильнуть, со страхом в глазах смотря на бывшего товарища. Зак наносил один удар за другим, осыпая ее ругательствами и проклятиями. Из его красных глаз текли слезы.

Николай уже подобрал с пола чью-то саблю и ринулся на помощь, но ему пригородила путь Ал. Она улыбнулась юноше, весь ее рот был в крови, глаза сверкали жадой большего. Она замахнулась на него двумя руками-лезвиями.

— Зак! Зак, не надо! — только и кричал Николай, уже потеряв их из виду.

Анастасия уворачивалась от всех медленных ударов Зака, но тот, казалось, и не собирався выдохаться. Она не била в ответ.

— Ты пришел слишком поздно! — смеялась Ал — отец уже закончил!

Николай не как не мог вернуть огонь в руку, его четвертая составляющая сменилась на небоевую. От розового света было мало проку. Он с трудом отбивался от красноволосой девушки. Сначала она ранила его в руку, затем насквозь пронзила ногу, и Николай с криком повалился на колени, выронив клинок.

Анастасия перекинула через себя Зака и ринулась к Ал. Та уже подняла свою руку над Николаем, он беспомощно смотрел на ее матово-черное острие.

Один миг. Николай закрыл глаза и услышал звук пронзающейся плоти. В нос ударил резкий запах крови, его лицо забрызгала багровая жидкость. Он открыл глаза и увидел прямо перед лицом, в жалком сантиметре острие лезвия Ал. Цвет руки поменялся на темно-красный. С нее стекала кровь. Настя закрыла своим телом Николая. Все вокруг словно застыло, сразу стало тихо. Ал раскрытыми от удивления глазами смотрела на нее, продолжая держать лезвие в теле девушки. На ее лице медленно появилась улыбка и она радостно повернула руку, выпуская больше крови, смотря в лицо Анастасии.

— Знаешь, почему у меня была такая четвертая составляющая? — сказала Ал, тихо рассмеявшись — всю свою жизнь я жаждала смерти, неважно чьей. Смерть заставляла меня жить...

Анастасия смотрела на нее серыми глазами. Из ее приоткрытого рта потекла тоненькая струйка крови. Ал посмотрела на нее.

— Кровь, твоя кровь. Всегда мечтала попробовать ее.

Высунув язык, она приблизилась к лицу Насти и слизала кровь, смачивая губы. Выражение ее лица резко изменилось. Она вынула клинок из тела девушки и оттолкнула ее. Анастасия упала на ноги Николаю. Он смотрел на ее тело, на блеклые серые глаза. Вот участь Золотого Человека, глупца, возомнившего себя спасителем. Ал слизывала с руки оставшуюся кровь девушки, радостными глазами и улыбкой смотря на Николая.

Все опустилось в черноту в тот же миг.

Николай уже был в этом царстве тьмы. Но сейчас все было по-другому. Он продолжал ощущать боль, кровь все еще шла. Жгучая боль где-то внутри. В его ногах лежало тело Анастасии, бездыханное и мирное, словно девушка просто спала. Николай поднялся, смотря на нее широкими глазами, не моргая. Он приблизился к ней, положил ее голову на свои колени. Николай кричал всем телом, но из открытого рта выходил только хрип.

Он знал, кого ждать здесь, и вскоре существо объявилось. Никола Владыч сидел прямо перед ним на огромном золотом троне, украшенном драгоценными камнями. Он сидел, подперев рукой голову, и смотрел на юношу. Не улыбался, не печалился — его лицо не выражало ничего.

— Это ее конец, смирись. — Его детский голос происходил словно не от самого мальчика, а откуда-то сверху, из мрака бесконечности — как ты в глубине души мечтал, все вышло по справедливости и она получила то, что заслуживает.

Николай положил руку на холодное плечо Насти и сжал его, пытаясь отдать свое тепло. Рука его вновь зажглась огнем, вновь загорелись глаза. Никола улыбнулся. Николай тяжело задышал, смотря на мальчика.

— Теперь у тебя нет выхода. Воссоединись со мной!

Он протянул Николаю руку.

Николай опустил голову, посмотрел на блеклые Настины глаза и закрыл их. Поднявшись на ноги, он подошел к протянутой руке. Внутри только пустота и безразличие. Он взял Николу за руку.

В тот же миг сильная жгучая боль пронзила его. Он закричал, повалился на колени. Крик был величественно радостным, сливающийся со смехом и гневом.

Сверху черную пустоту разразил свет.

Николай снова оказался во дворце. Он горел. Пыхал красным пламенем. Сначала вспыхнули его глаза. Затем лицо, сжигая кожу. Все тело и одежда. Он поднялся над полом, сворачиваясь в комок. Тело сгорело дотла, вместо Николая теперь остался только огненный шар. Громадный сгусток красного огня. Все смотрели на него, некоторые в страхе попятнулись назад. Этот шар, словно метеор, полетел к Чадаеву наверх с диким и оглушающим звуком. Все в ужасе метнулись из тронного зала. Николай не чувствовал себя, он переродился и теперь никто не мог остановить его на пути к цели.

До Чадаева оставалось совсем чуть-чуть.

Дмитрий улыбнулся. Он поднял руку, и Николай врезался в нее. Циркулярная формула объединенных семи свитков, начерченная на полу зажглась голубым свечением и словно ожила, текст начал двигаться. Николай никак не мог вырваться, Чадаев схватил его непонятной силой.

— Из множества единый, вечный Абсолют. Алекс Веридас, я Митт Чадаев освобождаю тебя, теперь Великий Закон принадлежит мне.

Все остановилось кроме горящего шара и самого Чадаева. Дмитрий щелкнул пальцем и в мгновение ока все люди в зале исчезли, Николай тут же забыл их. Осталось только тело Анастасии. Чадаев еще раз щелкнул пальцем — сразу же исчез Дворец. Николай забыл то место, где он находится, словно его никогда и не существовало. Дмитрий щелкнул пальцем около десятка раз. Исчез Централ, Веридас, другие государства, все люди, в конце концов, он остался в темной пустоте наедине с огненным шаром и телом девушки.

— Подчинись мне, абсолютный зверь.

Краснота огня начала меркнуть, шар стал уменьшаться в размере и слоняться вниз. Очередной щелчок — шар погас, вместо него вновь появилось тело Николая. Он стоял, преклонив колено перед Дмитрием.

— Вот и все, друг мой. Я навеки прекратил кровопролития. Я закончил историю. Теперь мы с тобой построим новый мир. Он будет куда справедливее, чем то, что создал Алекс. К слову сказать, это не последнее такое событие. Две тысячи лет назад Алекс отнял Истину у другого существа, создал свои свитки. Таких переходов было уже сотни тысяч, представляешь? Сотни тысяч миров, сотни тысяч людей, меняющих друг за другом правила. Но теперь настал наш с тобой черед. Мы сделаем мир, в котором люди по своей природе будут счастливы, где никто никого не тронет, не обидит.

Он подошел к Николаю и ласково погладил его по голове

Николай уже не помнил прежней жизни, от нее не осталось даже самого маленького чувства в самой далекой части подсознания. Он помнил лишь Настю, смотрел на ее тело и не понимал, отчего грудь сдавливает такая боль, словно он потерял самого близкого

человека.

Чадаев взмахнул рукой, и тот же миг наверху появилось небо, голубое с маленькими тоненькими пленками облаков. Еще один взмах, и они уже стояли на траве.

— Я создам остров, громадный остров, название которому люди дадут сами. Чтобы этот мир и справедливость у нас не отняли, я нарекаю тебя Стражем. Ты будешь воплощением моей воли. Со временем ты встретишь и других стражей, так что помни, ты не одинок.

Это были последние слов Чадаева Николаю. Дмитрий и тело Анастасии исчезли прямо перед ним. Юноша остался стоять на берегу большого и бесконечного океана. Внутри была пустота.

Чадаев наклонился к Анастасии, и дотронулся своей рукой до ее раны.

— За твои старания ты имеешь право на это.

Рана в ту же секунду затянулась. Девушка резко вдохнула, открыв глаза.

Эпилог

Окно на втором этаже небольшой таверны было приоткрыто и немного покачивалось от сквозняка. На улице только-только начинало светать. Небо имело еще темно-голубой окрас. Николай проснулся как всегда раньше срока. Лежать без дела было не в его правилах. Он протер пальцами глаза и с трудом оторвался от постели.

— Шестеро за последнюю неделю. Значит вся деревня...

Сказав это, Николай зажег огонь в ладони, посмотрел на него и тут же погасил. Встряхнув головой изгоняя остатки сна, он направился к большой и широкой тумбе, чтобы побриться. Брился он большими ножами и часто резался, как и в этот раз. Но маленькая ранка тут же начала сверкать фиолетовыми искрами, затягиваясь. Никакой боли Николай так и не ощутил, он вообще забыл, что такое боль.

Про себя он сейчас думал только об одном. Все та же картина, что он делает что-то не так. Он врет самому себе, ему все врут. Но как один из Стражей, он не мог оступиться и дать волю таким мыслям. Кто-то выбился из колеи в одной из местных деревень. Его нужно найти и уничтожить. А если найти не удастся, то уничтожить придется всю деревню, всю округу.

Юноша умылся, надел свою черную накидку и вышел прочь, оставив хозяину пару золотых за ночлег.

В городке была тишина. Узкие каменные улочки, двух или трехэтажные дома, стиснутые друг с другом. Большинство поселений Острова были такими. Никто не знал, что Стражи будут работать здесь именно сегодня. Да и если бы знали, все равно в лицо ни один человек их не видел. Они больше считались мифом, чем реальностью.

— Где же ты... несчастный — шептал Николай

Найти виновника было не так просто, а прибегать к крайней мере юноша не желал. Он обошел уже несколько улиц, на которых потихоньку тоже начиналось шевеление, кто-то вставал и шел в цеха, кто-то шел на базары. На дорогах уже ездил верхом на лошадях, множество торговых возов. Каждый человек с мечом в ножнах или зачехленным арбалетом. Пестрые широкие шляпы с перьями, дамы с зонтиками. Людей становилось слишком много. Все это затрудняло поиск. Николай говорил вслух, на него даже оборачивались и смотрели как на сумасшедшего.

— Ну, еще пару кружочков, и если ничего, то сожгу все — дальше он смеялся и шел вперед, хотя даже когда эти «пара кружочков» проходили, он назначал себе новую пару.

К полудню он, наконец, добрался до окраины. Женский крик раздался в одном из домов, на третьем этаже. Николай резко повернул голову и облегченно улыбнулся, затем медленно направился в этот дом.

В одной из комнат мужчина в черной одежде связал хозяйку дома и заставлял ее сказать, где хранятся драгоценности.

— Ты вообще должна была быть в гильдии! — ругался он — почему ты здесь!

Хозяйка мычала, ей вставили кляп в рот, чтобы она больше не издавала громких звуков.

— Но, но. Разве можно так обращаться с дамами, — сказал Николай, который только что вошел в комнату. Он говорил с насмешкой, немного расслабленно. — Вот значит кто обчищает дома, пока остальные пахнут в гильдиях, ну наконец-то, я из-за тебя чуть весь район не сжег. Знаешь сколько боли ты причинил Отцу? — с каждым словом тон Николая менялся на более пугающий, издевательски-веселый, злорадный.

— Ты кто такой, парень? — мужчина в черной маске с ножом в руках отвлекся от женщины. — Ты здесь живешь, ты тоже из Ювелирной Гильдии?

— Нее,

— Тогда из какой?

— Понимаю, что это невежливо, но я не представлю свою гильдию. У меня ее нет — он улыбнулся и склонил голову вбок.

Мужчина тут же покрылся холодным потом с ног до головы, сделав пару боязливых шагов назад.

— Если у тебя нет гильдии, то ты...

Он не стал завершать мысль, и тут же ломанулся на него с ножом. Николай выпустил маленький огонек из руки, угодивший прямо в руку мужчине и выбивший нож. Человек закричал, схватившись за кисть, и побежал прочь. Единственный его выход, это выпрыгнуть из окна. Николай не спешил за ним. Он в тот же миг превратился в огненный сгусток, и, пролетев всю комнату, оказался прямо перед человеком, снова вернув себе прежний облик.

— Я не договорил... дай посмотрю в твои глаза. — Он взял мужчину за лицо и стал разглядывать — так... глаза как глаза, как у всех, нос, рот. Что в тебе не так. Отец создал вас всех равными и вечно счастливыми, так откуда берутся такие, как ты.

Мужчина обливался в слезах, умоляюще смотря на Николая. Тот со скукой цыкнул и воспламенил руки. Человек в ту же секунду принялся пламенем и обратился в горстку залы и углей.

Женщина ошеломленно смотрела на него. Николай медленно подошел к ней. Прежней улыбки и радости на его лице не было.

— Ты не виновата... — он положил руки на ее плечи — но лучше так, чем всю округу.

Руки загорелись, и он сжег женщину в тот же миг. Тяжело вздохнув, он вышел из комнаты.

Вот так всегда. Эта мысль не покидала Николая. Так всегда, когда уничтожаешь гниль, приходится уничтожать и свидетелей. За все эти годы уже было практически невозможно сосчитать, от скольких он избавился. Но новый мир требовал жертв.

Только одно чувство не покидало Николая после работы. Он всегда слышал внутри какое-то осуждение. Как будто существует такой человек, кто обязательно бы осудил его. На самом деле Николай даже знал, кто это. Он знал ее имя, то, как она выглядит. Анастасия, девушка, что кода-то давным-давно приснилась ему... что очень странно, ведь Николаю никогда не снились сны. Он четко помнил каждое очертание ее лица, ее голос, запах, хоть и знал, что это всего лишь сон. Именно она осуждала его за жестокость Стража.

— Кто ты такая, девушка из грез — тихо напевал Николай песенку, расхаживая между торговыми рядами, полными фруктов с южной оконечности Острова и думая чем себя попотчевать.

Накупив целый пакет фуджийских груш, он направился в сторону конюшен, чтобы арендовать лошадь. На самом выходе с рынка мимо него прошла девушка в темно-коричневой накидке до пола с капюшоном. Они прошли мимо друг друга, но спустя секунду

оба остановились.

Николай широкими глазами смотрел перед собой. Пакет выпал из его рук, груши покатались по мощеной улочке. Он узнал ее, по кончику волос, показавшихся из капюшона, по дурманящему запаху цветов, который он помнил сколько себя знает. Юноша медленно развернулся. Девушка уже смотрела на него. Из ее серо-голубых глаз текли слезы.

— Я нашла тебя! — крикнула она на последнем издыхании и бросилась к нему.

Он только и успел распахнуть руки, чтобы поймать обессилившую девушку.

— Я... я знаю тебя. Я тебя уже где-то видел — руки сами прижали девушку. Крепкое объятие, ее тепло. Николая пробрало до мурашек. — Твое имя... Настя?

Девушка кивнула

— Да, Николай. Я наконец-то нашла тебя.

Она прильнула к его губам и они поцеловались. Николай не чувствовал чего-то странного, он сам не знал почему, но теперь внутри все словно успокоилось, словно так и должно было быть, словно он нашел то, что когда-то потерял навсегда.

С этого момента они больше никогда не расставались, живя в новом мире под опекой Отца.

До самого вечера они шли вдоль лесных окраин и полей, не умолкая ни на секунду. В конце концов, они вышли к большому холму, на котором рос одинокий дуб. Николай взял девушку за руку и побежал вперед к дереву. Они сидели там и смотрели на заходящее солнце, рождающиеся в синеве звезды. Они почему-то уже помнили это чувство, словно уже сидели так вместе. Считая каждую звезду, сравнивая их яркость и рисуя картины.

И каждый из них старался не думать о крови на своих руках, которую они приносили во имя счастья других и нового мира.

Больше книг на сайте - Knigolub.net